

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

НАРОДНАЯ РЕЧЬ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Монография

ВОЛОГДА
2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (Ю.Н. Драчёва).....	4
Глава 1. Речевая культура северной деревни (Ю.Н. Драчёва)	7
1.1. Описание говора Режского поселения Сямженского района в контексте изучения речевой культуры Вологодского края (Л.Ю. Зорина)	9
1.1.1. Архаичные явления в лексической и словообразовательной системах режского говора (Л.Г. Яцкевич).....	10
1.1.2. Река Режа и её отражение в менталитете жителей Сямженского района Вологодской области (Л.Ю. Зорина)	23
1.1.3. Пословицы и поговорки в режском дискурсе как отражение системы ценностей сельских жителей (Л.Ю. Зорина)	30
1.1.4. Своеобразие фразеосемантической системы режского говора: этнолингвистический аспект (Е.П. Андреева)	39
1.1.5. Характеристики детей в речи жителей Режского поселения (Т.Г. Овсянникова).....	50
1.1.6. Лексика, связанная с приготовлением выпечных изделий, в режском говоре (Т.В. Парменова).....	55
1.1.7. Микротопонимия Режского поселения в ономасиологическом и структурном аспектах (Е.Н. Иванова).....	74
1.1.8. Неофициальная антропонимия Режи (Н.В. Комлева)	79
1.1.9. Дневники студенческих диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области (Л.Ю. Зорина).....	93
1.2. Речевой портрет никольчанки Н.Д. Шиловской в контексте изучения проблем диалектной языковой личности (Ю.Н. Драчёва)	110
1.2.1. Шиловская Нина Дмитриевна как диалектная языковая личность (Н.Н. Зубова)	112
1.2.2. Расшифровки аудиозаписей бесед с Ниной Дмитриевной Шиловской (Н.Н. Зубова).....	130
Глава 2. Традиции народной речевой культуры в различных дискурсивных практиках (Ю.Н. Драчёва).....	164
2.1. Две языковые личности Вологодчины (на материале частной переписки XVII–XVIII веков) (А.В. Загумённов)	165
2.2. Диалектная языковая личность в творчестве А.Я. Яшина (Н.Н. Зубова, Е.Н. Ильина)	178
2.3. Процессы функционально-семантической дивергенции в вологодских говорах (И.Е. Колесова)	189
2.4. Использование языка традиционной народной культуры в масс-медиа региона (на примере вологодского бренда «Дед Мороз») (Ю.Н. Драчёва)	201
2.5. Репрезентация традиционных северорусских ремёсел и промыслов в туристическом дискурсе проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» (С.А. Грамыко)	236
Заключение (Ю.Н. Драчёва)	254

ВВЕДЕНИЕ

Василий Иванович Белов, определяя значимость слова для народной жизни, писал: «...Слово приравнивалось нашими предками к самой жизни... порождало и объясняло жизнь... было для крестьянина хранителем памяти и залогом бесконечности будущего... утешало, помогало, двигало на подвиг, заступалось, лечило, вдохновляло». Народная речевая культура является нравственно-эстетической основой русской культурной традиции, источником народной мудрости и жизненной силы.

Вологодская региональная народная речевая культура всесторонне изучается на протяжении длительного времени. Направления этого изучения охватывают записи живой устной речи, письменное наследие предшествующих эпох и художественную литературу Вологодского края.

Большой исследовательский интерес вызывают местные слова и выражения. Они вошли в первый в России диалектный словарь «Словарь областных слов, употребляемых в г. Устюге Великом» (1757 г.), отразились в общерусском «Опыте великорусского областного словаря» (1852 г.) и «Дополнениях» к нему (1858 г.), были представлены в региональных словарях конца XIX – начала XX вв.: вологодском (П.А. Диляторский, 1903 г.), чепцовецком (М.К. Герасимов, 1910 г.), олонецком (А.И. Подвысоцкий, 1885 г.), а в более позднее время составили объект описания «Словаря вологодских говоров» (1983–2008 гг.) и других лексикографических проектов, созданных на его основе («Вологодское словечко», 2010 г.; «Золотые россыпи», 2014 г.; др.).

Исторические письменные памятники, которые также служат источниками изучения диалектной речи Вологодского края, использовались в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» Ю.Н. Чайкиной, Е.П. Андреевой и др. (2003–2015 гг.), в исследованиях по исторической ономастике Ю.Н. Чайкиной, С.Н. Смольникова, в работах по исторической стилистике Г.В. Судакова.

Вологодские литературные тексты XX в., отражающие современную диалектную речь через призму художественного образа, получили осмысление в научном комментарии к многотомному собранию сочинений В.И. Белова под редакцией С.Н. Баранова (2011–2012 гг.), в «Поэтическом словаре Николая Клюева» под редакцией С.Х. Головкиной, С.Н. Смольникова, Л.Г. Яцкевич (2007–2010 гг.), в словаре «Народное слово в произведениях В.И. Белова» Л.Г. Яцкевич (2004 г.).

Все три направления изучения вологодской народной речи представлены в материалах коллективной монографии «Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим», куда в качестве источников вошли записи живой диалектной речи, словари народных говоров, образцы региональной словесности (литературные произведения, письма), тексты средств массовой информации и т. д.

Данная монография продолжает серию публикаций «Народная речь Вологодского края». Первое издание серии состоялось в 2012 году и содержало несколько речевых портретов носителей вологодских говоров, жителей восточных районов Вологодской области: Междуреченского, Усть-Кубинского, Тарногского, Тотемского, Бабушкинского. В книге были представлены фрагменты народной речи (мемуарная проза, записи народных частушек, примеры бытовой речи) и их научный комментарий, раскрывающий особенности диалектной языковой картины мира и системы речевого этикета вологодского крестьянина. Второе издание серии вышло в 2014 году и было посвящено говорам Кирилловского района Вологодской области, подробной истории заселения территории их бытования, описанию их фонетической, лексической и грамматической специфики. Теоретические положения были проиллюстрированы речевыми портретами уроженцев Кирилловского района Вологодской области, в речи которых сохранились черты белозерско-бежецких говоров. Приведённые в книге рассказы информантов и беседы с ними обнаруживают их глубокое проникновение в бытовую и духовную культуру родного края, стремление её сохранить.

В настоящей монографии народная речь Вологодского края рассматривается в этнолингвистическом, лингвокультурологическом и лингвопersonологическом аспектах. Основное внимание исследователей сконцентрировано на описании одного из вологодских говоров. Режский говор как этнокультурный феномен представляет собой яркий пример консервации традиций народной культуры, которые обнаруживаются в лексике и фразеологии говора, в диалектных пословицах и поговорках, в неофициальных географических названиях, в прозвищах людей и т. д. Лингвокультурологическое исследование Режского говора позволяет показать взаимообусловленность и взаимовлияние народной речи и традиционной культуры Русского Севера в естественной среде их бытования. Лингвопersonологический подход к анализу народной речи позволяет сфокусировать внимание исследователей на отражении ценностей традиционной русской культуры в языковом сознании личности. По записям живой речи произведена реконструкция диалектной языковой личности конкретного жителя Русского Севера – нашего современника, по региональным рукописным памятниками описана историческая языковая личность, художественная литература дала образец виртуальной языковой личности – персонажа произведения, географически, культурно и духовно связанного с Русским Севером. Также представлен опыт изучения функционирования традиционной народной речевой культуры в текстах местных средств массовой информации и в сфере регионального туризма.

Монография «Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим» включает в себя две главы. В первой главе исследуются оригинальные записи живой диалектной речи, которые используются для по-

строения описания, во-первых, режского говора как самостоятельной системы внутри русского диалектного языка и как этнолингвистического феномена и, во-вторых, диалектной языковой личности никольчанки Н.Д. Шиловской. Вторая глава посвящена опосредованному изучению традиционной народной речи и содержит примеры её реконструкции в различных дискурсах: диалектных словарях, частных письмах XVII–XVIII вв., современной региональной печати, литературе Вологодского края, интернет-ресурсах.

Выражаем признательность рецензентам монографии – старшему научному сотруднику Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН, кандидату филологических наук Ольге Николаевне Крыловой и заведующему кафедрой гуманитарных и социальных наук Вологодского института бизнеса, кандидату филологических наук Наталье Сергеевне Дьяковой за их замечания, пожелания и предложения, которые были высказаны в процессе знакомства с рукописью.

Авторский коллектив:

канд. филол. н., доц. Е.П. Андреева – § 1.1.4; канд. филол. н., доц. С.А. Громыко – § 2.5; канд. филол. н. Ю.Н. Драчёва – введение, вступление к гл. 1, § 1.2, вступление к гл. 2, § 2.4, заключение; асп. А.В. Загумённов – § 2.1; канд. филол. н., доц. Л.Ю. Зорина – вступление к § 1.1, § 1.1.2, § 1.1.3, § 1.1.9; маг. Н.Н. Зубова – § 1.1.1, § 1.1.2, § 2.2; канд. филол. н., доц. Е.Н. Иванова – § 1.1.7; докт. филол. н., проф. Е.Н. Ильина – § 2.2; канд. филол. н. И.Е. Колесова – § 2.3; канд. филол. н., доц. Н.В. Комлева – § 1.1.8; канд. пед. н., доц. Т.Г. Овсянникова – § 1.1.5; канд. филол. н., доц. Т.В. Парменова – § 1.1.6; докт. филол. н., проф. Л.Г. Яцкевич – § 1.1.1.

Глава 1

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ

Народная речь Вологодского края является неотъемлемой частью общей речевой культуры Русского Севера – региона, единство которого поддерживается не столько близостью сопредельных территорий, сколько культурно-языковой целостностью и общностью ценностной картины мира.

Русский Север – понятие многогранное: это географический, культурологический, духовный и языковой феномен. Если мы сравним словосочетания «север России» и «Русский Север», то убедимся в исключительно территориальном значении первого и глубоком, необъятном смысле второго.

С точки зрения географии, «Русский Север» традиционно охватывает территории Архангельской, Вологодской, Мурманской, Новгородской, Псковской областей, а также Карелию (Поморье, Заонежье, Пудожье), причём следует отметить, что историки, краеведы и этнографы считают центром Русского Севера именно Вологодские земли (см., например, работы И.В. Власовой).

Как культурологическое явление Русский Север уникален, поскольку на этой территории сложились такие условия – суровая величественная природа, тяжёлая трудовая жизнь, отсутствие в истории этого региона крепостного права и монголо-татарского ига в сочетании с возможностью широких торговых контактов и др. – которые позволили создать самобытную материальную (например, архитектура, резьба, вышивки, росписи), бытовую и, главное, духовную культуру.

Духовность Русского Севера основана на традиционном укладе крестьянской жизни с её самобытностью, общинностью и религиозностью, уважением к другим людям, требовательностью к себе и окружающим, любовью к труду. Именно духовно-нравственное начало спаивает этот регион в единое целое и делает Русский Север особой территорией на карте России.

Русский Север – это также единое языковое пространство севернорусских говоров, в первую очередь архангельских и вологодских. Жизненный уклад Русского Севера способствовал развитию своеобразной речевой культуры, которая не только аккумулируется в специфических фольклорных жанрах, но и обнаруживается в повседневной речевой практике людей. В последнее время диалекты испытывают сильное влияние литературного языка, жаргонов, просторечия, тем не менее тщательное исследование речи жителей северной деревни позволяет обнаружить и архаичные черты говоров, и сохранившуюся лексическую систему, а главное, позволяет описать языковую картину мира жителя Русского Севера в её ценностных категориях.

Культура, история, быт, духовность, язык северного края – всё это берёт своё начало в северной русской деревне – важном историко-этнографическом и лингвокультурологическом феномене.

Освоение Русского Севера началось в X–XII вв. выходцами из Новгородской и Ростово-Суздальской земель. Огромные лесные пространства были редконаселёнными (здесь жили финно-угорские племена – предки современных коми, вепсов, карел, ненцев и пр.) и туда стали приплывать на судах по рекам в поисках природных северных богатств и незанятых земель новгородцы. Они строили укрепления (городки, остроги), на месте которых вырастали крестьянские поселения. Одновременно с государственной (княжеско-боярской) колонизацией северных земель шла крестьянская колонизация, особенно массовая в XIV–XVI вв., а также происходило основание православных монастырей и пустыней. Этот лесной, болотный регион не был затронут татаро-монгольским нашествием в XIII–XV вв.; он не был охвачен помещичьей (наиболее жестокой) формой крепостного права в XVII–XIX вв. Заселение Севера закончилось в XVII в. К этому времени он достиг своего расцвета и являлся важным экономическим и культурным регионом Русского государства. Многие исследователи считают Русский Север источником русской народной культуры, традиции которой впоследствии также были перенесены на Урал и в Сибирь при освоении этих земель северорусским населением.

Северная русская деревня представляет собой микросоциум, существующий в особой культурной среде Русского Севера, языковом пространстве северорусских говоров с финно-угорскими элементами, сохраняющий исконные духовно-нравственные традиции региона. Микросоциум северной русской деревни в лингвокультурологическом отношении (см. работы А.М. Камаловой, Л.А. Савеловой) складывается на основе ряда факторов: географическое положение; история заселения; местная топонимика (названия местных географических объектов); социальные группы жителей; фамилии и прозвища жителей; местные традиции и праздники; духовно-нравственная культура; основы «народной педагогики»; фольклор и т. д. Источниками изучения микросоциума служат исторические документы, предания, записи речи местных жителей и пр.

В этом разделе монографии описывается народная речь северной деревни на примере говора Режского поселения (Сямженский район Вологодской области) и диалектной языковой личности Н.Д. Шиловской (Никольский район Вологодской области). В качестве методологической основы изучения народной речи принимается этнолингвистический, лингвокультурологический и лингвоперсонологический подходы, последовательное применение которых позволяет показать воплотившуюся и сохраняющуюся в языке (диалекте) систему ценностей северной деревни, отношение её жителей к труду, быту, другим людям, самим себе – то есть народную жизнь в её первооснове.

Этнокультурная специфика режского говора заключается в вербальном осмыслинии всей окружающей действительности, это языковая картина мира, которая объемлет и географию пространства северной деревни (на примере включения названия реки Режи в лексическую систему речи режаков, а также микротопонимики – интересном и многогранном лингвисти-

тическом явлении наименования мельчайших особенностей родной земли), и объекты материальной культуры (например, всё разнообразие названий выпечных изделий на этой территории), и социальные отношения (через анализ идеального социального устройства жизни людей, представленного в режских пословицах, поговорках, фразеологии, а также реальную речевую практику, проявляющуюся в номинациях детей и взрослых). Описание речи жительницы Вологодского края также в первую очередь акцентирует внимание на аксиологический, ценностной составляющей словесной культуры северной русской деревни, путём построения речевого портрета диалектной языковой личности Н.Д. Шиловской.

1.1. Описание говора Режского поселения Сямженского района в контексте изучения речевой культуры Вологодского края

Если Вологодский край может считаться центром Русского Севера, то Режское поселение – это типичная северная русская территория с её миропониманием и жизненным укладом, которые ярко проявляются в речи местных жителей. Исследовательский проект «Режа и режаки: этнолингвистическое описание северорусского языка», выполняемый при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, нацелен на изучение лингвистических, этнических и ментальных особенностей жителей Режского сельского поселения (ранее – сельсовета) Сямженского района Вологодской области.

Деревни Режского поселения (Гридино, Колтыриха, Коробицыно, Лукинская, Монастырская, Рассохино и др.) расположены по течению реки Режи, притока северной реки Ваги. В исторических источниках Режа и её центр, деревня Монастырская, упоминаются с XVI века.

Из-за своей удалённости и изолированности от административных центров (общирные болота, огромные лесные массивы, отсутствие приемлемого транспортного сообщения) эта территория в разное время относилась то к Тотемскому, то к Харовскому, то к Кадниковскому районам Вологодской области. В конце XX века, в 80-е годы, когда диалектологи Вологодского государственного института (впоследствии – университета) начали проводить свои наблюдения над говором жителей, местность была весьма населённой, значительную часть её населения составляли люди, родившиеся в конце XIX – начале XX века. Они и стали основными информантами диалектологов.

Вплоть до 80-х – 90-х годов XX века сельские жители обитали здесь практически в изоляции от центров культуры и поэтому сохраняли в своей речевой практике традиционные особенности местного говора. В отдельных кустах деревень этого поселения (д. Гридино, д. Монастырская, д. Ратино, д. Фофанца) говоры также несколько отличались друг от друга.

Диалектологические экспедиции в деревни Режского сельсовета проводились практически ежегодно с 1983 по 2009 гг. В ходе этой работы был зафиксирован традиционный, к настоящему времени уже почти утрачен-

ный режский говор. Многочисленные оцифрованные записи народной речи (свыше 20 часов звучания), обширная картотека местных слов (более 10 тыс. карточек), большое количество уже написанных студентами курсовых и выпускных квалификационных работ ярко отражают особое мироустройство и менталитет жителей данной местности. Здесь до недавнего времени сохранялась курная изба, топились бани по-чёрному, были распространены традиция мытья в русской печи и архаичный обычай «перепекания» ребёнка, были заметными своеобразие деревенского костюма, особенности коммуникативного поведения людей и др.

В настоящее время северная русская деревня стремительно меняется. Поэтому требуется в максимально короткие сроки осуществить всестороннее изучение и описание специфических черт жизни традиционной деревни в данной местности и особенностей местного говора. Конкретный режский говор Вологодской группы севернорусского наречия впервые будет подвергнут монографическому описанию.

В этом разделе монографии исследователи обращаются к описанию особенностей топонимической (Е.Н. Иванова), антропонимической (Н.В. Комлева), фразеологической (Е.П. Андреева), паремиологической (Л.Ю. Зорина) и словообразовательной (Л.Г. Яцкевич) систем. Т.В. Парменова описывает бытующие в этой местности традиции изготовления выпечных изделий. В материале Т.Г. Овсянниковой рассматриваются вопросы местной этнопедагогики. Интерес читателей вызовут публикуемые Л.Ю. Зориной материалы студенческих экспедиционных дневников и произведённый ею анализ отражения в менталитете людей представлений о реке Реже. В данных публикациях в научный оборот вводится большой объём никогда и никем ранее не описанного диалектного материала: значительный корпус диалектных слов, фразеологизмов, пословиц и поговорок, в том числе архаичных, не отмеченных на других территориях единиц, специфичных в национально-культурном отношении.

Говор режаков, т. е. жителей Режи, практически утрачен, ушёл в небытие, однако идея его описания в зафиксированном диалектологами виде послужит сохранению его в русской культуре.

1.1.1. Архаичные явления в лексической и словообразовательной системах режского говора¹

В данной части монографии рассматриваются архаичные явления в лексической и словообразовательной системах говора Режи, местности, расположенной в Сямженском районе Вологодской области. Отдельные архаичные особенности вологодских диалектных глаголов описывались

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

ранее в статьях Т.Г. Паникаровской [Паникаровская 1970; 1971; 2000], а их современная морфемная структура характеризовалась в исследованиях Е.Н. Шабровой [Шаброва 1997; 2003]. К изучению морфемного состава вологодских диалектизмов в этимологическом аспекте мы уже обращались ранее в ряде работ [Яцкевич 2008; 2011; 2013; 2014; 2015]. Цель данной работы – рассмотреть семантические и словообразовательные особенности диалектных лексем праславянского происхождения в режском говоре. Источником для наблюдений послужила Картотека словаря режского говора (КСРГ), хранящаяся на кафедре русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета. Материалы этой картотеки были собраны во время диалектологических экспедиций, которые осуществлялись на протяжении более сорока лет под руководством Л.Ю. Зориной.

В данном исследовании рассматриваются диалектные этимонимы, то есть слова с общим этимологическим корнем, утратившие полностью или частично словообразовательную мотивацию и родственные связи по корню. Предметом изучения послужили лексемы с этимологически родственными корневыми морфами **-bat-*, **-bot-*, **-but-*, **-bus-*, возникшими в праславянский период в результате морфонологической дивергенции. Актуальность исследования обусловлена тем, что эти лексемы являются принадлежностью только диалектной сферы и не имеют родственных связей со словами современного литературного языка. Это свидетельствует о том, что данная лексика относится к наиболее архаичному пласту лексической системы вологодских говоров.

Диалектные лексемы с корневым морфом **-bot-*

Праславянский глагол **botati* с древним синкетичным значением ‘бить, ударять, толкать, стучать’ [ЭССЯ 2: 224] в режском говоре употребляется с более конкретными значениями: *бóтать* ‘размешивать, перемешивать, взбалтывать’ Уж э́та простоквáша перебóтанская. Её как не бóтает, дак онá кусóчками. // ‘Замешивать, месить (о тесте)’ Давáли муки горóховыё – онá такá хрéстúчая, захрéснёт. Другóю мешáешь, ботáешь, дак жíдкая, а э́та хрéснёт [КСРГ]. Это значение сохраняется и в производных от данного слова префиксальных глаголах, прибавляются только различные дополнительные аспектуальные значения: *доботáть* ‘размешивая, взбалтывая, довести что-либо до определённого состояния’ С киселём-то не уйдёшь, когда варíшь. До цéо доботáла дак, нет пригорáёт; *забáтывать* ‘приготовлять, смешивая какое-либо сыпучее вещество с жидкостью, замешивать’ Берúт пýво, наливáют в крýнку, егó забáтывают мукой и лóжат мéлу; *наботáть* ‘намешать, развести’ Сели́тры наботáю и полью, инáче онí всю моркóвь у менé съедáт; *поботáть* ‘перемешать, взболтать’ Я настáвлю всё в пéчь, Свéта вы́тащит самá да поботáет; *побáтывать* ‘размешивая, взбалтывать круговым движением что-либо’ К цигуну пригорйт половíна киселя. Ой, сейцás утéха варить-то, доб-

рб. Поста́вь да толькё побáтывой. Сейцás на гáзе-то дак хорош; разбóтать ‘размешать что-либо до однородной консистенции’ Пять штук яйцёк убьют в мísку, положат сольцы, сколько положено, вийУкой разботáют, на кáждое яйцёк лóжку воды; проботáть ‘перемешать, помешать, размешать’ Как суп варíшь, надо попробовать, отвéдатъ, проботáть; попробовать, мясо сварíлось ли [КСРГ]. Это значение у глагола *ботать* зафиксировано и в других вологодских говорах: Сидйт, капризничает, похлéбку-то лóжкой в мísке ботáет. Верх. Боров. Возьмёшь муки да яйца, да соли, да и ботаёшь в кринке. Я ведь никогда на водé-то не ботаю, всё время на молокé. Верх. Берег. Порá ужб тесто ботáть. Верх. Харит. // Подмешивать, класть. Пескú нет, дак вы сахару в чай-то ботáйте. Тот. Коров. [СВГ 1: 40].

От праславянского глагола **botati* было образовано слово *боть* [ЭССЯ 2: 225–226]. В режском говоре употребляется существительное *боты* ‘соединённые для устойчивости две лодки’ Дéдушка, а что такé бóты? – Бóты-то? А это две лóдки соединены дугой такóй, а также *баты* ‘самодельная лодка из двух выдолбленных осиновых колод’ [КСРГ]. Предположительно оно образовано от *бóтать* в значении ‘выдалбливать лодку из дерева’. Ср.: в этом значении данный глагол зафиксирован в уральских говорах [СРНГ 3: 132]. Слово *бот* в указанном значении употребляется в смежных с Режей других сямженских говорах: Бот дёлают для лóчшей опóры, для устойчивости, он перекáты преодолевáет. Сямж. Средняя Слуда; Боты из двóх дерéвьев, óба остронóсенькие. Сямж. Семениха [СГРС 1: 131].

Существительное *бóтalo* со значением ‘колокольчик, изготовленный из свёрнутого куска листового железа с металлическим стержнем-языком внутри и привязываемый на шею коровам и лошадям’ [КСРГ] восходит к праславянскому слову **botadlo*, которое является производным от **botati* с помощью суффикса *-dl(o)* со значением орудия действия [ЭССЯ 2: 223]. Слово встречается в вологодских и других северорусских говорах. Это производное слово мотивируется глаголом *бóтаться* в значении ‘качаться из стороны в сторону, находясь в висячем положении, болтаться’. В данном значении этот глагол зафиксирован в говоре Великоустюгского района: Бóтalo бóтается на лóшади, дак и чутко, где лóшадь. В-У. Лод. [СВГ 1: 40]. В Реже слово *бóтalo* имеет ещё одно значение – ‘язык колокола’ [КСРГ].

К семантической сфере нравственно-этической оценки поведения людей относятся диалектизмы *ботаться* ‘состоять в любовной связи с разными женщинами’ (*Отец ботается*) и *заботаться* ‘достигнув половозрелого возраста, начать жить с разными женщинами’ (*Мáть-то тебе не на худо научит. Заботáешься одиñ. Женáйсь!*) [КСРГ]. Первоначально мы предполагали, что это значение у данных глаголов возникло в режском говоре позже на основе более общего диалектного значения ‘болтаться, слоняться’ [СРНГ 3: 132; ЭССЯ 2: 224]. Однако в ЭССЯ приводится такая параллель: латинское *futuo* ‘совокупляться, сожительствовать’ так же, как

и праславянские **botati* и **butati*, восходит к и.-е. *-bhau̥t- / *-bhūt- ‘быть, ударять’ [ЭССЯ 3: 102]. Исходя из этого, можно считать, что в режском говоре у рассматриваемых диалектизмов сохранилось древнейшее значение, характерное для слов с указанным корнем ещё в индоевропейский период.

Нравственно-этическая оценка является содержанием также и режского диалектизма *бот* ‘праздношатающийся человек, бездельник’ Он такой *бот*, только шляется! [КСРГ]. Это слово мотивируется глаголом *ботаться* со значением ‘ходить без дела, слоняться’. В данном значении этот глагол зафиксирован в других вологодских говорах: Всё только бы ботался. Хар. Мятнево. *Ой, вот и хдят, вот и ботаются, лишь бы полулыту натти*. Нюкс. Берёзовая Слободка. Дёлать-то нёчего, вот все и ботаются. У-Куб. Никольское [СВГ 1: 141]. У слова *бот* много словообразовательных синонимов в других вологодских говорах: *бóтень*: *Ой, том пáренъ бóтень хороший*. Вож. Мануил. *Ну, и бóтень онá, знай, шлеется*. Сямж. Собол. [СВГ 1: 141]; *бóтанец*: *Бóтанцы – плохие люди, не работают – ботаются, шляются*. Сок. Чучково [СГРС 1: 134–135]; *ботя́вка*, *ботя́к*: *Ботя́вка говорят – значит, вали́вка, совсём ленивый*. Сок. Морженга. *Разботя́жилась ботя́ука, разленялась*. У-Куб. Крылово. *Ботя́к этакий,ничегб не рóбит, всё в постели лежит*. Нюкс. Плесо [СГРС 1: 137–138]. В архангельском говоре с этим значением употребляется слово *бóтало* Холмог. [СРНГ 3: 129], также образованный от глагола *бóтаться* ‘ходить без дела, слоняться’.

Особого рассмотрения требует диалектизм *чеботáн* ‘приспособление для катания с гор в виде выдолбленной из дерева маленькой лодки с двумя ручками’ У чеботáна эдакая доска вмёсто полоза былá. Сямж. Монаст. У чеботáна спинка есть и ручки, а у конька нет. Сямж. Монаст. [КСРГ]. Этимологическая реконструкция словообразовательной структуры слова *чеботáн* возможна на фоне родственных ему диалектных слов. Значение ‘небольшая лодка, выдолбленная из цельного куска дерева’ имеют лексемы *боты* и *баты* [КСРГ], *бот* Сямж. Средняя Слуда. [СГРС 1: 131]; *бат* В-Уст. Едково; *бати́на* Сямж. Марковская [СГРС 1: 55, 56]; *бáтик* Верх. Берег. [СВГ 1: 19]. Суффикс *-ан-* есть в исторически родственной лексеме *батáн* ‘доска, горбыль’ Шенк. Арх. [СРНГ 2: 140–141]. Корню *-бот-* предшествует морфема *че-*. Это архаичная приставка местоименного происхождения, имевшая в праславянском варианты *ča*; *če*; *ce*; *či* [Николаева 2008]. Она встречается, например, в словах *čaběniti*, *čekyrtati*, *čerъgъ*, *čerъgъ*, *čepuriti* реконструируемых в [ЭССЯ 4: 7, 41, 59]. К праславянскому глаголу *čepuriti* ‘торчать, топыриться’ и производному от него ‘охорашиваться’ [ЭССЯ 4: 59] восходят вологодские диалектные слова: *чепуриться* и *чапуриться* ‘наряжаться’ Видно, на свадьбу к дочери пошлá, раз так чепурится. Верх. Мезен. Эта наряжуха опять чепурится. Нюксен.; ‘придавать себе нарядный, красивый вид, прихорашиваться’ Хвáтит тебé чапуриться: никто тебé около дома и видит. Тот. Лев. [СВГ 12: 28].

Таким образом, по данным «Словаря вологодских говоров» и Картотеки словаря режского говора, в рассматриваемом говоре от глагола *бóтать* сформировалось следующее словообразовательное гнездо.

Таблица 1

Словообразовательное гнездо глагола *бóтать* в режском говоре

<i>бóтать</i>	<i>бот</i> 'праздношатающийся человек, бездельник'	
	<i>бóты</i> 'соединённые для устойчивости две лодки'	
	<i>чебóтан</i> 'приспособление для катания с гор в виде выдолбленной из дерева маленькой лодки с двумя ручками'	
	<i>бóтalo</i> 'колокольчик, изготовленный из свёрнутого куска листового железа с металлическим стержнем-языком внутри и привязываемый на шею коровам и лошадям', 'язык колокола'	
	<i>добóтать</i> 'размешивая, взбалтывая, довести что-либо до определённого состояния'	
	<i>*забóтать</i>	<i>забáтывать</i> 'приготовлять, смешивая какое-либо сыпучее вещество с жидкостью, замешивать'
	<i>набóтать</i> 'намешать, развести'	
	<i>побóтать</i> 'перемешать, взболтать'	<i>побáтывать</i> 'размешивая, взбалтывая круговым движением что-либо'
	<i>пробóтать</i> 'перемешать, помешать, размешать'	
	<i>разбóтать</i> 'размешать что-либо до однородной консистенции'	
	<i>бóтаться</i> 'состоять в любовной связи с разными женщинами'	<i>забóтаться</i> 'достигнув половозрелого возраста, начать жить с разными женщинами'

Следует предположить, что в данное СГ реально входит гораздо больше производных лексем, пока не зафиксированных диалектологами на данной территории. О продуктивности праславянского диалектного глагола *бóтать* свидетельствуют данные других севернорусских говоров. В «Словаре русских народных говоров» отмечено значительное количество производных слов от глагола *бóтать*. Сам этот глагол является семантически продуктивным: он имеет 15 значений, а у глагола *бóтаться* отмечено 10 значений [СРНГ 3: 131–133]. Однако среди них нет зафиксированного в режском говоре архаичного значения 'состоять в любовной связи с разными женщинами'.

Согласно лексикографическим данным [СВГ; СРНГ; СГРС], в русских народных говорах наметились следующие номинативные зоны у глагола

бóтать и у производных от него слов: ‘бить, колотить’, ‘палка, кол’, ‘мешать чем-либо в жидкости, взбалтывать, размешивать’, ‘колыхать, качаться’, ‘рыболовство’ (‘колотить по воде колотушкой, загоняя рыбу в сеть’, ‘шест с прикреплённым на одном конце конусообразным металлическим наконечником, ударом которого по воде вспугивают рыбу и загоняют в сети’, ‘рыболовная сеть, в которую рыбу загоняют с помощью специального шеста’, ‘самодельное судно – две соединённые вместе небольшие долблёные лодки’), ‘движения тела человека’, ‘ноги, движения ног, обувь’, ‘попусту проводить время, бродить без дела’, ‘безнравственное поведение человека’, ‘сверхъестественное существо, домовой’ [Яцкевич 2015]. Одиночными являются глаголы, лексические значения которых определяются в основном семантикой префиксов: *избóтать* ‘сделать непроезжей, испортить’ *Все дорóги тракторáм избóтали*. Кир. Петр. [СВГ 3: 9]; *оботáть* ‘найти, отыскать, нашупать’ *В шкафú темнó, так и не могú пальтушки оботáть*. Вож. Мих.; *оббóтывать* ‘обрезать’ *Сéгоды мне тóлько и приходится на сенокóсе оббóтывать верхúшки*. Вож. Забол. [СВГ 6: 159–160]; *сбóтать* ‘возвести путём кладки, сложить’ *Как сбóтана печь, дак всю жись и живú*. К-Г. Кирк.; ‘собрать всё вместе, сложить’ *Ой, всё в однó ме́сто опéть старíк сбóтaУ*. В-У. Род. [СВГ 9: 138].

Диалектные лексемы с корневым морфом **-but-*

Праславянские глаголы **botati* и **butati* восходят к и.-е. **-bhau-t-/-bhiu-t-* ‘бить, ударять’ [ЭССЯ 3: 102]. В русских говорах у глагола *бóтать* ‘бить, колотить’ и ‘тяжело ступать, стучать обувью’ Волог. и производного от него существительного *бóталаы* ‘бахилы, большие просторные сапоги’ Сиб. [СРНГ 3: 129, 131] существуют фонетические и морфологические варианты: *бúталаы* ‘бахилы, большие просторные сапоги’ Сиб., *бутáть*, *бутýть* ‘бить, колотить’ Перм. [СРНГ 3: 309].

В режском говоре есть образованный от глагола *бутáть* архаичный диалектизм *буталýга* ‘часть ноги от таза до коленного сгиба, бедро’ (*Буталýга – да э́то вот ногá-то от колéна до хóУки. Две ногí дак две буталýги. Вот у нас Пáлович об однóй ногé, дак нет у него и буталýги*) [КСРГ]. В «Словаре русских народных говоров» отмечены близкие по структуре или семантике к слову *буталýга* диалектизмы: *буталýжник* собир. ‘толстые суковатые поленья’ Влад. (от **буталýга* ‘толстое суковатое полено’), *бутó* ‘кость голени’ Том. [СРНГ 3: 309–311]. Эти материалы ещё раз подтверждают правильность вывода составителей «Этимологического словаря славянских языков» о том, что праславянское **butъ* ‘бедро, ляжка’, ‘задняя часть туши’ является родственным глаголам **butati* и **butiti*, в то время как другие этимологи считают это слово заимствованное [ЭССЯ 3: 103]. Близким по структуре к слову *буталýга*, но отличающимся от него по значению является другой режский диалектизм: *бутарлýга* ‘большая кость’ *Когдá мясо-то рубят, дак остаются кóсти. Говорят о большой кóсти: «Вóт какáя бутарлýга!»* Сямж. Монаст. [КСРГ].

В КСРГ также зафиксирована другая лексема с этимологическим корнем **-but-*: *бутары́гой*, нареч. ‘беспорядочно, кое-как’ *Дровá свалили бутары́гой*. Сямж. Грид. [КСРГ]. В других вологодских говорах есть близкие по материальной структуре и семантике к этой лексеме слова: *бутóра* ‘вьюга, метель’ *Пóмню бутóра такá поднялáсь, а хозяина всё нет*. Тарн. Рамен.; *бутóрить* ‘вести (о вьюге, метели)’ *Бутóрит котóрый день, все дорóги забутóрит, дак не знаешь, как и в лес выбраце*. Тарн. Рамен. [СВГ 1: 51]. Наречие *бутары́гой* в других диалектных словарях не указано. Семантику этого слова можно уточнить, если сопоставить его с этимологически родственным режским глаголом *сбуторáжисть* ‘заболеть (о животе)’ *Вот наéштесь сейчáс всегó, дак потóм сбуторáжит – бúдете всю ночь бéгать*. Сямж. Монаст. [КСРГ]. Мотивирующую базу указанных наречия и глагола можно определить, привлекая ближайшие по структуре и семантике этимонимы из других говоров: *буторáжисть* ‘бить, колотить’ Пск., Твер., ‘приводить в беспорядок’ Курск.; *буторáга* и *буторгá* Сарат. ‘хлопоты, возня, беспокойство’ Влад. [СРНГ 3: 312–313].

Таким образом, в режском говоре диалектизмы с корневым морфом **-but-* значительно меньше, чем слов с морфом **-bot-*. Все они достаточно трудны для этимологической реконструкции в силу архаичности своей словообразовательной структуры. На основе учёта данных вологодских и других севернорусских и сибирских говоров, была реконструирована следующая словообразовательная база режских архаичных диалектизмов *бу-тальга*, *бутарлы́га* и *бутары́гой*:

Таблица 2

Реконструкция мотивирующей базы режских лексем с корнем *-бут-*

Обратная реконструкция мотивирующих слов	Лексемы с корнем <i>-бут-</i> в режском говоре	
<i>*бутáть</i> , ‘бить, колотить’	<i>*бутó ‘кость ноги’</i>	<i>буталы́га</i> ‘часть ноги от таза до коленного сгиба, бедро’
		<i>бутарлы́га</i> ‘большая кость’
	<i>*бутóра ‘беспорядок’</i>	<i>бутары́гой</i> , нареч. ‘беспорядочно, кое-как’

Диалектные лексемы с корневым морфом **-bat-*

В говоре Режи зафиксирован ряд архаичных диалектизмов с корневым морфом **-bat-*. Слово праславянского происхождения *батог* (**bat-ogъ < batati* [ЭССЯ 1: 165–166]) имеет в этом говоре несколько лексических значений: ‘палка, кол’, ‘жердь’ *Мы жёрдки на рябчиков стáвили. Дед привáжет батог между дерéвьями, а на батог стáвят сíлушки, а на конéц рябíну привáзывают*. Сямж. Рассох.; ‘длинная палка для опоры при ходьбе, посох’ *Хóдо мне нýнче без батогá-то ходить*. Сямж. Монаст.; ‘толстый

стебель растения' *А укроп-то я позже всего сажу. А рано – дак потом батоги однё остаются*. Сямж. Рассох. На базе этого слова образованы устойчивые словосочетания: ◊ *Бадог свищет (шумит)* ‘о быстрой ходьбе’. Онá жилой человéк. Хотя восьмидесят пятой год, а идёт, дак бадог у ней свищет. Сямж. Монаст.; ◊ *Идти под батог* ‘заходить в дом, когда хозяев нет дома и дверь подпёрта палкой’ Я подошлá, а у них и до́ма никого нет. *Под батог идти неудобно*. Сямж. Монаст. [КСРГ]. Производными от существительного *батог* являются диалектизмы: *батожник* ‘в свадебном обряде – человек, который просит у родителей невесты разрешения на сватовство’ Чтобы перед сватовством проверить обстановку, женихова семья посылала батожника. Сямж. Монаст. Их батожниками называли. Батожники – те, кто ходят разрешения спрашивать. Сямж. Грид. От женихá к невесте посылали батожника. Сямж. Монаст. Если отказывали в сватовстве, батожника обливали водой. Сямж. Монаст. [КСРГ]; *батожничать* ‘в свадебном обряде – просить у родителей невесты разрешения на сватовство’ Я тоже ходила батожничала. Как плохо батожничала, дак водой обливали. Сямж. Монаст. [КСРГ]; *батожчик* ‘ум.-ласк. к батог’ Топёрица ей уж надо с батожчиком ходить, а то старая, дак сваляется нечаянно. Сямж. Монаст. [КСРГ].

Кроме этого, от глагола *батать* образованы диалектизмы: *баты*, мн. ‘средство передвижения по воде из двух выдолбленных осиновых колод, скреплённых при помощи бревна’ *Баты* – лóдка: две колóды вы́рублены, крепятся к бревну, доски наколочены, чтоб не опрокинуться. Сямж. Монаст.; *Ночью на батах ездили с фонарями рыбу колоть*. Сямж. Монаст. [КСРГ]; *батман* ‘связка лука’ Сегóдня лук-от в батманы вяжус. Сямж. Монаст. Всё тут батманы раньше вёсила. Нынче на зиму к дочери поеду, дак и лук с собой повезу. Сямж. Монаст. [КСРГ].

Праславянские глаголы **batati* и **botati* с древним синкетичным значением ‘бить, ударять, колотить, стучать’ представляют разные ступени чередования [ЭССЯ 2: 224]. В вологодских говорах, по данным диалектных словарей, сам глагол *батать* в указанном значении не отмечен, однако в других русских говорах он зафиксирован: *батать* ‘бить по воде багром или батаухой для того, чтобы испугать рыбу и загнать её в сети’ Тобол., Урал., ‘искать, бегая’ Новг., Влад.; ‘ударять, стучать чем-либо’ Ворон.; см. также: *бáтишть* и *батать* ‘бить’ Перм., ‘стучать’ Свердл. [СРНГ 2: 141–142]. Семантическая и словообразовательная активность этого глагола в русских народных говорах меньше, чем у глагола *бóтать*: в диалектных словарях отмечено соответственно 25 и 55 производных от них лексем [Яцкевич 2015]. Например, в архангельских говорах употребляется многозначное слово *батарлыга* ‘палка, тонкая жердь, кол’; в кичгородецком говоре отмечены такие слова: *батарчáна*, *баторчíна* ‘толстая жердь, бревно’ *Бадог большущий баторчíной назовут*. Влг. К-Г. Подволочье; *Какáя-нибудь пálка лежít*: уй, какáя баторчíна, говорят. Влг. К-Г. Клепиково; *Какú баторчíну принéс из вблоку*. Влг. К-Г, Климовшина; *Батарчíна бóльше колá и потóльше*. На дорóге, говорят, баторчíна лежít.

Влг. К-Г. Московка; *Батарчина* – бревнó лежít, его не несёт; онб как камень, лежит в воде. Влг. К-Г. Берсенево; *батарчйник*, собирает. ‘выброшенные течением на берег коряги, бревна и т. п.’ Вон набросаёт на берег всякого от леса, дак это, и говорят, батарчйник какой. Влг. К-Г. Клепиково [СГРС 1: 56].

Учитывая данные вологодских и других северорусских говоров, нами была реконструирована следующая словообразовательная база режских архаичных диалектизмов.

Таблица 3

Реконструкция мотивирующей базы режских лексем с корнем **-бат-**

Обратная реконструкция мотивирующих слов	Лексемы с корнем -бат- в режском говоре
*бáтить и *бати́ть ‘бить, стучать’	<i>батóг</i> ‘палка, кол’, ‘жердь’, ‘длинная палка для оноры при хольбе, посох’
	<i>батóжчик</i> ‘ум.-ласк. к батóг’
	<i>батóжник</i> ‘в свадебном обряде – человек, который просит у родителей невесты разрешения на сватовство’
	<i>батóжничать</i> ‘в свадебном обряде – просить у родителей невесты разрешения на сватовство’
	<i>баты́</i> , мн. ‘средство передвижения по воде из двух выдолбленных колод, скреплённых при помощи бревна’
	<i>батманá</i> ‘связка лука’

Диалектные лексемы с корневым морфом ***-bus-**

По мнению составителей «Этимологического словаря славянских языков», праславянские лексемы с корнями ***-but-** > ***-but-s-** > ***-bus-** являются этимологически родственными. В этом словаре представлены праславянские глаголы **busati* и **busiti*, которые так же, как глагол *bititi*, имели синкетичное значение ‘бить, колотить’, сохранившееся в ряде русских говоров [ЭССЯ 3: 101–102]. Исходя из этого, в одно этимологическое гнездо, кроме рассмотренных выше режских диалектизмов с корневыми морфами **-бат-** / **-бот-** / **-бут-**, следует включить и слова данного говора с корневым морфом **-бус-**: *бúслый* ‘серовато-жёлтый, чалый (о масти лошади)’ *Лóшадь-то бúслая, не сérой, а ётакой горóховой ма́сти. Чáлкой звáли.* Сямж. Грид.; ‘неопределенного светлого цвета с серыми, белыми, чёрными пятнами (о масти лошади)’ *Онá у менé, бúслая, мнóго рабóт передéлала за жíзнь.* Сямж. Грид.; *забусéть* ‘покрыться плесенью, заплесневеть’ *Рýжики-то ужé забусéли. Мáло sóли.* Сямж. Монаст.; ‘покрыться слоем пыли или на-

лётом чего-либо другого'; 'покрыться облаками, тучами (о небе)'; 'покрыться слоем влаги, запотеть' *Окна забусели опять. Каждой дёнь не по одын раз обтираю*. Сямж. Монаст. [КСРГ].

Слова с этимологическим корнем -бус- в вологодских говорах в целом составляют значительный пласт лексики, который распределяется по следующим семантическим зонам:

1) цвет, масть животных: *бұслый* 'серовато-жёлтый, чалый (о масти лошади)' *Лошадь-то буслая, не сёрои, а этакой гороховой масти. Чалкой звали*. Сямж. Грид.; 'неопределённого светлого цвета с серыми, белыми, чёрными пятнами (о масти лошади)' *Она у меня, буслая, много работ передела за жизнь*. Сямж. Грид. [КСРГ]; *бұсый* 'серый, дымчатый' *Только бусой шарф-от, не знаю, приглядайчче ли*. К-Г. Сиг. *Кот-от у меня весь бусой, а лапки белые у него*. Тот. Браг. *Водá-то, глы-ко, бусая от комарья стала*. Ник. Осин. *Поштё же ты экое бусоё платье-то накинула?* К-Г. Таш. У нас платья были бусые али синие. Баб. Дем. Погост. [СВГ 1: 51]; *бусой, бусый* 'серый, дымчатый' *К дожжу облака ходят бусые, а в ведру свётиеньки*. В-Уст, Кузнецово; *Кошка Буска, бусая значит*. Сок. Савкино; *бусеть* 'становиться чёрным, чернеть (о грибах)' *Красные грибы бусеют быстро, как изрежешь*. В-Важ. Силинская Вторая; 'серо-коричневый, бурый' *Иванчики бусые такие, коричневатые*. В-Уст. Подворские; 'тусклый, неяркий' *Самовар бусый стал*. Вож. Осиевская. *Ой, какое бусое платье у ей*. К-Г. Ивакино. [СГРС 1: 183–184];

2) плесень: *бусёлый* 'заплесневелый, покрывшийся плесенью' В этом году много земляники бусёлой. Влгд. Филют.; *бусель* 'плесень' *Смотри, а уже весь хлеб буселью покрылся. Бусель на хлебе-то* Влгд. Доман.; *бусеть* 'плесневеть' *Хлеб-от овчам роскрошую, бусеёт весь*. Верх. Берег. [СВГ 1: 50–51]; *забусеть, забускнуть и забуснуть, забусневеть* 'заплесневеть' *забусеть* 'покрыться плесенью, заплесневеть' *Рыжики-то уже забусели. Мало соли*. Сямж. Монаст. [КСРГ]; *Вчерашней хлеб-от исъ нельзя, он весь забусёл*. Тот. Браг. *Ой, кисель-от поставила в шкап да и забыла, забусёл*. Верх. Якун.; *Пироги-ти забыли, забускли уж, поди*. К-Г. Рудн. Все грибы забусли, глы-ко, как небаско. Тот. В. Двор.; *Хлеб-то давнешний, весь забусневел*. В-У. Ильин.; *забуский и забуслый* 'заплесневелый' Одын забуской хлеб ещё остался. Баб. Кокш. *Надо бы свёжева хлеба купить, а то этот забуслый*. В-У. Пал. [СВГ 2: 109–110]; *бусень, бусёта, бусётина, бусеть, бусиня, буслина, бусь* 'плесень' *Хлеб-от в пакете полежал, дак бусеню покрылся*. Нюкс. Нагорье; *Забусело варенье, у вас плесень, у нас бусень, пенициллин*. Нюкс. Востре; *Плесень дак и зовётся бусень*. В-Уст. Каликино; *С капусты всю бусёту снимашь, и выносишь на волю, в колидёр*. У-Куб. Залесье; *То ведь станет и бусить, тенёта сдёлается как бусётина*. У-Куб. Залесье; *Перевары, бусётину скинь*. У-Куб. Залесье; *Бусётина пойдётся – в холодную воду загнети и по-новому завары*. У-Куб. Залесье; *Хлеб в столе полежит и, глядышь, забусёл, бусеть такая пойдётся*. Сок.

Степановское; *Хлеб плох пропекут, так быстро забусеет, бусинá на ём белая, скотину только кормить*. Сок. Заболотье; *Бусинá дёлается сверху синеватая; на мясле, на хлебе может быть бусинá*. У-Куб. Устье; *Бусина сдёлается в серёдке, бусиет сено осенью, всё может забусеТЬ: хлеб, суп*. Бабуш. Проскурнино; *бусеТЬ ‘покрываться плесенью, плесневеть’* Положу в хлебенку, так не станет бусеТЬ. Нюкс. Малая Сельменга; *Из Бабьева озера воды привезём, она не бусеёт, может год стоять*. Бабуш. Терехово. [СГРС 1: 181–182];

3) пыль: *забусеТЬ ‘покрыться слоем пыли или налётом чего-либо другого’* Сямж. Монаст. [КСРГ]; *бус ‘мучная пыль’* На мельнице мололи, мукуто вычертывают, там кое-что остается по-за камням, в жерновах, бусом зовут. К-Г. Куролово; ср.: *бусить ‘пылить’* Арх. [СГРС 1: 181–182];

4) облака, тучи: *забусеТЬ ‘покрыться облаками, тучами (о небе)’* Сямж. Монаст. [КСРГ]; *Надюшка, поглядй-ко, поглядй: всё небо забусело*. Гроза, наверно, будет. Тот. Лев. [СВГ 2: 109];

5) мелкий дождь, влага: *бусенéц ‘мелкий моросящий дождь’* Опять бусенéц пошоУ, хошь бы попустуйся. В-У. Ник. [СВГ 1: 51]; *забусеТЬ ‘покрыться слоем влаги, запотеть’* Окна забусели опять. Каждой день не по одын раз обтираю. Сямж. Монаст. [КСРГ]; ср.: *забусеТЬ ‘начать идти, накрапывать (о дожде)’* Дождик-то опять забусел. Нюкс. Бобр. [СВГ 2: 109]; *бусить ‘моросять (о дожде)’* То ведь станет и бусить, тенёта сдёлается как бусётина. У-Куб. Залесье; *Будет холодно, уж бусить не станет, бусить уж нечemu*. У-Куб. Залесье [СГРС 1: 183];

6) украсть, утащить: *сбусать ‘взять без разрешения, украсть’* Марина, где конфетку-то сбусала? Сок. [СВГ 9: 98];

7) лодка: *буса ‘выдолбленная из одного куска дерева узкая лодка с плоским дном’* Пойдём бусу-то покажем. Ник. Нагав. Бусу выдолбил, *дак на рыбалку-ту поехал*. К-Г. Кирк. [СВГ 1: 50];

8) грязный, неряшливый человек: *бусáр ‘неряшливый, нечистоплотный человек’* Бусáр – чёрный человéк, нечистоплотный. Ник. Ковригино; *бусёль ‘грязноватый, перепачканный’* Кéньтя, бусёлая рóжса, чегó пришёл, через окно запрыгнул?! В-Уст. Полдарса [СГРС 1: 182];

9) домовой: *бусёдко: Бусётка этого боялись, что задавит ночью*. В-Уст. Загарье; *Спí-спí, бусёдко придёт, если поругаешься, а читашь молитву – не придёт*. В-Уст. Чёрная [СГРС 1: 182].

Учитывая выявленные семантические зоны употребления лексем с корневым морфом -бус- в вологодских говорах, можно провести семантическую и словообразовательную реконструкцию мотивирующей базы соответствующих диалектизмов в говоре Режи.

Реконструкция мотивирующей базы режских лексем с корнем *-bus-*

Обратная реконструкция мотивирующих слов	Лексемы с корнем <i>-bus-</i> в режском говоре
* <i>būsētъ</i> 'бить, колотить'	—
* <i>būsētъ</i> и * <i>būsítъ</i> 'плесневеть'	<i>забусēтъ</i> 'покрыться плесенью, заплесневеть'
* <i>būsētъ</i> 'менять цвет: становиться тёмным или светлым, линять'	<i>бūслый</i> 'серовато-жёлтый, чалый (о масти лошади)'; 'неспределённого цвета с серыми, белыми, чёрными пятнами (о масти лошади)' <i>забусēтъ</i> 'покрыться облаками, тучами, потемнеть (о небе)',
* <i>būsētъ</i> 'становиться влажным'	<i>забусēтъ</i> 'покрыться слоем влаги, запотеть'
* <i>būsítъ</i> 'пылить'	<i>забусēтъ</i> 'покрыться слоем пыли или налетом чего-либо другого'

Выводы

В режском говоре употребляются архаичные диалектные лексемы с праславянскими корневыми морфами **-bot-*, **-bat-*, **-but-*, **-bus-*, не имеющие родственных связей со словами современного русского литературного языка. Этимологическое родство данных исторических морфов доказывают авторы «Этимологического словаря славянских языков», опираясь на материалы русских народных говоров и других славянских языков [ЭССЯ 1: 161, 164–167; ЭССЯ 2: 224; ЭССЯ 3: 101–103]. На этом основании режские диалектизмы с указанными морфами объединяются в одно этимологическое гнездо.

Исследование режских этимонимов на фоне родственных лексем, зафиксированных в вологодских и других севернорусских говорах, позволило провести обратную семантическую и словообразовательную реконструкцию данных архаичных диалектизмов и выявить их мотивирующую базу, а также определить основные семантические зоны функционирования диалектных лексем с историческими морфами **-bot-*, **-bat-*, **-but-*, **-bus-*.

Некоторые архаичные лексемы из режского говора также имеют праславянское происхождение, но в «Этимологическом словаре славянских языков» не отмечены. Проведена этимологическая реконструкция данных лексем: *чеботáн* 'приспособление для катания с гор в виде выдолбленной из дерева маленькой лодки с двумя ручками'; *буталыга* 'часть ноги от таза до коленного сгиба, бедро'; *бутарлыга* 'большая кость'; *бутарыгой* нареч. 'беспорядочно, кое-как'.

В режском говоре у некоторых диалектизмов сохранились древнейшие значения, которые, судя по данным этимологических словарей, были характерны для этимологически родственных с ними слов ещё в индоевропейский период.

Сравнение лексической семантики режских диалектизмов с корневыми морфами **-bot-*, **-bat-*, **-but-*, **-bus-* позволило выявить различные направления семантической специализации этих морфов.

Архаичность рассматриваемых диалектизмов определяется не только их происхождением и словообразовательной структурой, но и тем, что режские лексемы в своих значениях сохранили этнокультурное содержание, отражающее архаичный тип культуры севернорусского крестьянина.

Таким образом, фиксация и описания лексики говора Режи имеет научную значимость, и в дальнейшем исследование этого говора предполагается продолжить.

Литература

Колесова И.Е., Яцкевич Л.Г. Развитие лексической когерентности в структуре исторических корневых гнёзд // Вестник Череповецкого государственного университета. – Т. 2. – 2012. – С. 94–96.

Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 375 с.

Паникаровская Т.Г. Архаические формы в вологодских народных говорах // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности / отв. ред. Н.А. Мещерский. – Череповец, 1970. – С. 56–60.

Паникаровская Т.Г. Диалектная глагольная лексика одного из говоров Вологодской группы северного наречия // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу (Черновцы, 1971). – М., 1971. – С. 175–178.

Паникаровская Т.Г. Вологодская лексика в Словаре вологодских народных говоров // Актуальные проблемы диалектологии. – Вологда, 2000. – С. 35–37.

Шаброва Е.Н. Структура непроизводных глаголов в вологодских говорах. Дис. ... канд. филол. наук. – Вологда, 1997.

Шаброва Е.Н. Морфемика диалектного глагола. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 220 с.

Яцкевич Л.Г. Эволюционные процессы в историческом корневом гнезде с алломорфами *-рез-* / *-реж-* / *-раз-* / *-раж-* / *-рож-* в вологодских говорах // Говоры вологодского края: аспекты изучения: Межвузовский сб. научных трудов / отв. редактор Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2008. – С. 168–181.

Яцкевич Л.Г. Эволюционные процессы морфемообразования на базе праславянского корня **-pel-* в русских народных говорах (Статья первая: исторический алломорф **-pel-*) // Вестник Вологодского государственного педагогического университета. – № 2 – 2011. – С. 95–104.

Яцкевич Л.Г. Очерки морфологии вологодских говоров. – Вологда: ВГПУ, 2013. – 244 с.

Яцкевич Л.Г. Праславянская лексика в «Словаре вологодских говоров» // Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы международной научной конференции (Ярославль, 15–16 апреля 2014 г.) / отв. ред.: О.Н. Скибинская, Т.К. Ховрина. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014. – С. 360–366.

Яцкевич Л.Г. Семантические и словообразовательные особенности этимологического гнезда слов с праславянскими корневыми морфами **-bat-* / **-bot-* в вологодских говорах // Вестник Череповецкого государственного университета. – № 5. – 2015.

Список сокращений

- КСРГ* – Картотека словаря режского говора.
- СВГ* – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.
- СГРС* – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Т. 1–6. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2014.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24–46), С.А. Мызников (вып. 47). Вып. 1–47. – М.-Л.; СПб.: Наука, 1965–2014.
- ЭССЯ* – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 1–29. – М., 1974–2002.

1.1.2. Река Режса и её отражение в менталитете жителей Сямженского района Вологодской области¹

Проект РГНФ № 15-04-00205 а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома» инициирован диалектологами Вологодского государственного университета (руководитель – Л.Ю. Зорина). Проект нацелен на обобщение многолетних наблюдений над особенностями мироустройства, мировосприятия жителей Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области и особенностей их речи. Режей называется протекающая в этой местности река, а также вся территория поселения, деревни которого расположены в её бассейне.

Река Режса протекает по северо-восточной части территории Сямженского района Вологодской области. Режса – приток большой северной реки Ваги, впадает в неё в 528 км от её устья. Вага же, в свою очередь, является крупнейшим левым притоком Северной Двины. Река Режа имеет протяжённость только в 27 километров. В ресурсе Wikipedia «Реки Сямженского района Вологодской области» она как малая река вообще не значится [Реки].

В действительности же река существует: неширокая, в основном и неглубокая, с коричневатой на цвет холодной водой, в меру извилистая, местами образующая резкие излучины. Вытекает река Режа, как установлено экспедициями местных учителей и школьников, малым ручейком из-под дерева, течёт по болотистой местности. Река имеет и свои малые притоки. Только после впадения реки Режи в Вагу долина последней определяется уже вполне отчётливо [ВЭ: 86]. На территории соседнего с Сямженским Верховажского района водный массив Ваги уже значительный, объёмный.

Через реку Режу построен автодорожный мост, местами оборудованы подвесные мосты и установлены так называемые лабы.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

Хозяйственная деятельность на реке Реже традиционно состояла в использовании её вод для лесосплава, в обеспечении работы мельниц, в применении для обеспечения жизнедеятельности людей и домашних животных. До недавнего времени местные жители ещё предпочитали использовать для питья воду именно из реки Режи, считали, что она лучше *опошной*, то есть сильно минерализованной колодезной воды.

Гидроним *Режа* в этимологическом отношении не вполне ясен специалистам [Мурзаев; Фасмер; Чайкина]. В топонимическом словаре Ю.И. Чайкиной «Географические названия Вологодской области» он вообще не интерпретируется, хотя косвенное суждение о нём всё же содержится: название села *Сямжа* возводится к названию реки *Сямжены*, хотя этимология последнего также неясна. «Но если предположить, — пишет Ю.И. Чайкина, — что топооснова *сям-* родственна по происхождению вепс. *sam//ai*, *sam//al* — ‘мох’, то *Сямжена* — ‘моховая река’» [Чайкина]. Тогда не исключено, что *Режа* — это тоже ‘река’, возможно, ‘болотистая река’. Это предположение входит в противоречие с вошедшим в учебники по топонимике обобщением, согласно которому «в бассейне Северной Двины значительные гидронимы имеют субстратное происхождение, а малые реки — славянское» [Басик 2006: 137]. Важно, однако, учитывать, что понятие о размере и значении реки даже в географии весьма относительно, поэтому вопрос о происхождении гидронима *Режа* остаётся для нас пока нерешённым.

Местность по течению реки Режи также называется *Режей* — в этом видится обычный метонимический перенос названия с гидрообъекта на прилежащую к нему местность. Не без доли юмора на автостанции в Сямже приезжими воспринимается ответ на вопрос «*Куда едете?*» Обычно звучит: «*В Режу, в Режу!*»

В исторических источниках Режа и её центр, деревня Монастырская, упоминаются с XVI века [Колесников 1990]. Историки полагают, что славянское население в этих местах проживало уже в XIV веке: *Вага*, *Северная Двина* — таков был путь древних новгородских наследников края. В XVI веке здесь уже существует *Леванидова пустынь* [Колесников 1971: 101–102] Угрежского монастыря (*угор* — ‘холм, возвышенность; высокий берег’). Он впоследствии притисывается к тотемскому Спасо-Суморину монастырю. Со временем на крутом режском берегу возводятся деревянные зимняя и летняя церкви. В самом начале XX века, в 1904 году, заканчивается роспись пятиглавого каменного храма, стоящего на высоком правом берегу реки Режи. Храм Преображения Господня был повреждён в пресловутые 30-е годы, но в настоящее время последовательно восстанавливается жителями близлежащих деревень (*Бурниха*, *Гридино*, *Колтыриха*, *Копылово*, *Коробицыно*, *Марково*, *Монастырская*, *Рассохино* и др.) и выходцами из этих деревень [Режа ВКонтакте].

Жителей местности по течению реки Режи в 80-е годы XX века называли *режаками* или *режичами*. Здесь проживало около 6 тысяч человек. В настоящее время в поселении постоянно проживает немногим более 440 человек, что составляет 7,3 % от былого населения местности (сравне-

ние ведётся с 80-ми годами XX века) и 5 % от общей численности современного населения всего Сямженского района [Сайт администрации].

До недавнего времени все вышеперечисленные деревни входили в состав Режского сельсовета. В настоящее время эта территория образует Режское сельское поселение. В 30-е годы XX века в каждой деревне было по колхозу, а в деревне Гридино, по воспоминаниям наших старших информантов, даже три колхоза. В конце XX века в этой местности существовало успешное, передовое хозяйство – колхоз «Первое Мая».

В 1983 году в личной беседе с автором этой работы секретарь по идеологии Сямженского района КПСС Т.И. Козлова констатировала: «Всё идёт на истух». Тогда этот оборот речи воспринимался как сямженский фразеологизм, построенный на основе художественного преувеличения. Действительность же убедила в том, что процесс затухания экономической жизни действительно происходил и последствия его оказались катастрофичными. В настоящее время экономическая и культурная жизнь сосредоточилась вокруг районного центра, села Сямжи, а режское хозяйство пришло, как нам представляется, в глубокий упадок. Все хозяйствственные объекты распроданы. Новые владельцы многим местным жителям даже неизвестны. Характеризуя ситуацию в животноводстве и более душой за страдающую на ферме скотину, местный ветеринар Н.М. Черепанов в интервью областному радио предлагал: «Отдали бы скотину людям, люди бы прокормили...» Сейчас поселение живо за счёт рубки леса и первичной его обработки, самую стабильную категорию жителей составляют пенсионеры. Местная школа находится под угрозой закрытия.

Режское поселение, расположенное на северо-востоке Сямженского района, находилось прежде на окраине Тотемского уезда Вологодской губернии. Это была действительно окраина, очень удалённое от районных и областного центров место, самая настоящая российская глубинка. Достаточно вспомнить, что распределение выпускников областного педагогического института в Режу или в соседнюю с ней Двиницу в шестидесятых годах XX века представлялось катастрофичным. В силу значительной удалённости, а также по причине отсутствия вплоть до 90-х годов прошлого века приемлемого транспортного сообщения сельские жители обитали практически в изоляции от центров культуры и поэтому сохраняли в речевой практике традиционные особенности местного говора.

С 1983 года вплоть до 2015 года диалектологами Педагогического института ВоГУ проводится обследование особенностей говора Режи. В конце XX века, в 80-е его годы, когда диалектологи ВГПУ начинали проводить свои наблюдения над говором, местность была ещё густонаселённой, значительную часть её населения составляли люди, родившиеся в конце XIX – начале XX века. В связи с этим ценность собранных диалектологами материалов представляется очень высокой.

Покажем особенности режского говора фрагментом записи:

Бацярӯхой рánше-то называ́ли, ránше не куфárка. Бацярӯха обряжáе-щце, всё цýсто дéлает. Ёй тóлькё бéгай бéгом да обряжáйсе. Встáну в

пять ц́асов да всё время бацерницию. Ц́яю вылью. Мне некогда, я не хою разъедацца. Устанешь. Увáрище сўп-то, дак тám как закипéло, возьмú да в блóдецькé накрошу крошенйны да нахлебáюсь. И пекёт, и вárит, и скотá обряжáет – всё бацеруха. Бацерухи, говорят. Ой, христóвы жéншины! Берёт такim кочам, наперёд кладёт нóшу!

На основе подобных записей составляется словарь диалектных слов и устойчивых выражений режского говора. Словарные статьи в нём содержат обильные материалы как по характеристике самой реки Режи, так и по описанию особенностей жизни людей на её берегах. Сосредоточимся далее на высказываниях информантов, которыми в этом словаре создаётся образ реки Режи.

Реку, ручей старшие жители называли словом с обобщённым значением потбчина: *Пóжни Комарíця, Попóвськие Берёзовки у мостá. Идúт по однóй потбчине, однá по-за другóй. По однóй потбчине пóжни, говорят, если они все по однóй рéчке. Сямж. Монаст.* Устойчивое выражение *идти по потбчине* означает ‘идти, передвигаясь вдоль реки, ручья’. Ты как придёшь к Попóвской Берёзовке, дак иди по этой потбчине, дак и придёшь к черепáновским пóжням. Сямж. Монаст. Спрашивают: «Как пришлá?» Я грю: «А всё шла по этой потбчине». Сямж. Монаст.

Река Режа характеризуется в словаре с разных сторон: 1) по наличию топких мест – *По Рéже-то нет ключевин, а по Вáге дак есть. Сямж. Монаст. Ключевина* – ‘топкое место, где бьют ключи’. *Как по Вáге-то идёшь, в Вáгу-то впадают ключи. Настолькé тóпкое мéсто, что не пройдёшь. Корóвы-то дáже садяще, вынимать их ездят. Сямж. Монаст;* 2) по наличию опасных, скрытых водой включений в русле реки: *Есть местá, где рекá колóдники вымываёт, эдак деревья под грúнтом. Сямж. Монаст. Колóдник* – ‘деревья, поваленные ледником и оказавшиеся под грунтом’; 3) по характеру течения: *Рéжа-то тóтока у нас перебóристая, а дáльше впадаёт в Вáгу. Сямж. Монаст. Перебóристый* – ‘бурный, стремительный, изобилующий донными перепадами (о реке)’.

Жители Режи не без гордости говорят о том, что их река впадает в большую и важную в экономическом отношении реку Вагу, часто говорят о характере Ваги: *Рéжа пáла в Вáгу. Сямж. Монаст. Пасть* – ‘впасть, влиться’. *По Рéже-то нет ключевин, а по Вáге дак есть. Сямж. Монаст. Вáга Вель перешíбла да и дáльее потеклá. Сямж. Монаст. Вáга мнóго рек перебивáет и дáльее течёт, мнóго рек она перебíла. Сямж. Монаст.*

Разными словами в местном говоре обозначаются излучины в русле Режи: *Криvúлина* – ‘изгиб, поворот русла реки’: *Вот как ráз у криvулины-то его и завелó в реку-то. Хоть и неглубокó, да свалíлся. Сямж. Монаст. Криvун* – ‘изгиб, поворот русла реки’: *Где рекá поворачивает, говорят: какóй здесь криvун. Вон у нас Рéжа повернула, четыре дóма прошлá и опять повернула. Сямж. Монаст. Вон криvун реки. Видишь из-за этого криvуна деревню? Это Бурníха. Криvунóв на нашей рекé мало. Сямж. Монаст. Если дойдёшь до Рассóхина, там стóлько криvунóв! Сямж. Монаст. Дойдёшь до криvuna – тám и косíли. Сямж. Монаст.*

Обычно внимание жителей привлекает к себе глубокое место в русле реки. Для обозначения такого места в режском говоре служат также разные слова: *Котёл* – ‘глубокое место в реке’: *Котёл-от называется ме́сто, где купа́ются*. Сямж. Рассох. *Курья́* – ‘глубокое место в реке, омут’: *Пойдём рыбу ловить, где курья́. Сямж. Монаст. Курья́ такая, а вокруг курьи-то э́дака пластина есть, это и есть рёлка*. Сямж. Грид.

Место, где бывают ключи, также находит ряд обозначений в местном говоре: *Ключ* – ‘поток, начинающийся из бьющего из-под земли родника’: *Как по Вáге-то идёшь, в Вáгу-то впадают ключи*. Сямж. Монаст.; ‘топкое место на берегу реки, озера, где из-под земли бьёт много ключей’: *Каждый день раньше ходили телят выволокали из ключей-то. На них трава-то растёт, вот телята и идут*. Сямж. Рассох. *Ключеви́на* – *Как по Вáге-то идёшь, в Вáгу-то впадают ключи. Настолькё тóпкое ме́сто, что не пройдёшь. Коровы-то даже садяще, вынимать их ездят. По Рéже-то нет ключеви́н, а по Вáге дак есть*. Сямж. Монаст. *Ключевде ме́сто* – ‘место, где бьёт родник, ключ’: *Если из земли вода бьёт, это ключевое ме́сто, не замерзает*. Сямж. Монаст.

Водовороты в этой местности обозначаются по-разному: *Котёлик* – ‘водоворот в реке, омут’: *Котёлок все говорят, котёлик мало кто скажет*. Сямж. Монаст. У *котёлика* купаться страшно, утешит. Сямж. Монаст. *Котёлóк* – ‘водоворот в реке, омут’: *Котёлóк – когда вьёт, тонут там. Побежим купаться в котёлóк, котёлки в реке есть, да не тут*. Сямж. Монаст. *Кто посмелый, дак у котёлка купаются, а кто и поднырнет*. Сямж. Монаст. *Курья́* – ‘глубокое место в реке, омут’: *Пойдём рыбу ловить, где курья́. Сямж. Монаст. Курья́ такая, а вокруг курьи-то э́дака пластина есть, это и есть рёлка*. Сямж. Грид.

Во время весеннего половодья река преображалась, по ней даже был возможен лесосплав: *Тогда э́дакая вбодополь была – ужас просто! Вся Рéжа разлилась*. Сямж. Монаст. В последние годы – по-видимому, в связи с осушением прилежащих болот – такого уже не случается. Однако жители всегда обращают внимание на эстетическую сторону поведения родной реки.

Летнее обмеление реки в режском говоре характеризуется устойчивыми, фразеологическими выражениями: *Курице до хóлки, свинье до лодыги* – ‘о низком уровне воды в реке’: *Когда в реке мало воды, то говорят, что курице до хóлки, свинье до лодыги*. Сямж. Монаст. *Хóлка* в этой местности – это ‘место соединения ступни с ногой’. *Воробью до колéна* – ‘о низком уровне воды в реке’: *Когда весна или после дождя, дак ричка-то разливается, а сейчас дак воробью до колéна*. Сямж. Монаст. Таким образом, в менталитете жителей актуально сравнение глубины реки с близкими сердцу реалиями животного мира.

Во время летнего обмеления реки обнажаются обычно скрытые водой островки, рёлки: *Рёлка* – ‘островок, намытый рекой’: *Середь реки, на рёлке, трава растёт*. Сямж. Монаст. // ‘возвышенное место в русле реки, отмель’: *Река наносила много камней, песку, мелко стало, трава торчит*.

из воды — это рёУка. У нас вот у Колтырихи рёУки есть, их надо обезжать, а то лодка на мель сядет. Сямж. Монаст.; ‘небольшой участок покоса около реки, леса’: С однóй рёУки скóсим, пойдём на другóю рёУку. Сямж. Монаст. У нашой-то рикý рёУки небольшиё. Сямж. Монаст. Курый такáя, а вокруг курый-то эдака пластина есть, это и есть рёлка. Сямж. Грид. Есть маленькие такие рёУочки, а вон копнá сéна накосицце, дак это уж рёУка. Сямж. Монаст. Рёлочка — ‘отмель’: Кáмушки видáть, как рекá их перебираёт на рёУочке. Сямж. Монаст. Ох, если б ты видел, как мы вчера на рёУочку сéли! Сямж. Монаст. Сейчáс-то уж нет у нас рёУочек, однá, поди, тóлько и встрéтится по всей рекé, всё прýмо рекá течёт. Сямж. Монаст.; ‘небольшой участок покоса около реки, леса’: Есть маленькие такие рёУочки, а вон копнá сéна накосицце, дак это уж рёУка. Сямж. Монаст.

В хозяйственном использовании речных угодий существенную роль играет видовой состав рыб. Здесь водятся елец, сорога, окунь, щука, ёрш, пескарь, подъязок, голавль, налим, заходит в реку и хариус. Некоторые виды рыб имеют местные названия: *Пара́ня* — ‘пескарь’: Кто шарáней зовёт, кто парапней. Из шарáни-парáни ухá. Сямж. Монаст. *Нали́мье* и *Нали́мьё* — ‘налимы’: Рáньше мнóго налимья было в рíчке. Сямж. Монаст. Ведь ухá из налимья очень хоро́шая. Сямж. Монаст. Лёд замерзáет торóсами, нéчего ходить тудá. Налимье уж не увýдишь, если торóсы. Сямж. Грид. *Кóрюх*, *Корю́жье* — ‘корюшка’: В этой рéчке дáже кóрюха не найдёшь. Кóрюхи-то мы испóльзуем для наjкýвы. Сямж. Монаст. В Терéнтьевке-то было полнó корюжья, а это кóрюх такóй. Сямж. Грид. *Красóтка* — ‘рыба (какая?)’: Да вот в нашой рéчке красóтки вóдятся, красóтка — это рыба мéевка. У мéевки плавнички кра́сные, самá онá разночвéтная, потому и называли красóткой. Сямж. Монаст. *Мéевка* — ‘любая маленькая по разме́ру, мелкая рыба’: Кто на червячков лóвит, а кто, как Пáша, на мéевки. Мéевки маленькие. Онý все близже к берегам плáвают. Однé свítленькиё, другие краснопéрые. Как щóка мéевок увýдит, так поблизже и подплываёт, подождёт да и схватит её. Из мéевок пироги пекут, майвошником называют. Сямж. Монаст. Мéевка — это рыбка мéлкая, онá на крючкé бéгает. Щóка на неё и клюёт. А чегó ешишó-то из мéевки сдёлаешь? Эдакая маленькая, куды её? Только наjкýвой и пойдёт. Сямж. Монаст. *Мéево* — ‘мальчики рыб’: Мéево — мальчики рыб, любóй рыбы, какáя в рекé есть. Из мéева тóжко ухá вárят. Все мальчики — мéево. Сямж. Монаст.

В словаре этой местности представлены названия орудий ловли рыбы, их частей и наименования действий. *Ез* — ‘рыболовецкая запруда из досок, веток или др., куда вставляются конусообразные ловушки’. Слово нами зафиксировано только в составе фразеологического выражения *Как на езú бьёт (кого)* — ‘о сильном страхе, волнении’: Меня как на езú бьёт. Сямж. Монаст. Мотивировочная основа фразеологизма — сравнение: как по речной запруде идти опасно, страшно, так и какое-то действие вызывает у человека подобную реакцию. *Тройник*, *Фитиль* — ‘рыболовная снасть, состоящая из треугольной сетки, устанавливаемой с помощью трёх шестов;

внутри сетки находится ещё одна сетка с узким горлом, в которое заходит рыба': *Фитиль у нас ещё тройником называются*. Сямж. Монаст. *Флажок* – 'рыболовная снасть в виде сетки, прикреплённой к палке; используется одним человеком': *Николай, ты ведь в этот раз ходил за рыбой с флагом?* Сямж. Монаст. *Хвост* – 'узкий конец конусообразных рыболовных снарядов: верши, морды': *Ставят морду хвостом-то против течения. Как поднимается рыба, в неё и захдит.* Сямж. Монаст. *Хвостить* – 'ловить рыбу бреднем': *Как запруду-ту сдёлают, подведут её к берегу, батоги-те выроют внизу, дак вот уж и хвостят эту рыбу. А где батоги-то поднимут высоко, чтоб она не выскоила.* Сямж. Монаст.

Пойманная рыба издревле была ценной составляющей в местном рационе питания. Пироги с рыбой были различными и назывались по-разному: *Малёвочник* – 'пирог с мелкой рыбой': *Из мёевок пироги пекут, малёвошником называются.* Сямж. Монаст. *Вчерась Коля наловил рыбёшки, дак я малёвошник испекла. Малёвошника-то поштот не попробовали? Малёвошники-то ставьте на стол.* Сямж. Монаст. *Мёёвочник* – 'пирог с мелкой рыбой': *Другие дак и очень любят мёёвоник. Да раньше есть было нечего, дак всё хорошо.* Сямж. Монаст. *Баба Таня давнё уж не пекла мёёвоника, не ловят мёёвки-то.* Сямж. Монаст. Ты, поди, и мёёвошников не ешь. Сямж. Монаст. *Рыбник* – 'пирог с запечённой цельной рыбой': *В рыбник свежую рыбу посолят или солёную положат, кладут целую.* Сямж. Грид. У меня рыбник загнён, давайте ись горяченький. Сямж. Грид. *Рыбничек* – ласк. к *рыбник*: *Во! А два рыбака, пэрэ, зайдливы! А рыбничек загнёли!* Сямж. Грид.

Некоторые иные реалии деревенской жизни именуются также через представления о реке. Так, *речница* – это 'трава, которая растёт по берегу реки или на её островках': *Пойдё речницу окошу.* Сямж. Монаст.

Через призму речных реалий в говоре могла осуществляться и характеристика человека: *Рыбница* – 'любительница есть рыбу': *Я рыбница, люблю всякую рыбу.* Сямж. Монаст. Не знаю, кто рыбница. Вы ёли, а Антон не докушал. Сямж. Монаст.

Итак, представления о малой вологодской реке *Реже* и её особенностях пронизывают всю жизнь людей, проживающих по её берегам, и отпечатываются в их сознании как разноплановые представления о реке большой и значительной.

Литература

Басик С.Н. Общая топонимика: учебное пособие для студентов географического факультета. – Минск: БГУ, 2006. – 200 с.

Колесников П.А. Родословие вологодской деревни: Список древнейших деревень-памятников истории культуры / сост. Т.М. Димони. – Вологда: ВГПИ, 1990. – 265 с.

Колесников П.А. Северная Русь: Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII века. – Вологда. 1971. – 208 с.

Режа ВКонтакте [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/club1701738>. Дата обращения: 04.08.2015.

Реки Сямженского района Вологодской области // Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. Дата обращения: 01.08.2015.

Официальный сайт администрации Сямженского района Вологодской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.сямженский-район.рф>. Дата обращения: 01.09.2015.

Список сокращений

- ВЭ – Вологодская энциклопедия / гл. ред. Г.В. Судаков. – Вологда: Русь, 2006. – 608 с.
Мурзаев – Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.
Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. Т. 1–4. – М., 1986–1987.
Чайкина – Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области: топонимический словарь. – Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1988. – 268 с.

Список сокращений географических названий

Грид. – Гридино	Рассох. – Рассохино
Монаст. – Монастырская	Сямж. – Сямжинский

1.1.3. Пословицы и поговорки в режском дискурсе как отражение системы ценностей сельских жителей¹

Многолетнее исследование говора Режского поселения Сямженского района Вологодской области (деревни Гридино, Монастырская, Рассохино и др.) позволило составить обширную картотеку диалектных материалов. В ней нашли отражение сохраняющиеся в сознании жителей этой местности единицы малых жанров фольклора, в частности, пословицы и поговорки. Целенаправленный сбор паремий во время экспедиций не производился, но такие единицы, если они заключали в себе какие-то отличия от фактов литературного языка, фиксировались попутно с другими диалектными материалами.

Обращение к единицам такого рода совершенно необходимо, поскольку, во-первых, именно они в концентрированном виде отражают константы деревенской культуры, ментальные ценности диалектоносителей, а во-вторых, в сознании человека XXI века многие такие факты отражаются лишь минимально, что по меньшей мере грозит углублением разрыва в цепи поколений.

Попытаемся для начала определиться с признаками паремий, то есть тех единиц, которые составляют предмет рассмотрения в данном разделе.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

Пословица – это ‘краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение дидактического характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения’ [ЛЭС 1990: 389]. *Поговорка* – ‘краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от пословицы, только буквальный план и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение’ [ЛЭС 1990: 379]. Впрочем, число признаков пословиц и поговорок может выделяться и иначе, например, часто говорят о том, что поговорка может являть собой и незаконченное предложение. Чёткую грань между пословицами и поговорками, а также между пословицами, поговорками и фразеологизмами провести возможно не всегда. Поэтому иногда разными исследователями одно и то же выражение относится к разным упомянутым категориям [Аникин 1985; Вавилова 2010; Гришанова 2014; Пермяков 1970 и др.].

Сгруппируем далее зафиксированные в режском дискурсе паремиологические единицы по семантическому признаку, приводя их сначала в орфографическом варианте, воспроизведя затем в реальном звучании фразы, комментируя с точки зрения содержания и, где это оказывается возможным, приводя в качестве соответствия единицы литературного языка.

Частотным в режских паремиях является упоминание Бога, appellация к нему как к защитнику, как к высшей силе:

У Бóга дней не решетó – говорится о том, что существует большое, не ограниченное количество времени, поэтому не следует спешить, торопиться: *Днéй-то ештё не решетó – напáшешь ештё.*

Бог увíдит, кто когó обýдит – не следует обижать людей, нанесённая обида обязательно станет явной, поскольку безнаказанным не останется никто, обидчика накажет Бог.

Нáша горница с Бóгом не спóрится – говорится о жилище, в котором плохо сохраняется тепло, в котором в жаркую погоду жарко, а в мороз – холодно. Интересно, что в вологодских говорах *горницей* называют разные помещения. Это может быть лучшая, парадная комната; может быть маленькая комната в пятистенном доме, предназначенная для сна; может быть рубленая комната на чердаке дома, используемая для хранения вещей, а также для сна в летнее время. В приведённой фразе слово *горница* используется в обобщённом смысле, в значении ‘жилое помещение’.

В целом ряде случаев употребляются поговорки, свидетельствующие о том, что в местном социуме сильны центростремительные, а не центробежные настроения:

Одýн горюет, а артéль во́ют – говорится о том, что группа, коллектив людей быстро выполнит ту работу, выполнение которой одному человеку не по силам: *Одýн горюет, а артéль во́ют. Ишь, пóженку-то как окружáли.* Ср.: *один в поле не воин.*

В артáли не без удлого. Считается, что в коллективе, в группе людей всегда найдётся лидер.

Многочисленные паремии характеризуют сложившиеся семейные отношения:

Брат брату сусед, сноха снохе – коромысло. Речь, думается, идёт об отношениях в большой крестьянской семье. В ней брат брату – друг, помощник, сосед (а близкий сосед, как говорится, даже ближе дальнего родственника). А кем приходится сноха снохе – это возможно толковать двояко. Сноха – жена сына; жена брата; снохи – жёны братьев. Коромысло – предмет для ношения вёдер, ушатов с водой, то есть предмет для удобства, для облегчения труда. Может быть, речь тоже идёт о взаимопомощи? Однако женщины в одном доме часто соперничали, коромысло могло использоваться и как орудие для нанесения ударов друг другу.

Первая нўжа, как нет мўжа – незамужняя женщина и, тем более, женщина, потерявшая мужа, оказывалась в очень трудном положении, так как семья оставалась без основного работника, без кормильца. Нўжа – это простонародный вариант лексемы нужда, использование его диктуется необходимостью рифмовки слов нўжа и мўжа.

Не уродись, дёрево, на сковордник, а пáренъ на живóтника: Не уродись, дёрево, на сковородник, а пáренъ на живóтника. У тя три пárня, дак не отдавай никого в живóтники. Живóтник, подживóтник, подшестóчиник – этими и многими другими обидными словами называют на Вологодчине мужчину, перешедшего на жительство в дом жены, примака. Считалось, что мужчина должен привести жену в свой дом, отсутствие дома в деревенской жизни не одобрялось, оценивалось резко отрицательно, а положение такого мужа в доме жены оказывалось заведомо унизительным. Сковородник как предмет кухонного обихода быстро обгорает, изнашивается – так и мужчина, которого используют преимущественно в качестве работника, может быстро растратить силы, потерять здоровье, то есть положение живóтника (от слова живóт ‘имущество’) незавидное, быть хозяином в собственном доме лучше.

Девушку (жену, невéсту) надо выбирать в мятьё да в мытьё. Девушку ведь надо выбирать в метьё да в мытьё. Если девушка во время выполнения тяжёлой, грязной работы (мять лён, мыть избу перед Пасхой) вынослива, энергична, улыбчива, значит, из неё получится отличная жена. Ср. шекинское: *Невесту выбирают в баёнке да в трепáленке.*

Шито-крыто, спокй дорогй – всё хорошо; всё так, как надо; нет беспокойства, тишина, покой. Говорится, в частности, о том, что семейные отношения не должны быть достоянием чужих людей. Слово спокй в Режском диалекте отличается от литературного покой наличием приставки.

Свáтья мо́я, уважíтельная: Свáтья мой, уважíтельная. Бýду свáтью любить, бýду в гости ходить. В Режском поселении ещё ощущаются отголоски большой старой семьи. В ней есть родня, т.е. природа, есть свои, есть присвои – существует детальная градация степеней родства. Старшие женщины, особенно, если брак детей удачен, поддерживают близкие, дружеские отношения со сватами. Правда, не исключено, что в момент записи цитировалась частушка, и тогда это уже единица другого жанра.

С первым счастья нет, так и со вторым нёчего искать. С первым счастья нет, да и со вторым нёчего искать. Речь идёт о замужестве: если первый брак неудачен, то и второй будет таким же. Поговорка обращает внимание на то, что первый брак должен быть сохранён, потому что человеку свойственно повторять свои ошибки.

Разумеется, средствами паремий нередко даются характеристики детям в разные периоды их жизни:

Выскочит с воробушка, а вырастет с коровушку. В таких фразах запечатлевается крестьянская языковая картина мира. Птицы, животные – вот с чем обычно проводится параллель. Ср.: маленькие детки – маленькие бедки.

Маленького родить, а большого пойти да кормить – с маленьким ребёнком меньше хлопот, чем со взрослыми детьми: *Маленького-то родить, а большого-то пойти да кормить.* Ср.: маленькие детки – маленькие бедки.

Ряд пословиц и поговорок затрагивает сложившееся в социуме представление о противопоставлении мужского и женского начал. *Девка спит – дом выспит, мужик спит – дом проспит.* Формула была произнесена в ситуации, когда девушкам в праздничный день было позволено поспать чуть дольше. По представлениям наших собеседниц, старших женщин деревни, женщина остаётся в доме, и всё вокруг неё обустраивается; мужчина же как рачительный хозяин должен быть уже с раннего утра занят на работе. Но не исключено, что эта поговорка была употреблена как ироничная формула, извиняющая неподобающее поведение городских девушек в деревне.

Целый ряд паремий в режском говоре касается особенностей человека. Так, характеризуются внешние данные человека.

Кто вскочил, тот и выскочил. Говорится о сходстве отцов и детей. В отця похóжа. – А ведь кто вскочил, тот и выскочил.

Отмечаются интеллектуальные особенности человека: *Голова дура, да ногам спокио не даёт.* Или: Голова дура – и ногам покою нет. Ср. в литературном языке: *дурная голова ногам покою не даёт.*

Кбсо повязана, да далеко видит. Говорится о прозорливом человеке. Имеется в виду косая повязка, закрывающая глаз человека, который, тем не менее, всё видит, всё понимает, во всём разбирается.

Кто ноп, тот и бáтько (у кого). Сказано о легковерности, доверчивости человека, о его неумении отличить настоящее от вымышенного: Да у неё кто ноп, тот и бáтько. Всех бомжей к собé приговорила.

Рядом паремий характеризуется поведение человека в жизни:

Жíжу сыздалéй вýжу, гýща-то всегó пýще: Жíжу-ту сыздалéй вýжу, гýща-то всегó пýще. Всё плохое притягивает издалека, важно разглядеть хорошее. Ср.: запретный плод сладок.

Где кисéль, там и сéл, где пирог, там и лéг. Говорится о человеке, легко поддающемся уговорам сесть за стол. В жизни деревенской глубинки часто случалась острая нехватка продовольствия, поэтому в будние дни в

чужом доме не принято было садиться за стол. Детей учили, что у соседей может быть мало еды, и не на всякое приглашение к столу следовало отвечать согласием. Если человек нарушал неписаное правило, это резко бралось в глаза и оценивалось отрицательно.

По смéрть бы послáть (*кого*). Говорится о медлительном человеке: *По смéрть бы послáть, дак пострадáли бы*. Ср.: *только за смертью посыльать* (*кого*). В режском говоре широко употребляется предлог *по* с винительным падежом: не только *по грибы*, *по ягоды*, но и *по смерть*.

Укáзчику прýщ (*etc.*) *зá щеку*. Негативное, грубое выражение, решительный отказ сделать так, как советуют или приказывают. Так в деревенском социуме человек демонстрирует свою самостоятельность, даёт отпор советчику, тому, кто вмешивается в чужие дела.

Ведь ý не сóлнышко, всéх не обогréю. Так ведь ý не сóлнышко, всéх не обогрию. Использование этого образного выражения отражено на графическом листе народного художника России Джанны Тутунджан, а ею фиксировался говор деревни Сергиевской Нюксенского района, значит, поговорка на Вологодчине бытует достаточно широко.

Язы́к на простóм мéсте (*у кого*) – о любителе говорить, болтать, пустословить: *Язы́к-то на простóм мéсте. Мелý, Емéля, твóй недéля!*

Нéучá в попы не постáвят – говорится о том, что человек, занимающий какую-либо должность или претендующий на неё, должен ей соответствовать по уровню образования: *Нéучá в попы не постáвят: Это рáньше так: если человéк не учýлся в семинарии, то его и не постáвят в попы. А если про сегодняшние времéна говорить, то я тák скажú: если ты плох или мало учýлся или не толкóвой, дак и нéчего и в начáльство лéзти. Сидí да не высóбывайся.*

Главная ценность крестьянина – труд и создаваемые трудом блага, поэтому в целом ряде пословиц и поговорок отражается отношение человека к труду:

Дождь дождýт – хозяин дрожйт, а казáк ráдуется: Дожж дожж – хозяин дрожйт, а казáк ráдуется. Казáк в этом говоре – наёмный работник. Хозяину дорог каждый час работы, а наёмный работник рад возможности отдохнуть.

Лень добrá не мыслит – от лени ничего хорошего не бывает: *Пóрано эишб. Подождú немнóжко. Косить надо. Лень добrá не мыслит.* Это часть более широкой сентенции: *Пар костей не ломит, линь добра не мыслит и бéз соли ec(m).*

День длýнный, а нýтка корóтка. Так говорят о весеннем дне, когда уже долг световой день, но человеку не работает, он в состоянии апатии, скорее всего, из-за весеннего авитаминоза. Даже зимой, в тёмные дни, работа могла идти лучше. Прилагательное *короткая* употреблено здесь в характерной для говора стяжённой форме *корóтка*.

Пár костéй не ломит. Предполагаем, что это говорится о пользе напряжённого труда, труда «до седьмого пота». Тогда логично объединение

этого оборота с его продолжением: *Пáр костéй не лóмит, лíнь добра не мыслит и бéз соли ес(т).*

Лóдям на час, а мý днём свернём – говорится насмешливо о том, что работа, быстро выполняемая другими людьми, будет выполняться говорящими в течение длительного времени.

Лéтом бы соcнúть, а зимой бы куснúть. Летом нужно напряжённо работать, ибо летний день год кормит. Если летом поленишься, то зимой будет тяжело, не удастся наверстать потерянного времени и возможности запастись продукты впрок. Ср.: *лето – припасиха, зима – подбериха.*

У плохóго хозяина в телéге и два колесá заhоботáт. При разбалансировке колесо в телеге будет хоботить, т.е. совершать колебательные движения. Хозяин, заметив это, сразу исправляет дефект. У плохого же хозяина и два колеса разбалансируются – он это проигнорирует, не исправит.

Хоть стéны чапáй, а всé равнò вставай – этими словами учат работать, действовать даже через силу, мобилизуя себя до последней возможности. Ср.: *хоть умирай, а рожь сеять надо.*

В режских паремиях нередко говорится об условиях успешной трудовой деятельности.

Жарóк да мелóк, даk испечёшь пирожóк. Жарóк да мелóк, даk испекёшь пирожóк. Жар опустишь, даk тóжко ницéб не сдёлаёшь. Если у хозяйки будут хорошие дрожжи (мел, мелок, закваска) и достаточный жар в печи, то пироги обязательно будут удачными. Ценится рачительность, умение вести домашнее хозяйство.

Катерíна да Егóр, сослужите слúжбу! – говорят, надевая рабочие рукавицы и похлопывая одной о другую. Думается, само это действие и произносимые при нём слова позволяют человеку сосредоточиться, проверить свою готовность к началу серьёзной работы.

На трáвах росá – лéгче хóдит косá. Во время сенокоса надо торопиться, пока солнце невысоко и роса не высохла. В нарóде недáром говорится: *на трáвах росá – лéгче хóдит косá.* Ср.: *коси, коса, пока роса, роса долой, и мы домой.*

Иногда в паремиях проявляется упование человека на природные условия, стремление его жить в согласии с природой.

Была бы угóда, так бóдёт и погóда. Угóда – урожай, нарост грибов и ягод: Былá бы угóда, даk бóдёт и погóда.

Пришли по лéто, уйдём по зимé – говорится о резкой перемене погоды, о похолодании: *Пришли по лéто, уйдём по зимé.*

Многочисленны единицы малых форм фольклора, озвучиваемые за столом:

Пáужна не вáжна, ўжин не нúжен – обéд хорошó. Здесь обыгрывается диалектное слово пáужна. В разных говорах оно имеет разные значения: ‘обед’; ‘полдник’; ‘ужин’; ‘перекус между основными приёмами пищи’; ‘приём пищи во время таких значительных работ, как сенокос, жатва или др.’ и т.д. В режском говоре пáужна – 1) ‘приём пищи во время таких значительных работ, как сенокос’: *Всéй-то и пáужны – стакán молока;*

2) 'приём пищи между обедом и ужином, полдник': *С пáужины ходыли по корóв; 3) 'ужин': Хорóшой обéд, дак и пáужны не нáдэ.* Полдник называется также словосочетанием *ránniaя пáужна*: *Файнка придёт да эстолькё бúдет нароóду, дак до обéда ограбём да до ранней пáужны.* Судя по анализируемой формуле, предпочтение в режиме питания отдаётся сытному обеду.

Без хлеба никто ни жить, ни быть не может. Ср.: хлеб – всему голова.

Всё, что ёсть в печé, несý на плечé. Шутливое обращение хозяина или гостя к хозяйке, стимулирующее её проявить радушие, гостеприимство, выставить на стол всю имеющуюся в доме пищу. В *печé* рифмуется с *на плечé* неслучайно: в режском говоре существительные 3-го склонения испытывают влияние 1-го склонения.

Без верхосы́тки и стол не богат. *Верхосы́тка* в режском говоре – кушанье, которое подаётся на окончание трапезы, своего рода десерт. Слово чаще употребляется в сочетании с предлогом: *на верхосы́тку*. *Десерт* 'фрукты или сладкие блюда, подаваемые в конце обеда' – слово французского, позднего происхождения, для русской крестьянской культуры не свойственное. Но в русской традиции после съеденного обеда многие любят полакомиться чем-либо резко отличающимся по вкусу – солёненьким, например, после сладкого киселя. Это и будет кушанье *на верхосы́тку*, поскольку оно заметно освежит вкусовые ощущения.

За вку́с не секúсь – лишь бы горячó было: *За уку́с не беру́сь (не секу́сь), лишь бы горячó было свáreno.* Эти слова о низком качестве приготовленной еды скромно говорит хозяйка, ожидая, впрочем, похвалы сидящих за столом.

Мáло чéстно, мнóго сýтно. Да мáло поéли-то! – *Мáло чéстно, мнóго сýтно!* Формула выражает удовлетворение от съеденного, достаточность его для ощущения сытости.

В зíму бы не пустíли (кого) – говорится о том, что животное должно иметь достаточный вес и упитанность, чтобы его оставили для разведения потомства. В нашем случае речь идёт о людях, стремящихся похудеть: *Ну, Олёшка, вы с маткой плохó кúшаите. Были бы борáнами, дак в зíму бы не пустíли.*

Приём пищи обставляется ритуалом, оформляется шутливыми поговорками:

Ещё бы подбежáло, да дёнышко помешáло. Шутливо говорится о быстро заканчивающемся вине.

Чай не пьёшь – какáя сýла? Чай попíл – совсéм ослáб.

Чай пить – не дрова рубить.

Приём пищи, чаепитие располагает к неторопливой беседе, и людей учат воспользоваться такой возможностью: *Сколько за столом посидишь, столько и в раю поживёши.*

Некоторые паремии оценивают ту или иную житейскую ситуацию:

В сухую воду не слáшишь. О невозможности сделать что-либо без усилий и затрат: *Много нáдо нýток на половики. А их и нет. А и есть – дорогое.* Без нýток и половиков не бúдет: *в сухую воду не слáшишь.*

В людях и на усторóнье. О ситуации, когда чувствуешь себя и в безопасности, и в курсе дела. *Кóшка съест колбасу и спит в швейной машине.* Никто не найдёт её: *в людях и на усторóнье.*

В паремиях нередко проявляется философичность отношения людей к жизни:

Вéк жить – не в побе́хать: Дорога-то в поле не долгая, а всё может случиться. А жизнь-то длинная, всякие беды бывают. Бывало, и погорюешь, и порадуешься, и посмеёшься, и поплачешь. Ср.: жизнь прожить – не поле перейти.

Где горе быва́ло, тут и горю́ – о покорности судьбе, о принятии случившегося как данности. Судя по этому обороту речи, человеку следует сдерживать себя, не проявлять прилюдно эмоций, не делать свои переживания достоянием посторонних.

В паремиях аккумулируются житейские наблюдения, практические советы:

За мóхой не с обúхом – говорится о том, что лёгкое дело нужно делать без особых усилий: *За мóхой не с обúхом. Ведь её топором не убьёшь.*

Кóсть да жи́ла – нагольная сýла – о худощавом жилистом человеке, обладающем большей силой по сравнению с полным человеком. Считается, что лучше быть худым, но сильным, чем полным, но нездоровыми: *Кóсть да жи́ла – нагольная сýла.* Прилагательное *нагольный* в числе своих значений в вологодских говорах имеет значение ‘содержащийся в большом количестве, большой’.

Кто стáре поймáет, тому глáз вы́колют – для достижения мира и взаимопонимания людям необходимо забыть старые обиды. Ср.: *кто стáре поймáет, тому глаз вон.*

На ýмного не наживáй – сám наживёт, а на дуракá не наживай – все проживёт – фраза учит человека своевременно повзросльеть и научиться обеспечивать себя самостоятельно.

Рáннее тéлятко, а пóзднее ёгнятко – телёнок должен родиться ранней весной, так как ему для взросления требуется больше времени, чем ягнёнку. Следовательно – всему своё время: *Рáннего телёночка уже весной выпускают здоровоенъского, чем того, который родится пóзже.* А ёгнятко – *дак тóт быстрéй растёт, хоть и пóзже родится, вот.* Говорят: *Рáннее тéлятко, а пóзднее ёгнятко.*

Режиссерские паремии фиксируют право человека действовать по собственному плану, по своему оригинальному замыслу, и с этим должны считаться: *У кáждого попá свóй устáв.* В кáждой цéркви попы служили по-разному, *вездé слúжбы отличáлись друг от дру́га.* А сейчáс так скáжут *вот в таком слúчае: много людéй, и кáждый своё говорít.* Или: *кто как говорит – все по-разному.* Ср.: *в каждом монастыре свой устав.*

Таким образом, режская паремиологическая система весьма богата. Наибольшим наполнением характеризуются такие группы её единиц, как «характеристика человека», «семейные отношения», «трудовая деятельность», «поведение за столом». Местная паремиология основана преимущественно на использовании общерусских смыслов (*жизнь – поле*, *Бог увидит, телятко – егнятко, летом – зимой* и др.). Способы организации паремиологических единиц в основном таковы же, как и в литературном языке. Их отличает краткость, лаконичность текста (*Дождь дождит – хозяин дрожит; Жижу създалей вижу* и др.); синтаксический и смысловой параллелизм (*Брат брату сосед, сноха снохе – коромысло; Не уродись, дерево на сквородник, а парень на животника; Девка спит – дом выспит, мужик спит – дом проспит* и др.); использование аллитерации (*Жижу създалей вижу, гуща того туще*), ассонанса (*в мятьё да в мытьё*) и рифмы (*днём свернём, ужин не нужен, есть в пече – неси на плече, уюда – погода* и др.). Благодаря этим механизмам пословицы и поговорки становятся эквивалентами практически бесконечного числа жизненных ситуаций (*Век жить – не в поле ехать; Где горе обняло, тут и горюй* и др.).

Вместе с тем режская паремиология включает в себя и заметный региональный материал. Это местные фонетические особенности (*артыль, дёнышко, коротка, сусёд*), диалектные грамматические формы (*батько, в печё*), диалектные слова (*животник, казак, кроёное, мятьё, нагольная, ну́жа, паужна, създалей, телятко, угода, егнятко*), семантические различия (*артыль* – ‘группа людей, компания’, а не ‘объединение лиц той или иной профессии’). Всё это придаёт паремиологической системе изучаемой местности неповторимое местное своеобразие.

Литература

Аникин В.П. Русский фольклор. – М.: Художественная литература, 1985. – 367 с.

Бавилова М.А. Семейно-бытовые обряды в контексте народной культуры // Словесность и культура как образ национальной ментальности. Юбилейный сборник трудов преподавателей филологического факультета ВГПУ. – Вологда: Изд-во ВГПУ, 2010. – С. 55–170.

Гришанова В.Н. Диалектные устойчивые выражения как отражение норм жизни носителей говора // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 231–237.

Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише. – М.: Наука, 1970. – 240 с.

Список сокращений

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

1.1.4. Своеобразие фразеосемантической системы режского говора: этнолингвистический аспект¹

В современной русистике этнолингвистическое направление представлено в трудах Н.И. Толстого, С.М. Толстой, А.Ф. Журавлёва, В.Н. Топорова, О.А. Черепановой, Т.И. Вендиной, Е.Л. Березович, М.Э. Рут, А.В. Юдина и многих других. В последние десятилетия всё чаще внимание исследователей привлекают региональные факты, позволяющие судить о своеобразии диалектной картины мира. Заметим, что возрастает интерес и к изучению фразеологии вологодских говоров в лингвокультурологическом плане [Кондрашкина 2012; Андреева 2012; 2013], издан словарь устойчивых оборотов речи в вологодских говорах «Золотые россыпи» под редакцией Л.Ю. Зориной [ЗР].

Бессспорно, наиболее ярко национальная специфика фразеологии проявляется в ходе сопоставительного изучения, о чём свидетельствуют работы, объектом анализа которых являются фразеологизмы разных языков [Малыгин 2011]. Не меньший интерес представляет сравнение общерусской фразеологии с региональными фразеологическими подсистемами русского национального языка.

Предметом описания в настоящей работе является фразеология говора жителей Режи. Речь жителей Режского поселения Сямженского района Вологодской области изучалась под руководством проф. Л.Ю. Зориной в течение нескольких десятилетий. В настоящее время картотека Словаря режского говора представляет интерес не только для диалектологов, но и для историков, этнографов. Самостоятельную ценность имеет фразеологический фонд этой картотеки. Рамки настоящей работы не позволяют описать всё его богатство: фактический материал используется избирательно в соответствии с целями исследования. Следует подчеркнуть, что перед нами реальная фразеосемантическая система, функционирующая на микротерритории – в рамках одного поселения.

М.И. Михельсон в начале XX века отмечал: «Существует двоякий способ выражения мыслей: мы определяем понятие или облекаем мысль словами в прямом их смысле, или же иносказательно, обиняками, намеками, сравнениями с подходящими по смыслу образными словами или, даже, целыми изречениями, в виде отдельных фраз, пословичных поговорок, пословиц и общеизвестных цитат» [Михельсон I: с. VI]. Проиллюстрируем это утверждение примерами из картотеки словаря режского говора. Важные для крестьянина понятия могут быть номинированы словами в их прямом значении: *бережйна* ‘трава, растущая на берегу реки’, *вáжнý* ‘ помещение для хранения зерна, муки’, *вóдополь* ‘половодье’, *доёнка* ‘дойная

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского илиома».

корова' и т. п. В то же время для обозначение самого обычного, бытового предмета, например, головного убора, может быть использована образная номинация. Так, высокую мужскую шапку круглой формы без ушей назовут *крайночка*, в основе семантического переноса лежит сравнение с крестьянской посудой – кринкой. Характеристика человека даётся при помощи таких слов, как *крутёло* ‘человек, быстро выполняющий какое-либо действие’ или *тихоброд* ‘человек, который медленно ходит’. Показательны контексты: *Крутёто работает – и будет крутёло. Хоть девушка, хоть парнёк, всё одно — крутёло.* Сямж. Монаст. *Крутёло и есть крутёло: идёт быстро, а коль тихо, так и тихоброд.* Сямж. Монаст. Таким образом, анализ диалектной лексики показывает, что в говоре, как и в литературном языке, наряду с рациональным познанием мира отражается его чувственное восприятие. Приведённые примеры дают возможность судить об образной, эмоциональной речи режаков.

Ещё более ярко эти качества проявляются при использовании фразеологизмов: понятие, мысль выражаются при помощи устойчивого оборота. Так, в режском говоре о ленивом человеке скажут – *коромысло в спине заросло. Коромысло в спине заросло* — это уже бодро о ленивом человёке говорят. У него *коромысло в спине заросло.* Сямж. Монаст. *Вон как худо шевелится! Ой, Колька, Колька! У тя коромысло в спине заросло! Нешевеля такой был!* Сямж. Монаст. Описывая людей, очень похожих в каком-либо отношении, используют фразеологизм *как из одной плахи колоты:* *Как из одной плахи колоты, так похожи были – не разберёшь!* Сямж. Монаст. *Серёжа да отец – дак как из одной плахи колоты! А Коля совсем другой, все умеет.* Сямж. Монаст.

Будучи единицей вторичной номинации, фразеологизм обладает более сложной семантикой даже в сравнении с образными словами: понятие обозначается «иносказательно», важную роль при этом играют ассоциативно-образное представление носителей диалекта об окружающем мире, оценка какого-либо явления, ситуации. Так, при варке пива отмечают разные этапы этого действия при помощи устойчивых оборотов: *косами заходило* скажут ‘о сильном брожении сусла в процессе приготовления пива’. *Сусло хорошее будет: косами заходило.* Сямж. Монаст. При приготовлении пищи может быть использован оборот *ключи улягутся* ‘о прекращении бурного кипения жидкости’. *Пусть постоит маленько, чтобы ключи-ти улеглись. Вот как кисель сваришь, дай постоять: пусть ключи улягутся.* Сямж. Монаст. Фразеологизм *седой старик приехал* имеет значение ‘о сильном утреннем инее осенью’: *Как большой иней утром, так бабушка сказывала: «Вот уж, девушки, седой старик приехал. Видно, скоро холодно».* Сямж. Монаст. О старой, залатанной одежде, обуви говорится: *нет хозяина (на чём-либо): А она придёт на вечеринку, дак у неё нет уж хозяина на рубашке, вся из мелких лоскутков.* Сямж. Монаст. Как видим, народная речь отличается оценочностью, образностью, экспрессивностью.

Описать ФСС говора в этнолингвистическом аспекте помогает идеографическая классификация, в основе которой описание семантики, анализ

внутренней формы фразеологизмов. Такой подход позволяет определить, какие фрагменты окружающей действительности наиболее значимы для диалектоносителей. В составе режской фразеологии прежде всего выделяются две большие группы: «Человек» и «Окружающий его мир», каждая из которых состоит из отдельных подгрупп.

В первой группе при помощи ФЕ оцениваются различные качества человека, особенности его поведения, характер действий, отношения в социуме, нравственные нормы, традиции, система оценок.

Положительно оценивались такие свойства человека, как решительность, умение настоять на своём: *режь, а кровь не кáнет* ‘об очень решительном, твёрдом человеке’. Высоко ценилось трудолюбие (*наперёд кла́сть нáшу* ‘брать на себя тяжёлые виды работы’), ум, знание (*три аршина в зéмлю вйдит* ‘об умном, проницательном человеке’), скромность, милородивый характер (*травы нé бðёрнёт* ‘о тихом, скромном человеке’). Как правило, контексты усиливают положительную оценку отмеченных фразеологизмов: *А внучáтка хорóшенькие, травы не одёрнут. А бáбка-та воспитáла их*. Сямж. Монаст.

О народном идеале позволяют судить и ФЕ, содержащие отрицательную оценку, поскольку именно они характеризуют те качества, которые не одобрялись в крестьянской среде, вызывали осуждение: глупость, лень, жадность, необщительность, неразговорчивость или же, напротив, излишняя болтливость. В качестве примеров приведём фразеологизмы *как бóжий бычóк, дíкая головá (мéсто), ни из носа ни изо рта* ‘о глупом, бестолковом человеке’, *трём собáкам воды не разлítъ* ‘о неумелом, несообразительном человеке’, *не нá руки кудéлька* ‘о неумелом работнике’, *в спинé коромысло (лень) заросло* ‘о ленивом человеке’, *к себе пáльцы гнúтся* ‘о жадном человеке’, *безъязы́кое мéсто* ‘о неразговорчивом, молчаливом человеке’, *язык на простом месте, язык незапертой* ‘о болтливом человеке’.

Как правило, в контексте за счёт лексического окружения, синтагматики, грамматических конструкций возрастает экспрессивность высказывания: *Ой, боже мой! Такие некувяки девки-то! Ни спросить, ни сказать! Ни из носа, ни изо рта!* Сямж. Монаст. Иллюстративный материал показывает, в какой ситуации те или иные качества, свойства характера порицаются диалектоносителями: *А как э́тта приходíла ко мне слáвница-то, дéньги приносíла, только зашлá да и ушлá – ну и безъязы́ко мéсто!* Сямж. Монаст.

Оценочный характер имеют фразеологизмы, обозначающие внешность человека. Положительная оценка окрашивает предметно-понятийное значение ФЕ *кость да жила – наугольная сила* ‘о худощавом жилистом человеке, обладающем большой силой’, *со всегó лéсу* ‘очень высокий, крепкого телосложения’. Отрицательную окраску содержат ФЕ *однó костьё* ‘о похудевшем, худом человеке’ (У менé ничего уж не осталось, однó косьё. Сямж. Рассох.); *как из тени волокут* ‘о чрезмерно худом, тощем человеке’ (Как из тéни волокут – такáя сухáя. Не мóжет напрáвиться, все сухáя,ничегó не подаётся. А другой как на опáре киснет. Сямж. Монаст.).

В составе первой группы выделяются также фразеологизмы, которые описывают физическое состояние человека, как правило, тяжёлое из-за напряжённой работы или преклонного возраста. Приведём примеры: *остаться от рук* ‘о сильной усталости после напряжённого физического труда’ (Так будешь гресть, что отстанешь от рук, отстанешь от рук — до чего уж дёлается. Сямж. Монаст.); с *копылков упасть* ‘упасть без сил, в изнеможении от тяжёлой, изнурительной работы’ (Идите чай пить, а тобо все рабочие с копылков упадут. Сямж. Монаст.), язык *навыворот* ‘о состоянии сильной усталости’ (Хозяйство-то было большебе, коробы да телёнок — бегаешь, дак язык навыворот. Сямж. Монаст.), зыху нет (у кого) ‘о затрудненном дыхании, сильной одышке’ (Зыху-то нет, дак топерь и петь-то не могу. Сямж. Грид.). Другие фразеологизмы характеризуют эмоциональное состояние человека: *в духах* ‘в хорошем расположении духа’, *сердце в брюхо упало* ‘о внезапном ощущении тревоги, испуга’, *полная шапка волос* ‘о сильном испуге’, *сердце заходит* ‘о состоянии огорчения, душевной боли’, *скука долит* (*одолит*) ‘ожхватывать кого-либо, всецело овладевать кем-либо (о состоянии скуки)’, *петь победные песни* ‘горевать’. У меня мама двадцати девяти лет вдовой осталась, дак всё и пела победные песни. Сямж. Монаст.

Следующая подгруппа включает в свой состав фразеологизмы, описывающие трудовую деятельность человека, его основные занятия. Особый интерес в этнокультурном плане представляют архаичные ФЕ. Так, фразеологический оборот *катать* (*катить*) *новину* (*новинку, льнище*) ‘расчищать участок леса под пашню, посев льна: после вырубки поваленный лес и выкорчеванные пни складывают в «валы», зажигают их и перекатывают по земле’ позволяет судить о древнем подсечно-огневом земледелии: *Как начнёт катать новину, так лес вырубят, все каменья уберут. Новину-то катят, дак много нарбду соберёцца*. Сямж. Монаст. Фразеологизм *ходить на чучалки* (*на чучалках*) ‘охотиться с помощью чучела тетерева’ связан с охотничим промыслом: *Когда тоб, птица-то токёт, дак ходят на чучалках. Сошьют чучалку, пёрышек навтыкают, посадят на дерево. К этой-то чучалке прилетает тетерев. Это называют — ходить на чучалку. Иногда по две-три птицы принесут*. Сямж. Монаст. Во время сено-коса умелый хозяин должен правильно отбить и наточить косу. Фразеологизм *натянуть бухтин* имеет значение ‘сделать несколько выбоин, вмятин на лезвии косы, неумело её отбивая’: *Пузарь на косе такой, сюда колонёшь — бухтина будет. Как натянул бухтин, так и всё, бросай косу*. Сямж. Монаст.

Отметим фразеологические обороты, связанные с ведением домашнего хозяйства: *смотреть за всяkim ме́стом* ‘следить за хозяйством, содержать всё в порядке’ (У нас раньше за всяkim ме́стом дед смотрел, а теперЬ всё развалится. Сямж. Грид.); *отменку делать* ‘наводить порядок, прибираться’ (У меня ведь, дёУки, всё не бáско. А раньше робят полон дом быУ, дак какой уж порядок! Всё квёрху дно. Токо в праздники отменику и дёлали. Сямж. Монаст.); *дóма не знать* ‘не заниматься ведением домашнего хозяйства’.

ства' (*Я управляла всё чисто, она дома не знала – встала да пошла. Сямж. Монаст.*). Судя по приведённым контекстам, в крестьянском доме должен быть порядок, нерадивые хозяйки подвергались общественному осуждению. Следует подчеркнуть, что для сельского жителя всегда было важно мнение окружающих, о чём косвенно свидетельствуют ФЕ быть на славе 'пользоваться уважением', попасть в честь 'получить признание, прославиться'.

Этнокультурный компонент фразеологического значения ярко проявляется в информации о традициях и обрядах носителей говора. Ритуальные формы народной культуры отражаются во фразеоговорках, связанных с обрядами, сопровождающими важные события в жизни крестьянина: жатва, строительство дома, сватовство, похороны. Анализ архаичных ФЕ позволяет реконструировать систему верований наших предков.

Приведём примеры устойчивых оборотов, связанных с окончанием жатвы: *дожинальный сноп* 'сноп, который жнецы ставили в передний угол дома в знак окончания жатвы' (*А кудá кончали жать, дожинальный сноп домой носили – в сутки постаёт под икону. Сямж. Монаст.*); *дожинальный саламат* 'блюдо из овсяной крупы, приготовляемое на празднование окончания жатвы' (*Мать готовит дожинальный соломат – плошку, очень вкусное. Да вы бы теперь и ёсь не стали. Сямж. Грил.*).

По традиции отмечались важные этапы в строительстве крестьянского дома. Так, устойчивый оборот *пить закладное* имеет значение 'праздновать начало строительства', *пить матицу* 'праздновать закладку матицы, основной балки, поддерживающей потолочный настил в деревянных строениях': *Закладное бревно положат – пьют закладное, кнечковое – кнечковую праzdнуют, и матицу дак пьют. Сямж. Монаст.* Соответственно составное наименование *матица-саламатица* обозначало 'веселое собрание с угощением, пирушка по поводу укладки матицы, сопровождающаяся приготовлением саламата': *Как матицу-то в дому положат, дак саламат и делают. Вот и называют: матица-саламатица. Сямж. Монаст.*

О старинном народном обычай свидетельствует ФЕ показать тело до колена 'в традиционной народной культуре – приподняв подол, продемонстрировать качество и чистоту нижнего белья девушки и её способность к рукоделию': *Подподъльницы носили. Девке нельзя было прийти, чтобы виски какие-нибудь были. Ишиб парни говорили: «Покажи тело до колена!» Десять раз скажут, не отступятся от девки, если у неё худое бельё. Сямж. Монаст.*

Согласно крестьянским патриархальным взглядам, главное предназначение женщины – это семья, материнство, девушка должна вовремя выходить замуж, 'не засиживаться в девках'. Об этом свидетельствуют ФЕ присаживать к месту 'выдавать замуж' (*А мамка-то и говорит: «Парнейко-то хороший сватается, надо к месту тебе присаживать». Вот и пошла я замуж, а уж плакала! Сямж. Рассох.*); не в соль солить (кого) 'о необходимости своевременно выдавать замуж' (*Дедушка сказал: надо замуж отдавать, девок-то ведь не в соль солить. Сямж. Монаст.*).

С ситуацией сватовства связаны ФЕ *шило сковать* ‘получить отказ при сватовстве’ (*Шило сковáл пárень-то, впросáк попáл*. Сямж. Рассох.), *сáжей облыть* ‘отказать жениху при сватовстве’ (Он за ней полгода бéгал, а его сáжей облыли. Зря и бéгал. Сáжей облыли. Сямж. Монаст.). Фразеологизм *мéсто (мéста) смотрéть* имел значение ‘в свадебном обряде – осматривать хозяйство жениха или приданое невесты’: *Сосватáют невéсту, приéдут к ней мéста смотрéть: корóву, подúшки*. Сямж. Монаст. Со следующим этапом свадьбы – самим свадебным торжеством связаны устойчивые обороты *подзыва́ть к стакáну* ‘угощать пришедших на свадьбу посторонних, но, как правило, знакомых людей, которым нет места за праздничным столом’ (У нас рáньше ведь подзывали к стакáну – молодáя. Приходят посторонние посмотрéть, да к приглашаéт: «Файна Прокóпьевна! Подойдите сюдá!» Котóрые выпьют цéлую стóпку, а на вýлке тирóгда ковбасú подаóт. Сямж. Монаст.), малые (маленькие) столы ‘праздничный обед для небольшого количества людей в первый день свадьбы’ (Сначáла ма́ленькие столы бýли, сидéли недóлго. Сямж. Монаст.), большие столы ‘в традиционном свадебном обряде – застолье на второй день свадьбы’ (На вторóй день большие столы бýли. Людéй побóле, и сидéли подóле, и наготóвлено побóле вся́кого. Сямж. Монаст.), отсыдéть столы ‘принять участие в свадебном торжестве’ (Сначáла у невéсты столы отсидáт, потóм у женихá. Сямж. Монаст.).

О древних суевериях, распространённых в крестьянской среде, свидетельствует ФЕ *на опáшку бросить* ‘бросить, кинуть за себя, в сторону (о записке, которая писалась в случае пропажи скотины)’ *Мáло ли бываéт, овéц закрóет, и стадовóдницы не слышно. Тогдá схóдим к Секлéтии, она канбалú напýшет, бróсим на опáшку – óвцы и прибежáли*. Сямж. Монаст. *Камбалú напýшет на берёсте и бróсит на опáшку, за себá тó есть*. Сямж. Рассох. В вологодских говорах слово *кабалá* (канбалá, камбáлá) употребляется в значении ‘по суеверным представлениям – записка с заговором, помогающая найти пропавшее животное’.

Выделяется подгруппа устойчивых оборотов, отражающих языческие верования русского народа. Так, ФЕ *нéчи́сть бánnáя* имеет значение ‘по суеверным представлениям – нечистая сила, которая обитает в бане’: *Вот руки-то неглáдкие бываóют из бáни, так э́то нéчи́сть бánnая навелá*. Сямж. Монаст. Фразеологизм *слóвно бánnик унёс* ‘о внезапной, неожиданной пропаже чего-либо’ происходит, вероятно, из представления о свойствах нечистой силы, её способности появляться и исчезать мгновенно, всячески вредить человеку: *Ключ от бáни потеря́ла... Встрéтила бáбу, поговори́ла. Тогó чáсу поговори́ла – и потеря́ла. Ну, слóвно бánnик унёс*. Сямж. Грид. В говоре Режи лексема *банник* имеет значение ‘по суеверным представлениям – злой (или добрый) дух, живущий в бане, вид домового’: *А бánnик так всé и сидít в бáне за кáменкой. И когда мбиссé, тóжко там и сидít*. Сямж. Монаст. В сложной системе народной демонологии своё место занимают *бáтиюшко-доброхóдушко, мáтушка-доброхóтница*, обозначающие мифических персонажей, обитающих в конюшне: *Водворéют скотíну, да к*

уж обяза́тельно клáнеются в три уголкá подклéти, приговáривают: «Бáтьюшко-добрахóушко, ма́тушка-добрахóтница, примýте мою животинку в чесь и ráдось. Сямж. Монаст. В говоре Режи глагол водворять иметь значение ‘совершать обряд введения новорождённого или нового животного в хлев’: Корóва родít телёнчика, надо его водворить. Сямж. Монаст. Контекст свидетельствует ещё об одном народном обычай: приглашать с собой домовых при переезде в другой дом: Ма́тица-добрахóтица, бáтьюшко-добрахóтешко! Пойдём со мной домо́й. Так говорят, когда невéста перееzжает в дом мýжса. Или семья – в друго́й дом. Сямж. Монаст. Батюшко в народной речи имеет значение ‘отец’, исходное значение слова матица – ‘мать’, о чём свидетельствуют данные этимологических словарей [Фасмер II: 581] и наблюдения исследователей [Криницкая 2014]. Отмеченные устойчивые обороты не случайно включают помимо терминов родства второй компонент – доброхóтешко, доброхóтица: эти слова должны «задобрить» мифического персонажа, установить с ним контакт. В противном случае он может причинить вред: так, бáтьюшко-добрахóтешко способен вселиться в человека и начать его душить. О.А. Черепанова отмечает: «Персонажи демонологии обнаруживают сходные с человеком черты в своём облике, поведении, отношениях, но всегда с какими-то ограничениями, отклонениями от норм реальности или вовсе с «обратным знаком» [Черепанова 1996: 7].

Одним из древних компонентов, входящих в состав диалектных фразеологизмов, является лексема *прах*, обозначающая нечистую силу. Л. П. Якубинский в «Истории древнерусского языка», описывая распространение церковнославянских слов в говорах, рассматривает слово *прах* как эвфемизм чёрта [Якубинский 1953: 116]. В говоре Режи отметим следующие идиомы: *надавáло ко прахам* (кого) ‘о том, кто пришёл не вовремя, некстати’ (*Ко прахам ёщё тебя мне надавáло! Видишь, и так нéковда.* Сямж. Рассох.; *пойтí ко прахам* ‘полностью разрушиться, потерпеть неудачу, провал’ (*Я так старáлась, рисовáла, а ко прахам все и пошлó.* Сямж. Рассох.); *прах ногу сломит* ‘о беспорядке, захламлённости в доме’ (*Грýзно ли, што ли, дак скáжут – хавáвно, прах ногу сломит.* Сямж. Грид.). Факты современного говора подтверждают точку зрения Л.П. Якубинского: диалектные фразеологизмы строятся в основном по общерусским моделям с компонентом чёрт: ср. *пойтí ко прахам – пойти к чёрту* (ко всем чертям), *прах ногу сломит – чёрт ногу сломит*. Однако заметим, что внутренняя форма диалектных ФЕ, на наш взгляд, может сохранять и более ранние (дохристианские) представления наших предков о мире. Производное значение старославянского слова *прах* ‘останки, то, что осталось от тела умершего’ даёт возможность предположить перенос значения на метонимической основе ('останки' → 'сам умерший'). Это заставляет вспомнить культ умерших предков, распространённый у славян в глубокой древности, отчасти сохранившийся до наших дней (например, обрядовая еда на поминках). В этом случае ФЕ с компонентом *прах* отражают христианско-языческий синкрезизм, свойственный народному мировосприятию.

Образ, положенный в основу значения фразеологизмов *душа́ коротка* (у кого) ‘о человеке, у которого от физических усилий появляется одышка’ (*Ой, скóро и у менé душá стáнет корóткой, ёле здыши́у*. Сямж. Монаст.); *души знатко* ‘заметен, виден пар изо рта (при дыхании в холодном помещении)’ (*В двóх-то кóмнатах не хбодно, а в однóй дак душí знáтко: дыхнёшь, дак ви́дно*. Сямж. Монаст.), связан с древними представлениями славян о душе, духе. Внутренняя форма этих ФЕ показывает, что древние народы отождествляли явления, названные словами *дух*, *душа*, *дыхание*, на что неоднократно обращали внимание лингвисты.

Многие ФЕ отражают православный взгляд русского человека на мир. Большинство из таких фразеологизмов выражает главную идею – всё в судьбе человека находится во власти Божьей: *у Бога днeй не решето* ‘о большом количестве времени’. В ситуации, когда необходимо подтвердить истинность своих слов, используется фразеологизм *на то Бог: На то Бог, я его ви́дяла: вчера́ в магазíн приходи́шь*. Сямж. Монаст. Внутренняя форма фразеологизма *вкру́те Бóга не умóлиши* ‘о попытках в последний момент перед чем-либо наверстать упущенное, не сделанное своевременно’ свидетельствует о правилах христианского поведения: Бог должен быть постоянно в сердце человека, нельзя обращаться к нему только в трудной ситуации. *Перестáнь, Áнна! Вкру́те Бóга не умóлиши*. Сямж. Монаст. О необходимости соблюдения христианских тайнств говорит устойчивый оборот *грехи сдава́ть ‘исповедаться’*. *Что, нагреши́ла? Дак нáдо к бáтиушке идти́* *грехи́ сдава́ть*. Сямж. Монаст. Фразеологизм *лётáчий огóнь* имеет значение ‘огонь, высекаемый трением в Чистый четверг в обрядовых целях’: *Её спрóсиши: «Чегó секёшь?» – «Литéчъёй огóнь»*. *А когдá высекёт, дак и скáжёт*. Сямж. Монаст.

О православном отношении к смерти можно судить по внутренней форме ФЕ *на прáвом путь* (кто) ‘об умершем человеке’: *О покóйниках пло́хо не говорят, а онá тепéрь уж на прáвом путь, как говорят*. Сямж. Монаст. Внутренняя форма фразеологизма связана с представлением о том, что после смерти душа человека покидает *грешную землю*, переходит в *лучший мир, горний мир*, к которому ведёт *правый путь*.

Внутренняя форма фразеологизма *отдать пла́тьице ‘умереть’* требует этнокультурного комментария, поскольку отражает, по-видимому, древний обряд: отдавать вещи покойника тем, кто провожает его в последний путь: *Онá и деве́ти мéсечей пóсле егó не прожилá, тбóжо пла́тьицею отдалá*. Сямж. Монаст. Об этой ритуальной традиции свидетельствует и фразеологический оборот, зафиксированный в Междуреченском районе Вологодской области: *дары покойника* ‘вещи покойника, которые на поминах дарили пришедшим’ [ЗР: 55]. Как видим, сакральная идиоматика представляет собой один из самых важных пластов в составе ФСС диалекта.

Большой интерес представляют ФЕ, отражающие обиходно-эмпирический опыт народа: *в сухúю вóду не слáзиши* ‘о невозможности что-либо сделать без усилий и затрат’: *Много надо ниток на половики. А их и нет. А и есть – дорогие. Без ниток и половиков не будет: в сухую воду не*

слазиши. Сямж. Монаст. В русском литературном языке значение многих фразеологизмов формируется, благодаря архетипу *вода*. Экспрессивность отмеченного регионального фразеологизма создается за счёт использования оксюморона – *сухая вода*.

В составе ТГ «Окружающий мир» можно выделить несколько подгрупп. В жизни крестьянина-земледельца большую роль играет погода. Ряд диалектных фразеологизмов ярко, образно характеризует её состояние: *чистая погода* ‘безветренная погода’, *до дождя вёдро* ‘о кратковременности установившейся ясной погоды’, *прийти по лето, уйти по зиме* ‘о резкой перемене погоды’, *на семёре ехать* ‘быстро и резко меняться (об осенней погоде)’, *дождь с горы* ‘о непрерывном обильном дожде’. Контексты свидетельствуют о том, что от погодных условий зависят результаты труда крестьянина: *Нынче, видно, всё лето будет дождь с горы и сёна не накосить хорошего*. Сямж. Монаст.

Отдельные фразеологические обороты служат для яркого, образного обозначения состояния почвы: *провалилась полоска* ‘о плохой, неплодородной земле’ (У кого мало скотыны, мало наавзу, дак не родит, провалилась полоска. Сямж. Монаст.); *песок-жорун* ‘крупный жёлтый песок’ (*Посажена картошка тут, а земля-то худая, один песок-жорун*. Сямж. Монаст.)

Важной в семантическом плане является и группа пространственных фразеологизмов, в их числе ФЕ *рукá подáть* ‘близко’, которая представляет собой грамматический вариант общерусской идиомы *рукóй подáть*: *Здéсь-то рукá подáть от Вóлогды, а в Кíч-Городок далекó éхать*. Сямж. Как утверждает В.В. Красных, в подобных фразеологизмах отражается древнее моделирование человеком мира: «В архетипических формах оккультуренной человеком пространственной модели мира естественные границы человеческого тела человека разделяют внутреннее для него и внешнее. В телесно достижимой части окружающего мира руки очерчивают границу возможного непосредственного контакта человека с тем, что заполняет окружающий его мир» [БФС: 537]. В результате у компонента *рука* развивается символическое значение ‘близость’. Фразеологизм *на эдаком тору* имеет значение ‘вблизи от большой проезжей дороги’: *Тáмто, у тёти Нáсти, дóм-то лúчше, а у нас на эдаком тору дак*. Сямж. Монаст. Устойчивый оборот *на устороннице* употребляется в значении ‘отдельно, обособленно от других, в стороне’: *Да онá на устороннице живёт, не сколько киломéтров отсюда*. Сямж. Монаст. *Я ведь мéста-то много не займú, на устороннице постою – и всё*. Сямж. Монаст. *Я на устороннице сяду, не бýду вам мешáть*. Сямж. Грид.

Региональные фразеологизмы отражают народный эталон – крестьянскую меру вещей, явлений окружающего мира. Квантитативные ФЕ обозначают понятия ‘много’ – ‘мало’, обычно они отличаются ограниченной сочетаемостью: связаны с определённой предметной сферой, характеризуют конкретные действия. Так, фразеологизм *мыши бежйт, дак видно* имеет значение ‘о редких посевах, траве’: *На моём покóсе дак по волóтинке в*

ряд, ничего нет. Спрóсят: «Каковá трапá на пóжне?» – Ну и отвечаешь: «Мышь бежйт, дак вýдно». Сямж. Монаст. Количество времени оценивает такой фразеологизм, как много-мало ‘время от времени, иногда’: Онá мнóго-мáло, а крещаёт детишек. Пráвда, над ей смеются мнóгие, да всё-таки зовут. Сямж. Монаст.

Количественное значение выражают фразеологизмы целый кузов ‘очень много, в большом количестве’ (Я нéсен-то знаю цéлый кúзов. Сямж. Монаст.); как из кузова валит ‘о большом количестве задаваемых вопросов’ (Онá за языком не стойт. Онá нáтиск имéёт. У неё как из кúзова валит. Ой, колоколéц! Онá нáтиску даёт! Сямж. Грид.). Компонент кузов ‘берестяной короб для семян, зерна’ используется в символическом значении ‘большой объём, много’. Сходная внутренняя форма у общерусского фразеологизма с три короба ‘очень много, невесть сколько’ [БФС: 609]. ФЕ с кáжного самовáра (пить) характеризует действие: ‘очень много и часто пить’. Рыба-то солёная, я и поéла, с тогó и пью, поманю и попью, поманю и попью — дак с кáжного самовáра. Сямж. Монаст.

Как видим, вторая группа значительно меньше по своему объему, что объясняется, вероятно, антропоцентрическим характером фразеологии. Правда, следует отметить в составе этой группы большое количество составных наименований. Обладая такими признаками ФЕ, как устойчивость, воспроизводимость, они выполняют в языке диалекта, прежде всего, номинативную функцию. Однако следует заметить, что народные устойчивые обороты такого типа нередко сохраняют образность, отражают народное восприятие мира. Об этом в частности свидетельствуют составные фитонимы мыший горох ‘растение *Vicia cracca* L., семейство мотыльковых, горошек мышиный’, мышья сосенка ‘растение *Equisetum arvense* L. полевой хвош (летний)’, медвежье ушко ‘растение *Verbascum*, толоконница’, девичья красота ‘растение *Dianthus campestris* полевая гвоздика’, зоонимы травяная кобылка ‘кузничек’.

Проведённый анализ подтверждает мысль Л.А. Ивашко: «Национальное своеобразие ФЕ проявляется прежде всего в специфике внутренней формы фразеологизмов, развитии тех или иных образных тем, образных стержней ФЕ на национальной основе в связи с конкретными реалиями, явлениями жизни народа, этнографическими особенностями, с использованием соответствующей лексики в составе ФЕ» [Ивашко 1994: 34]. Фразосемантическая система режского говора отражает духовную и материальную культуру северного крестьянина, позволяет судить о его мировосприятии. Описание региональной фразеологии помогает представить диалектоносителя как языковую личность на её вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом уровнях.

Продуктивным при описании диалектных ФЕ представляется диахронический подход, поскольку он позволяет раскрыть внутреннюю форму фразеологизмов. Культурно маркированными являются фразеологизмы, в составе которых находятся этнографизмы, собственно диалектная лексика. Описание фразеологического образа региональных ФЕ требует, как прави-

ло, лингвокультурологического комментария. Для носителей литературного языка внутренняя форма региональных идиом, как правило, затмнена, тогда как диалектоноситель чувствует их образность, экспрессивность – те коннотативные составляющие, которые формируют семантику фразеологических оборотов. Так, в составе диалектных фразеологизмов могут быть использованы архаичные лексические компоненты: *дожи́ть до епанчы* ‘обноситься, оборваться’. До епанчы, скажут, дожида́, в какой одёжке худой ходит. Сямж. Монаст. Для жителей Режи внутренняя форма ФЕ является прозрачной: в режском говоре *епанча* имеет значение ‘старая, изношенная рабочая одежда’. В современном русском языке это слово используется в значении ‘старинная верхняя одежда в виде широкого плаща’. Первая фиксация слова *епанча* ‘род накидки, плаща, широкое длинное верхнее платье без рукавов’, согласно данным Словаря русского языка XI–XVII вв., датируется XV в.

Локальный характер фразеологизмов, известных режскому говору, обусловлен разными причинами. Прежде всего, региональные ФЕ могут включать в свой состав диалектные компоненты: *мáтица-доброхóтица, травы не одёрнет, словно бáнник унёс, брать такими кочами*, устаревшие слова: *на пятах* упечься. Нередко такие фразеологизмы строятся по общерусским моделям (ср.: *на брилах* молоко не обсохло – на губах молоко не обсохло).

Различие между диалектными и общерусскими ФЕ может наблюдаться на грамматическом уровне (*с руку – с руки, рука подать – рукой подать*).

Компонентами региональных фразеологизмов могут быть семантические диалектизмы, совпадающие по форме с общерусскими словами и отличающиеся от них по своему значению: *петь* (запеть победные песни) ‘горевать (начать горевать)’: У менéй мáма двадцати девятý лет вдовой осталась, дак всё и пéла победные пéсни. Сямж. Монаст. Вот отéц-от у нас не вернулся, и запéли мы с мáмой победные пéсни, однí остались с шестерýми робýтами. Сямж. Монаст.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть общность ассоциативно-образной основы общерусских и диалектных ФЕ (ср. *целый кузов – с три короба*). Анализ ФСС режского говора подтверждает точку зрения И.А. Подюкова: «Фразеосюжеты в народной речи чаще всего универсальны, совпадают не только в разных говорах русского языка, но и в разных языках» [Подюков 2010: 18]. Близость фразеосюжетов очевидна и при сопоставлении общерусских и диалектных фразеологизмов (ср. *травы не одёрнет – тишие воды, ниже травы*).

Литература

Андреева Е.П. Культурная мотивация диалектных фразеологизмов (на материале «Словаря вологодских говоров») // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Ч. 10. – Вологда: Легия, 2012. – С. 167–172.

Андреева Е.П. Отражение народной культуры в диалектной фразеологии (на материале Словаря вологодских говоров) // Русское слово и Костромской край: сборник статей / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 89–94.

Ивашико Л.А. Диалектная фразеология и её формирование на базе лексики народной речи. Автограф. дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 1994. – 38 с.

Кондрашкина С.И. Фразеология вологодских говоров как объект лингвокрасведения // Филология в образовательном пространстве города Череповца: История и современность (к 85-летию со дня рождения Л.Я. Маловицкого). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Череповец, 2011 / отв. ред. Е.В. Грудева. – Череповец: ЧГУ, 2012. – С. 70–78.

Криничная Н.А. Матица – слово, образ, символ // Русская речь. – 2014. – № 4. – С. 116–121.

Малыгин В.Т. Национальное своеобразие русской и немецкой фразеологии в аспекте со-поставительной лингвокультурологии // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятьте Жуковские чтения): материалы Междунар. научн. симпоз. к 90-летию со дня рождения Владислава Платоновича Жукова: в 2 т. Т. 1. – Великий Новгород, 2011. – С. 23–27.

Подюков И.А. О локальных особенностях пермской диалектной фразеологии // Вестник Пермского университета. Русская и зарубежная фразеология. – 2010. – Вып. 5 (11). – С. 18–22.

Черепанова О.А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 212 с.

Якубинский Л.П. История древнерусского языка / под ред. В.В. Виноградова. – М.: Учпедгиз, 1953. – 368 с.

Список сокращений

БФС – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / авт.-сост. И.С. Брилева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, И.В. Зыкова, С.В. Кабакова, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, В.Н. Телия; под ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006; 4-е изд. 2009. – 784 с.

Михельсон – Михельсон М.И. Русская речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В 2 т. – М.: Терра, 1994.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. Т. 1–4. – М., 1986–1987.

ЗР – Золотыеrossыни: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских говорах / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2014. – 304 с.

1.1.5. Характеристики детей в речи жителей Режского поселения¹

Исследование речи жителей Режского поселения даёт интересный материал, касающийся лексики, называющей детей. Пространство детства в традиционной культуре – это «особый феномен, изучая который можно увидеть мир “взрослой” культуры» [Белик 1999: 107]. Поэтому любые наблюдения локального характера имеют значимость для создания языковой картины мира вологодского и, шире, – русского крестьянина.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

В изучении диалектной лексики детства мы исходим из положений современной лингвокультурологии, где прочтение в слове культурной информации обуславливает апеллирование к данным различных дисциплин, таких, как лингвистика, этнография, культурология, педагогика. Это, в свою очередь, позволяет создать надежную аналитическую основу, опираясь на которую, возможно близко подойти к сути исследуемого явления традиционной культуры.

В связи с этим особый интерес представляет этнопедагогика, обращение к которой становится всё более популярным, особенно с развитием в современной науке такого направления, как «культурная история повседневности» [Гавришина 2007: 205; Зорина 2014].

Этнопедагогика в культурной истории повседневности занимает большой пласт [Нездемковская 2009]. Термином *этнопедагогика* обозначают народное воспитание детей, воспитание в народной среде и народной средой.

Народное, или традиционное, воспитание происходит спонтанно, т. е. как бы само собой. Открытой дидактичности и морализаторству школьного обучения противостоят скрытая дидактика и нравственность живой разговорной речи, что неразрывно связано с традиционным семейным укладом, бытом, совместным трудом и пропитано особым духом.

Важнейшую роль в традиционном воспитании и образовании играет живая народная речь, ибо она отличается от «очищенного» и «фильтрованного» литературного языка большей силой, красочностью и свободой.

Именно эмоциональность и образность диалектных слов позволяют скрыть дидактизм, сделать ненавязчивой поучительность в живой народной речи. Ведь, как известно, диалектное слово в отличие от литературного всегда аксиологически значимо. Старшие члены деревенской семьи, как известно из текстовых иллюстраций, интуитивно расценивают слово как один из способов самовыражения через возможность дать собственную оценку всему, что их окружает. В характеристиках детей, даваемых в народной традиции, проявляется поразительная образность народного мышления. Характеристика-сравнение, характеристика-метафора называют ребёнка на данный момент, в данной ситуации, и в то же время в них существует намёк на некий круг традиционных представлений, на фольклорный текст или на житейскую ситуацию. Ведь эпитеты часто восходят к древнейшим воззрениям и образам. Так, в вологодских говорах непоседливого, непослушного ребёнка могут назвать словом *кумохá*: *Меньшой у меня такóй кумохá, на мéсте не усидít* [СВГ 4: 19]. *Кумоха* – это, по суеверным представлениям северного крестьянина, одна из двенадцати мифических лихорадок, злой дух: *Бúдешь в холóдной водé купáться, кумохá за ноги схвáтит, ни за чтó не выплыvешь*.

В говоре Режского поселения представлены самые разные характеристики детей – по возрасту ребёнка, его статусу в семье, его характеру, по его физическим и поведенческим особенностям.

Обратимся к лексике, в которой представлены идеи, выражающие такие качества ребёнка, как непослушание, упрямство, баловство, шаловливость, плаксивость. В отличие от серьёзности, послушания они представлены большим количеством лексем. Такое словотворчество диалектоносителей, применимое к отрицательным характеристикам детей, не случайно и отражает народные представления о норме и антинорме в воспитании детей. То, что воспринимается как норма (послушание, серьёзность, выполнение родительских поручений и пр.), не требует особой эксплицированности в слове, тогда как отступление от нормы вызывает живую реакцию и закрепляется в оценочных номинациях.

Материал для данного исследования выбран из Словаря вологодских говоров и его обширной картотеки [СВГ]. Рассмотрим группу слов, называющих непослушного ребёнка.

В речи жителей Режского поселения есть такие характеристики, как *балूн*, *вольница*, *самоволька*. Картотека содержит следующие высказывания информантов: *Вольница какая, да не слушает ни отца, ни мать – никого!* Сямж. Монаст. *Ох уж эти ребята, самовольки такие, хоть чего натворят; самоволька – баловней ёсли.* Сямж. Монаст. Внутренняя форма этих слов прозрачна, легко соотносится с литературными словами *баловать, вольничать, самовольничать*.

Номинация *лешачёнок* является суффиксальным образованием от известного слова *леший*. Использование диминутива в речи режаков, безусловно, объясняется именно дискурсом детства: *Нань лешачёнок по пойтиным воротам барахтается.* Сямж. Монаст. *Ох ты, лешачёнок! Опять дёвку квелишь!* Сямж. Монаст.

Интерес представляют слова *опаздерёнок*, *опаздёрок*, *опашёнок*. Примеры записанных высказываний: *Опашёнок-то вон у меня опять наколесил. Ушёл да и не сказал! Усё!* Сямж. Монаст. *Ну и опаздёрок! Взял рогатку да и выстегнул мне окόшко!* Только сбрыкало! Сямж. Монаст.

Изучение материалов других областных словарей [ОСВГ; СРГК; Селигер; ЯОС] убеждает в том, что такие лексемы характерны только для вологодских говоров, в частности для речи жителей Режи. Вместе с тем такие мотивирующие слова, как *пащёнок*, *паздера*, *паздерник*, отмечаются в областных словарях, например, в «Областном словаре вятских говоров» [ОСВГ 7: 216], в словаре В.И. Даля и в «Словаре русских народных говоров». Так, в словаре В.И. Даля слово *пащенок* имеет одно значение – ‘щенок, молокосос’ с пометой «бранные» [Даль 3: 27]. В говорах происходит развитие значения, и слово употребляют применительно к «негодному» мальчишке, как, например, в вятских и ярославских говорах [СРНГ 25: 309].

Изначально слово *паздира* / *паздера* употребляется для указания на наружный, корявый слой на мочале, сдираемый как негодный для лаптей. Об этом пишет В.И. Даль [Даль 3: 8]. Он приводит также глаголы *паздерить*, *паздирать* со значением ‘драть, сдирать, отдирать’. В «Словаре русских народных говоров» это явление представлено большим словообразова-

тельным гнездом – более 20 лексем. Здесь любопытно и развитие прямого значения, и появление переносных значений. Обратим внимание на два сделанных нами наблюдения, которые будут интересны для осмысления названий непослушных детей *опаздерёнок*, *опаздёрок* в вологодских говорах.

У глагола *паздернуть* появляется значение ‘бить, пороть, сечь’ [СРНГ 25: 144], что собственно объясняет использование этого мотивирующего слова в назывании непослушного ребёнка.

Среди прочих однокоренных слов есть слово *паздериха*, в словарной статье которого находим следующий комментарий: так прозвали чиновника, который когда-то приезжал в деревню, вероятно, разъяснять права сельских обществ. Это событие памятно в народе и сейчас, хотя бы даже тем, что *паздериха* до сих пор служит угрозою маленьким ребятишкам, когда они *уросят: Будет вот ужо опять паздериха-то! Она вас, бесчувных, отпáздерит* [СРНГ 25: 144].

Скóлоток – ещё одно название непослушного ребёнка, зафиксированное в речи жителей Режи: *Вон Нáдька какóй сколóток, всё фулигáният*. Сямж. Монаст. *Никовдá не вýдела ешиó такóва сколóтка*. Сямж. Монаст. *По úлице сколóтки бéгают, набалóют чтó-нибудь*. Сямж. Монаст. Можно предположить, что значение ‘ребёнок, склонный к проказам, баловству’ у этого слова появляется только в вологодских говорах, так как данные других областных словарей, а также «Словаря русских народных говоров» и словаря В.И. Даля не указывают такого значения, а фиксируют только одно значение – ‘внебрачный ребёнок’ [СРНГ 38: 59; Даль 4: 201].

Особую группу слов в говоре Режского поселения составляют обозначения капризных, плаксивых детей. К ней относятся слова *вы́дрочек*, *вы́тешек*, *каню́к*.

Слова *вы́дрочек*, *вы́тешек* отражают традиционные народные представления об избалованном, капризном ребёнке. Они восходят к словам *дрочить* и *тешить*, которые непосредственно связаны с воспитанием, означают ‘нежить, баловать любя, холить, потакать’ [Даль 1: 495] и известны многим говорам, о чём свидетельствуют данные словарей. Приставка *вы-* помогла носителям говора выразить избыточность, сверхмеру в этом процессе, а значит, и определить отношение осуждения: *Вы́дрочек, еще вы́тешек может быть. Избаловáли тебя́, Владíк, вы́тешка. Такóй вы́тешек-то!* Сямж. Монаст. *Ну у тебя́ и внук – вы́дрочек настоящей, такóй ребёнок капризный!* Сямж. Монаст.

Народное словотворчество проявляется в использовании слова *каню́к*. Существительное *каню́к* известно литературному языку в значении ‘хищная птица из семейства ястребиных, крик которой напоминает плач, мяуканье’ [МАС 2: 28]. Это существительное легко в основу просторечного глагола *каню́чить* – ‘надоедливо просить о чём-нибудь, жалуясь на что-нибудь’ [МАС 2: 28]. Эмоциональность и образность в народном воспитании обусловливают появление метафоры, и тогда капризный ребёнок тоже

становится канюком: Да не буду надевать! Хватит! Надоёл, канюк! Сямж. Монаст. Канючит да канючит... Ну ты, Свётка, канюк! Сямж. Монаст.

Взрослый человек, формируя у ребёнка понятия о том, «что такое хорошо и что такое плохо», оценивает различные жизненные ситуации и приучает ребёнка к определённым этическим и эстетическим установкам. Поэтому в народной речи обязательно найдут эмоциональный отклик нарушения, касающиеся приёма пищи, манеры одеваться, речевого поведения и др.

В заключение обратимся ещё к одной характеристике детей в речи реческих жителей, которая также имеет внутренний воспитательный потенциал.

Ребёнка, нарушающего установленный порядок приёма пищи, назовут выразительным словом *безвытица*: *Ох, ты безвытица! Опять полный рот напехала*. Сямж. Монаст. В «Словаре русских народных говоров» содержится большая информация о слове *выть* и однокоренных с ним словах. Можно установить, что мотивирующим является слово *выть* в значении ‘количество пищи, которое человек может съесть в один приём, на завтрак, обед или ужин’. Примеры, приводимые в «Словаре русских народных говоров», указывают в том числе и на вологодские говоры: *Мы платили за каждую выть по гривеннику. Я по семи пудов хлеба к выти ем* [СРНГ 6: 44]. Нарушение нормы, а именно значение ‘есть больше, чем сможешь, есть набирая в рот пищи больше, чем надо, есть без меры’ носителю диалекта помогает выразить отрицательная приставка.

Таким образом, взрослый, выражая своё отношение к ребёнку, одновременно вводит его в метафорический мир, в мир традиций и мир общественных отношений. Поэтому ребёнок даже нелицеприятным эпитетом не «пригвождается», но получает свободу для осмыслиения своих поступков через обращение к культурным образцам («всё познаётся в сравнении»). Хвала и хула указывают на крайности человеческого поведения и определяют образ ребёнка, удовлетворяющий требованиям взрослых, требованиям семьи. Задача порицания – сравнением с отрицательным образом оттолкнуть ребёнка от нежелательных поступков. Задача похвалы – сравнением с положительным образом подтянуть к идеалу. В сопоставлении идеала и антиидеала у ребёнка формируется Образ Жизни. Слово, с которым обращаются к ребёнку, которым именуют его в различных ситуациях, становится для него ключом, открывающим тайны мироздания.

Литература

Белик А.А. Культурология: Антропоцентрические теории культур. – М.: Российский гос. гуманит. ун-т., 1999. – 241 с.

Гавришина О.В. Повседневность // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. – М., 2007. – 1184 с.

Зорина Л.Ю. Этнопедагогический потенциал диалектных благопожеланий // Русский язык в школе. – 2014. – № 3. – С. 80–85, 107.

Неземковская Г.В. Этнопедагогика о традиционных ценностях воспитания // Воспитание школьников. – 2009. – № 6. – С. 57–62.

Слепчина Н.Е. Традиционное воспитание в коми культуре второй половины XIX – первой трети XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Сыктывкар, 2005. – 32 с.

Угрюмова М.М. Лингвокультурологический портрет ребёнка в говорах Среднего Приобья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск: ТГУ, 2014. – 22 с.

Список сокращений

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – М.: Терра, 2000.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – Изд. 2-е. – М., 1981–1984.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Вып. 1–7 – / под ред. З.В. Сметаниной. – Киров, 1996 – 2012 –.

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паниковской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

Селигер – Селигер: материалы по русской диалектологии: словарь Вып. 4 / под ред. А.С. Герда. – СПб., 2010. – 520 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А.С. Герд. – СПб., 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Соколетов (вып. 24–46), С.А. Мызников (вып. 47). Вып. 1–47. – М.-Л.; СПб.: Наука, 1965–2014.

ЯОС – Ярославский областной словарь / Под ред. Г.Г. Мельниченко. – Вып. 1–12. – Ярославль, 1981–1991.

1.1.6. Лексика, связанная с приготовлением выпечных изделий, в режском говоре¹

Исследование многочисленных тематических групп диалектной лексики, успешно развивающееся на протяжении всей истории этнолингвистики, не может оставаться в стороне от тенденций изучения языка в целом. Полевой подход в изучении лексики и грамматики, лингвогеографические описания, анализ диалектного текста, изучение междисциплинарных связей, в частности лингвистики и культурологии, этнографии, когнитологии активно внедряются и на диалектном материале. Но по-прежнему актуальным остается описание лексики и фразеологии диалектов в традиционном плане. Особенно это касается введения в научный оборот новых данных, исследования не описанных до сих пор региональных особенностей говоров.

Интерес к изучению лексики и фразеологии, связанных с питанием, пищей русского народа, проявляется как в работах по истории русского

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Реж и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского языка».

языка (В.А. Липинская, Г.Н. Лукина, И.С. Лутовинова, В.И. Невойт, Г.В. Судаков и мн. др.), так и в исследованиях, посвящённых его современному состоянию (Л.И. Балахонова, А.А. Брагина, И.М. Мальцева, К.В. Пьянкова, Л.И. Рудницкая, А.Д. Шмелёв и др.).

Диалектологи также описывают этот пласт лексики в разных регионах России. Среди современных исследований назовём работы К.И. Демидовой «Диалектная языковая картина мира», В.В. Губаревой «Лексика питания в говорах Тамбовской области», Л.И. Анохиной «Лексика питания: названия печёных кушаний из муки в орловских говорах», С.В. Дмитриевой «Глаголы со значением “принимать пищу” в псковских говорах», А.И. Ивановой «Лексико-семантическая характеристика некоторых названий пищи в смоленских говорах», Н.Г. Ильинской «Лексика, обозначающая выпеченные изделия (на материале архангельских говоров)», Ю.В. Зверевой «Лексика питания в Словаре русских говоров севера Пермского края» и целый ряд других.

Народная кулинария не столь богата и разнообразна, как современная городская, включающая в себя блюда, заимствованные из разных стран и из большого количества разных продуктов, незнакомых русскому крестьянину в прошлом.

Но это очень важная и вечная часть культуры народа. В ней сохраняются рецепты блюд и традиции их потребления, оценки и вкусовые пристрастия людей. В приготовлении блюд народной кухни проявляются умение и смекалка русских женщин, ведь именно они являются хранителями семейного очага и традиционной культуры.

Народный этикет сохраняет уважительное обращение к хозяйке, женщине, ведущей домашнее хозяйство. В говоре Режи её называют по-разному: диалектными словами *бачарұха* и *бачерұха*, *обряжұха*, разговорными *ст्रяпұха*, *хозяйка*: *И пекёт, и варит, и скота обряжает* – всё *бачерұха*. Сямж. Монаст. Подчёркивается её непростой, подчас непосильный труд: *Бацерұхи, говорят, ой, христоны жёнешыны! Берёт таким кочам, наперёд кладёт ножу*. Сямж. Монаст. Корреспонденты говорят о разнообразии подходов и правил ведения домашнего хозяйства: У *каждой бацярұхи* свой устав: *какая рукá, так и делает. Как научилась, так и делает. Вот я обряжаюсь так*. Сямж. Монаст. В Реже существует устойчивое выражение *с пальчиков нализаться* со значением ‘стать сытым, имея доступ к продуктам питания’: *Бачарұха с пальчиков налижется*. Сямж. Монаст.

Планируемая автором серия очерков диалектной кулинарии на материале микрорегиона Режа начинается с рассмотрения самой распространённой и широко представленной в говоре группы лексики – названий выпечных изделий и слов, связанных с приготовлением выпечки.

Выпечные изделия – непременная часть народной культуры еды, причём не только праздничной, но и будничной, повседневной: испечённые хозяйкой хлеб, блины, оладьи, пироги – ежедневная еда сельского жителя и в прошлом, и в настоящем.

В говоре существуют и специальные слова, называющие того, кто занимается выпечкой: *печей*, *печёюшка*. Сохранились благопожелания, связанные с процессом приготовления теста: «*Споринá на квашню!*» – пожелание хозяйке, которая месит тесто. Сямж. Монаст. Говорят: «*Споринá на квашню!*» Так желают удач в деле. Сямж. Монаст. Еще одно доброе пожелание тому, кто замешивает тесто – «*На хорóшие пироги!*»: Печь собралась? Ну, на хорóшие пироги! Сямж. Грид.

Благодарность за угощение пирогами может звучать и так: *Добра и здоровья (печеё, печёюшке, стряпухе, хозяйке): А пришла вот одна жёншина. Я говорю: «Садись, Лидия, чайку попей с нами да пирожка поешь». Она села: «Ну-ко, которая пекла? Добра и здоровья пецеёюшке! Вот хорóши пирожки-ти! Анна, ты пекла?» Сямж. Монаст. Фразой: У пецеёюшки ручки белы! – выражают похвалу женщине, которая испекла удачные пироги: У пецеёюшки ручки белы! Когда хорошо пекёт, так и говорят. Сямж. Монаст.*

В режском говоре нашли яркое и самобытное отражение названия муки и ёмкостей для её хранения, процесса изготовления теста и используемой при этом утвари, разновидностей выпечки, её достоинств и недостатков.

Обратимся к процессу приготовления теста. Мука для выпечки была разной, использовалась пшеничная и ржаная, ячная (из ячменя), гороховая, овсяная мука. Подготовка к обмолоту зерна, в частности овса, на мельнице начиналась с того, что его надо было очистить – *опихáть, пропихáть*: Овёс опихáли на мельнице, ступы там были, в них пест большой, им и опихивали овёс, пропихáют его, просеют на ветру, извеют этот овёс, мёлют – вот и получается опиханная мукá. Сямж. Монаст.

Особые названия существовали для муки, смешанной из зёрен различных злаков: ржи, пшеницы, овса, ячменя, гороха. Такая мука называлась *сутолока* или *смешáца*: Свой мукí делали, смешáчу: рóжь, овёс и ячмéнь мешáли. Сямж. Монаст. Знакомо режскому говору в этом же значении и слово *сбра*: Смешáют три сóрта муки, ни рожь, ни ячмéнь, не поймí чего – вот это сбóй и называют. Сямж. Рассох. Смесь ячменя, пшеницы, овса, потом опихáют ёго, из зёрнышков-то этих мёлят мукá. Из сбóры в голодом хорóши пироги. Сямж. Монаст.

Прилагательное *сбрный*, образованное от этого существительного, означало ‘смолотый из зёрен различных злаков (о муке)’: Ячмéнь, пшеница, ржи мало, овёс – очень мало, какими-то частями смешáют, дак это называли сбрная мукá. Покáтыши из этой сбрной мукí пекли. Сбрная мукá сáмая хорóшая: всё там есть. Сямж. Монаст. Как видим, омонимичным литературному словом *сбрный* характеризуют муку высокого качества, смолотую из разных злаков. Это подтверждает и другой контекст: Рáньше объедáться было чем. Поедут на мельницу и гороховой мукí намёлют, и сбрной. Сямж. Монаст.

Достоинством отдельных видов муки являлось свойство быстро сделать тесто густым, или, выражаясь местным языком, *хрásнуть, захрásст-*

путь. Для характеристики гороховой муки использовалось прилагательное *хрястучий* – ‘такой, из которого можно быстро сделать густое тесто’. *Давали муки гороховые – она такая хрястучая, захрёснёт.* Другую мешаешь, болтаешь, дак жайдкая, а эта хреснёт.

Сямж. Монаст.

Для приготовления теста необходимо было сначала просеять муку. Это связано в том числе и с тем, чтобы очистить её от мучного червя – *шбшня*: *Если муку намочит или лежит долго, шбши заводятся, червяки такие разные.* Для этого и просеивают. Сямж. Монаст.

Муку просеивали над неглубоким деревянным корытцем с зауженной в виде горлышка частью. Такое корытце называется *сэяльница* и *сельница*: *Вот смотри – это сяяльница и есть. А сяяльница потому, что раньше над ней муку сяли.* Сямж. Монаст. *А раньше сельница была, дак вот на ей муку и сяли.* Сямж. Монаст. Это корытце используют и для других целей: *В сельницу муку сеют, а теперь все больше ягоды катают, клюкву да всё. Сельница-то с рёлом, через рёло-то ягоды-ти скатывающе.* Сямж. Грид. В этой сельнице и капусту сеют, и ягоды катали. Сямж. Монаст.

Хорошего качества мука, пригодная для выпечки, считалась *стойной*, т.е. подходящей, качественной. В противном случае встречались и такие оценки: *А мука-то совсём не стойная, а обряжуха тогд хуже.* Сямж. Грид.

Упомянем некоторые ёмкости для хранения муки. Предмет посуды из берёсты для хранения муки, толокна и других сыпучих продуктов называется в Реже *дупелька*: *Дупелька – эдакие из берёсты сделаны. Мы все толокно держали в ей.* Она была берестяная, как туеский, но круглым оплетённая. Сямж. Монаст. *Неси муку-ту!* В дупельке! Сямж. Монаст. Хралили муку и в *кадцах* – кадках: *Кадци-ти дак и большие и маленькие – все кадцами зовут.* Сямж. Монаст. *А вот кадча.* Нé было ларей, дак в кадцах муку держали. Сямж. Грид.

Выдолбленная из осины или плетёная ёмкость типа бочонка для хранения жидкостей и сыпучих продуктов носит в говоре названия *стуетня*, *стуетня*, *стуетенька*: *В стуетне-то муку хранили.* Сямж. Грид. Соль высипли в стуетню. Сямж. Грид. У нас в стуетеньке-то молоко хранится и мука. Сямж. Грид. *А ведь муку хранят да воду носят в стуетеньках-то.* Сямж. Грид. Вот как описывается процесс изготовления таких бочонков: *Стуетеньки были плетёные, так плотно плели, что воду чёрпали – не вытекала. А были долблёные, из осины только делали. Найдут трухлявую, выдолбят, разрежут, в горячую воду опустят, дно вставят – готова стуетенька. Кадцию-то не каждый может сделать, а стуетеньку делает каждый, только найди осину трухлявую.* Сямж. Грид.

Посуда для приготовления теста называется в режском говоре по-разному. Большой глиняный горшок для теста, кващня, назван словами *разлёв*, *разлёва*, *квашнка*, *квашночка*: *Полный разлёв хлеба натворила.* Сямж. Монаст. *Испеки пирожки, тесто в разлёве.* В разлёве тесто ставили – большая кринка. Сямж. Грид. *Розлёвы – кринки, пироги пёчь, они глиняные.* Сямж. Монаст. *Была разлёва-то, тесто месила, да разломалась.*

Сямж. Грид. Квашня могла быть и не глиняной: *Розлёвы-то бýли лужёные*. Сямж. Грид. При отсутствии такой кринки месили тесто в других ёмкостях: *А Мáрфешна без разлёва пирогý пекёт, в ведré творút, ведь его не кúшиш нигдé.* Сямж. Монаст.

Готовое для выпечки тесто катали в специально предназначеннй для этого посуде. Выдолбленная из дерева овальная чаша с ручками, предназначенная для придания тесту формы перед выпечкой, называется *долбúшка*. Деревянная долбушка была, в ней катáли пшеничные покáтыши. Вот тák потрясут да в пέчь постáвят. Сямж. Грид. Как видим, слово образовано по действию, которое производилось при изготовлении чаши. А действие, производимое с тестом, легло в основу наименования другого вида посуды – *покатúшки, покатúшечки* – деревянной продолговатой посудины типа корытца, в котором в муке катали тесто, придавая ему круглую форму: *Замéшиш погúще и покатúшкой катáешь. В покатúшке вот рáньше катáли хлеб, сыпнешь в покатúшку муки, комóк тéста бросишь и катáешь.* Сямж. Монаст. Эта покатушечка уж стáрая стáла, и я стáрая стáла, не могу без неё. Сямж. Монаст. *Мúчки полóжишь в покатúшечку-то и пряжéники катáешь.* Сямж. Монаст.

Как известно, для приготовления ходелого, дрожжевого теста необходимы дрожжи. Если не было покупных дрожжей, режаки использовали *мел* – дрожжи домашнего приготовления: *Мел – это дróжжси самодéльные. Мел дéлают: скипятят воду с хмéлем, через решето процéдят, замешают муку ржаную, захóдит – вот и мел. Потом на заквáсу ило, в пирогý полóжат лóжки три.* Сямж. Монаст.

Заквáса – это вещество, вызывающее кислое брожение, закваска. В качестве такой закваски использовалось специально оставленное небольшое количество теста от предыдущей выпечки хлеба или пирогов: *Вот э́то я всё очишиш, тудá опушиш, э́то бýдет заквáса. А хлéб я не люблю на дрожжáх. Мне надо заквáса.* Сямж. Монаст. Такой остаток теста, который клали в новое тесто, чтобы оно поднялось, называется в говоре и словом *наквáса*: *Хóчет пирогý печь, так на наквáсе, навéрно. Такое же тéсто и есть наквáса. Мы наквáсы ведь мало оставлéём.* Сямж. Рассох. *На наквáсе хлеб уж надо пекчí, дрожжéй нет дак.* Сямж. Монаст. Для закваски теста, а также пива, кваса, браги применяли и осадок в пиве, квасе домашнего приготовления, называемый *наквáска*: *Квáс-то в ведро наставляю и ещё наквáски лену, что после прéжнего-то осталось на днé.* Сямж. Монаст.

С таким же значением известно и слово *навесёлка*: *Блины-то печь бýдете, так навесёлку-то возьмите.* Сямж. Рассох. *Навесёлку-то с мостá принеси, мóжет, не испóртилась.* Сямж. Рассох. Когда навесёлывают мел, дак э́то навесёлка. Сямж. Монаст. Образовано оно от глагола *навеселить*, который известен в говоре с двумя значениями: ‘замесить (о тесте)’. Мел лáдила в ведré, дак и навеселыла в ведré. Сямж. Грид. и ‘усилить брожение пива, кваса, теста путём добавления дрожжей, хмеля и т.п.’ *Глýбок-то в тéсте мнóго. Ну, да лáдно: стáнет ходить, когда навеселыши дак, разойдёцце.* Сямж. Грид. Как видим, большое количество комочеков муки исчеза-

ет при брожении теста, в которое добавлена закваска. Встречается и глагол несовершенного вида *нанавесёльвать* с двойной приставкой *на-*: *Пýва-то вárят, дак тóжко нанавесёльвали. Потом эту навесёлку выливáешь, когда пиво выхбдит, дру́зги отожмёшь, выкинешь.* Сямж. Грид.

Небольшой деревянный или берестяной сосуд типа бочонка с крышкой и ручками, предназначенный для хранения хлебной закваски, а также простокваша, кваса, называется *ручéнька*: *Она крúглая, два ободка на ней, две ру́цьки у ней, закрываю́т её и там хранят э́тот мел. Тéсто останется, так потóм онб в ручéньке и лежит. Мнóго ручéнек было.* Сямж. Монаст.

Примеры свидетельствуют о том, что разные хозяйки – *бачерúхи, обряжúхи, печéй, печéюшки* – выбирают для себя тот или иной вид закваски для теста, сравним: *Пироги ешó с наквáсой пекут. А я дак не люблю, я без наквáсы.* Сямж. Монаст. *А хлéб я не люблю на дрожжáх. Мне надо заквáса.* Сямж. Монаст.

Процесс замешивания теста описывается в режском диалекте глаголом несовершенного вида *ботáть*: *Давали муки горóховыё – она такáя храстúчая, захрénёт. Другую мешаешь, ботáешь, дак жíдкая, а э́та хрéснёт.* Сямж. Монаст. Приставочные глаголы *набóтать, добóтать, побóтать*, образованные от данного бесприставочного, характеризовали процесс как законченный, достигший своего предела: *Я набóтáю сего́дня тéста, бúду пироги печь.* Сямж. Монаст. Это же действие касалось приготовления и других блюд, требующих смешивания, размешивания ингредиентов: *Киселá набóтала. Как? Как пироги ботáю, так и киселá набóтала мутóвоцкéй.* Сямж. Грид. В значении ‘замесить небольшое количество теста’ используется и глагол *потворить*: *Нáдо тéсто потворить.* Сямж. Короб.

Продукты, которые делают пищу, в том числе и тесто, питательной, полезной, вкусной, называются в говоре словом *добрóта*. *Яйца набить да молокá нали́ть – и в тéсто лóжили. Хорóшее на добрóте тéсто. Да ешó и песочку кладут.* Сямж. Монаст. *Как добрóты не полóжишь, дак пирога не испечёши.* Сямж. Монаст. К такой *добрóте* относятся и яйца, которые следует *убивáть*, то есть, раскалывая скорлупу, выливать в посуду или добавлять в кушанье: *Хозяйки как пироги дёлают, так яйц по шесть убивáют.* Сямж. Монаст. В этом же значении существует и парный глагол совершенного вида *убýти*: *Яйцо-то в тéсто убéй, воденéй бúдет.* Сямж. Грид.

В «Словаре вологодских говоров» [СВГ 2: 96] отмечено слово *забре́стí* в значении ‘начать подниматься (о тесте)’. В режском говоре с этим значением известен глагол *загуля́ть*: *Ведь за тéстом не посмóтриши, дак онб не загуляет. Нóчью встáла, два раза побóтала, дак стáло ходить.* Сямж. Монаст. Зафиксированное «Словарём русского языка» [МАС 4: 611] в качестве областного значение слова *ходítъ* ‘закисая, бродить, подниматься’ широко известно в севернорусских говорах, как видим, встречается оно и в Реже. С результативным значением отмечен приставочный глагол *выходитъ*: *Хлеб тóчковатый, не упёксё и не выходиУ.* Сямж. Монаст. От глагола образовано и прилагательное *ходкóй* со значением «быстроедействи-

вующий (о дрожжах)»: *Ой-ё-ёй! Дрόжжи-то побежали! Я и не думала, что они такие ходкие!* Сямж. Монаст. Как видим, интенсивность действия дрожжей подчёркнута и глаголом *побежать* в несвойственном литературному языку метафорическом значении.

Если тесто начинает быстро, хорошо подниматься, режаки используют устойчивое сочетание: *пухом заходить*: *В тесто мёду положишь, ложки три, да он пухом заходит.* Сямж. Монаст.

Со значением ‘увеличиться в объёме, подняться при дрожжевом брожении’ отмечен глагол *вызняться*, он характеризует и тесто, и выпечные изделия: *Напекла налитушочек. А это загибёнки: с луком позагибала да с ягодами позагибала. Еши неудачу-ту. Если бы удача, да они бы вон какие вызнялись.* Сямж. Грид. Эти же значения извесны у безличного глагола *содрать*: *А как содерёт пироги-то, подымутся – «О, как их содрало!» – скажешь.* Сямж. Монаст.

Для выпечки необходимо тесто определённой степени густоты. При желании его можно сделать более жидким, разведя жидкостью – молоком или водой, тогда используется переходный глагол *разжидить*: *Разжидь тесто, густое больно.* Сямж. Монаст. Непереходный глагол совершенного вида *разжиднуть* встречается с двумя значениями: ‘стать жидким (о тесте)’. *Как тесто-то у меня всё разжидло!* Сямж. Монаст. и ‘расплыться, потерять форму (о пирогах)’. *Погуши. Иштё какая мука. Нет замесишь густо, а они так разжиднут, да не соберёшь и в печь.* Сямж. Монаст. Как видим из последнего примера, даже из густо замешанного теста при плохом качестве муки могут получиться расплывшиеся пироги. Другой пример интересен тем, что в шутку потерявшие форму пироги предвещают долгую жизнь их создателю: *Ну, верно, пироги-то у меня к житью: разжидли да.* Сямж. Монаст.

Но вот тесто поднялось, *загуляло, выходило*, пришло время вынимать его из квашни. Делалось это при помощи *квашниной лопатки* – ‘деревянной лопатки для выкладывания густого теста из квашни’. *Ручька у неё, так ёю опехают тесто с краёй-то вниз.* Это квашнинная лопатка. Мама дак ножиком опускала, а слыхала, что лопаткой здесь делали. Сямж. Монаст. Для соскабливания остатков теста со стенок квашни использовали *квашнинник* – ‘кухонный нож (обычно старый, тупой)’: У нас квашнинник дак звали ножик, которым квашню очищают. Он уж как косарь – тупой ли, носок ли отломан. Хто чем чистил, может, хто и без квашнинника обойдётся. У нас у бабушки у тыё не было квашниника, былая лопатка. Сямж. Монаст. Для называния действия по очистке квашни существует глагол *кыркать*, имеющий значение ‘скоблить, чистить, отскребая что-либо’: Я квашню кыркаю: тесто присоблю. Сямж. Монаст. Применяется он и в других ситуациях: *Лавки да столешницы старопрёжние у меня, их кыркаю да кыркаю, ну, нёне скажут, скоблю.* Сямж. Монаст. На реку ходила сковороду кыркать, ведь вся запалена была. Сямж. Монаст.

Важной является и температура, при которой пекутся хлеб или пироги. Для характеристики недостаточного жара в протопленной печи использу-

ется фразеологизм: *цыгáн в печí*: *Ишь, сегодня потоптала, что и цыгáн в печí, нежáрко. Нáдо, когда мно́го пирогóв, чтобы прогréлось.* Сямж. Монаст. Если жара недостаточно и зажаристость выпекаемого в печи изделия мала, т.е. *закáл* недостаточен, то хлеб или пироги получается незажаристыми, их назовут *завáлышиами*: *Всё равнó нет закáлу, всё завáлыши. Онí не попеку́тse ничего, всё такíе.* Сямж. Монаст.

Охарактеризуем сначала выпечку хлеба, ведь не зря говорится: *Хлеб – всему голова.* Еда без него воспринимается большинством русских как отклонение от нормы. Вот и режаки еду *гольём* или *голью* осуждают: *Не ешь гольём-то – живёт заболит. На вот хоть нембóжко хлéбца-то кусай, а не то не наéшься гольём-то!* Сямж. Монаст. Чáсто оговариваю: «Чего голью ешь?» Сямж. Монаст. А суп, съедаемый без хлеба, называется *пустым*: *Дéвки, вы что́ пустой суп едите?* Сямж. Монаст.

Оставлять недоеденными куски хлеба всегда считалось неправильным, осуждалось русскими, об этом говорят и жители Режи, используя глагол *куснýчать*: *Что куснýчаете, кускí оставляете?* Сямж. Монаст. Если ребёнок *кусóк не доéст, а за другóй берётся, а этот бросит, говорят: «Не куснýчай!»* Сямж. Монаст.

В говоре существует несколько наименований для разных видов хлеба. По типу муки выделяется хлеб из пшеничной муки – *каравáшek, кара-ваška, пшеничник*: *Когда начнúт сýять, коровáшку пекли, а то и мно́го коровáшek.* Сямж. Монаст. Пышность, воздушность пшеничного хлеба оказалась важным признаком, позволяющим использовать слово *каравáшek* при описании рыхлой (*рóхлой*) земли, которую взрыли птицы, например голуби: *Где онí порхают, дак рóвно коровáшek, земля-то рóхлая.* Сямж. Монаст. А прилагательное *рóхлый* со значением 'мягкий, воздушный' непосредственно характеризует качество теста: *Тéсто-то какóе пýшное и рóхлое, пирогí, подí, бùдут добрыё.* Сямж. Монаст.

Приготовленный из раздробленных или смолотых зёрен ячменя ячневый хлеб называется *ячным*. Это же определение используется для названия пирогов: *ячные пирогí (пирожкí): Яиные пирогí из ячмénной муки пекли. Яиные-ти пирожкí только богáтыё ёли раньше.* Сямж. Грид.

Хлеб, испеченный из двух сортов муки, называют *поло́вийнициk*: *Половийнициk – хлеб из разные муки, это уж не наголó.* Сямж. Монаст. Со словом мука непосредственно связан *мúчник* – хлебное изделие, представляющее собой тонкую пресную лепешку, на которую накладывается дрожжевое тесто из ячменной или гороховой муки: *На сóченъ тéста накладут, дак э́то бùдет мúчник. Мúчники пекли: сóченъ разоткúт и тéсто ячневое положат и за-щиплют. Мел хорóший, дак и пирог хорóший. А ячневое тéсто э́дак ходéлое.* Сямж. Монаст.

По действию с тестом названы следующие разновидности хлебных изделий. *Намáтыши* – выпечное изделие из очень плотного теста, посыпанное сахаром, колобок. Образовано слово суффиксальным способом от глагола *намáть*: *Угощú вас ешио пирожкóм. Намáтыши бóльно хоро́шо получились.* Сямж. Монаст. *Покáтанец* – это булка, форма которой придается в

процессе катания теста в деревянном блюде, «*покатухе, покатушке*»: *Ой, покатанцы всякие пекут: и большие, и маленькие. Мука-то хорошая, да и покатанцы мягкие, хорошие. Я ведь пеку каждо воскресенье. Сямж. Монаст.* Однокоренным и синонимичным данному является слово *покатыш*: *Деревянная долбушка была, в ней катали пшеничные покатыши, вот так потрясут да в печь посадят. А покатыши пшеничные вкусные, запашок от такой, делали их на мелу. Сямж. Монаст. Замесишь погуще и покатушкой каташь. Пекут на поду безо всего. Сямж. Монаст. Покатыш-от обкатывали в деревянной чашке с двумя ручками. Сямж. Монаст. Покатыши долго стоят, позасохнут совсем, доедать нужно. Сямж. Монаст.*

Из слов, характеризующих форму хлебных изделий, отметим два: *колобок* и *колобушка*. Лексема *колобок*, зафиксированная «Словарём русского языка» с пометой «областное» [МАС 2: 74], имеет в говоре несколько значений, одно из них связано с хлебом: ‘выпечное изделие, булочка круглой формы’. *Колобок на пёне с масла пекли. Кругую овсяную в пёне замешивали, а потом в пёчке на сковородке пекли. Сямж. Монаст.* Ещё одно значение этого слова имеет отношение к тесту, но называет плотно сжатый комок, шарик из теста, используемый для приготовления кваса: *Для кваса колобков наделаешь, колобки накатаешь из теста. Сямж. Монаст.*

Булочка круглой формы называется в говоре и словом *колобушка*: *Колобушки-ти сильно сладкие получились. Сямж. Монаст.* Это же слово имеет и другое значение, называя уже открытый пирог, лепёшку из круто замешенного теста. Диалектоносители отмечают другой вариант слова – *колобашка*: *Мать бы сказала, что это колобашка, а они говорят: колобушка, а это одно и то же. Сямж. Монаст. Напекёшь алялюшек и колобушек, пирожки такие маленькие. Колобушки-то у нас сладкие, приятные. Сямж. Грид. На вид-то колобашки некрасивы, да и твёрдые, а только на вкус не хуже других пирогов будет. Сямж. Монаст.*

По способу выпечки выделяется *налисточник* – хлеб, испечённый на капустном листе: *Налисточник – хлеб садят в печь на капустном листе, потом лист отваривают. Сямж. Монаст. Я сегодня вам налисточник испекла. Сямж. Монаст. Ты до этого-то не видала налисточника? Теперь вот знать будешь. Сямж. Монаст.*

Нельзя не упомянуть целую группу диалектных слов, образованных в говоре с корнем **-хлеб-**. Скатерь из домотканого полотна, на которую кладли и которой покрывали свежеиспечённый хлеб, режаки называли *хлебницей*: *Хлеб покрывали – так это хлебница; на голый стол ни пироги, ни хлеб не клади, так это скатёрочки были, хлебницы. Сямж. Монаст.* Нож для резки хлеба имел название *хлеборезник*: *Хлеборезник-то раньше звали, а теперь-то всё «нож» говорят. Сямж. Грид.* Другие сложные слова с этим же значением – *хлеборушич* и *хлеборушник*: *Совсем у нас хлеборушич затупился, надо поточить бы. А то смотри-ко, такой хлеб мягкий, а режет плохо. Сямж. Монаст. А чего хлеборушича-то не принесла? Чем я хлебец-то порежу? Сямж. Монаст. Возьмай другой, у этого хлеборушника ручка сломана.*

мана. Сямж. Монаст. Образованы они от диалектного же глагола *рұшать*, имеющего в говоре значение ‘разделять ножом на части, резать’.

Как видим, диалектные слова, называющие хлеб, именуют специфические, особенные виды выпечных изделий, оставляя литературное слово *хлеб* для традиционной, в том числе и покупной хлебной продукции.

Обратимся к наиболее широко представленной в говоре лексико-семантической группе «названия пирогов». Известно, что для русского крестьянина это была не только праздничная, но и повседневная выпечка. В Реже говорят: *Худáя бацяруха, если нет пирогóв*. Сямж. Монаст. Обычно их пекут много, это понимают и сами хозяйки, вот один пример с глаголом *навестíй* в значении: ‘состряпать, приготовить (пищу)’: *Я вот тóже не умею ма́ло. Наведú всегдá мнóго, а старíк говорит: «Ты два пирогá пекí, а не дёсять, не стýсь ведь»*. Сямж. Грид. Антонимичным этому является глагол *погнúть*, имеющий значение ‘испечь некоторое количество, в небольшом количестве (о пирогах)’: *Прáздник – Петróв день, да и мёд готов, надо пирогóв погнúть*. Сямж. Грид. Используется и глагол *наляпать* – ‘налепив из теста, напечь’: *Вот эдакого мама-то натолчёт да лепёшок наляпаем*. Сямж. Монаст. Любопытен пример с глаголом совершенного вида *упекчí* в значении ‘выпечь до надлежащей степени, как следует’: *Нáдо ведь упекчí пирогí-то. Не упéчь, а утекчí*. Сямж. Монаст. Как видим, металингвистическая оценка собственной речи достаточно характерна для носителей режского говора.

Для раскатывания теста, придания ему круглой формы обычно используется деревянный валик, скалка. В режском говоре его называют существительным среднего рода *скáло*: *Подáй скáло. Скáло-то ещé с Сóндуги принеслá. Скáла берёзовые, лёгкиё*. Сямж. Монаст. Существует и ласкательная форма этого слова *скáльце*: *Вот так скáльцом бúдешь скать, и хорошие соченькí выйдут. Сдёлаешь огýбку, скáльцем и скёшь сочень. Тепéрь-то и в хозяйственных магазíнах есть скáльцы. Однá ску, одногб скáльца и хватáет*. Сямж. Монаст.

Действие по раскатыванию теста с помощью скалки называет глагол *скать* и производный от него приставочный глагол *расскáть*: *Пéрво надо сочень расскáть*. Сямж. Монаст. Приставочный же глагол *наскáть* имеет значение: ‘раскатывая тесто скалкой, изготовить много заготовок для выпечных изделий’: *Нáдо кáждому по преснику испекчí. Гдé мне эстоль-то наскáть?* Сямж. Монаст. *Наскú с утrá сочней, даc напекú пресникóв*. Сямж. Монаст.

Словом *сóчень* в говоре называют тонко раскатанный пласт пресного теста: *Сóчень дёлают – тéсто разоскúт, тéсто бездрожжевóе*. Сямж. Монаст. *Гостéй-то у менé севбóдня мнóго приезжáет, даc сóчней гору наскáлá*. Сямж. Монаст. *Рáньше семья-то большáя была, даc наскú сóчней-то полный стол, а тепéрь муки нет,ничегó не дёлаю*. Сямж. Монаст. Из муки сдёлаем огýбки, сóчни наскéм. Сямж. Монаст. «Словарь русского языка» отмечает это слово как областное, но имеющее значение ‘пресная лепёшка с творогом, кашей, ягодами и т. д.’ [МАС 4: 214]. Как видим, го-

вор сохраняет старое значение слова – ‘заготовка для пирога из пресного теста’. Широко используется и ласкательная форма *соченёк*: *Соченько́в наскёт, пирогов напекёт. Соченьки́ надо тóже умёючи катáть. Вот утром вас разбúдим, дак и бúдете учíться соченьки скать.* Сямж. Монаст.

В говоре существует большое количество слов, называющих виды пирогов с различными начинками, и достойно удивления и уважения искусство русских женщин из не столь уж богатого набора продуктов делать такие разнообразные изделия.

Назовём сначала разновидности пирогов, выпекаемых из теста, которое предназначалось для выпечки хлеба. Такие пироги из ржаной муки называются устойчивым сочетанием *пироги от хлеба*: *Квáшениками у нас не зовут. Зовут «пироги от хлеба».* Ишь, ону́ у менé как хлеб, только с начинкой, наливáхи. Сямж. Монаст. Это же сочетание называет и пироги, испечённые, как и хлеб, из смеси разных видов муки: *От хлеба пироги-то, дак не наголо́ белые.* Сямж. Монаст. *Сбрником* называли пирог из муки, смолотой из зёрен разных хлебных злаков – ячменя, ржи, овса: *Сбрник-от мой любимый пирог.* Сямж. Грид. *Сбрники-то пекли часто: есть-то нéчего было.* Сямж. Грид. Из *сбры, сбрной мукой* пекли, таким образом, не только хлеб, но и пироги: *Пироги пекли, дёлали всегó больше покáтыши, мучники. Из сбры в гóлод-от хорóши пироги.* Сямж. Монаст.

Словом *квашельник* называют открытый пирог, лепёшку из ржаной муки с начинкой из толчёного варёного картофеля: *Из квашнý-то после бухáнок отбавляют тéста, наляпают на сковорóдки и польют картóшкой.* Это уж *квашельник, квáшеный пирог.* Сямж. Монаст. Закрытый пирог из ржаной муки с начинкой из толчёного варёного картофеля, посыпанной солью, называется *солоник*: *Солоник сёдни пеклá, дак робáта бóльно добро съели.* Это *пекут хлеб, а из этого тéста испекут пирог: слой тéста, тудá картóшку, посолят, снóба тéстом закрьют.* Вот и *солоник.* Сямж. Монаст.

По внешнему виду и расположению начинки пироги традиционно делятся на открытые и закрытые. Жидкая начинка для открытых пирогов делается из сметаны, простокваша или молока, смешанных с мукой, творогом, толчёным картофелем, яйцами, крупой, называется в Реже по-разному: *нали́ва, нали́вка, поли́ва.* На пироги всё нали́ву клáти из картóшки – наливáшками назывáли. Сямж. Монаст. *Мáслица положжú, простоки́ши добавлю да яйцé убью.* Нáдо мáнныё крупы немнóжко поботáть. Вот и бúдет наливка, сейчас польём пирог. Сямж. Грид. *Шáньги на сочнáх, польют поли́вой, наботáют сметáны с простоки́шей и польют сочень-от.* Сямж. Монаст. Покáтыши безо всякой поли́вы Замéсиши погóуще и покатúшкой катáешь. Пекут на поду́ безо всегó. Сямж. Монаст. Все три названия связаны с глаголом *литъ*, в говоре зафиксированы приставочные глаголы *нали́ть / наливáть* и *поли́ть / поливáть* в значении ‘класть сверху на пироги какую-либо жидкую начинку’: Это *наливка такáя для пирогá: крупá овсяная в простоквáше.* Рáньше всё такым наливáли. Сямж. Монаст. *Мáслица положжу, простоки́ши добавлю да яйцé убью.* Нáдо мáнные

крупъ немножко побота́ть – вот и бу́дет наливка, сейчас польём пирог.

Сямж. Монаст.

От глагола **наливáть** образовано слово **наливáха** – название одного из видов открытого пирога из пресного или дрожжевого теста, сверху политого жидким картофельной, творожной, ягодной или крупаинкой начинкой: *Истолкёшь толчком <‘небольшим пестом’>. картóшку и наливáешь пирог – это уж наливáха.* Сямж. Монаст. *Раскатáем тéсто, картóшку вом нальём, дак наливáха и бу́дет.* Сямж. Монаст. Выпекался он обычно на сковородах, называемых в говоре **ролёвы**: *Наливáхи пеклý: яблоницей намáжут или крупой, в ролёвы полóжат и пекут.* Сямж. Монаст. Для **наливáх** дак можно брать крупу с молоцьком да яйцами. Сямж. Рассох. Диалектоносители отмечают, что такой открытый пирог чаще пекли из ржаной муки: *Наливáхи-то ранше из ржаного тéста пекут. Бéлыё-то муки нé было. Из бéлыё муки ранше только в Петров день да в Христов день пеклý.* Сямж. Монаст

Часто начинкой служил толчёный картофель, предварительно сваренный, растолчённый пестиком («толчком») до состояния пюре и сдобренный молоком и маслом: *Наливáхи есть ешио у нас с картóшкой. На тéсто картóшки полóжат и защíплют по краю – наливáха и получится.* Сямж. Грид. Клубни картофеля здесь называют **яблоками**, потому открытый пирог с картофелем называется **яблочная наливáха**: *Пироги польют картóшкой – это и звали наливáхой или ишо говорыли, что это яблочная наливáха.* Сямж. Монаст. От слова **наливáха** образовано другое название такого пирога – **наливáшка**: *На пироги все наливу клáли из картóшки – наливáшками называли.* Сямж. Монаст.

От глагола **поливáть** суффиксальным способом образовано существительное **поливúшка** с тем же значением: *Поливúшка дак знáчит политá когда чем, иногда бываёт яйцом с картóшкой, другой раз с крупой.* Сямж. Монаст. Зафиксированы и прилагательные **поливнóй** или **наливнóй**, образованные от этих глаголов и называющие пирог, покрытый сверху начинкой: *Вынут из печи на стол-то, дак только каких пирогов и нет: и наливные, и поливные, и преснушки.* Сямж. Монаст.

Лепёшка из жидкого теста, испечённая на капустном листе, называется в Реже **налистóвник** или **налистóчник**: *Как у капусты лист-от большой стáнет, так и пекут налистóвники: на лист капустный тéсто лóжат и в пеци стáвят – вот тебе и налистóвник.* Сямж. Монаст. Я сегодня вам налистóшник испекла, у меня налистóвники всегда вкусные получаются. Сямж. Монаст. Листы уж худые, промáслились, надо для новых налистóвников другие взять. Сямж. Монаст.

По начинке в говоре названа **картофельная ватру́шка** – ‘лепёшка с начинкой из картофеля’: *Мам, давай, чем преснушок-то, дак картофельных ватру́шек напеки.* Сямж. Монаст. Мы уже видели, что синонимичным данному сочетанию является другое – **яблочная наливáха**: *Пироги польют картóшкой – это и звали наливáхой или ишо говорыли, что это яблочная наливáха.* Сямж. Монаст. Открытый пирог с начинкой из творога носит в

говоре название **творожник**. Пирог с начинкой из манной крупы называется **маник**: *Маника тевелёк и остался, доёшь. Кому оставлять? Сямж.* Грид. Здесь встретилось диалектное слово **тевелёк** – маленький кусок чего-либо. Зафиксирована и его ласкательная форма – **тевелёчек**: *Отломи мне тевелёчек пирожка.* Сямж. Грид. Кстати, треугольный кусок пирога назван в говоре словом **клинчик**: *Пироги нарёзаны клинчикам.* Сямж. Монаст.

От диалектного слова **яблоко** в значении ‘клубень картофеля’ (*Картышку-то яблоками зовут.* Сямж. Грид.) образовано существительное **яблочник**, имеющее два значения: ‘очень тонкая лепёшка из пресного теста с загнутыми краями, на которую кладётся начинка из толчёного варёного картофеля, яиц, молока, сметаны’: *Сегдня нет яблочника на столе.* Яблочников-то я сегдня не напекла. Сямж. Рассох. и ‘пирог с начинкой из сырого картофеля, нарезанного ломтиками’: *Яблочник-то сегдня на славу удаётся.* Сямж. Рассох.

По внешнему сходству картофельного торе с кашей его называют **яблочной кашей**: *Коуда пироги-то соберёшься печь, дак сдёлаешь из картышки кашу – то вот тебе и начинка. Да и яйцо ещё розобьёшь – вот и яблочная каша.* Сямж. Монаст. С этим же значением известно и сочетание **яблочковая каша**: *Хуже яблочковой каши. Яблочковая – из картышки. Картышку-то яблоками зовут.* Сямж. Грид. Как видим, диалектное слово **яблоко** образует целое гнездо однокоренных слов.

Гораздо шире в Реже представлены названия **закрытых пирогов**. Сам процесс изготовления пирога, при котором начинку, положенную на одну половину тонкой лепёшки теста, закрывают сверху другой её половиной и защищают края по овальной стороне, описывается в говоре глаголами **загибать / загнуть**: *Пироги-те не защищают, а загибают у нас.* Сямж. Грид. С черничей ешиш пирожок один загну. Верх. Якун. Тоже эдакие *пироги загну да и пекут.* Сямж. Монаст. Своебразно звучит форма страдательного причастия, образованного от глагола совершенного вида: *У меня рыбник загнён, давайте ись, горяченький.* Сямж. Грид.

Эта видовая пара глаголов имеет и второе значение, связанное с первым: ‘класть, использовать в качестве начинки’: *Вчера луковишиники напекла. Так-то и есть загибеньки: загнула лук. Хто творог загнет – хоть штё загнуть можно. Сямж. Монаст. Ягодники загибали из сушёных ягод. Они выпрет в пёчке – наложат и загибали.* Сямж. Грид. *А в пироги-то у нас и рыбу загибают.* Сямж. Грид. Можно бы загибней напечь, загнёшь чернички – уж до чего скучно! Сямж. Рассох. Любопытен и такой пример, когда при отсутствии другой начинки в ход идут «роспустившиеся» конфеты явно не ‘первой свежести’: *В этот что загнуть? Ешиш конфеты роспустились, дак загну конфеты.* Сямж. Грид.

Со значением ‘изготовить несколько пирогов с какой-либо начинкой’ известны глаголы **позагибать, назагибать**: *Напекла налитушоцёк, а это загибеньки, с луком позагибаля.* Сямж. Грид. *Ягодники буду седни пекци.* Это ковды ягод разных назагибаешь. Сямж. Монаст. В значении ‘запечь,

испечь' встретился и глагол **загнестій**: *Bo! A двá рыбакá, пáре, зайдливы!*
А рыбничек загнёли! Сямж. Грид.

Слой теста, на который кладут начинку и которым её закрывают, называется **огибка**: *Из муки сделяем огибки, сочни наскём.* Сямж. Монаст. Особенno ценится **огибка** рыбных пирогов: *Хорошей рыбы загнёшь – палтус или зубатка – так огибку-ту съешь лучше рыбки. Она пропитается жиром-то, вкусная станет.* Сямж. Грид. «*Ешь рыбку, наплевать на огибку*», – говорят, дак смешно. Сямж. Грид. *Хорошая рыбка. Да и огибка тоже просолела.* Сямж. Грид. В последнем примере встретилась форма прошедшего времени глагола **просолеть**, имеющего значение: ‘пропитаться солью, просолиться’.

По действию с тестом и начинкой выделяется целая группа слов, называющих разновидности закрытых пирогов. Это существительные, образованные от глагола **загибать** при помощи разных суффиксов: **загибаха, загибень, загибёня, загибёнья, загибёшка и загибушка**. Они называют как большие закрытые пироги (обычно с рыбой, нередко целой, не разрезанной на куски), так и удлинённой формы маленькие пирожки. Вот несколько примеров: *Загибахи напекут и с яйцом, и с ягодами.* Сямж. Монаст. *Вкусные все пироги раньше пекли: загибахи, наливахи, сырники.* Сямж. Монаст. *Можно бы загибней напечь.* Загнёшь чернёйки-то – уж до чего скучно! Сямж. Рассох. *Загибёньки – дак это начинка внутри, загибают, значит, тесто.* Сямж. Монаст. *Напекла налитушецёк, а это загибёньки, с луком позагибала да с ягодами позагибала.* Сямж. Грид. Если начинку в пирог положишь да закроёшь её тестом – вот загибёня и получится. Сямж. Монаст. Вот я вам загибней напекла с яйцам да с луком. Сямж. Монаст. Рыбник-то – загибёнька. Сямж. Грид. Сегдня загибёшек с творогом поешь. Вчера с рыбой пекла. Сямж. Монаст. Вкусные нонче загибушки. Сямж. Монаст. Эти же два значения имеет и слово **заворотень**: *Заворотня бы попробовать охота. Принеси-ко с поличи.* Сямж. Монаст. Этот заворотень с творогом – попробуй. Сямж. Монаст.

Выделяется большая группа слов, называющих закрытые пироги по виду начинки. Все они образованы суффиксальным способом от слов – названий начинки. **Заспеник** – это ‘пирог с начинкой из заспы – ячневой или овсяной крупы домашнего приготовления’. **Капустник** – ‘пирог продолговатой формы с начинкой из капусты, загнутой внутрь сочня’: *Капусты нарубят, в печи запарят, потом на сочни разложат и загибают – вот и капустник.* Сямж. Монаст. *Капусты с дёдком накупили и засолили.* И капустников я напекла. Сямж. Монаст. *Луковатик и луковичник* – ‘пирог с луком’: *Пирог испеки с луком, дак «луковатик» скажут. Редко «луковатик», чаще «луковичник».* Сямж. Монаст. Вчера луковичники напекла, так то и есть загибёньки. Загнула лук, кто и творог загнёт. Хоть что загнуть можно. Сямж. Монаст. У нас на Петрови дни много было напечено луковичников. Раньше мы луковичники часто пекли, лук любили. Сямж. Монаст.

Рыбник – это ‘пирог с запечённой цельной рыбой’: *В рыбник свёжую рыбку посолят или солёную положат, кладут цёлую.* Сямж. Грид. А **рыбницей** называют любительницу есть рыбу: *Я рыбница, люблю всякую рыбку.* Сямж. Монаст. Пирог с мелкой рыбой называется в говоре **малёвочник** или **мёевочник**, потому что мелкая рыба – **малёвка** или **мёевка**: *Вчера́сь Коля наполовину рыбёшки, дак я малёвошник испекла. Малёвошника-то пошто не попробовали? Малёвошники-то ставьте на стол.* Сямж. Монаст. Другие дак и очень любят **мёевошник**. Да раньше ести было нечего, дак всё хорошо. Баба Таня давно уж не пекла мёевошника, не ловят мёевки-то. Ты, поди, и мёевошников не ешь? Сямж. Монаст.

Словом **ягодник** называют в Реже закрытый пирог или лепёшку из дрожжевого теста с начинкой из ягод: *Ягодники загибали из сушёных ягод.* Они выпекают в пёчке – *наложат и загибали.* Сямж. Грид.

Репник или **репняк** – это ‘пирог с начинкой из пареной репы или брюквы’. Репник пекли, как сиченики из брюквы, *репу нарили, кто в пёчке, кто в кадке, и в сочени заворачивали.* Сямж. Монаст. А **репники-то, Надя,** пекала мамка у тебя? **Репники-ти?** *Насекёт галанки-то да нарили — вот репники!* Сочёные наскёши и загибаешь. Хорошо, вкусно. Сямж. Монаст. **Галанкой** в говоре называют брюкву, а пирог с ней называется так же, как и с репой: *Вот ужо репа с брюквой вырастет, надёлаю репняк.* Сямж. Монаст. **Яичник** – ‘пирожок с зелёным луком и яйцом’: *Раньше часто яичники делала: лучку туда да с яичком. А топёрь уж и не ходита.* Сямж. Рассох. А пирожки с картфелем называются **яблочными**: Это что? Яблочные пироги? Сямж. Монаст.

При отсутствии другой начинки пекли пироги с солью, они назывались **солониками**: *Солоник пекли, ёли. Свекровушка у меня любила солоник.* Разляпает сочень, насолит, насолит и загнёт и в пёць. Всё испекёт солоник-два, да и ест, как рыбник, и нахваливает. Сямж. Монаст. Это слово многозначно, имеет в говоре и другое значение – ‘солонка с крышкой, обычно сплетённая из берёсты’: *В солоник-от накладём сбли, кропче закроем пробкой и понесём на пойню.* Сямж. Монаст.

Отдельно следует назвать выпечные изделия из недрожжевого, пресного (безопарного) теста. Режаки называют их **скороспельными пирогами**: *Пирог у нас сегодня скороспельные: как творила, так сразу месила.* Сямж. Монаст. К ним относятся также **пресник**, **пресняк** и **преснушка**. Это небольшие тонкие лепёшки чаще всего из пресного ржаного теста с защищанными краями, начинкой служат толчёный картофель, пшённая или другая каша, творог, варёные яйца со сметаной: *Надо каждому по преснику испекти. Где мне эстоль-то наскать?* Сямж. Монаст. *Наску с утра сочней, дак напеку пресников.* Сямж. Монаст. *Не едали, поди, пресняков-то с картошкой или крупою?* Загибульки здакие. Их делают из неходёлого теста – загибают, а наверх кладут крупу или картошку толчёную. Сямж. Монаст.

Этот же вид небольшого пирога круглой формы из пресного теста называется в говоре широко распространённым на Русском Севере и в Сибири словом **шаньга**: *Шаньги на сочнях, польют поливой, набоят сме-*

тáны с простоки́шней и полью́т сочень-от. Сямж. Монаст. Закрытый или открытый пирог из пресного теста с начинкой из измельчённых овощей (капусты, репы, брюквы, моркови, картофеля, лука), свежих грибов, реже ливера, мяса, иногда ягод называют в говоре словами *сéченник* и *сéченник*: *Из галáнки-ти сýчинники бывáют. Галáнку секёшь в сýльнице, разрúбши́ш топором мéлко-мéлко, потóм сметáнкой польёшь, посолíшь и на соцень положи́шь, загнёшь да и в пéць.* Сямж. Монаст.

Отметим некоторые выпечные изделия, названные в говоре известными литературному языку словами, но с другим значением.

Выпечное изделие, представляющее собой очень тонкую лепёшку, намазанную маслом, посыпанную сахаром и сложенную пополам; по овальному её краю делаются четыре надреза, называется такой сладкий пирожок без начинки словом *пáльчик* – по внешнему сходству с ладонью: *Сейчás пекём пáльчики. Máслом намáжем, песком посыпем, загнём – вот и готов пáльчик. Какой пáльчик вку́сной, слáдкой пирбóг-от. Дái-ко и мне пáльчика попробовать.* Сямж. Монаст. *Пáльчика не хотíте?* Это пирожок без начинки. *Пáльчик-от не все уме́ли выпека́ть.* Сямж. Грид. Сливочное масло перед тем, как смазывать им пироги, надо было сначала *оттопо́ить*, то есть ‘нагревая, превратить из твёрдого состояния в жидкое, растопить’: *Сначáла надо ма́сло оттопо́ить.* Сямж. Короб. А потом *издуши́ть* – ‘прогревать, подержав открытым’: *Издуши́ть надо ма́сло на окнé, чтобы онó паху́чее бýло, и ма́зать.* Сямж. Монаст.

Любое выпечное изделие (чаще пирог), которое пекут перед отъездом кого-либо, – это *подорóжник*: *Подорóжник-от положь сёдни, а то завтра забудешь.* Сямж. Грид. *Привозáла гостéй, напеклá подорóжников.* Сямж. Монаст.

Нами уже упоминались слова *сop*, *сбрный*, характеризующие смесь муки из разных злаков. Назовём ещё несколько слов, также известных литературному языку, но в говоре Режи имеющих другие значения. *Пéнка* – это ‘жидкая начинка из сметаны, которой сверху покрывают лепёшку’: *Сметáны-то у менé малéнько оставáлось, дак пирогóв с пéнкой напеклá.* Сямж. Монаст. *Сýрник* – ‘пирог с начинкой из творога’ *Рассыка́ют сочень и защи́пывают сочень с твóрогом, это сýрником зовут.* Сямж. Грид. *Вот твóрог напáдим, наскéм соцнéй да и напекём сýрников.* Сямж. Монаст. А *твóрогом* могут назвать и начинку для открытого пирога из толчёного картофеля, яиц, молока: *Навáрят картóшки, яйца, разведу́т молоком и э́тот твóрог накладывают на тесто.* Сямж. Монаст.

Словом *олáдья*, закреплённым в литературном языке за названием небольших круглых пышных блинчиков, выпекаемых на сковороде, режаки назовут пышный круглый пирог, лепёшку: *Поéшь моих-то пирогóв. Вот мяко́нькие олáдьи, тóлько что из пéчи выняла.* Сямж. Грид. *Поéшь тё, дёвки, олáдьи.* Сямж. Рассох. Используется и диминутив от этого слова – *олáшка*: *На э́тих сковорóдках пеку́ олáшки. Э́ти пироги у нас олáшками называю́ще.* Я сегóдня олáшек напеклá, больно и добры. Сямж.

Грид. А блины из ячменной муки называются в говоре **я́чными пирожскáми**: *Все и ждали, покá напеку́ я́шных-то пирожскóв.* Сямж. Грид.

Даже если нет соотносительности с литературным языком, семантика многих названий вполне прозрачна. Так, пирожок из остатков теста традиционно называют **заскрёбыши**. Сдобное выпечное изделие в общем виде называется **сдбник**: *Напеку́ зáвтра сдбников.* Сямж. Монаст. Домашнее печенье круглой формы из сдобного теста режаки зовут словом **колобóк**, так называют, как мы уже видели, и круглой формы небольшой хлебец из пшеничной муки: *Колобкý-то назывáют сдбное пéчево. Колобкóв-то, бывáло, напечём, дак ráзом и съедáт.* Сямж. Монаст. Пряник, тесто для которого замешивали на сусле, называется **суслёнником**. А небольшие лепёшки без начинки из сдобного теста, испечённые на сковороде, называются **алялюшки**: *Напекёшь алялюшek и колобóшek, пирожскý такие мáленькие.* Сямж. Грид.

Любопытным, на наш взгляд, оказывается неразличение режаками видов некоторых изделий, в результате одни и те же слова называют разные виды выпечки. Так, **катанéц** – это небольшой круглой формы пшеничный хлеб, булка, форма которой придаётся в процессе катания теста в «каталенке» («покатушке»), а в одном из примеров он назван пирогом: *Назывáли покатúшка, а тирбóг, котóрый катáли, назывáли катанéц.* Сямж. Монаст.

Охарактеризуем некоторые изделия без начинки, выпекаемые на сковороде. Традиционно к ним относятся блины, оладьи. В режском говоре собственно блин называется словом **блинéц**: *Мы с дéдом хоть блинцú напекём, хоть шáнеjски.* Сямж. Грид. Блины из ячменной муки называются, как мы уже отметили, **я́чными пирожскáми**: *Все и ждали, покá напеку́ я́шных-то пирожскóв.* Сямж. Грид.

Оладья называется в говоре словом **шáньга, шáнеjска**: *Шáньги тво́рят, как и тирогí, тóлько на тирогí погóще, а на шáньги – как тебé нúжно.* Сямж. Монаст. Блины *так у нас блинáми и зовúт, а мáленькие блины – дак шáнеjски.* Зáвтра я вам шáнеjsek напеку́. Сямж. Монаст. Сковорода для выпечки блинов и оладий – **шáнеjсник**: *Шáнеjсник у менé удóбный. На шáнеjснике бóльно и добро пекчý-то, рúки не жгёт.* Сямж. Грид.

Продолговатая оладья, в два раза больше обычной, носит название **двоёнка** или **двойнка**: *На сковородú полóжиши длинные такие – вот и двоёнки получились.* Сямж. Монаст. Диалектносители так объясняют изготовление таких оладий: *Пекут двоёнки. Я пеку́ толькё двоёнками: быстрéе.* Сямж. Монаст. *Двойнок-то быстрéе напекёшь да и съёшь помéньше:* онé ведь в два ráза бóльше обычной. Сямж. Грид.

Упомянем некоторые виды праздничной и обрядовой выпечки. Слова **хléбина** и **хléбины** использовались в Реже с двумя значениями, имеющими отношение к свадебному обряду: ‘блины, которыми угождали в доме невесты на второй или третий день свадьбы’: *Хлýбины мáзаны бýли, мáмки хлýбина пекли.* Это уж на трéтий день свáдьбы. Сямж. Монаст. и ‘прощальное угождение у родителей новобрачной на второй или третий день

свадьбы': На третий день оставляли своих родных на хлебена, пекли блины, дёУку смотрели. Сямж. Монаст. Свадьбу второй день играли, называли хлебина, невеста дарит дары. А дары сама невеста делала, у которой мать есть – помогает. Сямж. Монаст.

Большое выпечное изделие прямоугольной формы без начинки, которым угощали людей, не приглашённых на свадьбу, но пришедших поздравить жениха и невесту, называется в говоре словом *кроёное*: *Бабы-ти с ёлочки пришли, там ведь ешё давали кроёное, а кроёное дадут тоже, крёсная встанет, грит: «Вот вам, бабоньки!»* Сямж. Монаст. Подождём, пока подадут кроёного. Сямж. Монаст. Изделие из подсущенного теста, раскатанного тонким слоем, которое подавали в Рождественский или Крещенский сочельник, носит в Реже название *сочево и сочivo*: *Сочево-то на сочельник делали.* Сямж. Короб. *Сочиво делают на Крещение.* Сямж. Короб.

Назовём лишь несколько покупных изделий из муки, их выбор в сельских магазинах был невелик. Баранка, сушка носят в говоре название *крендель*: *Кренделя не хочешь? – Кренделя мне не разгрывать.* Сямж. Монаст. С этим же значением отмечены и собирательные существительные *кренделье* и *крендельё*: *Ещё тут лавка была, крендельё да пряники продавали. Хозяин лавки из города приедет, витушек, ломпасьё, крендельё привезёт.* Сямж. Монаст. *Раньше такё крендельё было приятное, не чета топрешнему.* Сямж. Монаст.

Глазированный пряник в Реже называется *зацвёликом*: *Раньше еды-то особо не было. Привезут зачвёликов, дак уж робятинки кричат: «Мама, купи зачвёликов!»* Сямж. Монаст. *Пейте чай с сухарями да зачвёликами.* Сямж. Монаст. Пряники удлинённой формы назывались по-особому – *суропы*: *А то ешё пряники такие были добуги – суропы.* Сямж. Монаст. *Суропами торговали, это пряники были такими резунчиками, добугоньки.* Сямж. Монаст.

Хочется остановиться на оценочной лексике, связанной с выпечкой. Удачно испечённые хлеб или пироги называются в говоре словом *удача*: *Пироги-то сегодня удача, дак хоть девок хорбими пирогами накормлю, а то уж больно этот-то хлеб кислой.* Сямж. Монаст. О таких же пирогах скажут – *добрый пирог*: *Тесто-то какое пышное и рыхлое, пирог, поди, будут добрые.* Сямж. Монаст. Положительная оценка вкуса чего-либо, в том числе и выпечки, передаётся безличным предикативом *скусно* – вкусно: *Можно бы загибней-то напечь. Загнёшь чернички-то – уж до чего скусно!* Сямж. Рассох. О чём-либо необыкновенно вкусном скажут и *объеданье*: *Ой, до чего пироги-то хороши! Прямо объеданье!* Сямж. Монаст.

Но гораздо больше оказывается в говоре слов, характеризующих неудачно, плохо пропечённые пироги или хлеб. Выражается это и при помощи антонимичного слову *удача* существительного *неудача*: *Сегодня пироги неудача, дак шаньги испеку.* Сямж. Монаст. Неудачно, плохо испечённый пирог, хлеб назовут и словом *неупёка*: *Хлеб-от худой, непропечённый, к рукам ляпнет – неупёка.* Сямж. Грид. Такая оценка касается и домашней

выпечки, и покупных изделий: *Пекут плохой хлеб. В понедельник в магазине выходной, а во вторник неупёка и бывает. Неупёка часто бывает. Сямж. Монаст. Вчера на пекарне-то весь хлеб — неупёка, исти нельзя. Сямж. Грид.*

У слова *укладник* в говоре отмечаются два значения: ‘неудавшийся пирог или хлеб, выпеченный из неподнявшегося теста’: *Укладники — дак значит, плохо поднялись. Как не подымется, дак корка. К корке прилипнут — разве вкусно?* Сямж. Монаст. и ‘непропечённая сторона, часть пирога, хлеба’: *А у меня ни с кою сторону укладника нет, скажешь тоже!* Сямж. Монаст.

Прилагательное *тючковатый* характеризует тесто, не поднявшееся, не увеличившееся в объёме при брожении: *Тесто худое, тючковатое — худое и хлеб будёт. Сямж. Монаст.* Этим же словом оценият и изделие, не доведённое до состояния должной готовности при варке, печении: *Хлеб сёдни тючковатый. Хлеб тючковатый, не упёксё и не выходит. Сямж. Монаст. Сямж. Монаст. А баба Настя всё говорит: «Каша тючковатая. Сямж. Монаст.* Как видим, применяется слово не только для оценки выпечных изделий.

Непропечённый или плохо пропечённый хлеб в Реже назовут *недопёкой*: *Бывает, печь остынет, хлеб и не допечётся, недопёка получится. Недопёки, поди, и не будете есть? Недопёка — это уж не хлеб, конечно.* Сямж. Монаст. Не поднявшийся при выпечке пирог назовут *присядышем*, да ещё и скажут: *Брось присядыш в стёну — к другой отскочит.* Сямж. Монаст.

Не зарумянившееся при выпечке изделие (хлеб, пирог или др.) получает название *завалыш*: *Всё равно нет закалу, всё завалыши. Они не попекутсяничего, всё такие.* Сямж. Монаст. Пирог с подгоревшей нижней коркой называется *опалёныши*, и хозяйка с огорчением говорит: *Какие опалёныши у меня сёдни получились! Век свой не пекала эдаких опалёныши!* Сямж. Грид. Но и подгоревшая при выпечке хлебная корка — *запалёшка* — будет пущена на дело, её не выбросят: *Запалёшка — жарко посадишь, дак сгорит она <корка>. На квас ложим эти запалёшки.* Сямж. Монаст. Словом *паль* называют не только подгоревшее место на выпечном изделии: *Хлеб-то сёдня хороший, без пали, корочка румяная.* Сямж. Монаст., но и запах палёного, горелого: *Запалёенный хлеб палью только и пахнет.* Сямж. Монаст.

Как видим, самокритичность режской *печей, печёушки* достаточно высока, хотя усердия, старания и опыта в домашних делах у русских женщин не занимать. Поэтому в ответ на замечание о том, что съеденные выпечные изделия были недопечёнными, хозяйка оптимистично скажет, используя устойчивые выражения *на пятых (в желудке) упекутся*: *Говорите, что пироги не упеклись? Ничего, на пятых упекутся. А ещё говорят: «В желудке упекутся».* Сямж. Монаст. Упеклись ли пироги? Ну, не упеклись, дак на пятых упекутся. Сямж. Монаст.

В результате проведённого исследования мы убедились в богатстве и разнообразии лексики и фразеологии, называющих в режском говоре выпечные изделия и процессы их приготовления. Широко представлены системные отношения в лексике: многие слова являются многозначными (*солоник, шаньга, хлебина и хлебины*), развита синонимия (*столока – смешайца, разлев – разлев – квашнка, маливочник – меевочник, недопёка – неупёка – присядыш – завялыши*). Нами отмечены антонимы (*удача – неудача, тючковатый – рыхлый*). Разнообразны словообразовательные модели, объединённые в гнёзда (*загибаха, загибень, загибения, загибенька, загибёшка и загибушка; пресник, пресняк и преснушка* и др.).

Перспективными в изучении этой лексико-семантической группы являются, на наш взгляд, наблюдения над развитием семантики, соотношением прямых и переносных значений слов, в том числе над использованием их для характеристики человека, описание словообразовательных возможностей говора.

Список сокращений

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паниковской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – Изд. 2-е. – М., 1981–1984.

1.1.7. Микротопонимия Режского поселения в ономасиологическом и структурном аспектах¹

Микротопонимы являются неотъемлемой частью культурного ландшафта региона, поэтому их изучение представляется особенно значимым. В работе предпринята попытка описать микротопонимию Режского сельского поселения в ономасиологическом и структурном аспектах. Материалом для исследования послужили полевые данные, собранные в ходеialectологических экспедиций под руководством Л.Ю. Зориной. Также использовались записи микротопонимов, сделанные учителем русского языка и литературы Режской средней школы М.Н. Одинцовой. Ономасиологическое описание русской топонимии представлено в работах Е.Н. Варниковой [Варникова 1988], И.А. Воробьёвой [Воробьёва 1973], Л.П. Матей [Матей 1987], А.В. Приображенского [Приображенский 2003], М.Э. Рут [Рут 1992] и др. В рамках ономасиологического подхода обычно рассматриваются принципы и способы обозначения географического объекта.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание северорусского языка».

Центральным понятием, используемым при структурном анализе географических названий, является понятие топонимического типа. В современной ономастике структурный топонимический тип – это «группа топонимов, объединённых единством структуры, топонимической моделью, связанной с характером их возникновения» [Подольская 1978: 150]. Одной из основных особенностей микротопонимов является их структурная близость к именам нарицательным. Учитывая структурную специфику микротопонимов, исследователи указывают на существование в микротопонимии двух групп географических названий, формальные различия между которыми касаются, прежде всего, вхождения или невхождения географического термина в состав топонима. В работе для обозначения данных групп географических названий мы будем использовать термины «топонимы» и «топонимы-словосочетания».

Все микротопонимы Режи можно разделить две группы: названия географических объектов, созданных человеком, и названия объектов естественно-географического характера.

Микротопонимы первой группы представлены названиями пашенных и сенокосных угодий: *Комарица Виссарионова*, *Авенирова шалюга*, *Anashкина полоса*, *Андреевка*, *Афонина полянка*, *Белоусная пожня*, *Берёзовки*, *Былёвая полянка*, *Большой пласт*, *Долгуша*, *Доровины*, *Дуброва*, *Егоровы пеньники*, *Лёвин бревенник*, *Лисицына пожня*, *Лодейки*, *Рябинник*, *Сахарница*, *Слуда*, *Собачёво* и т. д. Также отмечены названия пастищ: *Зяблуха*, *Киог*, *Коробицыно*, *Культурное*, *Низовые*, *Солодихино*, *Сондога*, *Яшики*.

К микротопонимам первой группы также относятся названия частей населённых пунктов: *У Рассохинской лавы* (место встреч молодёжи у моста в д. Рассохино), *Тараканово* (часть д. Гридин), *Рамене* (часть д. Гридин), *Выползово* (часть д. Гридин); мест, расположенных вблизи населённых пунктов: *Розлука / Розлуги* (место близ д. Монастырская), *Заводы* (место близ д. Монастырская), *Запригорода* (место близ д. Монастырская).

Названия объектов естественно-географического характера представлены наименованиями небольших рек: *Кремлёвка*, *Комарица*, *Вытлевка*, *Ивашкица*, *Крутая*, *Медведка*, *Пендуска*, *Рассоховка*, *Слуда*, *Берёзовка*, *Бороуха*, речных извилин: *Захоловины*. Многочисленны названия болот: *Великая чисть*, *Верхотинное болото*, *Долгое болото*, *Железково болото*, *Зимнишное болото*, *Илезское болото*, *Кикиморово болото*, *Комариное болото*, *Кошачье болото*, *Красное болото*, *Кремлёво болото*, *Кругловское болото*, *Струбное болото*, *Сухое болото*, *Талецкое болото*. Также зафиксированы названия возвышенностей: *Середня гора*; лесных массивов: *Худая дуброва*, *Хорошая дуброва*; участков леса: *Воротки*, *За Деяновым полем*, *За ломью*.

Более подробно рассмотрим микротопонимы первой группы (агронимы). В структуру агронима могут включаться географические термины, которые в ряде случаев являются диалектными словами: *Ратинцева пожня, пожня 'покос, луг'* [СВГ 7: 122]; *Марковские полянки, полянка 'участок пахотной земли, находящейся в чьем-л. пользовании'*, 'участок зем-

ли, отведенный кому-л. для сенокоса' [СВГ 7: 149]; *Долгие полосы, Анашина полоса, полоса 'земельный надел'* [СВГ 7: 142]; *Володина ляга, ляга 'низкое, сырое место; широкая впадина с отлогими краями, обычно заполненная водой'* [СВГ 4: 61]; *Егоровы пениники, пениник 'поляна, небольшое ровное пространство среди леса на месте вырубки, которое может использоваться под пашню или для сенокошения'* [СВГ 7: 24]; *Большой пласт, пласт 'участок сенокоса на одного человека'* [СВГ 7: 63].

Охарактеризуем основные принципы номинации земельных угодий. В составе агронимов продуктивными являются посессивные топонимы, т. е. географические названия, отражающие связь именуемого объекта с человеком: *поле Маровичей, Богданыха, Филатовщина, Рыжкова полянка, Рябовская половина, Тимониха, Бухарева пожня, Данилиха, Пономарёвская пожня*. В основе таких именований может лежать личное имя крестьянина, разрабатывавшего или возделывавшего земельный участок: *Данилково / Данилкова пожня, Деяново поле, Фотина полянка, Анашина полоса, Афонина пожня, Виссарионова полянка, Андреевка / Андреевкино*, прозвище: *Чижихинская пожня (Чижихинец, прозвище), фамилия: Бухарева пожня, Иванцева пожня, Лисицына пожня*.

Посессивные именования представлены однословными топонимами и топонимами-словосочетаниями. Однословные топонимы имеют в своём составе специализированные топонимические суффиксы *-ово / -ево, -ино* (*Колобово, Красавино, Кукуево, Сверчково, Быково*), *-иха* (*Лобаныха, Богданыха, Тимониха*). Топонимы-словосочетания строятся по нескольким моделям. Наиболее распространенной является двухкомпонентная модель, представляющая собой сочетание географического термина и притяжательного прилагательного с суффиксами *-ов / -ев, -ин*, образованного от личного имени: *Деяново поле, Афонина полянка, Офонина пожня, Виссарионова полянка, Данилкова пожня, Фотина полянка*. Название географического объекта в ряде случаев представляют собой сочетание географического термина и фамилии в форме родительного падежа: *Рыжкова полянка, Бухарева пожня, Иванцева пожня, Лисицына пожня*. Подобные именования выражали значение индивидуальной принадлежности.

Для именования сельскохозяйственных угодий также использовались сочетания географического термина и притяжательного прилагательного с суффиксами *-овск- / -евск-, -инск-*: *Марковские полянки, Муравьевское поле*. С.Н. Смольников отмечает, что притяжательные прилагательные с данными суффиксами «не выражают значения собственно принадлежности (обладания), они указывают на относительность, условность посессивных отношений» [Смольников 2002: 12].

Микротопонимы, как правило, неустойчивы, легко подвергаются изменениям. В речи носителей диалекта посессивные именования сенокосных угодий могут варьироваться: *Марово / Маровы пожни, Андреевка / Андреевкино, Данилково / Данилкова пожня*.

Для обозначения географических объектов активно используются локативные топонимы (именования географического объекта по его связи с

другим объектом): *Крутые речки, Горушка, Дектярня, Подполянки, У Софьина тона*. Функцию локализатора могут выполнять как естественные, так и искусственные объекты. Сенокосные угодья обычно именуются по гидрографическим объектам (рекам, болотам): *Слуда, по р. Слуда; Медведка / Медведки, по р. Медведке; Берёзовка / Берёзовки, по р. Берёзовке; Ивашковицы, по р. Ивашковице; Комарица / Комарицы, по р. Комарище; Крутой ручей, на берегу Крутого ручья; Студеная Шейга, по р. Студеной Шейге, Тёплая Шейга, по р. Тёплой Шейге, Речки, расположена между реками; Наволоки, наволок ‘заливной луг’ [СВГ 5: 28]; Сохра, сохра ‘низкое, болотистое место, поросшее лесом’ [СВГ 10: 91]; Патюки, рядом с Патюковским болотом. Деревни, находящиеся рядом с называемым земельным участком, также выполняют функцию локализатора: Кругловское поле, рядом с д. Круглая.*

Локализатором может являться геоботанический или орографический объект: *Перелесье, Бор, Малинник, Рябинник, Горушка, Дуброва, дуброва ‘густой лес из деревьев разных пород’ [СВГ 2: 18]. Земельные угодья могли именоваться по церкви: Спасское поле (рядом с д. Монастырской, название связано с церковью Спаса Преображения, расположенной в деревне); по хозяйственным постройкам: Дектярня, Сенопункт; по транспортному объекту: Мостовая пожня.*

Многочисленны ориентированные именования: *Подболотная пожня, Подостровная пожня, У Софьина тона, У звезды пожня, За зерносушкой, Заручевна, За Чёрной речкой, За магазином, Запригорода, Надляги, Поле к болоту, Поле к мельнице, У Клопова дома, К Маркову лево, У Шавериной мельницы, У школы, Между деревнями и т.д.*

Локативные именования в исследуемых текстах представлены однословными топонимами и топонимами-словосочетаниями. К однословным топонимам относятся географические названия, образованные в результате процессов трансонимизации: *Слуда* (р. Слуда), *Медведка* (р. Медведка), *Берёзовка* (р. Берёзовка), *Комарица* (р. Комарица), *Студеная Шейга* (р. Студеная Шейга), *Тёплая Шейга* (р. Тёплая Шейга), онимизации апеллятива: *Перелесье, Горушка, Бор, Дуброва, Малинник, Рябинник, Сохра Сенопункт, Дектярня*. Отмечены суффиксальные образования: *Задорница, Подзапендусье* (ср.: *пендус ‘болото’* [СВГ 7: 23–24]).

В ряде именований топонимообразование сопровождается лексикализацией формы множественного числа: *Крутые речки, Речки, Ивашковицы, Медведки, Патюки, Подполянки, Берёзовки, Надляги, Комарицы*. В результате этого возникают варианты географических названий: *Берёзовка / Берёзовки, Комарица / Комарицы, Задорница / Задорницы, Медведка / Медведки*.

К составным топонимам относятся именования, представляющие собой согласованные словосочетания: *Кругловское поле, Спасское поле, Подболотная пожня, Подостровная пожня, предложно-падежные конструкции: За зерносушкой, За Чёрной речкой, У Мишкина дома, У репных ям, У ручья, Над Синим*.

Многочисленными среди агронимов являются квалитативные именования (названия географического объекта по его собственным признакам и свойствам). В составе именований данной группы выделяются микротопонимы, указывающие на размер, протяжённость: *Маленькое поле*, *Большая поляна*, *Большой пласт*; форму: *Кривуши*, *Долгие полосы*, *Валы*, *Долгуша*, *Кругловка*, *Круглое поле*, *Согнутых*; характер почвы: *Дресвянки*, *дресва* ‘каменистая почва; каменистое дно водоема’ [СГРС 4], *Пендуски*, *пендус* ‘покос в сыром месте’ [СВГ 7: 23–24], *Ляга / Ляги*, *Мокруша / Мокруши*, *Билевая полянка*, *бильевой* ‘серый (о почве)’ [СГРС 1]; *Камешник*, *Сухая*.

Большую группу составляют географические названия, указывающие на способ подготовки, разработки земельного участка: *Чистенье*, *чистка* ‘расчищенное от деревьев место в лесу, предназначенное для сенокоса’, *Паль*, *паль* ‘место среди леса, расчищенное под пашню, подсека’ [СВГ 7: 4], *Доровины*, *доровина* ‘участок земли, расчищенный из-под леса для пашни, покоса, пастбища’ [СГРС 4], *Вытлевка / Вытлевки*, *вытлевка* ‘участок земли, расчищенный корчеванием, сжиганием пней’ [СГРС 2], *Непрядь*, *непряды* ‘расчищенное для пашни место среди леса, подсека’ [СВГ 5: 102], *Новеди*, *новь* ‘расчищенное для пашни место среди леса, подсека’ [СВГ 5: 110], *Новочисть*, *новочисть* ‘расчищенное для пашни место среди леса, подсека’ [СВГ 5: 110], *Опалиха*, *опалиха* ‘место, на котором выкорчеван и сожжён лес под посевы’ [СВГ 6: 57]. Квалитативные микротопонимы характеризуют географический объект по расположению: *Верхотина / Верхотины*, *верхотина* ‘верховье реки’ [СВГ 1: 33], *Зады*, *Дальняя полянка*, *Среднее поле*; по растительности: *Белоусная пожня / Белоусина*, *Осотливо поле*, *Сорница*. Среди квалитативных именований встречаются и образные топонимы: *Кошелёво* (по форме похожа на кошелёк), *Сахарница* (с хорошей травой).

Квалитативные топонимы по структуре обычно являются топонимическими сочетаниями: *Билевая полянка*, *Маленькое поле*. Также представлены однословные топонимы: *Опалиха*, *Чистенье*, *Белоусина*.

В основе микротопонима может лежать несколько принципов номинации: *Лисья гора левая*, *Деминчай Медведка*, *Августина Берёзовка*, *Комарица Виссарионова*, *Комарица Тихонова*, *Платохина ляга*, *Ляжска Кулижонка*, *Медведка Воронят*, *Поповские Берёзовки*.

Таким образом, агронимы Режи отличается структурным и семантическим разнообразием. Микротопонимы отражают культурный ландшафт Режского поселения, являются источником сведений о видении мира, быте носителей режского говора.

Литература

Варникова Е.Н. Русская топонимия Среднего Посухонья в ономасиологическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – Свердловск, 1988.

Воробьёва И.А. Русская топонимия в средней части Оби. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – 246 с.

Матей Л.П. Русская ойкономия с точки зрения семантической и структурной эволюции // Формирование и развитие топонимии. – Свердловск: УрГУ, 1987. – С. 44–59.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 198 с.

Приображенский А.В. Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья в историческом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Петрозаводск, 2003. – 20 с.

Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 148 с.

Смольников С.Н. Категория посессивности в старорусском языке и проблемы исторической ономастики. // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. – Вологда: ВГПУ, 2002. – С. 5–28.

Список сокращений

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Т. 1–6. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2014.

1.1.8. Неофициальная антронимия Режи¹

*Не в очь, конечно, называют по прозвищам,
может, позабочь так и называют... Сямж. Монаст.*

В современном диалектном социуме по-прежнему в достаточно большом количестве присутствуют прозвищные номинации, являющиеся специфическим средством идентификации отдельной личности или группы лиц в рамках диалектного сообщества. Прозвище противопоставлено основному именованию человека по своему происхождению и условиям употребления: имя даётся в семье, прозвище – на «улице» и может перерасти в уличную фамилию.

В ономастике остаётся открытым вопрос о наиболее оптимальной семантической классификации прозвищ. В последнее десятилетие появилось довольно много работ, посвящённых изучению такого разряда антронимов, как прозвища, особенно прозвищ в диалектной среде, коллективных прозвищ. Так, например, большая работа в этом направлении проводится в Уральском государственном университете, где подготовлен «Словарь русских коллективных прозвищ» [Воронцова 2009: 52].

Интересным представляется подход к классификации неофициальных антронимов, предложенный в работе белорусской исследовательницы И.А. Лисовой, основанный на разграничении интралингвистически и экстраплингвистически мотивированных единиц. Ведущим для появления не-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского языка».

официальных антропонимов *интраплингвистической мотивации* является внутрилингвистическое основание, т. е. другие официальные и неофициальные антропонимы: это всевозможные словообразовательные модификаторы, деминутивы и гипокористики личных имён, отличающиеся от официальной формы имени не только в структурном отношении, но и с точки зрения наличия коннотативной окраски и различных социальных характеристик коммуникантов. Неофициальные антропонимы *экстраплингвистической мотивации* возникают по нелингвистическим причинам: реальная или желаемая черта характера, внешний признак, событие и т. п. [Лисова 2014: 227–228].

Рассмотрим неофициальные антропонимы, зафиксированные на территории Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области. Общее число анализируемых онимов – 280, они были собраны в результате диалектологических экспедиций Вологодского государственного педагогического института / университета (теперь ВоГУ) под руководством доцента Л.Ю. Зориной в основном в 80-е и 90-е годы XX века [КСРГ]. В их составе могут быть выделены следующие группы: 1) индивидуальные прозвища; 2) релятивные прозвища, образованные от различных именований родителей (и других родственников), которые приобрели (могут приобрести) статус уличной фамилии; 3) коллективные прозвища жителей отдельных деревень Режского сельсовета. В конце раздела приводится полный алфавитный список всех неофициальных антропонимов Режи, анализу подвергаются антропонимы с установленным мотивом номинации, реальные имена людей – носителей прозвищ не указываются по этическим соображениям.

I. *Индивидуальные прозвища* составляют обширную группу – 134 прозвища, практически половина от общего количества изучаемых антропонимов. В основном они представляют собой разновидность неязыковой мотивированной номинации. Чаще всего мотив для возникновения прозвища создаёт *внешность именуемого или приметная черта его характера, манера поведения*.

Во внешности человека традиционно обращает на себя внимание чрезмерно высокий – *Кóлыши, Долбáло* или, наоборот, низкий рост – *Воробьёночек*; особенности телосложения: чрезмерная полнота – *Квашиńя, Корчáга* (полные женщины), *Пестёрь* (полный мужчина); различные физические недостатки: *Костыль* (хромой мужчина, ходящий с костью); *Кóско* (человек, страдающий косоглазием); *Ключи́ха* (женщина, у которой была сломана ключица); *Кривонóжка; Корявишина* (женщина с повреждённым оспой лицом).

Прозвище могло быть дано по какой-либо *характерной внешней примете человека*: толстая и отвислая нижняя губа – *Брилá*; постоянно открытый рот – *Ворбáна*; необычная форма головы, лба – *Колúн* (заострённая кверху голова), *Поварёнка* (кругой лоб); привлекающий внимание цвет глаз, волос или кожи: *Лóпа* (мужчина с чёрными, пронзительными глазами), *Бíля* (> белый, т.е. светловолосый человек), *Брóнзевый котелóк* (ры-

жеволосая девочка), *Рак* (мальчик, который был всегда красный, как рак), *Смолёвая* (пожилая женщина, которую сравнивали со старым деревом за смуглый цвет кожи); форма носа: «картошкой» – *Картохшина* (Танька *Картохшина*), *Картбашка* (прозвище мужчины); *Кляпонбый* (с приплюснутым носом): *Он упал на дугу и это место переломил. Нос-то у него стал такой неловкой, да гнусял, да всё и звали кляпонбым.*

Мотивом номинации по чертам внешности человека могли стать и какие-либо временные, уже исчезнувшие характеристики именуемого, закрепившиеся в памяти односельчан: *Мудик* (в детстве была мононочная грыжа); *Сопленбик* (у мальчика в раннем детском возрасте почти всегда было мокро под носом); *Седун* (не ходил до семилетнего возраста).

Обширную группу составляют прозвища, обращающие внимание на какую-либо *черту характера* или *манеру поведения* именуемого. Специфика мотивов номинации, участвующих в создании этих прозвищ, позволяет говорить о двух подгруппах.

1. Прозвища, дающие оценку характеру человека или особенностям его поведения в целом: *Богомблка* (очень набожная старушка); *Заглайдка* – *Васька Заглайдка* (постоянно вертел головой, «заглядывал»); *Кулес* (любивший наряжаться мужчина); *Лисица* (хитрая, сообразительная женщина); *Литавка* (неспокойная женщина, непоседа); *Маслуха* (хитрая, «скользкая» женщина); *Матюга* (часто использующий нецензурную брань мужчина); *Оказия* (некоторый человек); *Пулемёт* (девушка-лгунья); *Рознотёплый* (скромный, тихий и стеснительный человек); *Соломон* (мудрый человек); *Миёв хандырь* (мужеподобная девушка): *Миёв хандырь – дёвка, а не парень. Она брюки носила, на гармоны играла. Нога на ногу положит да папирбусу курит.*

2. Прозвища, полученные человеком за какой-либо отдельный его поступок или вследствие какой-либо отдельной регулярно повторяющейся особенности поведения: *Волк* – прозвище мужчины, который в период раскулачивания отобрал у хозяйки овцу и бросил её на двор через голову; *Кыка* (*Ондрюха Кыка*) – прозвище старика, который очень не любил перешептывания в церкви и ударял шепчущихся по лбу согнутыми фалангами пальцев; *Мáру* – прозвище мужчины, который вместо ругательства говорит: «У, мáру!»; *Совётская* (*Татьяна Совётская*) – женщина в первые годы Советской власти не венчалась, как все, а «расписалась» по новым законам, впоследствии и её дети тоже были прозваны *Совётскими*.

Такие прозвища рассказывают о различных событиях в жизни взрослых людей: *Москвич* – прозвище мужчины, которого на 10 лет выслали из Москвы; *Сумёрзлыи* (*Митя Сумёрзлыи*): *Был не здёшний, приехал, получил прозвище. Точно не известно почему, но вся изба у него была запожена дёром.*

Три прозвища заключают в себе характеристику человека по особенностям его речи, голоса: *Паут* (визгливый голос); *Хныло* – *Ванька Хныло* (гнусавый голос); *Широкоротая* – прозвище женщины: *Её широкоротой*

прозвыают: *больно громко кричит*. Говорят: «*Идёт Широкоротая*», знают, Юля!

Следующее прозвище относится к группе релятивных, но мотивом его создания послужила также характеристика речевых особенностей, но не самого именуемого, а его матери: *У его мать тоже вроде этой Валентины – тяв-тяв.* Понимаешь, тявкает, говорят – тявкает. Так и помер Тягтёнком. *Тягтёнок* – прозвище мужчины, речь матери которого была отрывистой, похожей на собачий лай.

Отдельную группу составляют прозвища *по роду занятий или профессии* именуемого.

Как правило, прозвищем становится или редкая для села профессия: *Кинó – Коля-Кинó* (работал киномехаником); или типичная для села профессия, но не массовая, иначе такое прозвище не выполняло бы функцию идентификации лица: *Пекарка – Поля-Пекарка* (женщина много лет работала на пекарне); *Горшёк* (мужчина, изготавливший горшки, гончар). Прозвище *Хлебный* дано человеку, который всю войну был кладовщиком; оно напоминает о голодах военных и послевоенных лет.

Человек мог получить прозвище на всю жизнь благодаря какому-нибудь занятию, имевшему место в его детском возрасте: *Афáша – Пáвлик-Афáша* (ребёнком по просьбе киномеханика расклеивал киноафиши).

Довольно большое количество прозвищ может быть объединено в группу под общим мотивом номинации – полученные при *необычных обстоятельствах*.

Такое прозвище могло «пристать» к человеку с раннего детства в самых разных, иногда комичных, ситуациях. Например, ребёнок не выговаривал какое-то слово, и именно оно становилось прозвищем: *Кабуй* (*Паша Кабуй*) – в детстве не выговаривал слово «обуй», говорил: «*Мамка, ка-буй!*». Прозвище не только сопровождало этого человека всю его жизнь, но и послужило основой для образования семейного прозвища – *Кабунíхи* (дочери Паши Кабуя): *Кабунíхи-ти одна на Рéжу вышла, другая – на Двинíцу*. Ср. также: *Карапýши* (*Митя Карапыш*) – прозвище мальчика, который однажды на уроке сказал: «*У меня карапыш (карандаш) сломался*»; *Чúмачь* – прозвище мужчины: *Говорят, что пáренъ однáжды попросил у матери: «Мáма, дай мне молокá с чúмачью»*. А что́ такоё «чúмачь» – никто не знает.

Ребёнок мог сказать что-нибудь запомнившееся всем: *Колхозник* – прозвище мужчины – когда вступали в колхоз, он был ещё ребёнком и крикнул: «*Я тоже пойду в колхоз!*». *Челюскин* – узнав о полёте Челюскина, мальчик на уроке встал и сказал: «*Я тоже буду Челюскиным*».

Взрослые могли дать прозвище ребёнку сразу после его рождения: *Галавéс* – прозвище мужчины по имени *Иван*. В день его рождения умер мужчина по прозвищу Галавес (а имя тоже *Иван*). Кто-то воскликнул: «*Ну вот, второй Галавес родился!*» *Окáт* – прозвище мужчины: *Поп хотéл его Окáтом назвáть, да родítели отказáлись, дáли другóе и́мя, а всё равнó Окáтом прозывáют*.

Прозвище могло навсегда запечатлеть как радостное событие в жизни ребёнка: *Чапаёнок* – отец сшил мальчику папаху с красной звездой, он пришёл в ней в школу, где в это время учили стихотворение о Чапаеве; так и трагическое событие: *Недорéзок / Недорéзанец* – прозвище мужчины, которого в молодости сумасшедший отец пытался зарезать.

Единичными примерами прозвищ представлены такие мотивы номинации, как *порядок рождения*: *Пятитёный* и *Пятый* – пятые по порядку рождения дети; *долголетие*: *Стогодовик*.

Как можно видеть из приведённых примеров, все прозвища, кроме идентифицирующей функции, обладают функцией характеризации лица, т.к. имеют коннотативную окраску на лексическом или словообразовательном уровне. Ср.: *Медвéдица* – прозвище очень мощной, сильной и косолапой женщины (метафорический перенос создаёт яркую образность). Совмещение сразу нескольких принципов номинации также способствует возникновению прозвищ с яркой внутренней формой: *Квасníк* – прозвище мужчины, любившего пить квас и похожего на квасник; *Шáньгин* – прозвище мужчины, который очень любил есть *шáньги* и был маленького роста; *Гóля* – прозвище мужчины, который был маленький ростом и воспитывался без матери. Экспрессия и оценочность (чувство жалости) в семантике этой лексемы поддерживается и способом словообразования: флексийная мена на базе основы прилагательного *голый*.

Следующее прозвище тоже совмещает в себе несколько мотивов номинации: не только бросающаяся в глаза внешняя черта, но и свойство характера, манера поведения именуемого – *Вовка Сосдк*: *У Вóвки у Сосдá не хватáет тóвку, бéгаёт – тóлько бéлье соскí трясúццо*. Номинация возникает на основе метонимического переноса (часть тела – человек), вследствие чего создаётся яркая образность и экспрессия.

Как известно, большинство экспрессивов в диалектной речи характеризуются пейоративной оценкой, акцентирует внимание на различных оцениваемых негативно отклонениях от нормы. Прозвища в этом отношении не являются исключением из правила. Лексемы с ярко выраженной положительной оценкой встречаются крайне редко, ср.: *Красíвко* – прозвище мужчины с привлекательной внешностью.

Не всегда представляется возможным однозначно определить характер оценки (положительная или отрицательная). Сравните два контекста употребления одного и того же прозвища *Модёна*: 1) *Модёна былá у нас однá – хóдит мóдно, жéнщина былá хóрóшая, мóдная, вот и прозвáли Модёной*. 2) *Модёна её прозвáли, любíла гúбы вот тák склáдывать*. Если речь идёт об одной и той же женщине, то первый контекст вроде бы свидетельствует о положительной оценке, второй ставит её под сомнение – в нём читается, по меньшей мере, ирония в адрес жеманницы. Что-то необычное, не как у всех, всегда привлекает к себе внимание: *Шляпochница* – прозвище женщины, носившей соломенную шляпу.

Существует определённая проблема: как разграничить прозвище (имя собственное) и обычный экспрессив (имя нарицательное), выступающий

ситуативной номинацией лица. Решение находим, во-первых, в утверждении самими информантами прозвищного статуса у данных единиц, во-вторых, в наличии факта передачи прозвища «по наследству» другому лицу, и необязательно родственнику. Ср.: *Манёфа* – прозвище женщины по имени Александра, которая, как и некая Манефа (прозвище умершей женщины), была косоглазой.

Кроме того, одна и та же лексема может явиться отправной точкой для возникновения на основе метафорического переноса сразу нескольких прозвищ. Ср.: *Копейка* – прозвище скупого мужчины (д. Рассохино, 1983 г.) и *Копейка* – прозвище мужчины маленького роста и слабого телосложения (д. Монастырская, 1984 г.). В этой же деревне (Монастырская) в 1990 г. зафиксировано прозвище *Копейка* у человека мелкого телосложения, которому предыдущий Копейка приходился родным братом (к 1990 году уже умершим), а в 1991 году сделана запись прозвища *Копеёнок* – сына *Копейки*. Таким образом, индивидуальное прозвище становится родовым, коллективным, ср.: *Вот, Маруся-то и копеёт провожает*.

Следующий пример можно, вероятно, интерпретировать как переходный случай: от прозвища (имени собственного) к локальному экспрессиву (имени нарицательному): *В деревне жила у нас женщина, она была очень высокая. Прозывали её Канталаихой. Теперь всех канталаихами зовут, если женщина высокая.* Прозвище *Канталаиха* изначально не было связано с высоким ростом человека, оно было, вероятно, именованием женщины по мужу или отцу.

Все рассмотренные индивидуальные прозвища являются неофициальными антронимами экстралингвистической мотивации (в терминологии И.А. Лисовой), однако отмечено несколько прозвищ, имеющих *внутрилингвистическое основание* – это прозвища, образованные на базе других антронимов (официальных и неофициальных).

Встречаются прозвища, образованные от фамилии самого именуемого: *Кустик* (Кустов), *Черепанко* (Черепанов), *Фатиёнок* (Фатиев), *Фатиха* (Фатиева). Одно прозвище возникло от отчества: *Поляк* (Аполлинарьевич).

Отфамильные прозвища, в свою очередь, становятся основой для возникновения коллективных прозвищ жителей одной из деревень Режского сельсовета, ср.: *Фаты́та* – коллективное прозвище всех жителей с фамилией Фатиевы, живущих в д. Колтыриха.

П. Другой разряд неофициальных антронимов Режи – это *релятивные прозвища* (123 лексемы), т.е. образованные от различных именований родственников, следовательно, имеющие в основном *интраплингвистическую* мотивацию. Прозвищная идентификация по гендерному семейному статусу достаточно разнообразна, подобные прозвища образуются от личного имени ближайшего родственника, от его прозвища, профессии, социального положения.

Самая значительная по объёму группа представлена прозвищами, возникшими на основе личных имён ближайших родственников именуемого.

Чаще всего производящей базой для создания релятивного прозвища выступает основа личного имени отца именуемого. Это может быть личное имя в полной (официальной) форме: *Абрамёнок* < Абрам, *Борисáта* < Борис, *Евграшёнок* < Евграф, *Иринёхонцы* < Ириней, *Кирилёнок* < Кирилл, *Кўпринич* < Куприян, *Орсíнец* < Орсений (Арсений), *Филатёнок / Филатáта* < Филат, *Фирстёнок* < Фирс, *Сéргишина* < Сергей, *Сиволóтиха* (Всеволотиха) < Всеволод.

Нередко производящей основой выступает деминутив личного имени отца: *Афónькишина* (*Танька Афónькишина*) < Афонька (Афанасий), она же – *Офóнина* (*Танька Офóнина*) < Офбня (Афанасий), *Ёсинец* < Еся (Евстигней), *Лазунёнок* < Лазуня (Лазарь), *Лазункинец* < Лазунька (Лазарь), *Мýшинец / Мишинáта* < Миша (Михаил), *Мýшкин* < Мишка (Михаил), *Она́шкинец / Она́шкинцы* < Онашка (Ананий), *Прóнишина / Прóнинцы* < Проня (Прокопий), *Полашёнок* < Полоня (Аполлинарий), *Полбóников* (*Яráня Полбóников*) < Полоня (Аполлинарий), *Симák* < Сима (Серафим), *Тóлинцы* < Толя (Анатолий), *Федóнинец* < Федоня (Федор).

Зафиксированы прозвища, возникшие от основы личного имени матери именуемого – от его полной формы: *Марфёнок* < Марфа, *Файнинец* < Файна и от деминутивов: *Катюшёнок* < Катя (Екатерина), *Лýсинец* < Лýса (Елизавета), *Настюхинец* < Настюха (Анастасия), *Овдóхинец* < Овдóха (Авдотья), *Пара́нинец* < Параня (Прасковья), *Пáхины* < Паша (Прасковья), *Сýменец* < Сима (Серафима).

Отмечены случаи образования прозвищ от различных форм личных имён деда – *Ванчелáта* < Ванчйло (Иван), *Вáсинец* < Василий, *Лаверёнок* < Лáвер (Лавр), и даже бабушки именуемого: *Платбшина* (*Галина Платбшина*) < *Платоша* (Платонида), *Маурин* < Маура.

Многочисленны релятивы, образованные от прозвища отца именуемого: *Балаёнок* < Балáй, *Бíлинец* < Бýля, *Волчáта* < Волк, *Гóлинец* < Гóля, *Горšíха / Горшихины / Горшибонок* < Горшбк, *Кабунíха* < Кабúй, *Калабанёнок / Калабáниха* < Калабáн, *Квашиникý* < Квашиý, *Копéёнок / Копéйта* < Копéйка, *Комлячíха* (*Авдотья Комлячíха*) / *Комлячбонок* < Комляк, *Кулижёнок* < Кúлес, *Маслужёнок* < Маслúха и др.

Зафиксирован пример образования релятива непосредственно от отчества отца именуемого: *Панфилёнок* < Панфильч: *Всё Панфíлыч да Панфíлыч! Эдак и на сына пошло – Панфилёнок!*

Среди релятивных прозвищ Режи большую группу составляют номинации женщин. На протяжении многих столетий женщина, в основном, играла второстепенную роль при мужчине, из-за чего многие женские онимы возникали с отсылкой к мужскому антропониму. Выше уже были перечислены некоторые женские прозвища, восходящие к личным именам отца и матери именуемой, а также к прозвищу отца.

Отмечено несколько номинаций, созданных и на базе прозвища матери: *Корчáжкишина* (*Людмила Корчажкишина*) < Корчáга, *Тáпшина* (*Настя Тáпшина*) < Тáпа, *Языниха* < Языня: *У нас старúшка со Слобóдки, её все звали Языниха, а мать её все звали Языня. Всё и потыкали – Языниха.*

Среди женских релятивов преобладают прозвища, отсылающие к различным номинациям мужа: в этом случае могли актуализироваться имя мужа, его прозвище, профессия.

Самыми частотными оказываются прозвища, образованные от различных форм личного имени мужа или его прозвища в процессе суффиксации с использованием «женского» форманта *-их(a)*: *Дея́ниха* < Деян, *Мани́льха* < Манил (Эммануил), *Обра́миха* < Абрам, *Обросиха* < Оброс (Аброрис), *Фирстиха* < Фирс, *Седунíха* < Седун, *Кондучíха* < Кондук, *Косты́лиха* < Костыль.

Такие прозвища могут употребляться как самостоятельные, но чаще выступают как вторая часть личного женского имени, идентифицируя «замужнюю женщину»: *Картбши́нина* (Танька Картбши́нина) – прозвище женщины от прозвища мужа – *Картбши́ка*. Второй раз была замужем за человеком по прозвищу *Седу́н* и звалась *Танька Седу́ниха*.

Прозвища женщин на *-их(a)* восходят ещё к старорусскому периоду развития языка и отмечены в памятниках официально-деловой письменности, спр.: «Се яз Федосъя прозвищем Шумиха Лазарева дочь Юрьевская жена Вологодцкого каменщика» [Купчая 1629, ГАВО, ф. 1260, оп. 1, № 10].

Отдельные женские релятивные прозвища образуются по модели притяжательных прилагательных – *Офбнина* < Офоня (Афанасий), *Картбши́нина* < Картбшца, *Матюгина* < Матюга, *Валеткова* < Валетко; создаются по типу отчества, но отсылают не к имени отца, а к имени мужа: *Куприйновна* < Куприян, *Лазу́нькишина* < Лазу́нька (Лáзарь) или к фамилии мужа: *Лузáновна* < Лузáнов, *Ожигишина* < Ожигин.

Прозвища детей, образованные от обозначений профессионального или социального статуса родителей, отмечаются значительно реже. Удалось зафиксировать два релятива от профессии одного из родителей: *Урядничбнок / Урядничата* – прозвище детей по должности отца (урядник); *Пекарёнок* – сын Пóли-Пéкарки – в этом случае релятивное прозвище сына возникло на основе отпрофессионального прозвища матери. Одно прозвище характеризует социальный статус матери именуемых детей: *Вдбвны* < вдова.

В диалектном онимическом пространстве существуют неофициальные, так называемые *уличные* фамилии. Употребление этого вида антропонимов в качестве именования в говорах – очень живучая в сельской местности речевая традиция. Социально-различительная функция современных уличных фамилий диктуется общественно-бытовыми условиями сельской жизни, тем, что часто в пределах одного населённого пункта встречаются семьи-однофамильцы, сохранившие родственные связи, в том числе и имеющие отдалённое родство. В Режском сельсовете функционирует небольшое количество фамилий (*Вахрушевы*, *Востряковы*, *Игнашевы*, *Ратушкины*, *Стариковы* и др.). Индивидуальные прозвища, конечно, способствуют облегчению процесса идентификации лица, но более всего эту функцию реализуют релятивные прозвища, которые, появившись вначале

как номинация одного члена семьи (или всех родственников одного поколения семьи), распространяются на многие последующие поколения данной семьи, т.е. становятся уличными фамилиями.

О том, что какой-либо неофициальный антропоним релятивного типа вполне вероятно может функционировать в качестве уличной фамилии (т. е. передаётся от поколения к поколению в рамках одной семьи), свидетельствует его структура – словообразовательный тип с антропоформантами -ов-, -ев-, -ин-, по которому чаще всего образуются уличные фамилии от личных имён или прозвищ: *Отéц был Федóсом – вот и говорят: Ваню́ха Федóсков.*

Первостепенное значение в определении для антропонима статуса уличной фамилии имеют, безусловно, свидетельства информантов. Например, зафиксировано объяснение возникновения коллективного антропонима *Ласакóвы* для детей и всех потомков мужчины по прозвищу *Лáсточка*. Он не был местным жителем, приехал в деревню. Детей его стали называть прозвищем – *Ласакóвы (Ласточкины)*. Его сын – Егор *Ласточкин* (настоящая фамилия – Прокофьев), внук этого Егора – Васька *Ласаков*, жена которого получает прозвище *Ласакóвна*.

Однако уличной фамилией может стать антропоним и другого, не менее распространённого в вологодских говорах словообразовательного типа с антропоформантами -ёнок- / -ят(a) и -ец- / -(ин)цы: *Егорáта* – коллективное прозвище всех детей и внуков *Старикова Егора*; *Сорочáта* – семейное прозвище *Вахрушовых*; *Чижíхинцы* – прозвище семьи от их фамилии *Чижóвы*; *Бáлинец* (*Женька Бáлинец*): *Женька-то тóлстой Бáлинецъ-то. Дед – Бáля. Бáлиньцем звали и зята, и внука.*

III. Незначительную по количеству компонентов (23 номинации) группу неофициальных антропонимов составляют коллективные прозвища жителей отдельных деревень Режского сельсовета. Выявление мотивов создания данных антропонимов позволяет воссоздать исторически сложившийся коллективный «образ» жителей того или иного населённого пункта, характеристику их по доминирующему чертам поведения, внешнему виду и т.д.

Например, приметная особенность внешнего облика жителей д. Коробицыно запечатлена в их коллективном прозвище *коробíцынцы-брюхáны* (информатор говорит, что жители этой деревни были «брюхатые», «толстобрюхие»). Весёлый нрав жителей д. Рассóхино отражает прозвище *рас-сóхинцы-зубоска́лы*: они любят подшучивать, подсмеиваться.

Следующие номинации содержат в себе характеристику односельчан по доминирующему чертам поведения, обычаям и привычкам: *Наливáшиники* – жители д. Лукáвино (Монастырская): в деревне была церковь, и жители часто ходили на венчание, где им наливали вина. *Чернотрóпки* – жители д. Мárково: избы раньше топили по-чёрному, поэтому в домах было грязно, а хозяйки ещё и редко мыли. Когда люди зимой выходили на улицу в той обуви, в которой ходили по избе, то тропинка от их следов чернела.

Коллективные прозвища, как и индивидуальные, представляют собой в основном лексемы с отрицательной коннотацией, они нередко высмеивают какие-либо человеческие пороки (пьянство, нечистоплотность), а иногда и прямо указывают на преступный характер поведения именуемых: *Грýдинцы-живорéзы* – жители д. Грýдино – прозваны так за большое количество драк и убийств в деревне. И конечно, такие прозвища – это не самоназвания жителей того или иного населённого пункта, это всегда взгляд со стороны, глазами жителей соседних деревень: *Магазéйники / магазéяны* – жители д. Монастырская. В деревне был казённый амбар – магазéя: *Магазéя-то была очень высóкая, большáя. Потолкá в ней нé было, стояли сусéки. А в однóм сусéке хléба нé было; оди́н мужик забрálся тудá, дўмал, чтобы из-под нíза выпускáть зернó. А зернá-то нé было. Он упал и слома́л ногу – вот почему их стáли звать магазéйниками: что вóры они!*

Нейтральные обозначения жителей деревень Режи создаются по продуктивным как в литературном языке, так и в вологодских говорах словообразовательным моделям.

Названия одного жителя (жительницы) населённого пункта образуются с помощью суффиксов *-к-, -(ан)к-, -ак-, -ах-, -ёх-, -(уш)к-*: *Рубцóвка* (*Настя Рубцóвка*) – родом из д. Рубцóво; *Бурнýянка* – жительница д. Бурнýха; *Тафтýнка* – по названию сельсовета (*Тафтá*); *Рéжák* – житель Рéжи; *Сондóжáха* – родом из Сондуги; *Ратéха* – из д. Рáтино; *Марковúшка / Марковúшечка* – жительница д. Мárково.

Используются посессивные модели с суффиксами *-ск-, -(ин)ск-, -(ов)ск-*: *Грýдинская* – родом из д. Грýдино; *Рýжская* – жительница Режи; *Колобóвский* – прозвище мужчины, который последним переехал из д. Кóлбово в д. Колтыриху; *Круглóвская* – жительница д. Круглая; *Кóловская* – женщина, приехавшая из д. Кóлово.

В незначительном количестве случаев обозначение жителей во множественном числе представляет собой бессуффиксную грамматическую форму от существительного в единственном числе: *режák – режакý / рéжачи / рéжичи* – название всех жителей Режского сельсовета Сямженского района; *фóфан – фофáны / фóфaneц – фóфанцы* (д. Фофaneц).

Коллективные названия всех жителей населённого пункта используют суффиксы форм существительных множественного числа *-ц(ы)*: *грýдинцы* (д. Грýдино), *коробýцынцы* (д. Коробýцино), *рассбхинцы* (д. Рассбхино), *колобовцы* (д. Кóлбово), *копылбвцы* (д. Копылбово), *круглбвцы* (д. Круглая), *лукáвинцы* (д. Лукáвино), *мáрковцы* (д. Мárково); *-ан(е)*: *двинýчане* (местность Двинýца), *колтыряне* (д. Колтыриха), *лукинýне* (д. Лукинýская); и характерные как раз для морфологической системы северорусских говоров формы на *-ан(а)*: *двинýчана, колтыряна, копыловчáна, бурнýняна, коробýцына, лукáвинца, лукинýна, монастыряна*.

Рассмотрение неофициальной антропонимии Режи позволяет сделать следующие выводы:

1. В диалектном языковом пространстве Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области функционируют прозвищные

номинации, являющиеся средством идентификации отдельной личности (индивидуальные прозвища); группы лиц – членов одной семьи, рода (релятивные прозвища, уличные фамилии); а также жителей отдельных населённых пунктов (коллективные прозвища) в рамках диалектного сообщества.

2. Индивидуальные прозвища, составляющие половину от общего количества неофициальных антропонимов Режи, возникают на основе *экстраполингвистической мотивации*. Кроме идентифицирующей функции, они обладают функцией характеризации лица, т.к. имеют коннотативную окраску на лексическом или словообразовательном уровне. Апеллятивные основы индивидуальных прозвищ представляют собой лексику как общерусскую, так и локальную, фиксируемую в вологодской группе говоров (*брила, бухарь, долбило, колобан, колышь, комель, кулес, литовка, пестерь, смолёвый, сумёрзлый* и др.).

3. В говоре Режи достаточно высокой активностью характеризуются релятивные прозвища, образованные от личного имени или прозвища матери (иногда и бабушки), что в принципе не является типичным для антропонимов данного типа. Релятивы служили основой для создания семейных прозваний, которые, в свою очередь, отправной точкой стремились иметь мужское именование, и только особые обстоятельства ставили во главу семьи женщину. Возникновение в массовом количестве релятивных прозвищ и, тем более, уличных фамилий от женских антропонимов говорит о неблагополучии внутри семьи – отсутствии в ней по разным причинам хозяина, кормильца. Объяснение этого явления, вероятно, следует усматривать в сложившейся в России конца 80-х – начала 90-х гг. социально-экономической и демографической ситуации.

4. Все виды неофициальных режских антропонимов создаются в основном по продуктивным как в литературном языке, так и в вологодских говорах словообразовательным моделям. Формант *-ёнок / -ят(a)* (восходящий к праславянскому **-ent* со значением детёныш живых существ), в антропонимах патронимического типа реализует разрядное значение принадлежности / происхождения. Следы этого, новгородского по происхождению, структурного типа в говорах некоторых районов Вологодской области свидетельствуют о былой миграции ильменских славян на территорию Вологодского края.

Изучение неофициальных антропонимов режского говора, дополненное изучением его лексической системы в целом, позволяет описать один из важнейших фрагментов народной культуры, связанный с представлениями о человеке с точки зрения его оценки самим собой.

Литература

Воронцова Ю.Б. Из наблюдений над территориальным распределением русских коллективных прозвищ // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / под ред. Е.Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 52–53.

Список сокращений

КСРГ – Картотека словаря режского говора.

Алфавитный указатель неофициальных антропонимов Режи

1. Абрамёнок	35. Горшóк
2. Афýша	36. Горшóнок
3. Афóнькишна	37. Грýдинцы
4. Балаёнак	38. Двiniчана
5. Балáй	39. Двiniчане
6. Белúха	40. Дéминчи
7. Бýлинец	41. Дéйниха
8. Бýля	42. Долбýло
9. Блохá	43. Дунаёнак
10. Богомóлка	44. Дунáшиха
11. Борисýта	45. Дырá
12. Брилá	46. Евграшóнок
13. Брónзевый котелóк	47. Егорýта
14. Бурníняна	48. Эсинец
15. Бурníнянка	49. Заглáдка
16. Бúхарь	50. Зёма
17. Ванчелáты	51. Зырёнак
18. Валéткова	52. Иринéхонцы
19. Валéтко	53. Кабýй
20. Ванчíло	54. Кабуниха
21. Вásинец	55. Калабан
22. Вdóвины	56. Калабанёнак
23. Вéна	57. Калабáиха
24. Волк	58. Кантáлиха
25. Волощáне	59. Карапýш
26. Волчáта	60. Картóхишна
27. Воробьёнак	61. Картóшина
28. Ворóна	62. Картóшка
29. Галавéс	63. Картóшкина
30. Гárный	64. Карáвшна
31. Гóлинец	65. Катюшóнок
32. Гóля	66. Квасníк
33. Горшíха	67. Квашиникý
34. Горшíхшины	68. Квашия

69.	Келéйщик.	114.	Кýрко
70.	Кéленца	115.	Кýстик
71.	Кинó	116.	Кýка
72.	Кирилёнок 2	117.	Лаверёнок
73.	Ключíха	118.	Лазунёнок
74.	Клóшка	119.	Лазункинец
75.	Кляпонóсый	120.	Лазúнька
76.	Колобóвский	121.	Лазúнькишна
77.	Колобовцы	122.	Ласакóв
78.	Колтыряна	123.	Ласакóвич
79.	Колтыряне	124.	Ласакóвна
80.	Колун	125.	Ласакóвы
81.	Колхóзник 2	126.	Лáсточка
82.	Кóлыш	127.	Лýсинец
83.	Комляк	128.	Лисýца
84.	Комлячíха	129.	Литáвка
85.	Комлячбóнок	130.	Лузáновна
86.	Кондúк	131.	Лукáвинца
87.	Кондучíха	132.	Лукáвинцы
88.	Копéёнок	133.	Лукýняна
89.	Копéята	134.	Лукýняне
90.	Копéйка 2	135.	Лóпа
91.	Копыловчáна	136.	Магазéйники
92.	Копылóвцы	137.	Магазéяны
93.	Коробíцына	138.	Манéфа
94.	Коробíцынцы-брюхáны	139.	Мани́лиха
95.	Корóвкинец	140.	Марковúшечка /
Марковúшка
96.	Корчáга	141.	Мáрковцы
97.	Корчáжкишна	142.	Мáру
98.	Кóско	143.	Марóуш
99.	Костылёнок	144.	Марфéнок
100.	Костыльхá	145.	Марфýта
101.	Костыль	146.	Маслóуха
102.	Краёнчáне	147.	Маслушбóнок
103.	Красíвко	148.	Матíога
104.	Кривонóжка	149.	Матíогина
105.	Круглóвская	150.	Маурин
106.	Круглóвцы	151.	Машарýга
107.	Крыса	152.	Медвéдица
108.	Кудрýш	153.	Мýёв хáндырь
109.	Кýлес	154.	Мýтькин
110.	Кулижбóнок	155.	Мýшенец
111.	Кýловская	156.	Мýшинец
112.	Кýпринч	157.	Мишиныта
113.	Куприйновна		

158. Мýшкин	203. Рак
159. Модёна	204. Рассóхинцы
160. Монастырёнки	205. Рассóхинцы-зубоскáлы
161. Монастыряна	206. Ратéха
162. Москвýч	207. Рáтник
163. Москвичбóнок	208. Рáха
164. Мýдик	209. Рáшка
165. Надéжка	210. Режák
166. Наливáшники	211. Рéжачи
167. Настóхинец	212. Рéжичи
168. Недорéзанец	213. Режакí
169. Недорéзок	214. Рíжская
170. Некувýка	215. Рознотéплый
171. Обráмиха	216. Рубцóвка
172. Обрóсиха	217. Сáвка
173. Овдóхинец	218. Сáвкинец
174. Ожýгишна	219. Салазáн
175. Окáзия	220. Сарапúгинцы
176. Okát	221. Седúн
177. Okáтиха	222. Седунóва
178. Оля́к	223. Седунíха
179. Онáшкинец	224. Сéргишна
180. Онашкинцы	225. Сíверко
181. Орсíнейц	226. Сиволóтиха (Всеволотиха)
182. Офбóнина	227. Симák
183. Панфилéнок	228. Сíменец
184. Парáнинец	229. Смолёвая
185. Парапúшкинцы	230. Совéтская
186. Паút	231. Соломón
187. Пáхины	232. Сондожáха
188. Пекарéнок	233. Сопленбóсик
189. Пéкарка	234. Сороcháта
190. Пестéрь	235. Сосбóк
191. Пилигáнчик	236. Стогодбóвик
192. Платóшина	237. Стúпень
193. Поварéнка	238. Сумéрзлый
194. Полашбóнок	239. Тафтýнка
195. Полóнко	240. Теглýк
196. Полóнсков	241. Тóлинцы
197. Поля́к	242. Тróха
198. Прóнинцы	243. Тяvtéновк
199. Прóнишна	244. Тáпа
200. Пулемéт	245. Тáппина
201. Пятитéнтий	246. Урядничáта
202. Пáтый	247. Урядничbóнок

248. Файнинец	265. Хамко
249. Фатиёнок	266. Хлебный
250. Фатиха	267. Хыло
251. Фатьята	268. Чапаёнок
252. Федосков	269. Челюскин
253. Федонинец	270. Черепанко
254. Федюнина	271. Чернотропики
255. Фекутишна	272. Чехишина
256. Филатёнок	273. Чижихинцы
257. Филатята	274. Чумачь
258. Филя	275. Шаньгин
259. Фирстёнок	276. Шило
260. Фирстиха	277. Широкоротая
261. Фляченка	278. Шляпочница
262. Фобанцы	279. Языниха
263. Фофаны	280. Языня
264. Хавуй	

1.1.9. Дневники студенческих диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области¹

Заметное внимание филологической общественности привлекла инициатива профессора СПбГУ О.А. Черепановой записать воспоминания участников студенческих диалектологических экспедиций. В традиционно издаваемом под редакцией профессора А.С. Герда сборнике научных трудов «Севернорусские говоры» появилась новая рубрика – «Воспоминания об экспедициях». В этой рубрике уже опубликованы материалы А.И. Лебедевой, И.С. Лутовиновой, О.А. Черепановой, Л.А. Ивашко, М.А. Тарасовой, Л.В. Зубовой, Ю.Ф. Денисенко, Ю.С. Веховой и К.А. Гавrilовой [Воспоминания 2008: 263–334].

Почему столь востребованы воспоминания такого рода? Думается, они востребованы, во-первых, потому, что диалектологами старшего поколения обследовались говоры старой, ещё не реформированной в условиях XX века деревни, а современным наблюдателям приходится довольствоваться наблюдениями над уже изменёнными языковыми идиомами. Во-вторых, потому, что студенты прежних лет, вслед за своими многоуважаемыми преподавателями, придерживались классических приёмов сбора материала по русской диалектологии и могут теперь говорить о высокой степени их информативности. В-третьих, помимо чувства глубокого удовлетворения, воспоминания дают диалектологам старшего поколения воз-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

можность обобщить опыт и выработать для идущих следом советы методического и методологического характера и т. д.

Плодотворная идея петербургских диалектологов дала стимул к обобщению воспоминаний диалектологов в других регионах [Экспедиционные заметки 2013: 90–108]. Особое внимание в интересующем нас плане вызвал дневник воронежской экспедиции 2012 года под руководством А.Д. Черенковой и И.И. Исаева [Колесникова 2013: 96–102]. В компактном дневнике экспедиции многое нашло своё отражение: выбор информантов, особенности работы с ними, их впечатляющие студентов рассказы о прожитом, некоторые курьёзные случаи, описание экспонатов местного музея, возможности использования специализированной программы *Praat*, предварительные итоги экспедиции и др.

Применительно к диалектологической науке как лингвистический источник недавнего времени весьма заметен дневник М.П. Сусловой, опубликованный и исследованный коллективом авторов под руководством И.И. Русиновой в Пермском государственном университете [Дневник М.П. Сусловой 2007]. Этот дневник авторский, написанный одним человеком и отражающий в лаконичных записях события, комментарии к ним, оценки и лексикон информанта.

Каждый из нынешних специалистов «по бабушкам и дедушкам» – так иногда в шутку называют диалектологов – мог бы создать свою серию воспоминаний о поездках в дальние российские деревни, о многочасовых беседах с информантами, об открытиях и находках, сделанных в той или иной местности.

Студентами и преподавателями Вологодского государственного педагогического университета, участвовавшими в диалектологических экспедициях, с 80-х годов велись так называемые «экспедиционные дневники». Из них можно и сейчас, по прошествии многих лет, черпать живые картины, актуализируя реалистичные, не искажённые временем воспоминания. За истекшие 40 лет накопилось большое количество диалектологических дневников. До сего дня они хранятся на кафедре русского языка, отличаются высокой степенью сохранности и радуют своей информативностью. Ряд из них уже переведён в цифровой формат, фрагменты некоторых дневников опубликованы [Зорина 2008: 130–135]. Задача данной работы – осмыслить особенности этих дневников с точки зрения их жанра, содержания и особенностей сделанных в них записей.

В обобщённом виде дневник – это ‘ведущиеся изо дня в день записи каких-либо фактов, событий, наблюдений и т. п. во время путешествия, экспедиции или каких-либо занятий, какой-либо деятельности’ [МАС I: 406]. Существуют путевые, судовые, педагогические, литературные, девичьи и прочие дневники [Егоров 2003]. Обстоятельно изучена специфика дневника как литературного жанра [Егоров 2003]. Структура дневников со временем заметно менялась, но сущность их оставалась неизменной: дневник был и остаётся разговором его автора с самим собой, монологом, об-

ращением не к слушателю или читателю, а к себе, в расчёте на чтение в будущем.

В экспедициях, работавших под нашим руководством, наряду с ведением рабочих блокнотов студенты всегда оформляли и экспедиционные дневники. Чтение их восстанавливает в памяти участников поездок яркие эпизоды путевой жизни, оживляет лица собеседников, активизирует в сознании встретившиеся местные слова и выражения.

Дневники диалектологических экспедиций обычно представляют собой стандартные альбомы для рисования или фотографий, заполненные записями членов экспедиционного отряда. Чаще он и создаётся именно всем коллективом студентов, иллюстрируя тем самым коллективное творчество участников экспедиции. Названия дневникам в разные годы давались разные, обычно соответствующие названиям отрядов: *Глаголь*, *Летописец*, *Логос*, *Словесник*, *Сямжа-91* и др. По объёму дневники получались также различными, поскольку и экспедиции организовывались в разное время различной длительности – от 10 дней до 4 недель. В дневниках используются рисунки, шаржи, фотографии, аппликации и другие приёмы оформления журналов.

В экспедиционных дневниках в основном день за днём описываются события и впечатления членов отряда. Делается это не только «для последующего чтения» самими авторами (дневник после возвращения отряда из экспедиции сдаётся на кафедру), но и для того, чтобы увиденное было запечатлено и стало доступным для чтения другим заинтересованным лицам.

При составлении дневника у членов экспедиционного отряда обычно возникало разделение обязанностей: один или несколько студентов придумывают сюжет и соответствующий ему текст, другой рисует, третий, обладая приличным почерком, пишет. Иногда студенты по очереди описывают день за днём, иногда – сами распределяются для написания заметок по тематическому принципу. В итоге получается весьма содержательный источник. В дневники нередко включаются материалы с особой, шутливой стилистикой: студенты стараются показать себя, проявить чувство юмора, собственную оригинальность.

Географически дневники сямженских экспедиций отображают работу студентов в деревнях Гридино, Монастырская, Раменье, Рассохино Сямженского района Вологодской области. Хронологически охватывается время с 1983 по 2009 года, правда, не без некоторых перерывов.

Диалектологические путевые заметки, составляющие описываемые дневники, впоследствии находят разноплановое применение: из них вырастают тексты выступлений на областном вологодском радио (передача вологодского журналиста Н.А. Коробова «Родное слово»), публикации в литературно-художественном журнале «Вологодский ЛАД» [Зорина 2015: 232–239], части текста публикуемых монографий [Зорина 2008: 130–135] и др.

Итак, мы попытались, обобщая, показать особенности созданных под нашим руководством диалектологических путевых заметок, т. е. студенче-

ских экспедиционных дневников. Далее представим два таких текста в ином ракурсе – в рамках жизни двух конкретных студенческих отрядов.

Первоначально наш выбор падет на дневник отряда «Глаголь», воспроизведенный ниже, потому что именно он знаменует собой начало многолетнего обследования режского говора в Сямженском районе Вологодской области.

Дневник режской диалектологической экспедиции 1983 года

4 июля. Едем в Режу

Наш отряд «Глаголь» направлен в Сямженский район, в Режу. Режа – удивительный край с неприхотливой русской природой, незамысловатыми деревянными строениями, сохранившимися древними обычаями.

Автобус *Сямжа – Режа* был полностью забит скучными студенческими пожитками, так что местным жителям пришлось потесниться. Дорога была живописной. Наш маленький автобус весело подпрыгивал на каждом бугорке.

Молодые мамаши крепко прижимали к груди ребятишек. Наташа Соловьева с нежностью оберегала от тягот дороги пушистого серого котёнка, а Марина и Галя, дыша в унисон с автобусом, изгинаясь, как бацдерки в ритуальном танце, везли самый ценный груз – 12 десятков яиц. Наши страдания не прошли даром: потери были минимальными – лишь одно яйцо!

В дороге мы познакомились с очень словоохотливой бабушкой. Обратили внимание, что она вещала на весь автобус: «*Врежсу, врежсу!*» Кому и что она собиралась *врезать*, поначалу мы не поняли. А бабушка просто просила билет до Режи, до Режского сельсовета, куда направлялся и наш отряд.

Приехав в Режу, мы сразу заметили размеренную, спокойную, плавную речь, иногда отмеченную простой деревенской ироничностью.

Наш отряд был прекрасно обеспечен, главное – был интерес, желание работать. Но не всё оказалось так гладко, как мы думали. Отнеслись к нам сначала очень недоверчиво: авторитет нужно было заработать! А это было не так-то просто.

Расположились мы в двух деревнях – Гридино и Рассохино. В этом деревенском мире такие тяжёлые вопросы, например, как, где жить? что есть? где спать? на чём ездить? – решаются легко и быстро. Всё, что есть в доме, – ваше, а недостаток комфорта искупается настоящей добной заботой со стороны тех, чьим гостеприимством вы пользуетесь.

Постепенно мы начали понимать, что у жителей появился к нам определённый интерес, позднее мы не раз замечали, сколько душевной благожелательности проявляли эти чужие люди, которым мы ничего не давали, а только мешали работать.

Особенно нас поразила меткость речи режаков, умение вовремя и с добной улыбкой пошутивать. Слышали мы и рассказы о том, как нелегко

жилось «под барином», и «как землю делили», и как многие не вернулись с войны.

Жизнь деревни неразрывно связана с землёй, и режаки гордятся своим краем. Действительно, каким красивым показалось нам льняное поле – голубое с зелёным, с синими огоньками васильков! Здесь ещё не трудно разыскать образцы старинных одежд, головных уборов. Сколько радостных рассказов связано со всем этим!

Сохранились в этих местах и старинные сказки, песни, заговоры. Во время нашей экспедиции мы провели концерт, который, полагаем, надолго останется в памяти жителей окрестных деревень; запомнятся им и лекции о диалектах, прочитанные Наташей Шишовой.

5 июля. Дикие люди

Первый наш поход – в деревню Копылово. Тщетно пытаемся разговорить разомлевших в солнечном зное старушек. Наташа Соловьёва кинулась в ближайший дом, где в окне мелькнуло живое человеческое лицо: «Выйдите к нам, поговорите!»

Вернулась из дома Наташа с виноватой улыбкой. Женщина категорически отказалась выйти к нам, мотивируя тем, что она... *дикая*. Мы переглянулись. Потом в недоумении мы даже удалились.

В этот же день хозяйка сказала мне: «*Ну и дикая же ты!*» Тут уж было чего испугаться! Неужели вдали от шума городского я так быстро стала *дикой*? Но дело решилось просто: *дикая* в этом говоре означает ‘непонятливая, глупая’. Слово употребляется широко, имеет ещё значение ‘необразованный, тёмный’. Так, рассказывая нам об этом слове, информатор вспомнил, что ещё его тёща, не желая что-либо делать, всегда скороговоркой выпаливала: «*Не умею! Дикая, дикая, дикая я старушка!*» «*А вот если сейчас про жену сказать, – добавил собеседник, – обидится!*»

5 июля. Переселение

Наконец-то мы все живём у наших дорогих информаторов! Лена Леонова, Абдулхаева Леночка и Наташа Соловьева попали в избушку ласковой бабушки Мары, которая живёт в Козлюхине, на самой окраине деревни Рассохино. Сразу же, для установления контакта, мы взялись перебирать картошку в её «ямне».

Людмилу Юрьевну устроили у симпатичных старичков Николая Кирилловича и Александры Фёдоровны Игнашевых в деревне Гридино. Их не надо было вызывать на разговор, они сами, без лишних просьб, охотно рассказывали всё, что угодно. Вторая тройка девочек поселилась в большом светлом доме в Гридине, где им выделили отдельную комнату.

На новом месте сразу же стали искать информаторов. Молва народная указала нам на Раизу Ардалионовну Соколову как на песенницу и очень общительную женщину. Второй была названа *Лазунькишина*. Этим прозвищем нарекли строгого вида старушку, которая не терпела непонятливых.

Когда её попросили повторить какое-то слово, а потом сделать это ещё раз, она вскричала: «*Экая ты дикая! Вот возьму батог, дак сразу всё поймёшь!*» Информатор она, конечно, хороший, диалектизмов в её речи много, но вся соль в том, что норму-то свою мы ещё не выполнили и рисковать собственной жизнью не имели права.

6 июля. Переселение второе

Основная трудность в первые дни экспедиции – это «наведение мостов», установление контакта с собеседниками. Просишь человека уделить приезжим немного внимания, поговорить с тройкой студентов, но слышишь в ответ строгое: «*А чьи вы будете?*» Начинаем издалека: «*Я учительница, а это мои студенты. Зовут меня Людмила Юрьевна.*» – «*Юрковна, говоришь? Копыловского Юрка что ли?*» Ну а уж если «*не своих*» и «*не присвоих*», чужой то есть, то и беседовать с тобой не будут.

Пришлось нам от Лазунькиши отказаться: уж больно внушительным был у неё батог! А прозвище *Юрковна* надолго закрецляется за руководителем...

7 июля. Заговорили!

Выглянув однажды вечером в окно, мы увидели Людмилу Юрьевну и Алёшку, устало бредущих вдоль улицы. Выскочили из дома, желая привлечь их к нам на беседу. Но Людмила Юрьевна испуганно замахала руками: «*Что вы, у меня и так голова болит!*» Выяснилось, что они с Алешкой отдыхают... от разговоров. Настолько говорливым оказался их хозяин, что у такого бывалого человека, как наш руководитель, голова заболела!

Режаки-то – люди самостоятельные. Уж построят дом – так как крепость: с *передом* и с *задом*, а между ними ещё *серёдка* есть, там хлев находится. Изба срублена *в лапу* или *в угол*. А чтоб дом-то стоял долго и не гнил, *потошник* привешивают.

Половина-то в доме бывает светлая, самая лучшая комната – *гórница*. Окна большие, стекла чистые, и *поперёченья* крепко сколочены. Потолок держит *мáтица*, а *мóст-от* выкрашен масляной краской и блестит. В общем, трудно проникнуть чужаку в дом режака.

В полустьме пыльных чердаков можно обнаружить различную мелкую хозяйственную утварь – *мутóвки*, *корчáги*. Нередко посуду выдалбливали из дерева. Наиболее архаичны по форме огромные, метровой высоты *стуени*. Более тщательно и из более ценных пород дерева выдалбливались столовая посуда: *ковши*, *ендовы*, *солоницы*. Есть изделия и из берёсты: *пестерí*, *туесá*, *зобní* и др.

Алёшка в экспедиции

Шестилетний Алёша Зорин отправился уже во вторую в своей жизни диалектологическую экспедицию (первой была поездка в предыдущем году в деревню Наволок Кичменгско-Городецкого района). К поездке в де-

ревни Сямженского района готовились заранее. Алёша получил два задания: от мамы, доцента Л.Ю. Зориной, — узнать клички кошек и собак, от профессора Ю.И. Чайкиной — запомнить 3 самых интересных слова.

Алёша очень звал с собой в поездку отца, рассуждал при этом так: «*Папа, ты тоже сможешь собирать клички. Ну что тут трудного? Спросишь, как зовут кошечку, и скажешь девочкам, чтобы записали*». Поехали, конечно, без папы, но ребёнок был снаряжён для экспедиции подходящим образом: Наташа Соловьева снабдила его самым настоящим рюкзаком!

В деревне Алёша быстро освоился, научился не отвлекать нас от работы. Более того, Алёша сам стал работать! Он запоминал по нашей просьбе некоторые слова и выражения, произносил их: *выйдо* — ‘видно’; *фульти-культистый* — ‘причудливый, затейливый’; *погода замокропогобилась* — ‘погода становится дождливой’; *зовут зовуткой* — *величают уткой* и т.д.

Ребёнок по-своему понимал многое из услышанного. Так, увидев в деревне бани *по-чёрному* (а они действительно тёмные, мрачные, закопчённые внутри и снаружи), всё чёрное стал называть *по-чёрному*, всё светлое — *по-светлому*. Так у нас появился даже *петух по-светлому*!

Мы спали в *другозьбе*, в летней избе. Там было много всякого крестьянского инвентаря, лежали связки веников, предназначенных для еды козам. Однажды, рассердившись на Алёшу за непослушание, мать воскликнула, что возьмёт берёзовую вицу и выпорет его. В ответ услышала невозмутимое: «*Вицы ведь не для того, мамуленка, а для того, чтобы козы ели!*»

К концу экспедиции Алёша вник в нашу методу, заметил, что мы с Галиной Александровной Дружининой часто говорим студенткам: «*Диалектное! Запишите!*» или «*Литературное! Записывать не надо!*» И уже от шестилетнего Алёши мы иногда слышали: «*Это литературное!*»

PS: Даже через месяц после возвращения из поездки ребёнок просил дома *глыбку*, т. е. ‘кусочек’ сахара и говорил *поужалуйста* с сильно огубленным гласным [о].

Сенокос

В июле начинается сенокосная страда. Время забот, волнений и напряжённого труда. Колхозники поднимаются рано — едва забрезжит рассвет. Ещё слоистый липкий туман покрывает поле и серебрится капельками росы на траве. Вступишь в неё — и она обдаёт тебя веером янтарных брызг. Смотришь — ноги сырье по колено.

От остывшего за ночь воздуха подёргивает плечи, шея покрывается пупырышками, хочется глубже спрятать руки в карманы и дремать, зажмурив глаза, с наслаждением вспоминая о тёплой постели.

Но едва лучик солнца выглядит из-за туч, приласкает лицо, руки, обогреет своим теплом, сон как рукой снимает. С жадностью начинаешь вдыхать свежий, пахучий воздух и с упоением замечаешь, как на глазах меня-

ется картина утра. Тебя поражают и травы, и оранжевые, белые, синие пятна цветов, и звон кузнечиков, и прянный ветер.

Это самое лучшее время, потому что на самом сенокосе этого не уви-дишь: будут мучить жара, несносные оводы, сырая, прилипшая к телу рубашка, белые пятна в глазах от ослепительного солнца, ломота во всём теле и желание скорейшего отдыха.

Надо торопиться, пока солнце невысоко и роса не высохла. В народе недаром говорится: *на травах роса – легче ходит кося*.

Пройдёшь «валок да ещё валок», а там и пожня, либо чищенье – место, освобождённое от леса под сенокос. Чищенье представляет собой огромный квадрат. Рядом – низина, после дождя в ней вечно стоит вода. Это ляга.

Работы на пожне много, трава по пояс, нельзя ей дать перестояться, иначе такая трава – не сено, не труха. А рабочих рук не хватает. Хоть дело и спорится, оставляют кулижку – недокошенное место. С каждым днём она всё меньше и меньше. Зато растут стога, навитые вокруг крепких стожаров (*сено огrevут да и батог долгий ставят, то и есть стожар*). Иногда стожар *острёвью* зовут.

Прежде чем стог ставить, делают настил из веток и жердей, *подтон*. Чем выше *подтон*, тем лучше: при слёче – осеннем ненастье – вода не подмочит сено. Удобно и практично.

8 июля. Вот так сказала!

Карточек уже много. Материала больше во много раз. Мы сидели и отупело глядели на нескончаемые записи в блокнотах. В голову лезли такие вот стишкы:

*Я за столиком сижу
И всё карточки пишу,
Всё пишу и пишу,
А на время не гляжу.*

Но посмотреть на время всё-таки пришлось. Решили лечь спать, так как был уже первый час. Тщетно пытались выключить свет – замкнуло выключатель. Получилось что-то вроде пульсирующей цветомузыки. И тогда Света сонным голосом говорит: *«Не мучайте выжигатель!»* По инерции пытались записать новый «диалектизм», но потом, посмотрев друг на друга, разражаемся дружным хохотом. Вот так сказала!

В этот же день я поймала себя на том, что пыталась транскрипцией написать письмо своей бабушке!

7 июля. Окатом крыгъ

Во время нашего первого и последнего разговора с *Лазунькишной* она поведала нам о старухе *Окáтихе*, которая после смерти мужа лишилась рассудка. Говоря о муже этой старушки, Лазунькишна называла его имя –

Окáт – и долго распространялась об этой семье, вообще о деревенской жизни, в частности о том, что её избу ещё *Окáт крыл*.

По окончании рассказа Наташа, пребывавшая раньше в задумчивости, спросила собеседнику: «*А как же все-таки избу окáтом крóют?*» В ответ последовало недоуменное молчание... Ведь *Окáт* – это собственное мужское имя!!! Хоть и старинное, но всё же имя! А мы за лихорадочным поиском диалектизмов этого и не заметили, приняв за очередное «старопрежнее слово».

5–7 июля. Гроза

Возвращаясь из Копылова, «учёные-диалектологи» попали под сильнейший ливень с громом и молниями. Огромная туча зловеще посмеивалась над студентами, которые, словно мокрые воробы, стояли под стрехой какой-то добротной баньки. «А хорошо бы в бане поселиться!» – мечтательно заметил кто-то. Да, в нашем положении и баня – хорошо.

А ужас нашего положения заключался в том, что жители деревни Рассохино, прежде обещавшие разместить нас в своих домах, вдруг решительно отказались от своих обещаний. Ни приветливый вид юных девушек, ни льстивые слова руководителя Л.Ю. Зориной, ни протекция местных жителей, семьи Копыловых, не помогали. Выручили нас всё же родители нашего квартириера Гали Копыловой: нам в распоряжение предоставили 2 класса старой школы. Шикарные апартаменты! Но информаторы-то живут в своих собственных домах!

А дождь всё лил и лил. Не выдержав ожидания, Наташа и Марина понеслись под крышу гостеприимной школы. Преодолев дистанцию за сравнительно короткий срок, вымокнув при этом до нитки, замёрзнув, у самого крыльца они выясняют, что ключ остался под стрехой баньки. Что ж, в родном доме и стены греют! Стучать зубами на пороге «своего» дома всё же лучше, чем где-то в ином месте...

Кончилось всё благополучно. Мокрые и усталые, мы всё же не унывали: в нашей копилке слов уже кое-что было!

9 июля. Жить хорошо!

Оттóле уже недели две будет, как мы приехали в Гридину. Деревня-то здесь хорошая, старушек много. Только вот *хáются*, что народ нынче всё *выходнóй*, не хотят понять того, что мы работать сюда приехали, слова собираем, да все прежние.

Гостей-то уж, как водится, встречают *загибéньками*. Но хозяйка наша осерчала: у неё сковорододержатель сломался, *дак* пришлось без пирогов обряжáться. Нарезали хлеба *хлеборéзником* да замéсто пирогов скúсно поели. Хозяйка, глядя на нас, всё приговаривала: «*Кощие-то какие приéхали! Замретё тут, цай одýн пьётё!* Глянь – однé крыльца торчáт!»

А мы-то всё бегаем по бабушкам, а они от нас будто в *межсерéдку* прячутся! А ещё есть у них тут палка такая, *батóг* называется. У неё такое широкое применение, что узнаешь, *почём фунт баранок!*

На коробочку-то (магнитофон то есть) все записаться хотят, но ведь и говорят многие, как в книжках писано.

Зашли в дом к старушке. Сама-то она хлипкая, кореватая. Сказали ей, что поговорить пришли. Она и бает: «Ничего не чую. Гласина-то у вас не больно шумкай, да вы не робкайтё! Дверину-то закройте, а то холодковато, так и побормотаём».

С разговорами-то и время быстрее коротается.

Обратно шли, так такая слякоть сделалась, дождь как ливанул, так пришлось юбки-то подболокнуть да рысцой до дома! Домой-то прибежали да на мосту так и хлопнулись! От было дивьё!

Хозяйка опять нас тайторила: «Почтв не поёвши отвернули? Видать, хорошо побегали – весь ўжин в одын присест опростали!»

День коротается, солнце закатается, а у нас ещё ухом не махни, дел невпроворот, и на вечерину успеть надобть. Наладили грибочки да полёточки, чтобы местным парнекам погленуться. А те бают: «Дёвки-то какие из гроду приехали баскые, и похаять-то нё за что!»

Так день и пройдёт, и подумаешь, на ночь глядючи: и жизнь хороша, и жить хорошо!

10 июля. Пишем стихи

Диалектологам уже хорошо понятен ещё недавно совершенно неизвестный диалект. Мы уже сами можем говорить почти по-режисси! И в часы вдохновения у нас рождаются стихи. Пусть безыкусные, но такие искренние! В них запечатлеваются ситуации деревенской жизни и обороты местной речи. Так, как в стихах горожанки Наташи Шишовой:

Зазвенела коса,
Прошлась по траве.
Ты коси, коса,
Не тупись, родимая!

Дорог каждый день,
Было б солнышко,
А то, гляди,
Размокропогодится –
Сгинет травушка,
А потом уж некому плакаться.

Я тебя оселком наточу,
Чтоб блестела серебром,
Чтоб ни бухтынки,
Ни царапинки –
Словно зеркало.

А в деревне Гридин
В каждом дворе журавли.

*Журавли-то не простые,
Деревянные, большие.
То колодцы водяные с кóшкой,
Óчапом, с крюком.*

11 июля. Баять не напостывает

Привернúли мы на недельку в Рассохино, поселились в избушке на курьих ножках к бывшей ударнице, а теперь, по её мнению, засráнице, славной восьмидесятишестилетней старушке – бабе Мане. И обрадéла она нам, как Христу! Ещё бы! Мы ведь навели порядок в избе, покрыли стол подобием салфетки и сразу же – для установления контакта – взялись перебирать картошку в ямне. Картошка-то хрушкáя, ядрёная, да вот в подполье лазать приходилось карачуном, а когда наверх выползали, волосы оброня́ть пришлось: полная голова была шáму!

Снова открыли западнó, второй раз полезли в погреб, хотя и голова у всех кружáется, и бабушка чуть не тóкается от усталости. Говорим ей: «Идите отдохните!» Ушла, да вдруг влетела в избу, как молодáжка, и как забóркает, забóркает: «Дéвки, вы не бóйтесь, когда с мостá выходить будéте, там полýца обломíлась. А двéрь-то открывать стáнете – так с крыши потошníк упáл, не ушибтесь, а то избá стáрая, а медпúнкт-то далёко».

Сидим мы, усéрдницы добы́льные, и думаем: а что, если ночью и матица обвалится и зашибёт? Но успокоились: не зря же бабушка по ночам за нас молится! А ещё иногда она вдруг посреди ночи как запоёт:

*Золотого-то колечика
Не буду стаивать,
Не буду милого любить,
Сама себя расстраивать.*

И спрашивает: «Дéвки! Этого-то в ящик <т. е. на магнитофон> не записывали? Ну ладно, я ещё здúмаю. Слушайте, сейчас зачнú с краю и на голос спою!» И так наша бабушка поёт час или два, недаром говорят про неё, что торовáтая была.

Утром хозяйка встанет часа в четыре и самовар ставит, печь топит, чтобы напечь неудáч. А нас спрашивает: «Дéвки! Вы встаните, поедите и пойдите или поманитё?»

Да, думаем, бабушка у нас клад: не только песни поёт, но и стихи сочиняет! И никакая она не балабóшка, ведь без нас неделю-то вообще не говорит. Живя с приезжими, их не подтыкает, указывать не любит. Её любимое выражение – ука́зчику прыщ за щеку. Подумаешь, если скажет, где и что вымыть, как ворóнчики обтереть и тенетú с потолóки убрать, и таз на мост вынести, и в самовар воды принести, да лучше с дальнего колодчика. Так какие же это указы? «Мне, – говорит, – дáром: делайте, что хóчитё!»

Если наша бабуся придёт из магазина, то уж принесёт *вс́кого ме́ста*: и доши́чек вафельных, и красненьких я́блочек — помидоров, и конфет без бумажек, и стеклянку с закуской и т. д. А потом чай горячий станем пить, да так, что куфты́рь чуть не лопнет! Нас она очень любит, с нами-то ей *бáять не напосты́вáет*, да и нам жаль уезжать: больно хорошая бабушка: и знает много, и видела и слышала немало. Очень жаль, что сейчас она плохо чу́ет и ноги у неё тосковáть начали. Но вот как разулыбит свой беззубый рот, так нам кажется, что нет на свете лучше места, чем эта избушка на куриных ножках с обвалившимся *потошником*...

12 июля. Подведём итоги

Участниками экспедиции в Режский сельсовет Сямженского района Вологодской области оформлено 2400 словарных карточек, составлен 1 гербарий, заполнен 1 блокнот с фонетико-морфологической характеристикой говора, записаны 4 кассеты общей продолжительностью звучания около 2 часов, заснято 60 кадров фотопленки, заполнена 1 анкета, прочитаны 2 лекции для населения, выпущены 2 стенных газеты, оформлены 2 альбома, привезены 4 предмета материальной культуры с диалектными наименованиями.

Участниками Режской экспедиции в 1983 году, то есть авторами приведённых дневниковых заметок, были студентки ВГПИ Абдулхаева Елена, Копылова Галина, Леонова Елена, Максименко Марина, Пукайчук Светлана, Соловьева Наталья, Шишова Наталья.

Дневник режской диалектологической экспедиции 1984 года

Этот дневник отражает закономерное продолжение работы в Режском сельсовете Сямженского района. Однако, в отличие от условий предыдущего года, весь экспедиционный отряд проживал уже в одной деревне Монастырской.

Деревня Монастырская

Диалектологическая практика сямженского отряда проходила в деревнях живописного Режского сельсовета Сямженского района. История этих деревень отражена в экспозициях и материалах колхозного музея. Используя эти данные, а также рассказы местных жителей, студенты собрали сведения по истории деревни Монастырская.

Впервые эти места — окраинные территории бывшего Тотемского уезда — упоминаются в памятниках письменности XVII века. Название деревни, где работали диалектологи, неслучайно. Здесь раньше хотели построить монастырь, но ввиду того, что речка Режа маленькая, несудоходная, земли в округе неплодородные, монастырь построен не был. Впоследствии большое значение имела постройка церкви, украшение этих мест. Любопытно, что колокола были привезены из Тотмы, они были очень тяжёлыми, поэтому поднимали их мужики со всех окрестных деревень. Звон колоколов в

праздничные дни был слышен на всю округу. Молиться в церковь приходили со всех окрестных деревень. В связи со строительством церкви сама деревня Монастырская значительно расширилась.

В Монастырской раньше была церковно-приходская школа, велась довольно бойкая торговля. Однако деньги были только у тех, кто «сумел продать корову или лошадь». По деревне ходили коробейники, продавали разную мелкую утварь. В праздники со всех волостей собирались очень много народа. Любили гулянье на реке, катание на большой качале, стоявшей в самом центре деревни. Из одного конца деревни в другой неслись заливистые мелодии гармошки.

Деревня делилась на несколько «концов»: *Горушка* – возвышенное место, где стоял поповский дом; *Поповка* – на самом берегу реки; *Монастырская* и *Лукавино*.

Коренными фамилиями считались *Игнашевы*, *Вахрушевы*, *Кочевы*, *Поповы*.

Главной была дорога на Тотьму, которая проходила через деревню *Колтыриху*. Оживлённой была также дорога на *Коробицыно*. Сямженский край считали нищим, называли его *Бельдяевой слободой*.

С приходом советской власти жизнь значительно изменилась. Началась коллективизация, она в этом крае проходила довольно сложно. В 30-е годы люди стали уезжать на станцию *Харовская* для строительства железной дороги.

В 1957 году Режа, т.е. местность по течению реки Режи, насчитывала 1200 домов. Население составляло 6500 жителей. В 80-е годы XX века здесь проживало всего около 800 человек. К настоящему времени численность населения резко сократилась.

Деревня Монастырская больше года была центром сельсовета. Здесь находились почта, изба-читальня, клуб, функционировали пекарня и маслозавод, работала восьмилетняя школа. В настоящее время центр сельсовета перенесён в деревню Коробицыно.

Ирина Попова, Елена Боброва

Жизнь отряда

В наш отряд входило 11 человек. Ещё в Вологде студенты разделились на рабочие группы. В каждую группу входило по 3 человека. Но первоначальные группы пришлось переформировать. У нас получилось две «тройки» и одна «четвёрка». Люба Копылова работала у себя дома, в деревне *Рассохино*. А мы, десять человек, расположились в деревне Монастырская. В каждой «тройке» был выбран командир. В отряде назначили казначея, физорга, выбрали редколлегию.

В деревне Монастырская диалектологическая экспедиция работает уже не первый год. Поэтому наш приезд для местных жителей был не в диковинку. Они очень хорошо нас приняли. Жили мы на квартирах у бабушек, старались записывать каждое их слово. Блокнот и ручка всегда были под рукой.

Вскоре после приезда мы посетили маслозавод. С интересом смотрели, как изготавливают сливочное масло, рассматривали оборудование. Побывали мы и на центральной усадьбе, где посетили местный музей. В нём собрано много материалов по истории Режи, начиная с предметов старинного быта, утвари и кончая днём сегодняшним: чем живут сегодня режские жители, как трудятся.

С первых дней мы стали готовить концерт. Было очень много споров: что показать, какие номера художественной самодеятельности выбрать. Мы очень много репетировали, но всё равно сильно волновались. В разных клубах сельсовета нами были показаны два концерта и прочитаны две лекции.

Очень интересным оказалось наше путешествие в деревню Гридино. Там мы увидели старинный дом – в таком виде, в каком их раньше строили в этой местности. Дом был зарисован, подписаны его основные части. Рисунков было сделано много.

Но всё же основной была работа по сбору диалектных слов. Для этого мы даже смотрели, как стригут овец! Всего нами было оформлено 3400 карточек.

Нам нужны были образцы живой речи, т. е. необходимо было записать образцы говора на магнитофонную пленку. Нас интересовала не только речь бабушек, хотя именно ею мы и занимались в первую очередь. Но интересна была и деловая речь, поэтому студентки с магнитофонами ходили даже на партийное собрание. Там они попытались записать выступления людей, обсуждавших интересовавшие их вопросы. Кроме того, девочки побывали в детском саду, где сделали запись детской речи, но, к сожалению, неудачно. Всего нами было записано 4 кассеты.

Очень много мы фотографировали жителей деревни, наших информантов, уделяли внимание предметам быта, строениям. Сделано свыше 100 кадров.

Много интересных диалектизмов мы узнали, когда ходили смотреть, как ткут половики. Бабушки всё охотно показывали и объясняли. Домашний ткацкий станок студенты видели впервые.

Одним из мест, где мы черпали информацию, был магазин. Уже в первые дни мы посетили его и узнали много новых слов. В очереди женщины обсуждают новости, не замечая, что рядом кто-то стоит с блокнотом.

Попытались мы попасть и на пасеку, но, к сожалению, неудачно.

<Автор не зафиксирован>

Концерт

О концерте думали ещё до поездки, а готовиться начали за три дня до него. Вспоминали старые, готовые номера, придумывали новые. Готовились обстоятельно, знали, что концерты здесь любят. Репетировали два дня подряд, подбирали костюмы, продумывали декорации.

И вот наступил день выступления. Зал заполнился удивительно быстро. Были здесь и старушки, и молодёжь, и, конечно же, дети. От нас зависело многое. Как-то нас оценят? Поймут ли нас?

Вначале Катя Спирина познакомила зрителей с тем, чем мы занимаемся на диалектологической практике, поблагодарила наших информантов за помощь. Концерт начали с музыкально-поэтической композиции о мире. Задушевно прозвучали песни «Над полями дремлет голубое небо», «Деревенское детство моё», «Гляжу в озёра синие». Вспомнили мы и старинную кадриль. В программе концерта хорошо была отражена и наша студенческая жизнь. Это и стихотворение Э. Асадова «Студенты», и студенческие песни и частушки.

Юмор всегда был с нами. Чтение рассказов А.П. Чехова научило радоваться жизни. Вместе с «эскимосами» зрители побывали на Севере, с «цыганочками» – в цыганском таборе. Прошёл по сцене и «взвод Васи Крючкина».

В перерывах между номерами зал развлекали играми. Зрители воспринимали их с большим удовольствием.

И вот концерт окончен. Наблюдаем за публикой. Первые впечатления, первые обсуждения. Кажется, одобрили. Вот дедушка старатально объясняет внуку нашу игру «треугольный мой колпак», бабушка Аллолинария Николаевна Попова выясняет, кто же её облил водой, а завуч местной школы Зинаида Александровна Попова говорит, что на «смертельном номере» ожидала полёта артистов в зал. «Настоящий цирк был!» – говорят дети. Тётя Файна похвалила, сказав: «Молодцы девки, от души выступали! Могут из вас и артисты получиться!» «Вот бы много девки заработали, если бы за деньги выступали!» – слышим от других бабушек.

Что ж, значит, приняли, оценили нас местные жители!

Елена Боброва

Банька по-чёрному

Итак, приехали мы в деревню Монастырская. Это Режа, местность по реке Реже в Сямженском районе. Нам здесь сразу сказали, что «нужно отмыть вологодскую грязь». Правда, прежде чем помыться, следует хорошо поработать. Как говорится, любишь кататься – люби и саночки возить. Мы повезли... Но не саночки- чўночки, а огромную волокушу дров.

Дрова привезены, а котлы-то в бане пусты. И пошли мы по воду всей артйлью. Артйль-то наша не больно большая – четыре человека, одна экспедиционная группа.

Однако такое ответственное дело, как топка бани, нам не доверили. Главным истопщиком был дядя Коля. Дело кончилось тем, что баня истопилась, пора её скутывать. Пошевелили клюкой угли, чтобы головёшек не было, плеснули на каменку воды – пыль (т.е. копоть) осела. Теперь можно мыть лавки, полок, пол. Большинство бани топится в этом крае по-чёрному, печь сложена без трубы. Считается, что это самый гигиеничный способ: обеззараживается всё.

Бабушка посоветовала нам пол голиком пошбркать, чтобы грязь лучше отстала. «А тряпичу-то на предбанье возьмите», – сказала она. Городские девочки рты пораскрывали: что, где брать? Но всё же нашли тряпичу. Баня

скутана, через некоторое время она выстоялась: угар вышел, жар настоялся, — и вот уже можно мыться. Взяли мы *хвостанцы*, залезли на самую верхнюю полку, *бзданули* на каменку и стали *хвостаться*.

Но это удовольствие длилось недолго. Жарко. Тяжело дышать. Наскоро *пошибка* друг дружке спины, еле двигаясь, мы *на коровках* ползём к выходу. Появляется бабушка и участливым тоном произносит общепринятое пожелание: «*Жар в бáньку!*» Как, ешё жару? С горьким воплем вылетаем мы *на предбáнье*. И только окунувшись в реке, блаженно оживаем.

С новыми силами, с победоносным криком «*Ура!*» вновь мы заскочили в баню, атаковали шайки и, окатившись уже прохладной водой, довольные, покинули *бáнюшку-пáрушку*. Чистенькие, румяные, весёлые, шли мы домой с песней: *Тóится, тóится в огорóде бáня...*

Ирина Попова

Что есть в пече

Наступил Петров день. В этом году он выдался неласковым, дождливым. Но праздник в доме всё равно чувствуется: пахнет свежими пирогами. Вдруг слышим добрый голос — это бабушка Настя увидела, что мы просыпаемся, и начинает с поговорки: «*Дéвка спит — дом выспит, мужик спит — дом проспít*». Этим она хочет сказать, что сегодня, в праздник, городским гостям можно подольше поваляться, понежиться в постели. Но запах пирогов уже зовёт подняться: «*Хоть стéны чапáй, а всё равнó вставáй*».

Бежим на реку, умываемся, и нам открывается вся прелест наступившего дня.

На столе стоит чайник. Бабушка Настя, неся свежие пироги, приговаривает: «*Что есть в пече, всё неси на плече!*» И снова: «*Жарок да мелок, дак испечёшь пирожок*». У нашего словоохотливого информанта хорошее настроение, поговорки сыплются как из решета:

Картошка, картошка, какая тебе честь!

Кабы не было картошки, чего бы стали есть?

Это посередине стола появляется жареная картошка. «*Свой хлеб да соль, дак хоть у попа стой!*», — радуется достатку хозяйка.

Пироги получились вкусные, румяные, пышные, не «укладники», и звучит следующая приговорка: «*Мéньше медвéдя бúдете бояться: внизу подгорéло*».

Из-за стола выйти не спешим. Мы доверяем народной мудрости: *Сколько за столом посидишь, столько и в раю поживёши*.

Бабушка Настя считает, что завтрак мог быть и лучше, уточняет: «*Из худых-то вывали Усё, а до хорбих не дошёУ*». Наша собеседница вспоминает, как в старые времена люди любили после еды и отдохнуть немножко — чтобы жирок завязался. И снова звучит украшение речи: «*Отчего казак гладок? Поел да и набок*».

Галина Мартюкова

Чай на верхосытку

Много интересных слов и выражений режского говора связано с процессом еды.

Обедаем мы всегда *артылью*, едим дружно, *ладом*. За столом узнаём много нового. Как говорится, *лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*. А вот здесь мы и слышим, и видим, и пробуем.

Новыми для нас были *наливахи*. Мы спешим их попробовать и не успеваем *пятерикой* облизывать. Узнали, что *глубки*, т. е. творог, делаются из *простокиши*, а молоко может *жариться* в печи. За обедом мы *неодина учёум*: «*Дёвки, ёштё шибче, а то замретё! Почто худо хамаетё? Ну и хлеба взяла – на одын хамок!*»

На верхосытку мы обычно пьём *жирный чай* или едим *нажёристый овсяный кисель*. Бабушка *бает*, что *наголд* кисель вкуснее, а она *ложит муки*: больно хлопьев *<овсяных, геркулесовых>* мало. Сказывала нам хозяйка и присказульки про кисель: *Кисни, кисель, и не перекисни, кисель, и укийсни, кисель! Киселю слава добра, да вёк короток!*

Киселя наварили *эстолькё*, что, думаем, и не съесть. Он, когда остывает, *садится*, т. е. становится гуще. Кисель с молоком хлебаем из общей миски, и *каждый сам себе дорогу молоком накапит*. Последний у нас *довозит*. Бабушка подзадоривает: *Довози – все женихи твой будут!*

Часто на верхосытку вместо киселя *чаем пригнетаем*.

Недавно мы удивились новому блюду – *окрошке с обабками*: «*Думаете, чем накормлю? А вот чем. Всяко место здесь есть: обабки, лук, яйцо, сметана, маслухи и чиликай*». Окрошку едят с хлебом, правда, хлеб бывает то *неупёка*, то *шибко чёрствый*, какой бабушкам и не добыть – от *корки до корки мякиша нисколькё!*

Засидишься за столом – пригрозят, что *заслонкой обнесут*.

Закончена трапеза. Мы говорим: «*Спасибо!*» – «*Нé за чего!*» – любезно звучит в ответ.

Ольга Бубякина, Виктория Бузина

В экспедиционных дневниках вологодских студентов, помимо приведённых выше текстов, содержится ещё много интересных материалов. Более того, эти путевые журналы иллюстрируют использование студентами приёмов популяризации знаний об исчезающих русских народных говорах. Следовательно, такие дневники небезинтересны для региональной диалектологии. Полагаем также, что они могут быть весьма интересны и широкому читателю, что, вероятно, сподвигнет нас на публикацию и материалов последующих лет.

Литература

Вознесенская И.М. Дневник: особенности семантической структуры и речевой организации // Мир русского слова. – 2006. – № 3. – С. 41–48.

Воспоминания об экспедициях // Севернорусские говоры: межвузовский сборник / отв. ред. А.С. Герд. – Вып. 9. – СПб.: СПбГУ, 2008. – С. 263–334.

Дневник М.П. Сусловой: публикация и исследование текста / отв. ред. И.И. Русинова. – Пермь, 2007. – 264 с.

Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра. – М.: ФЛИНТ: Наука, 2003. – 280 с.

Зорина Л.Ю. Диалектная лексика говоров Вологодского края: методические материалы и научно-популярные очерки. – Вологда: ВГПУ, 2008.

Зорина Л.Ю. О чём говорят на Хомосъкей стороне // Вологодский ЛАД. Литературно-художественный журнал. – 2015. – № 1. – С. 232–239.

Колесникова А.П. Диалектологический дневник (о совместной диалектологической экспедиции в с. Краснолипье Рельёвского района Вологодской области в июне 2012 г.) // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Вып. 1 / научн. ред. А.Д. Черенкова. – Воронеж: ВГПУ, 2013. – С. 93–102.

Экспедиционные заметки: воспоминания, впечатления, интересные события, дневники // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Вып. 1 / научн. ред. А.Д. Черенкова. – Воронеж: ВГПУ, 2013. – С. 90–108.

Список сокращений

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – Изд. 2-е. – М., 1981–1984.

1.2. Речевой портрет никольчанки Н.Д. Шиловской в контексте изучения проблем диалектной языковой личности

Предлагаемый речевой портрет Н.Д. Шиловской, соотносимый с говором Никольского района Вологодской области, выполнен в рамках актуального для современной лингвистики лингвоперсонологического подхода (разрабатываемого в трудах В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, Г.И. Богина, С.Г. Воркачёва, В.А. Масловой, А.Н. Баранова, К.Ф. Седова, В.В. Красных, А.М. Шахнаровича и мн. др.). Этот подход к изучению языковой личности предполагает изучение индивидуальных речевых, коммуникативных и когнитивных особенностей конкретного носителя языка (например, словарь языка писателя как элитарной языковой личности) или представителя какого-либо сообщества (например, словарь языка филолога, подростка, школьника, русского интеллигента).

В этом разделе рассматривается *диалектная языковая личность*, которая изучается как языковое явление и как носитель региональной духовной и бытовой культуры. Изучение диалектной языковой личности относится к числу актуальных проблем современной диалектологии (см. работы В.Е. Гольдина, О.И. Блиновой, А.С. Герда, В.И. Трубинского), а моделирование языковой личности носителя диалекта является одним из продуктивных направлений регионалистики и, как правило, включает в себя полное описание выбранной диалектной языковой личности и / или словарь носителя диалекта. Так, например, существуют монографические исследования диалектной личности носительницы говора с. Кодского Шатровского района Курганской области Валентины Михайловны Петуховой (в работе В.Д. Лютиковой), носителей сибирских старожильческих говоров Веры

Прокофьевны Вершининой (работа Е.В. Иванцовой) и Анны Васильевны Медведевой (работа Е.В. Прокофьевой), словари языка диалектной личности Евдокии Михайловны Тимофеевой («Диалектный словарь личности» В.П. Тимофеева), Агафьи Карповны Лыковой («Словарь языка Агафьи Лыковой» Г.А. Толстовой) и др.

В этом разделе представлен речевой портрет диалектной языковой личности Нины Дмитриевны Шиловской как носительницы никольского говора, относящегося к вологодской группе говоров севернорусского наречия. Центральное место в речевом портрете занимает описание лингвокогностивного уровня языковой личности Н.Д. Шиловской, на котором представлены основные концепты языковой картины мира, в целом соответствующие картине мира обобщённого образа жителя Русского Севера. На вербально-семантическом уровне подробно охарактеризована реализация никольского говора в речи его носительницы: представлены диалектные фонетические, лексические, грамматические черты, сохранившиеся в речи информанта, а также описаны некоторые индивидуальные речевые особенности. Выполнен анализ мотивационного, или pragматического, уровня языковой личности, то есть коммуникативного поведения информанта. Н.Д. Шиловская выступает на этом уровне как старшая родственница (мать, бабушка), требующая от родных и знакомых подчинения этическим нормам, сложившимся в её окружении.

Нина Дмитриевна Шиловская родилась 4 ноября 1938 г. в д. Липово Никольского района Вологодской области), сейчас же проживает в административном центре района – в г. Никольске, который находится в 442 км к востоку от г. Вологды. В семье было семеро детей, Нина – младшая. Их отец погиб на войне, когда ей было три года. Мать работала скотницей и одна воспитывала детей в тяжёлые послевоенные годы. Сама Н.Д. Шиловская с детства занималась крестьянским трудом: с трёх лет ходила за цыплятами, потом ухаживала за телятами, после окончания семилетки – работала в коровнике. После замужества Н.Д. Шиловская работала истопщицей, санитаркой, после переезда в Никольск – на кирпичном заводе, а также на маслозаводе. Н.Д. Шиловская и В.В. Шиловский воспитали шестерых детей. Сейчас у Нины Дмитриевны четырнадцать внуков и пять правнуков.

Для описания диалектной языковой личности Н.Д. Шиловской использовалась методика речевого портретирования, а также методы включённого наблюдения (для создания ситуации естественного общения на протяжении достаточно долгого времени), прямого опроса, лингвистического интервьюирования, что привело к созданию корпуса источников – диалектных текстов в фонетической записи, предлагаемых как часть данного исследования. Записи бесед с Н.Д. Шиловской, её рассказов и частушек приоткрывают наивную картину мира севернорусского крестьянства и особенности сочетания и взаимодействия деревенского миропонимания с агрессивным наступлением новой, современной системы ценностей «городского» типа.

1.2.1. Шиловская Нина Дмитриевна как диалектная языковая личность

Лингвоперсонология – это область научного знания, в центре внимания которой находится языковая личность, то есть устойчивая система свойств человека, формирующаяся в процессе его взаимодействия с социумом и находящая своё выражение в языке [Караулов 2010: 3]. Относясь к сфере наиболее сложных психологических феноменов, личность проявляет себя в языке весьма разнообразно: в этом отношении существенны тематические и проблемные предпочтения говорящего субъекта, специфика вербально-семантической презентации личности, особенности вербализации субъективного отношения к предмету речи и многое другое.

Феномен диалектной языковой личности представляет собой сложное единство общерусских и собственно диалектных, общеязыковых и индивидуальных черт. Общерусские элементы составляют основу системы речевых средств любой русской языковой личности, диалектные особенности выявляются на фоне литературных, а индивидуальные – при сравнении с другими говорящими. Исследование диалектной языковой личности ведётся на изучении устной речи (т. к. диалект – устная форма языка). Это могут быть либо записи звучащей речи на диктофон, либо записи, сделанные исследователем вручную. Речевая деятельность диалектоносителя обнаруживает очевидные локальные черты. Эти черты проявляются в когнитивной сфере, на вербально-сематическом уровне, в области речевого поведения, а также в процессе выражения эмоций и реализации речи на артикуляционно-акустическом уровнях.

Обратимся непосредственно к характеристике диалектной языковой личности. Отметим, что наиболее продуктивным является описание речи близких родственников. Поэтому нам показалось уместным продолжить серию подобных наблюдений и охарактеризовать языковую личность своего родственника (бабушки) – Шиловской Нины Дмитриевны, 1938 г. р., уроженки д. Липово Никольского р-на Вологодской области. Материалом для исследования служат записи звучащей речи Н.Д. Шиловской, расшифровки которых даны в конце данного раздела монографии.

Особенности когнитивной составляющей языковой личности

При характеристике когнитивного уровня следует обратить особое внимание на темы, интересующие нашего информанта; базовые концепты её картины мира, особенности описания разных жизненных ситуаций.

По нашим наблюдениям, самыми интересными для Н.Д. Шиловской являются беседы о домашнем хозяйстве, о приготовлении пищи, разговоры о самочувствии, биографические рассказы, истории из жизни родственников. Куда менее интересными женщина считает рассказы о голодном воен-

ном детстве; не помнит детских сказок, обрядов и заговоров, хотя охотно включается в обсуждение сновидений.

В речи нашего информанта наиболее ярко представлены такие ментальные объекты, как *дом*, *труд*, *дети*, *здравье*. На фоне общерусского их содержания весьма заметны специфические свойства этих объектов, представленные в речи нашего информанта.

Ментальный объект *дом* занимает особое место в русской языковой картине мира, он относится к числу архетипических образов [Байбурин 1983; Басова 2004; др.]. Основным средством выражения содержания этого концепта является слово *дом* «жилое здание, строение, жилое пространство человека» [БАС 5: 425]. *Дом* – жилое пространство человека, символ семейного благополучия и богатства, локус многих календарных и семейных обрядов. Дом противопоставляется внешнему миру, входя в бинарную оппозицию ‘свой – чужой’ [ТС 1: 13]. Национальное своеобразие концепта *дом* проявляется во внешнем облике (типе постройки, места постройки, соблюдении обычая при строительстве) и внутреннем убранстве русских домов, в ведении домашнего хозяйства, в отношении к своему собственному и чужому дому, в восприятии своего Дома – Отечества. В русской культуре приоритетными являются такие когнитивные признаки концепта *дом*, как «уют», «очаг», «душевность», «семейность». Идиллия «дома» связана с теплом домашнего очага, любящей семьёй, дружественной атмосферой.

Анализ речи Нины Дмитриевны Шиловской свидетельствует о том, что в концептосфере этой языковой личности концепт «дом» занимает одно из центральных мест. О доме она говорит при описании учёбы в школе (*А всё ходили пешком домой. А вечером школу кончили – опять домой бежать*), в рассказе о чужом доме (*А хоть куда идите! Куда, ихней дом. Сказали уйти, так идите хоть куда!*; *Она в йонный дом перешла, на Советскую улицу*), при описании работы в колхозе (*Все дни гоняешь, вечером напоишь, накормишь, в загородки разгонишь их и домой*), при разговоре о переездах (*Мы-то? Мы на Володарской-то, в том доме*). Обращает на себя внимание относительная неприхотливость нашего информанта в отношении дома. Описывая хороший дом, Нина Дмитриевна привела в пример свой: *Да вот хороший наш дом; С виду хорошо сделано, например. Выкрашен хорошо. Крыша не течёт. И считается хорошей дом*. В рассказе о путешествии в санаторий Нина Дмитриевна вспоминает *дома-дворцы южных здравниц* как нечто чужое, незнакомое, непривычное, не свойственное простому человеку. Ей неуютно среди блеска зеркал, нарядно одетых праздных людей, живущих непонятной, праздной, суеверной санаторной жизнью. Важно отметить, что *своим домом* Нина Дмитриевна считает либо дом своих родителей, либо дом, полученный в пользование, построенный, приобретённый вместе с мужем для совместного проживания, рождения и воспитания детей. Дом свекра со свекровью, куда муж привёл её жить после свадьбы, «своим» так и не стал. Показателен в этом отношении рассказ, где Нина Дмитриевна вспоминает слова нотариуса о том, что «по документам» часть

того дома принадлежит молодой семье: перегораживать избу и жить с не-
дружелюбными родственниками она так и не стала.

Существен тот факт, что в представлении нашего информанта приобретение (покупка, постройка) дома является одной из самых важных вех в жизни молодой семьи. Рассказы о прошлом, воспоминания о своих скитаниях по съёмным углам, леспромхозовским баракам и закуткам свёковой избы Нина Дмитриевна Шиловская перемежает с описаниями своего нынешнего дома, расспросами внучек относительно выплат ипотечных кредитов, восторженными рассказами о домах и дачах крепких хозяев из числа родственников и знакомых. Этим она, как нам кажется, утверждает один из постулатов крестьянской картины мира: приобретение *дома* даётся большим трудом и сопряжено с огромной личной ответственностью за судьбы своей семьи, детей, хозяйства.

Концепт *труд* также является одним из базовых концептов национальной картины мира [Байбурин 1983; Басова 2004; др.]. Осмысление труда как главенствующего начала жизни весьма важно для мировосприятия сельского жителя, физический труд которого «...призван обеспечить не только его биологическую, но и его социальную жизнь» [Караулов 2010: 92]. Концепт *труд* в лингвокультурологическом понимании представляет собой глобальную многомерную единицу ментального уровня, для которой характерны исторический детерминизм, актуальность, признание общечеловеческой ценностью, широкое распространение в народной культуре (в пословицах и поговорках) [Басова 2004].

Вербализация концепта *труд* в речи нашего информанта, как правило, связана с употреблением слов с корнем *-раб-* // *-роб-* (*робить, работать* и их производные), а также с наименованием конкретных трудовых действий (*топить печи, обижаживать скот, рубить лес* и пр.) или профессий (*истопщик, санитарка, скотница* и пр.). Нина Дмитриевна Шиловская, как и многие сельские женщины её возраста, с детства и до старости выполняла тяжёлую крестьянскую работу: *Мисяц я не робила, а через мисяц устроилася в больницу санитаркой, истопишиком ошио перво, истопишиком – печки топили, ак дрова носили, воду носили тожко. А потом уж в летний период санитаркой стала работать. Да дом-то весь ремонтировали да...* *Ой, у нас тут было работы-то куча с ним.* Поэтому *труд* в понимании нашего информанта – это, как правило, физическая работа. В диалогах Нины Дмитриевны со взрослыми внучками, которые заняты умственным трудом, речь о работе в основном касается места трудоустройства (*Где работаешь, далеко ли от дома, на старом или новом месте?*), оплаты труда (*Платят больше, меньше или по-старому?*), возможности одновременно работать и учиться. В суть такой работы Нина Дмитриевна не стремится вникнуть, однако принимает во внимание, что если внучки работают старательно, получают регулярный доход и не ругают свою работу, то можно считать их трудоустройство успешным. На этом фоне обращает на себя внимание неодобрительная реакция нашей информантки по отношению к родственникам, постоянно меняющим место трудоустройства или позво-

ляющим себе долго искать работу, живя на доходы других членов семьи. Нина Дмитриевна считает, что это разрушает трудовое единство семьи, является причиной эмоционального разлада, дурным примером для детей, большим позором и финансовой обузой для стареющих родителей.

Обращает на себя внимание ещё один ментальный объект, весьма важный для нашего информанта – это *дети*. В русской языковой картине мира концепт *ребёнок / дети* также привлекает пристальное внимание учёных [Кряжева 2009; Маслова 2005]. Он находит своё выражение посредством репрезентации, прежде всего, значения его ключевого слова *ребёнок* «человек в детском возрасте», а также его стилистических синонимов: *дитя, чадо, детище* и др. По наблюдению исследователей, среди номинаций ребёнка преобладают языковые средства с положительной эмоционально-экспрессивной окраской [Коган 1963: 12]. Ядро концепта *ребёнок*, по мнению О.И. Масловой [Маслова 2005: 23], образуют три семантических компонента: 1) малолетний возраст; 2) степень родства; 3) особенности поведения.

В речи нашего информанта концепт *ребёнок / дети* вербализуется как общерусскими лексемами (нарицательными – *ребёнок, дочь, собственными – Гая, Вася*), так и локально ограниченными (*ребятёшка, ребёнчик* и др.). Многие записи речи нашего информанта свидетельствуют о том, что жизнь детей, внуков занимает значительное место в её рассуждениях, бабушка стремится вникнуть в обстоятельства их детских игр и взрослых проблем. Заметно, что Нина Дмитриевна не вполне включает в число «своих» детей тех, кто пришёл в семью «со стороны» (мужей дочерей и внучек, детей от предыдущих браков и пр.): для неё очень значим признак кровного родства.

Наконец, весьма значительное место в сознании нашего информанта занимают представления о *здравье и болезни*. Это сложно структурированные ментальные образования, включающие понятийные, образные и ценностные признаки. Основное содержание концептов «Здоровье» и «Болезнь» в русском сознании, по мнению исследователей [Архипова 2002; Тюленинова 2008], сводится к следующим базисным признакам: а) понятийную сторону этих концептов составляют такие оппозиционные характеристики, как «целостность организма» – «нарушение целостности организма», «устойчивость функционирования организма человека» – «неустойчивость функционирования организма человека», «сила человека» – «слабость человека»; б) образную сторону концепта «здравье» формируют устойчивые ассоциации здоровья с природными явлениями (в частности, с деревом, камнем, солнцем, светом, огнём, водой, землёй), с артефактами культуры, которым приписаны человеком признаки целостности и красоты; образная сторона концепта «болезнь» представляет собой ассоциации болезни с природными явлениями (стихийными бедствиями), мифологемой «демон», чёрным цветом, врагом, с артефактами культуры, обладающими признаками нецелостности и безобразия; в) ценностная сторона обоих концептов заключается в признании физиологического состояния человека важнейшим аспектом его жизни и вытекающей отсюда

системы приоритетов его поведения (соблюдение норм гигиены, здорового образа жизни) [Архипова 2002: 83].

Среди записей речи нашего информанта записано более десяти значительных по объёму диалогов о здоровье и болезни, посвящённых описанию самочувствия Нины Дмитриевны, симптоматики её хронических заболеваний, способов диагностики ухудшения или улучшения течения болезней, размышлений о средствах лечения и пр. Остеохондроз, операции на глазах, сахарный диабет II типа, гипертония – это самые любимые темы Нины Дмитриевны. Особенностью их обсуждения является то, что она предпочитает говорить об этом с «товарищами по несчастью», обладателями тех же диагнозов, что и она сама. В таких разговорах заметна эгоцентричность рассуждений нашего информанта: Нине Дмитриевне 76 лет, она считает, что остеохондроз в её возрасте точно такой же, как и у дочки в 44 года; операция на глазах у зятя в 50 лет из-за тромбоза абсолютно не отличалась от катаракты в 73 года; диабет I типа у внучки (24 г.) и соседки Сани (51 г.) должен точно так же проявляться, как и диабет II типа у неё. Эти размышления очень интересны в плане наблюдения за реакцией собеседников. Каждому хочется думать, что его заболевание протекает в более лёгкой форме. На эти доводы Нина Дмитриевна охотно приводит свои примеры. В диалогах о здоровье Нина Дмитриевна неизменно концентрируется на своих ощущениях, толкует состояние здоровья или болезни, исходя из своих представлений о том, насколько то или иное заболевание может быть опасно для жизни.

Специфическую форму репрезентации когнитивной сферы нашего информанта составляют рассказы о снах. Нина Дмитриевна Шиловская очень внимательно относится к своим снам, считает сновидения частью своей жизни. Женщина очень часто видит во снах детей, умерших родственников, мужа, строительство домов – яркие моменты своей жизни, наиболее переломные этапы биографии. Часть снов информантка толкует как вещие, тяжело переживает такие сны, поэтому считает необходимым поделиться их содержанием с близкими людьми. Раскрывая содержание своих сновидений, Н.Д. Шиловская повторно переживает все произошедшие события, так или иначе повлиявшие на её жизненный путь: первый ребёнок, которого потеряла Нина Дмитриевна, выполняя тяжёлую работу, приходит к ней среди голубей (умерших детей, как трактует сама информантка); умершие родственники и знакомые часто видятся ей в разговорах по телефону, бытовых ситуациях; среди которых неизменно повторяется строительство домов. Очень часто женщина видит во снах умершего в 56 лет мужа, которого она очень любила.

Таким образом, тематика разговоров нашей информантки, особенности осмысления ею содержания бесед с родственниками, односельчанами, знакомыми людьми, содержание сновидений свидетельствуют о том, что круг её ближайших интересов – *дом, семья, дети, сельский труд, здоровье* – всё то, что входит в диалектную картину мира. Мировосприятию Нины Дмитриевны Шиловской свойственны такие черты диалектного мировидения,

как парцеллированность, сфокусированность в сфере своих непосредственных интересов, pragmatичность, направленная на выживание крестьянской семьи в сложных природных и социальных условиях, традиционность и стереотипность восприятия действительности, тяготение к узально закреплённой этической и эстетической норме, эмоциональность и экспрессивность [Караулов 2010; Вендина 1998; Демидова 2008].

Особенности вербально-семантической составляющей языковой личности

В речи нашего информанта сочетаются общерусские и локальные явления различных языковых ярусов. Кратко охарактеризуем наиболее выражительные из этих явлений.

На фонетическом уровне обращает на себя внимание устойчивое сочетание черт, свойственных восточным северорусским говорам. В области ударного вокализма это типичные переходы гласных между мягкими согласными (*м[и]сяц*, *гон[е]ть*), в безударных слогах – полное оканье (*М[о]сква-то*, *п[о]шла*), предударное и заударное ёканье (*вёзите*, *трёпак*, *густоё*, *колодёу*), произношение перед мягким согласным гласного *[и]* в соответствие с фонемой *[ɛ]* как под ударением, так и в предударном слоге (*ч[и]во*, *гл[и]ди-ко*). Консонантные локальные черты проявляются менее явно: это долгий твёрдый шипящий (*истопишиком*, *большущые*), чередование *[в] // [w]* (*тра[в]а – тра[w]*) и др. Диалектные черты соседствуют с общерусскими – например, рядом с типичным для беглой речи стяжением (*гоорю* «говорю», *баслови*, *Христос!*) обнаруживаются фонетические упрощения в заударной части слова,ственные вологодским говорам (*накось*, *зaborаниваэм*) [Русская диалектология 2005].

Лексический уровень является весьма показательным для описания диалектной языковой личности: именно здесь сосредоточено наибольшее число локализмов. Большинство из них имеет северорусский ареал распространения (*беседка*, *олос*, *жнилка*, *кролиха*, *взумать*, *затюкаться*, др.), некоторые слова характерны только для вологодских говоров (*божатка*, *загородка*, *заложка*, *потерёшка*, *утисаться*, *ссулиться*, др.). Среди употребляемых информантом диалектизмов подавляющее большинство составляют наименования человека (*божатка* ‘крестная мать’ [СВГ 1: 35], *истопщик* ‘истопник’ [СРНГ 12: 260], *молодица* ‘новобрачная; женщина в первый год после свадьбы’ [СВГ 4: 88], *свекровка* ‘свекровь’ [СВГ 8: 102], *товарочка* ‘подружка’ [СРНГ 44: 163], *паре* ‘обращение к собеседнику’ [СРНГ 25: 219]) и животных (*козлуха* ‘коза’ [СВГ 3: 77], *кролиха* ‘крольчица’ [СВГ 3: 126], *олос* ‘по суеверным представлениям, водяной червь, волосатик, который забирается под кожу людям и животным во время купания и причиняет болезнь’ [СРНГ 5: 57]), названия частей дома и домашней утвари (*загородка* ‘огороженное место для мелкого скота (овец, свиней) или домашней птицы в хлеву или во дворе’ [СРНГ 10: 23], *зыбка* ‘колыбель, люлька, которая подвешивается к потолку’ [СВГ 2: 180], *мост* ‘се-

ни' [СРНГ 18: 287], перед 'передняя часть крестьянского дома' [СРНГ 26: 76]), сельскохозяйственных орудий (жнилка 'жница' [СРНГ 9: 209], заложни 'участок пахотной земли, оставленный под покос или пастище скота' [СРНГ 10: 217]), элементов ландшафта (угор 'возвышенное место, высокий холм' [СРНГ 46: 241]), предметов одежды (лопоть 'одежда, бельё' [СВГ 4: 49]), объектов сферы крестьянской кухни (простокшиша 'закисшее молоко, простокваша' [СВГ 7: 96], скорлупша 'твёрдая оболочка яйца, скорлупа' [СВГ 9: 28]) и др.

В речи Нины Дмитриевны встречаются также локализмы более позднего образования (кадра 'лесопункт' [СВГ 3: 30]), а также новообразования, возникшие в результате переосмысления слов сегодняшнего дня (*тисон* 'кессон', *зюдо* 'дзюдо', инкубаторки 'цыплята, куры из инкубатора'). Характерной языковой особенностью Нины Дмитриевны является использование в речи лексических повторов с целью привлечения внимания к собеседнику: *Давай, на колени возьму. Иди на колени; Ай, Аня, Аня...; Ането улыбнись, Ане-то...; Иди, помешать, и ты помешаешь. Полжешь, хоть меньше. Помешают, потом налижуца, и всё: «Мама, надоело, не будем!»*

Диалектные особенности весьма ярко проявляются на грамматическом уровне речи нашего информанта. В сфере словообразования активно проявляется тенденция к образованию более «регулярных» в грамматическом отношении слов на базе местоимений (*ихний, ёйный*), существительных третьего склонения (*свекровка, матка, церква*). Отмечается варьирование основ наречий, образованных на базе древних местоименных корней *къ- (ко, ку), *ть- (то, ту), *сь- (се, сю), *въс: *куда/ы, туда/ы, сюда/ы* и др. Используются существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *Господи, сколько народушку там!*; *А она оболочечку ему высовывает*. В области морфологии имён существительных наблюдается унификация форм дательного и творительного падежей во мн.ч. (*рукам, босым ножкам, с двум классам*); активный переход существительных третьего склонения в первое (*на лошаде, в пече*); употребление устаревшей формы им. п. ж. р. мн.ч. местоимения он (*оне*), числ. один (*одне*) в отношении группы, включающей объекты лишь женского рода: *Потом уш пошли девочки: Манька да, Галинка да. Оне стали работать да. Потом стали выходить замужи*. В сфере морфологии глагола заметно использование глагольных форм многократного действия (*дом не живан «в доме давно никто не жил»*); формы инфинитива на -чи (*испечи*) в сочетании с выравниванием основы при спряжении *испекёт* (*Она не в пече пекёт, вот жарит на сковородке*); использование страдательно-безличного оборота с субъектом действия, выраженным сочетанием предлога *у* с именем в родительном падеже единственном числе (*у меня воды принесено*) и др. В области синтаксиса обращает на себя внимание употребление предлога *по* с неодушевлёнными и одушевлёнными существительными в винительном падеже в конструкции с целевым значением (*пошла по грибы*), а также активное использование частиц: частицы и союза *дак* севернорус-

ского ареала употребления (*А где, не в Сочах-то дак?; Там не жили, ретко, буди ковда холодно, дак начнёшь ночь одну*), грамматически уподобляющихся постпозитивных частиц: *-от* (комочек-от, рейс-от, это-от), *-то* (масло-то, себя-то), *-та* (Зоя-та, церкva-та), *-ти* (кроссовки-ти), *-ту* (в деревню-ту, свадьбу-ту) и др.), а также локально не ограниченных (*Надо смётану, надо её пихать в грилку да, пехать в печку да*). Характеризуя синтаксические особенности речи информанта, следует отметить, что преобладают неполные или односоставные предложения (*Дала ночлег; На море походим; Смешно как*), а также частотным является употребление предложений с однородными членами (*А скодили договорились с Васькой-то, бежали с работы да, переоделись бутто в город пошли гулять; Токо рано надо было вставать, двенадцать коров подоить, всех накормить, напоить, воды наносить им на всех, нагрить ошo котёл, вот*). Это в целом типично для синтаксиса устной речи, реализующей стремление к экономии словесных знаков в коммуникативной ситуации [Земская 1981].

Стоит отметить, что речь Нины Дмитриевны богата фразеологизмами (*всю дорогу ‘постоянно’*) и диалектными словами: *заскребать ‘сгребать сено’; эдакий ‘такой’; загородка ‘стойло для скота’; форсить ‘хвастаться, важничать’; канитель ‘тревога, беспокойство’; лино ‘даже’*. Можно выделить также индивидуальные особенности стиля, прежде всего, частый повтор слов, словосочетаний: *одна работа, работа; а потом коров взяла, коров; коров стала кормить дак коров свой, в своей деревне*. Часто употребляются слова *вот, дак, частицы: всево-то, дак вот, ну-ко, быки-то* и др.

Таким образом, на фоне общерусских черт, свойственных разговорной речи (фонетические стяжения, просторечные унификации немодельных образований по образцу регулярных склонений и спряжений, ситуативная неполнота синтаксических конструкций и пр.), в речи Нины Дмитриевны Шиловской весьма устойчиво реализуются типичные черты восточных севернорусских говоров в области фонетики, лексики и грамматики. Это свидетельствует о том, что наш информант весьма органично существует в системе местного говора, активно используя локальную форму речи в своём бытовом общении.

Мотивационная специфика диалектной языковой личности

Прагматический уровень языковой личности характеризуется при помощи описания целей, мотивов, интересов, установок информанта. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок её речевой деятельности к «осмыслению реальной деятельности в мире» [Караулов 1987]. При этом имеет значение спектр эмоций и набор речевых средств, используемых для их выражения (эмотивный уровень), а также акустико-артикуляционная партитура речи (репрезентационный уровень), определяющая речевую индивидуальность говорящего.

Описывая психологическую сторону речи Нины Дмитриевны, следует обратить внимание на следующие особенности. Женщина обращается с речью в том случае, если чувствует интерес собеседника к своим высказываниям. Бывают случаи, когда информантка осознанно контролирует поведение внуков (*А ты куда собралась? А Никита где? А куда он пошел? А с кем это он идет? А что у нево в руках?*), детей (*Люда дом продает, зачем и покупала; А Надя в гости пошла. А к кому? А Коля с ней?*), соседей (*Смотри, куда пошла; Опять он идет с ведром. Зачем оно?; А они часто в церкву-то ходят?; Саня и вечерам сахар не мериет*). Это выражается с помощью вопросительных предложений и использования глаголов повелительного наклонения (*смотри, иди, возьми, открои*). Нина Дмитриевна считает, что всем необходимо строить планы на будущее (*А, вот летом, когда отпуск будет? А, может, в мае вам лучше зделать?*), она старается обратиться ко всем родственникам и знакомым с вопросами о будущем, её интересуют все последующие события (например, кто, когда и на ком женился, сколько будет гостей на свадьбе и пр.). Все известные информантке события и изменения она пытается контролировать и влиять на ход событий, задавая вопросы (*А почему вы переносите свадьбу? А зачем? А чево? Нельзя в этот-то день? А кто сказал?*), предлагая свои варианты (*Работай лучше тут, там тебе негде; Живи пока здесь*), советуя, как правильно, на её взгляд, нужно поступить (*Сначала надо работать, а уш потом рожать; Не тратьте много-то денек; Ты сначала отучись, а потом о свадьбе думай*).

В беседе Нина Дмитриевна чаще всего использует повествовательную интонацию, отчётливо выделяя самое значимое, на её взгляд, слово в реплике (*Нельзя в этот-то день? А кто сказал?*). В конце предложения информантка использует завершающуюся тональность. Женщина очень часто любит задавать вопросы, проверяя и контролируя поведение собеседника (*А ты уходишь? А надолго?*). Если ответы не устраивают Нину Дмитриевну, она рассказывает все подробности возникшей ситуации тем, кто может на неё повлиять. В качестве примера можно привести историю о том, как бабушка долго не могла успокоить внука, а потом позвонила дочери и пожаловалась.

Говоря о темпе речи, следует отметить неторопливость высказываний информантки, использование вводных конструкций (*Видно, ведро завтра будет*). Снижение темпа речи нашей информантки происходит путём увеличения длительности гласных звуков и замедлительным темпом выделения синтагм. В речи Нины Дмитриевны присутствуют длительные паузы: женщина неторопливо обдумывает услышанное и сказанное (*Я говорю: «Вон, я буди сколь-нибудь дам денег и всё, я говорю» (Молчание). Пусь оне сами орудуют (Молчание). Надо бы окошка выкрасить, вот никак, видишь, никто. Не выкрасили у меня севогоды летом окошка*). В этом примере можно проследить тщательный подбор слов, обдумывание реплик и при этом ясное высказывание своих мыслей.

Под влиянием эмоций (радость, грусть, отчаяние, страх, печаль, восхищение) отчётливо прослеживаются синтаксические изменения.

1. Нарушение грамматической структуры предложения: *Им будет всё это житьё тут, огород хороший, всё хорошое...*

2. Сдвиг грамматически времён (женщина описывает действия, происходящие за неделю до беседы: *Не знаю... Я... Мы чё-то заговорили. Я говорю*: «*Нина сёдня смиряла у меня днём четырнадцать и три*». *Миша говорит*: «*У неё двадцать пять*», говорит. *Вот она сидит и всё вытирает и вчера была эдак, сидит и всё вытирает*. Глаголы, описывающие действия, происходящие в прошлом, употреблены в настоящем времени: *сказал – говорит, сидела – сидит, вытирала – вытирает* и др.).

3. Употребление однородных членов предложения, преимущественно дополнений и сказуемых: *И бумаги настриги мелче-мелче – они склюют, и скорлупши яицные клюют, и песку им надо давать, и корма какие вот куриные есть, надо покупать. Всё-всё идят! Курица, веть, что!*

4. Частое употребление лексических повторов: *Хлеба намни – съидят, и картошки намни – съидят, и крупы брось любую... Каша вот останется – они всю съидят, хоть какую кашу.*

Э.А. Нушикян указывает, что «эмоциональные коннотации обнаруживаются и распознаются в тексте благодаря эмоционально-оценочным прилагательным, существительным, глаголам, содержащим оценку в своей семантике» [Нушикян 1984]. Нина Дмитриевна активно использует оценочные прилагательные (бойкий, хороший парень; баская каша) и существительные (Баушка всё ошо бранила меня: «Кобыла и не носит и робят, кобыла и не носит». Потом как начала с одново-то ей. Как на: кобыла-то!).

Эмоциональное и неосознанное воздействует также на невербальные компоненты коммуникации, включённые в речь (мимику, жесты, фонации типа междометий и т. п.). Нина Дмитриевна активно использует невербальный компонент в своих рассказах. Говоря о внуках и правнуках, она улыбается, тон становится более доброжелательным и приветливым (*Давай, на колени возьму. Иди на колени; Ай, Федя-то как умеет!*); рассказывая о свёкре и свекрови, информантка волнуется, переживает, тон речи становится более нервным, напряжённым (*Первую-то Гальку-то лечила бабушка, любила, Васька-то рёвун был, так они ево не любили. Один раз я пришла как-то на минуту пришла, думала, где чё-то забыла, воротюся, а она высовывает... Нет, первый рас ещё не высовывает, он ешо маленькой был дак. В зыбке штё думаю, забежала скорея в комнату, а оне подушку на нево положили. Эй, на робёнка! Сами оба сидят, курят*). В разговоре о молодости и работе в колхозе Нина Дмитриевна очень активно жестикулирует, ей нравится рассказывать о прошлом.

Нина Дмитриевна очень любит находиться в центре внимания. Характеризуя свойственные информантке способы привлечения внимания собеседника, отметим следующие.

1. Употребление неизменяемых частиц, призывающих к действию: *Дай на колени возьму.*

2. Употребление глаголов второго спряжения: *Торопится, видишь?*

3. Употребление неизменяемых частиц, выражающих просьбу подтвердить, вызвать одобрение собеседника: *Видишь, какое красивое, да?*

4. Употребление глаголов повелительного наклонения: *А мы идём обето, да с чемоданам-то, да ночью-то, да тёмно-то, слушай.*

5. Употребление междометия, выражающего ненастойчивый призыв или побуждение к действию: *Всё, видно, вычерпали, ну-ко.*

6. Приведение ярких примеров. Говоря о жене внука, родившейся в деревне Байдарово, Нина Дмитриевна весело пропела частушки непристойного содержания: *Я сама-то из Байдарова / И дорога у меня, / Подберите товарочки, / Штобы я не померла.*

Говоря о речевом поведении информанта, следует отметить интерес Нины Дмитриевны к беседе (беседки были нормально, вот приехали мы в Сочи, др.), готовность поддержать разговор (ну-ко давай разберёмся; что я могу ещё сказать; др.), высказать свою точку зрения по любому вопросу (я думаю; тут будет лучше, если...), стремление подробно ответить на открытые вопросы (см. примеры в текстах расшифрованных записей). Характерной особенностью речи Нины Дмитриевны являются её неторопливые, наполненные примерами из жизненного опыта ответы на вопросы, выбор темы для рассуждения, стремление к диалогу, отзывчивость и открытость.

Большую роль играет тот факт, что любое непонятное слово, интересующее саму информантку, описывается и объясняется. Таков, например, следующий рассказ: *А прибежим, да ещё молоденькие-ти да на Угоры. Мы раньше ходили на Угорь вот летом-то. Это, знаешь, под окошком у ково-нинабуть красивое место. И вот тут плясали, тут и всё под окошком. Зимой-то наймовали бисетку окупить: с каждово человека по... для биседочки. Ну, ково дома матка не пускает ак, дак придёшь, у старухи какой пол вымоешь – она пустит. Биседочки сидели... А вот летом-то Угоры. Ой, так весело было! И гармони, и пляски, и никто не пьянней! Утром все опеть на работу, вечером опеть на гулянье. Слушай, и как вот всё хватало энергии, я не знаю! Питание у нас веть было, колхозное питанье: хлеб да, вода да, ну корова есть, ак молоко, супу наварит (суп-то варила она). Сначала-то худо жили, а потом-то стало лучше и в колхозе стали давать кое-чё; Бисетки были нормально. Вот придут... Окупили вот эдак (показывает рукой) дом на день, вот например. Я сиводни вечером отпросилась у бабушки, у какой-нибудь... У её большая изба, ничего в избе нет-ка. Ну, вот она меня пустила за то штё я вот ей то вымою полы, то потом чё-нибудь зделаю, зароботаю эти-ти деньги. Ну, вот и собираюца парни, девки, собираюца, сидят, пляшут. Весь вечер проводят тутоки. Ну, кадриль попляшут, да кружска попляшут, парни трёпака попляшут.*

Говоря о детях, она акцентирует внимание на проблемах, которые происходят «здесь и сейчас», не повествуя об их детстве: *А у неё и все работают и Таня выскочила, скорей ребёнка надо. Сама-то медик, дак могла*

бы и подзадержаца годик-два, покамест. Правда, ведь? Робёнок-то успеенца. А тут пошло всё на робёнка; Так у неё свекровка ешо в гостях. Досук ёй? Вот приезжали нарядные, так вчера токо уехала. Да они тоже с ссудой-то связались дак, да с домом-то да. Валька, вишь, торопит, а ссуду ешо не дают. Так они ошо...; Ира у нас вон с Серёжкой выложилися все с этой с Катёй, с этой Танёй, с этой Анёй. Все выложились: ни копья, наверно, ни стало. То одна придумывает одно, то вторая придумывает другое. Ане давали скоко денек на квартиру! Смотри, думали, хоть всё-таки жись будет, а ничево и жизни нетока. Тане свадьбу зделали, да тоже купила ей квартиру однокомнатную. Да мужик-от, Аня говорит: там мисиц поробит, да тут мисяц поробит-да. Токо с работы на работу, говорит. Так десить тысяч только дали дак. Это, может, врёт Тане-то! Таня и просит каждый мисиц у матки денек, а матка бегает зароботает, батько работает и все им посылают. Кате надо за квартиру там отдать, ну-ко. Эт-та пришла пьяная, с Колей выпили, дак ревёт: «Мама, пошёл так-то, пошёл так-то?»

Самые страшные воспоминания, связанные с первыми детьми (Галиной и Василием), информантка рассказывает, повторно переживая все негативные эмоции: *Один раз я пришла как-то на минуту пришла, думала, где чё-то забыла, воротюся, а она высовывает... Нет, первый раз ешё не высовывает, он ешо маленькой был дак. В зыбке штё думаю, забежала скорея в комнату, а она подушку на нево положили. Эй, на робёнка! Сами оба сидят, курят. Я поглядела, он уш... Всё уш, сейчас бы удушился. Ой, я заревела, схватила его, откачала, слушай. Я говорю: «Я отхожусь на работу, если чиво сделаецца с робёнком... Я там Васе сичас скажу, он придёт, проверит». Вот так первый раз спасла. Потом забоелися боле. Второй раз уш он заходил. И чево-то видно старуха-то осердилася на нево... Вот тоже я эдак: дошла до Саньки опять чё-то забыла. А она оболочечку ему высовывает. Я говорю: «А где Васька-та?» Всё сама убежала, опять со стариком сидят, курят. Ходь бы штё, слушай!*

Годы, совместно прожитые с мужем, строительство нового дома, хлопоты, счастливые переезды упоминаются лишь несколькими словами: *Да дом-то весь ремонтировали да... Ой, у нас тут было работы-то куча с ним... А потом проробили, у меня Галька родилася, в Козловке-то... Токо мы... Я в Козловке и родила в феврале. Приехали с робёнком, бабушка любила Гальку. Нормально водилися, она ничего, спокойная была. Потом я забеременила да, Ваську родила. Васька-то неспокойной был, рёвун такой... Им опять не понравилось... А у меня робёнок за робёнком покатили ошо (смеётся). Опять в декрете, опять рожсаю. Пять штук нарожала, в маслозаводе-то долго я работала, годов шессы, наерно.*

На прагматическом уровне языковой личности важна характеристика мотивов и целей, движущих развитием языковой личности, её поведением, созданием её текстов и собственно формированием иерархии смыслов и мировоззрения в целом.

«Мотив – динамический процесс физиологического и психологического плана, управляющий поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость. В российской науке часто определяется как “определенная потребность”» [Леонтьев 1969]. Основными мотивами Нины Дмитриевны являются: индивидуальная мотивация (поддержание гомеостаза: голод, жажда, избегание боли, поддержка оптимального уровня сахара в крови и артериального давления), групповая (забота о родных и близких). Мотив самоутверждения – стремление утвердить себя в социуме, ярко представлен в поведении Нины Дмитриевны: ей нравится чувствовать себя самостоятельным человеком (*Сама всё пошла, сама кормила, сама и гоняла*), заботливой мамой (*Ой, берите, берите! Ничего не жалко!*), хозяйкой дома (*Нет, я сама всё... Тут же ни хватит...*), доброй бабушкой (*Чорнишник... Вот тоже увидишь. Всё покажу сразу. Только там тесто надо на дрожжах...*), хозяйственной женой (*Хто? Вася хлопотать никогда и не мог, всё сама я, всё сама. Сама пошла*). Воспитание шестерых детей сформировало в информантке мотив власти: стремление контролировать сложившуюся ситуацию, влиять и изменять ход (*А ты куда? А надолго? А зачем? А не ходи!*). Таким образом, в процессе становления личности у Нины Дмитриевны отчетливо сформировалась внешняя мотивация (мотив власти, самоутверждения, индивидуальные мотивы).

При характеристике речевого поведения информанта обращает на себя внимание классификация личности и ролевого поведения в ситуациях общения. Речь идет о так называемых типах ДИТЯ, РОДИТЕЛЬ, ВЗРОСЛЫЙ (по [Караулов 2010: 212]). Нина Дмитриевна в разных коммуникативных ситуациях демонстрирует разный тип поведения. В общении с внуками и внучками информантка ведет себя как заботливая бабушка, РОДИТЕЛЬ: *Давай на колени возьму. Иди на колени; Нет, я сама всё...; Там всё делали делали, потом этот дом стали делать. Это столько работы! И всю жись так в работе.* В разговоре со сверстниками женщина проявляет себя как ВЗРОСЛЫЙ (контролирует свои эмоции, опирается на логический анализ): *А где будите косить? Там ещё не скосено?; Дождь-от льет, так сено-то намокнет.* Во время тяжелого состояния, болезни, высокого давления Нина Дмитриевна проявляет некоторые черты, которые характеризуют ДИТЯ: *Не хочу пить молоко! Дайте мне этот пирожок!*

При характеристике языковой личности интересным представляется приведение аргументов в диалоге. Приведём пример:

– Ну дык веть. Я вот не гляжу, дак хорошо. А она токо сидит, вытираета, у её пот градом. Нина, пот градом, это сахар большой, да? Она говорит: «Двадцать пять сахар».

– Бабушка, это плохо.

– Конечно, плохо.

– А чего, ей укол не поставить что ли?

– Ак она говорит: «Мне-ка токо сказали два раза в день: утром да вечером уколы ставить».

- Так может надо побольше ей ставить?
- Так итак, гоорит, чё-то четырнацать единиц ставит.
- За один раз?
- Так видно, за один. А ты сколь единиц ставишь?
- Как поела, так и ставлю. То по два, то два, то три.
- Ак тебе как эдак велено, али ты сама это? Сама? Ну-ко...
- Нет, мне сказали...

(Перебивает.)

– Там ведь тебе дали, она гоорит. Мне-ка ведь дали, сначала говорит, десять выписали, ну-ко единиц, потом гоорит, две прибавили, потом аще гоорит две прибавили. «Теперь, – гоорит, – четырнадцать ставлю». Я не знаю, какие еденицы-то там бывают.

– Мне как врач научила, так я так и ставлю. Там, ведь, бабушка из расчёта: 1 хлебная единица – 1 кусочек хлеба.

– Ак, ведь, ты али считаёшь хлебные еденицы? Считаёшь?

– Да.

– Ну вот ты чаво поела, хлебных едениц скоко тутока? Яйца, да помидоры да, да блины, да и сгущонка!

– Сгущёнка – это больше, то есть..

– И скоко ты насчитала?

– Блин – это одна хлебная еденица, то есть, считай, три хлебных еденицы. Поставила укол.

– Три еденицы ставишь? Интересно... А у них вот эдак, Санька гоорит. А Маня Шушкина гоорит тоже болела, но она уже умерла. Тридцать на-раз ставила.

– Что-то, бабушка, не то здесь.

– Как она Санька правильно гоорит. Её привезли, она уже всё, это... Потом, гоорит, откололи в больнице. Потом она, видно, выписали из больницы-то её, видно, опять што-нибудь наелась, ли што ли, ак. По тридцать гоорит, она едениц становила.

– Так в кому можно, если так много ставить сразу...

(Бабушка смеётся.)

– Не знаю... Я... Мы чё-то заговорили. Я гоорю: «Нина сёдня смиряла у меня днём четырнадцать и три. Миша гоорит: «У неё двадцать пять», гоорит. Вот она сидит и всё вытирает и вчера была эдак, сидит и всё вытирает.

– Ей надо двигаться.

– У её всё слушай потом, всё потом...

– Побежала бы по стадиону – пять кругов! Сразу бы десять...

(Бабушка перебывает.)

– Ак у её ноги болят. Ходила, гоорит, сёдня в Энерго-то, далёко ведь. Так пешком ходили, гоорит. Посыпала его (мужа), гоорит, не идёт один дак. Коё-как, гоорит, сходила, у её нога болит тоже этак. Вот и сидит тутока на диване. Я пришла, посидили малёнешко с ней.

В данном диалоге представлено описание протекания сахарного диабета у подруги нашей информантки Александры.

Прокомментируем степени аргументации обоих сторон:

I (0) – исходный тезис Нины Дмитриевны. Констатация факта: у Александры высокий уровень сахара в крови.

II (А) – Ответ собеседника, констатация факта: «Это плохо».

III (Б) – Информантка соглашается с собеседником.

IV (А) – Вопрос собеседника: «В чём проблема?»

V (Б) – Оправдание подруги: «Следует рекомендации врача».

VI (А) – Вопрос: «Может, следует изменить ход лечения?»

VII (Б) – Ответ информантки: защита подруги. Переключение внимания на ход заболевания собеседника. Беседа о подсчёте хлебных единиц.

VIII (Б) – Оправдание подруги. Физические упражнения противопоказаны, к врачу обращались, а показатели не меняются.

Таким образом, при характеристике этой полемики следует обратить внимание на упрощённость конструкции: приведение логических доводов Нины Дмитриевны не меняют ход конструкции, каждый остался при своём мнении.

Характеризуя индивидуальные проявления языковой личности Нины Дмитриевны, хотелось бы отметить на следующие черты:

1. Увеличение числа пауз.

2. Сокращение длины и упрощение структуры предложения: *Она там кому-то позвонила, ли чево ли. Повёла нас: «Подёмте». Дала очек. А мы после дорожки-то устали. Я гоорю: «Пойдём вымоемся». А время-то было позно. Галя-то, видно, успела, помылася ешо и тёплая вода шла. А мне одна холодная пошла* (смеётся). Всё, видно, вычерпали, ну-ко.

3. Частое употребление диалектных слов.

Нина Дмитриевна – прекрасная мать, хорошая хозяйка, добрая и заботливая бабушка и прабабушка. Её очень любят родные и близкие. У информантки есть подруги, часто навещающие её, рассказывающие о своей жизни и слушающие её. Движущей силой, способной дать надежду на светлое будущее является православие и вера в Бога. Очень часто в своих высказываниях Нина Дмитриевна, сама того не замечая, упоминает Бога: *Ну, вот видишь, и всё, Баслови Христос; Господи, гоорю, как мы с тобой насилились, потом-то уш, когда пожили маленько. Галька, как мы и насилились ехать с тобой!*; *Мама всё думала, штё я последняя, дак меня бог приберёт. А я не умёrla! Гли-ко, ещё своих потомков, робят нарожала и внуков у меня полно! Вот как. А вот уш правнуки идут! Слава богу! Господь не обижает; И тебя, ведь, тоже с празником! Севодня празник-от общий! Севодня не для однех матерей, для всех. Это Рождество Пресвятой Богородицы дак. Пресвятая Богородица, наверно, родилась в этот день дак. Это всеобщий празник так-то. Божественный. Великий; Ой, Господи, помилуй!*

В комнате Нины Дмитриевны есть красный угол, в котором представлены иконы. Информантка молится утром и перед сном, перед каждым и

после каждого приёма пищи, благословляет внуков на долгую дорогу, снимает «переполохи» с испугавшихся внуков, рассказывает им о боге. Нина Дмитриевна, несмотря на заболевание поджелудочной железы, строго соблюдает пост, соблюдает все традиции православных праздников. Дети и внуки Нины Дмитриевны тоже солидарны с ней в вопросе веры.

При характеристике движущих сил языковой личности Шиловской Нины Дмитриевны следует обратить внимание на «Сон об умерших детях»: *На всю жизнь запомню... Очень он интересный... Мама три дня пересматрала... И увидела сон такой. Бутто, как она на том свете, ходит и видела свое мужа, бутто он сидит, читает книгу... И потом говорит, бутто идет, а поляна баская, а на ней ребятишки бегают... Много ребятишек, ну-ко они умирают, дак тоже там... Вот я, говорит, подложу и говорю: «Нет ли моих-то ребят у меня?» А у неё, ведь, умерло тоже два ребёнка, маленьких... А её заведущая говорит, в белом халате: «А вон, там тоже поляна, там тоже бегают»; На этой моих нетока, пошла дальше. Иду, говорит, на вторую поляну. Ой, говорит, вот, кто, говорит, одет, в носочки одни, либо в тряпочки другие. Ну-ко раньше в тряпочки закутвали. Они все, говорит, и разложились штучки-то. А кто, говорит, в ботиночках, тот в ботиночках и бегает. Я, говорит, взяла своих ребятишек: одново на одну руку, другова на другую. И пошла. Как только, говорит, первые двери прошла, вторые двери, говорит, стала проходить. Они, говорит, у меня голупкам зделались. И улетели. Оба. Осталася одна, проснулась. Замечательный сон. Голубям нужно всё бросать. Это дети наши маленькие. Выкидыши делают, abortionы делают. Голупки – это эти-вот, всё. Хороший сон («Сон об умерших детях»).*

В этом тексте отражено мировоззрение Нины Дмитриевны. Она часто любит повторять: *Голуби – это наши дети*. Это влияет на поведение информантки: в Череповце Нина Дмитриевна каждое утро ходила кормить голубей, в Никольске информантка подкармливает голодных животных, помогает бедным, защищает обездоленных. Такое поведение подтверждает православное воспитание, веру в Бога и высшие силы справедливости на земле. Рассказывая сны, Нина Дмитриевна обозначала, что среди них есть правдивые, вещие, которые полностью исполнились: *Вот всё гадали, да гадали: то кольцо пехнем, то это пехнем. Вдруг суженый к нам придёт. И вот. Я хожу, бутто, в лесу. И с ёлки какой-то звук. Я остановилась, смотрю на ёлку. Вот, тоже не забыть ево в век. И вдруг с ёлки спускаець молодой юноша. Во всём чёрном, в костюме. В тиджачке, красивый такой, хорошенъкий. «Ну, – говорит, – я твоя судьба». А я испугалась и говорю: «Так как это? С ёлки-то?» А он мне: «У меня в лесу дом». Ну, што? Вышла за рабочего, за лесоруба. Видишь, сон-то какой. Тоже хороший сон, не забываю никогда («Сон о лесорубе»). Муж Нины Дмитриевны Василий Васильевич всю свою жизнь занимался лесом.*

Приведём ещё примеры рассказов о сбывающихся снах: *А на днях я маму видела. Идём мы от Жиганихи-то. Только выходим: мама располагаець на кушетке. Кушетка на улице. И мама лежит. Я говорю: «Мама, ты пошто*

тут-то лежишь? Пошли домой-то!» Она кушетку забирает, я, бутто, тюфяк забираю. А Вася встречает и говорит: «Ой, Дмитревна, проходи, проходи!» Мама осталась на улице и Вася на улице. А я одна дома. А назавтра брат умер. Это меня-то в дом пустили, а мама и Вася там остались. А назавтра Толька умер. Сон в руку оказался («Сон о маме и брате»); Вбегают и говорят: «Дмитревна, тебя к телефону!» А я: «А кто, басловесь?» А звонили к Жигановым, к Рыковановым раньше звонили-то... Я бежу к ней на телефон. Я прихожу. «Нина Дмитревна?..» Я говорю: «Да». – «Это с Пермаса, с почты говорят...» Я: «А чево надо-то?» Мне: «А у тебя брат умер...» Я: «Как умер? Толька-то? Как брат-то должен умереть, он здоровый и никто никогда не говорил, что он болеет?» Мне: «А ево машина сбила... Дорогой... И до смерти...» Я иду домой-то Витя и бежит. А сон оказался правдивым... («Сон о роковом звонке»).

Таким образом, в жизни Нины Дмитриевны происходили события, отразившиеся в её снах.

Ещё одной интересной особенностью информантки является вера в приметы:

- *Тепере ужне купаюца.*
- А мы сегодня пойдём.
- *А?*
- Сегодня пойдём с Никитой.
- *Севодни?*
- Да.
- *Так август! Теперь конский волос плывет!*
- Какой конский волос?
- Ну, говорица, что какой конский волос какой-то. Всё раньше нас тоже страшали.
- Так это чево такое-то?
- *Не знаю я чево и сама!*
- Откуда, бабушка, конский волос?
- *Я и сама не знаю. То говорят, штё нельзя купаца. После второго августа, после Ильина дня нельзя купаца. Написано в численнике.*
- Почему?
- *Не знаю вот, почему. Потому штё вода тепере холоднее стала. Но-чи холодные и вода долго нагреваецца.*

Нина Дмитриевна искренне верит, что «в озерах (прудах и реках) обитает конский волос. То есть, существо, среднее между червяком и пиявкой. Он, если кусал человека, то сразу попадал в вену и добирался до сердца. Никакая медицинская помощь, кроме самой экстренной не могла спасти человека от неминуемой смерти».

Нина Дмитриевна как коммуникативная личность использует в речи свой спокойный, уравновешенный коммуникативный стиль. В качестве доказательства можно привлечь расшифровки аудиозаписей бесед с информанткой; видео- и аудиозаписи.

Профессор Людмила Юрьевна Зорина с участниками Режской диалектологической экспедиции 2009 г.
(фотография из архива Л.Ю. Зориной)

Дорога в Реже по-прежнему ведет к храму
(фотография из архива Алексея Зорина)

*Баня на берегу реки Режи
(фотография из архива Л.Ю. Зориной)*

*Предметы народного быта из режской музейной экспозиции
(фотография из архива Л.Ю. Зориной)*

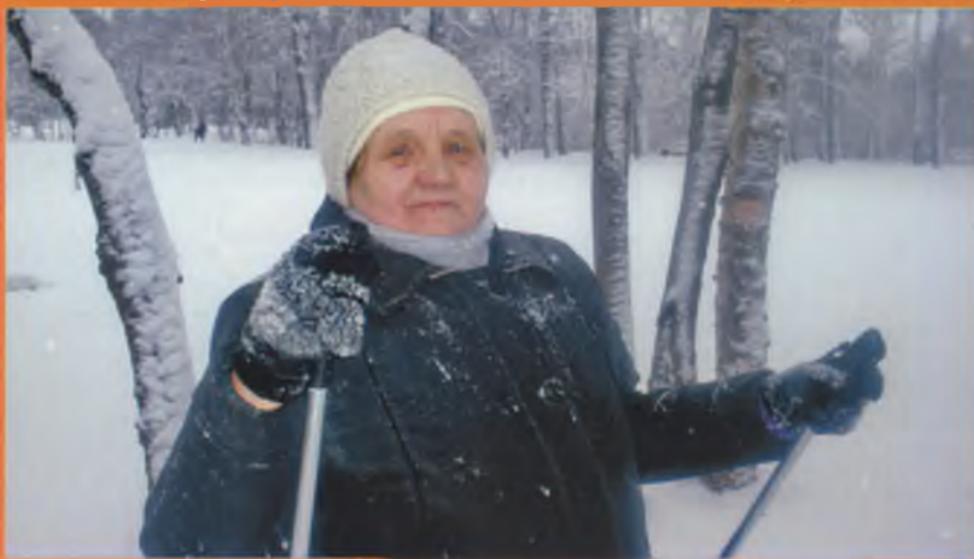
*Калистенья Павловна Черепанова с внуком
(фотография из архива Л.Ю. Зориной)*

*К приходу гостей у режсаков всегда накрыт стол
(фотография из архива Алексея Зорина)*

Нина Дмитриевна Шиловская
с мужем Василием Васильевичем Ниловским и детьми
(слева направо: Раиса, Галина, Василий, Ирина). 1967 г.
(фотография из семейного архива Н.Д. Шиловской)

Нина Дмитриевна Шиловская во время лыжной прогулки, 2007 г.
(фотография из семейного архива Н.Н. Зубовой)

Maurizio Guiso

Актриса Марина Алексеевна Ладынина
в роли вологодской свинарки Глаши Новиковой
(кадр из фильма реж. И.А. Пырьева «Свинарка и пастух», 1941 г.)

Домашнее застолье, 1950-е гг. (из семейного архива Е.Б. Ильиной)

Новогодняя ёлка, 1987 г.
(фотография из семейного архива Ю.Н. Драчёвой)

Письмо Деду Морозу в Великий Устюг, 2015 г.
(фотография из семейного архива Ю.Н. Драчёвой)

*В гостях у Деда Мороза в Великий Устюг 2006 г.
(фотография из семейного архива Ю.Н. Драчёвой)*

*В гостях у Санта-Клауса в Рованиеми Финляндия, 2015 г.
(фотография из семейного архива Ю.Н. Драчёвой)*

Нина Дмитриевна владеет индивидуальным запасом вербальных и невербальных средств для актуализации информационной, экспрессивной и прагматической функций коммуникации (лексика, мимика, жесты); умеет варьировать коммуникативные средства в процессе коммуникации в связи с изменением ситуативных условий общения (с родственниками из деревни чаще использует в речи диалектизмы; с внуками, приезжающими из Череповца, Санкт-Петербурга, старается избегать употребления диалектной лексики); строит высказывания в соответствии с нормами избранного коммуникативного кода и правилами «речевого этикета» (повествовательные и вопросительные конструкции, рассказы о событиях в прошлом, оценивающие и осуждающие рассказы).

Таким образом, на прагматическом уровне Нина Дмитриевна реализует себя как мать и бабушка, проявляющая заботу о своих родных и близких людях, стремящаяся соблюдать сложившиеся в обществе нравственно-этические нормы, в том числе и узуальные нормы речевого поведения.

Литература

- Архипова Н.Г. Концепт болезнь в русских говорах Приамурья // Вестник АмГУ. – 2002. – № 16. – С. 83–88.
- Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян: монография. – Л.: Наука, 1983. – 192 с.
- Басова Л.В. Концепт «Труд» в русском языке (на материале пословиц и поговорок): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тюмень: ТюмГУ, 2004. – 19 с.
- Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм): монография. – М.: Индрик, 1998. – 236 с.
- Демидова К.И. Диалектная языковая картина мира и особенности её презентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. – СПб.: Наука, 2008 – С. 68–76.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис: учебник для вузов. – М.: Наука, 1981. – 464 с.
- Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности: монография. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – 312 с.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность: монография. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность: монография. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
- Карачева Н.Н. Речевой портрет Нины Дмитриевны Шиловской // Вестник НСО. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 12. – Вологда, ВоГУ, 2014 – С. 21–25.
- Карачева Н.Н. Особенности вербализации диалектной языковой личности Нины Дмитриевны Шиловской // Материалы VIII ежегодной научной сессии аспирантов и молодых учёных по отраслям наук. – Том 2. Педагогические науки. Гуманитарные науки. – Вологда, 2014. – С. 320–323.
- Коган Л.А. Народное миропонимание как составная часть истории общественной мысли // Вопросы философии. – 1963. – № 2. – С. 92–94.
- Кряжева А.Л. Особенности вербализации понятия «child / ребёнок» (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М.: МГУ, 2009. – 21 с.
- Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность: монография. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.

Маслова О.И. Концепт детства в научной и художественной традициях XX века: дис. ... канд. филол. наук: 24.00.01. – Ярославль: ЯГПУ, 2005. – 206 с.

Нушикан Э.А. О сопоставительном исследовании акустических характеристик эмоциональной речи // Актуальные вопросы интонации. – М. – 1984. – С. 29–43.

Русская диалектология: учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / под ред. Л.Л. Касаткина. – М.: Академия, 2005. – 288 с.

Тюленинова Л.В. Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Волгоград: ВГППУ, 2008. – 248 с.

Список сокращений

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ / ВГППУ, 1983–2007.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24–46), С.А. Мызников (вып. 47). Вып. 1–47. – М.-Л.; СПб.: Наука, 1965–2014.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

ТС – Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия. – 1935–1940.

1.2.2. Расшифровки аудиозаписей бесед с Ниной Дмитриевной Шиловской

Представленные расшифровки бесед с Ниной Дмитриевной Шиловской были выполнены Н.Н. Зубовой в течение 2013–2015 гг. Записи делятся на три тематические группы: «Биографические рассказы» (6 текстов), куда вошли воспоминания информанта о детских и юношеских годах, семейной жизни, поездках и пр., «Беседы и диалоги» (24 текста), отражающие отдельные аспекты коммуникативного поведения Н.Д. Шиловской, и, наконец, «Рассказы о снах» (10 текстов). Последняя группа текстов представляет собой реализацию фольклорного жанра «рассказ о сне», исследование которого на материале диалектной речи весьма актуально в последнее время (например, фольклорные и диалектные тексты о сноведениях изучают М.Л. Лурье, А.В. Черешня, Е.В. Сафонов, Г.В. Юлдыбаева и др.), сам же сюжет «вещего сна» является одним из архетипических в мировой культуре.

Тексты расшифрованных аудиозаписей оформлены следующим образом. Речь информанта представляет собой упрощённую фонетическую транскрипцию, отражающую особенности диалектного произношения Н.Д. Шиловской. Для выделения речи Н.Д. Шиловской используется курсив, в скобках указывается комментарий неверbalного поведения информанта. Реплики собирателя (в данном случае собеседником выступает Н.Н. Зубова) даны в литературной записи, прямым шрифтом.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

О детстве

Деревня наша большая была, хорошая была, работали все хорошо. Как запомню с детства, дак всё одно: одна робота, робота. Маленькие ошо, отучимся только штё, и скорые уш навоз возить, да на лошадях, да боронить вот летом, да сено заскребать. Всё это пацаны вот эдакие делали. А я и всево-то кончала семь классов. Дак вот. Подумай-ко.

О работе в колхозе

А отучилась семь-то классов, стали... Уж год отработала так-то, а тут стала телят маленьких набирать из-под матки. Набрала телят, двадцать один телёнок был. Сама всё поила, сама кормила, сама и гоняла. Все дни гоняёшь, вечером напоишь, накормишь, в загородки розгонишь их и домой. Отдохнёшь, а утром ранёхонько опять надо всех напоить.

А семь классов вот кончила. А ты вот представь сама себя: велика ли ты была, например? Мы не с семи годов-то учился, а с девяты, наверно. Раньше, ну-ко, с девяты ходили.

Ну и вот, три года и вот эдак и кормила скота всё, а ошо от деревни ту у нас двор-от был за километр. Надо ходить утром и зимой вот эдак, и зимой бегать надо, вот и дороги занесёт и всё, а километр целый надо идти до двора было. И всё вот ходили эдак. Я бы вот теперь вам всё показала тут: где был у нас скотный двор, где мы пасли телят, где мы чиво. Так видишь, сейчас уш некогда. Стара стала, не получаю ничево.

Ну, а потом коров взяла, коров. Коров стала кормить дак коров свой, в своей деревне. Тут уш бегать-то не надо было, коровник был тут, рядом. Токо рано надо было вставать, двенадцать коров подоить, всех накормить, напоить, воды наносить им на всех, нагрить ошо котёл, вот. Да три скотницы у нас было во дворе, да тридцать шесть коров у нас было, да всем по быку. А быки-то, знаешь какие большущие были, временные. Временные, знаешь, большие-то такие, так лино страшно заходить в загородку-ту. Одну скотницу у нас и истолк бык-от один. А я-то маленькая дак, под если буди залезу, как он будет форсить-то или штё-ли, зухаю на него дак, сама под если. Ведь надо и выпрятать у них всё из загородок-то и всё сделать надо. Вот так. Потом зимой-то... Сколь я их кормила... Я гонеть-то коров не гоняла, я токо взела осенью, а зимой-то вот у меня и приехал Василий-то мой.

О личной жизни

А зимой-то вот у меня и приехал Василий-то мой, да на машине, да и увёз. Сразу увёз, просто, сразу просто увёз. Два мужика да он. Троё. «Не подёшь, ак завяжом сейчас, да свяжем, да увезём» – говорит. Смеху было

тохда! А я токо со двора пришла. Мама говорит: «Какая-то машина идёт, Нинка, и по снегу, — говорит, — под окошко!» А он вездехода взял, машину-ту, грузовая, вездеход была, да и вот и подкатил. И увёз, так я коров и остила, и больше я этова ничово и не получала. Не знаю. Дуня у меня всё тут, молодица-та тут. Она и за год всё, зароботок мой получила и всё. Ничё мне-ка и не дала. А теперь вот зовёт в гости всю дорогу, а я как вздумаю дак и не охота. А бабушка-то да дедушко осердилисся оне, Васька-то, видно, насыпал, что годовоё будет, дак ей дадут чё-то, сена да всё. А Дуня нам ничё и не дала. Вот оне и заорали на меня, забралилися. Да... Мисяц я не робила, а через мисяц устроилась в больницу санитаркой, истопишиком ошио перво, истопишиком — печки топили, ак дрова носили, воду носили тожо. А потом уж в летний период санитаркой стала робить. Вот так. А после санитарки я год отробила и потом он тожо опеть... Я, когда оне бралилися-то да всё дак, мы как разошлися с ним: я ушла на квартиру, к Насте Брызгаловой, оттуда работать ходила, а он дома жил. А потом его направили в Козловку работать, он опеть забегал, заходил, горит: «Поидём, да поидём опеть жить». И туды уехали. Ой, канители было... Потом сезон-то отработали, зиму-то там на лошадях я ездила, и он на лошаде, лес возил. Длинный лес, шестиметровку лесу, сами и грузили на сани, на эдакие вот, знаешь, какие сани-те были, как называть их... сама не знаю как. Нагружали, да на рёку и возили, полутора рейса токо делали до реки-то, за Козловкой река-то туда, ну-ко на берег туды дак. А рейс-от увезём на рёку, а второй-от рейс до Козловки. Назавтра запрягаем да до реки довезём и ошио рейс делаем. В два дня у нас три рейса получалось. Вот так, работали. Потом надо ему всё уш, поехали опеть к ним, к старикам, опеть к старикам поехали. Штё тамока у них... Летом-то на Кирпичку устроилась, на Сушильный завод мы устроились. Стали на Кирпичном работать, кирпичи делать. За рёкой дом, так к Гале-то пойдёшь на угор дак, тут вот, кирпичной-то дом, передом стоит, построили. Вот и опеть ходили по сменам, по сменам всё ходили. Работали, лето проробили, на козлуху им наготовили сена опеть...

- На чего наготовили?
- Сена.. Козлуха-то, они держали козлуху, так сена наготовили да, поросёночка выдержали да. Мы покупали, а бабушка кормила-то.
- А где вы, бабушка, жили? А где жили?
- Мы-то? Мы на Володарской-то, в том доме. Дом-то знаешь, ведь?
- Да, да...
- Ты-то там, ведь, не жила.
- Нет, я там не жила.
- Нет, не жила. Вот, на Володарской-то, в этом доме. Да дом-то весь ремонтировали да... Ой, у нас тут было работы-то куча с ним... А потом проробили, у меня Галька родилася, в Козловке-то... Тако мы... Я в Козловке и родила в феврале. Приехали с ребёнком, бабушка любила Гальку. Нормально водилися, она ничего, спокойная была. Потом я забеременила да, Ваську родила. Васька-то неспокойной был, рёвун такой... Им опеть не

понравилось... Ну, старикам дак я понимаю, что теперь вот я токо поняла, что не нравится. Конечно, дети.. им, ведь спокой нужен, а маленькие дети... А дедко-то, Серёжка-то у её больной был тоже дак. Вот, опеть нас погнали...

— Куда вы ушли?

— А хоть куда идитё! Куда, ихней дом. Сказали уйти, так идите хоть куда! (Смеётся) Потом он в Высокинский лесопункт, на это, вальщиком леса... Там дали квартиру нам, а дали квартиру в бараке, под десять семей. Десять комнат: по той стороне пять комнат, коридор посередине и по этой стороне пять комнат. Вот так он расположен барак, десять семей ешо. Пять по той, пять по другой. Нам дали комнатку угловую... Приехали мы, привёз он. Он поработал мисяц один тамока это. Как дали комнату-то: он привёз миля (охает), ни дровины-то, ничё-то нет, да козлуха у мёня была, дак я свою козлуху купила для робят-то, молоко-то. Никуда нечё и девать, хоть куда... Я гоорю: ни хлева, ничё не нашёл. Чё он нашёл? Потом кто-то нам, тётка одна хлев дала. Мы туды козлуху пёхнули, дров одна охапку дала, печку натопили. Вот у нас ящик был ис-пот фанерной, мы в ящик, кое-чтё привезли вот в нём тожко дак. Ящик, этот ящик, закрывался он фанерой, фанерной весь, сварили чугунчик картошки. Вот и стали всё равно жить, потом отошло опеть у её всё это. Дедко-то умер, дак и поумней маленько стала она, стала меньше ругаца-то.

(Молчание.)

— А у меня робёнок за робёнком покатили ошио (смеётся). Опеть в декрете, опеть рожсаю. Пять штук нарожала, в маслозаводе-то долго я работала, годов шессы, наерно. Не отпускали оттуда-то, потом Павлов вызвал, в райтом-то, сбыт-то стала организовывать; кладовщиком меня и вызвал, а Васю на машину, на семёрку вызвал. Туда и перешли. Там-то мы стали зарабывать поболе. Вот стали всё исправлять: гараж построили, баню построили, дровеники построили, всё-всё там построили. Потом она уш как-то стала намириваца прописать Ваське, дескать, дом. «Вася, давай, ходи, хлопочи». Хто? Вася хлопотать никогда и не мог, всё сама я, всё сама. Сама пошла. Пришла в «Нотариус», да Зоя мне и гоорит (Зоя знакомая была хорошая, Зоя Медведева. Медведева или как фамилья-та? Арсеньева. Арсеньев её был этим, судьёй, а она была нотариус, наверху тут. Ну и, потом шё мы, этова... Стали уш получше жить...), она гоорит, нашла дела-ти и гоорит: «А у вас итак половина одна, — справки-ти принесла дак, — У вас половина итак дома-то на ём, на Васе». Я гоорю: «Как половина? Серёжина да ѹеённый дом, Васи нетока ничево!» А она гоорит, Зоя-та: «В документах никакова Серёжи нет, а только бабушка Анна да вот Василий. Так вот она вторую половину токо вам и прописывает, а одна итак была». Я гоорю: «А мы-то три раза уёзжали: она выгонит, опеть поехали». Она гоорит: «Надо было перегородить и жить во второй половине и всё. Чё, Нина, спать захотела? (Обращается к двоюродной сестре).

— Нет.

– Недосыпаешь ак.

(Нина, родственница, 20 лет, присоединяется к беседе.)

– Чё, Нина, ты, походу, в баню-то не успеешь?

– Сходитё, погодите.

– Там ещё дядя Коля чё-то во дворе ходит дак.

– Чё она гоорит?

– Папа ушёл во двор.

Об отце

(Фон записи – караоке.)

– А на какие, бабушка, он до этого на две войны ходил?

Перебивая.

– А я не знаю, какие войны были. Мама гоорила, ак я не знаю. Я не помню... Я трёх годов, вот он ушёл на эту последнюю-то войну, дак была. Три года. Остаил трёх годов да и всё. И всё. Больше и не видывала...

Поездка в Сочи

– В Сочи поехали, обе ничево не знаем. Вечером сели тамока с самолёта на автобус это до самого Сочи. Едем жарко-то, а мы в шубах приехали, спотели-то, слушай. А дорога-то какая-то извилистая и долгая, долго ехали мы. Приехали: теметь там, темнувшая, не знаем, куда и итти. Высадил автобус-от, а мы не знаем, куда и итти. Господи, гоорю, как мы с тобой насмиились, потом-то уш, когда пожили маленько. Галька, как мы и насмиились ехать с тобой! Ничево не знаем, нигде обе и поехали. А спросили тут ково-то, идёт: «Где вот тут ково-то это, санаторий «Москва?» Нам сказали: «Идите этой тропинкой». А знаешь, там всё такие аллеи, а тут всё кусты, всё везде кусты. Вот эдак идёшь в аллее, ак всё везде кусты с обеих сторон. А мы идём обе-то, да с чемоданам-то, да ночью-то, да тёмно-то, слушай. Я гоорю: «Вот кто-нибудь бы в этих кустах застегнул и никто бы не узнал!» Например, хто откуда приехал, да? Токо бы потом по паспортам нашли, паспорта-ти у нас с собой. Идём тихонько, слушай, идём, идём, идём, идём. Штё-то далёко идём, всё по этим аллейкам. Потом видим: стоит дом такой (шоказывает руками), мы пошли, надпись: «Санаторий Москва». Я гоорю: «Это этот санаторий «Москва», мы приехали?» Как барак большой, слушай. Вот, заходим, сели, оддохнули. Всё эта тутока записывает.

Я гоорю: «Мы в санаторий приехали, дак нам бы ночевать где-то». – «Ак у вас с завтрашнева дня». – «Дак у тебя, вот эт-та и будем ночевать. С завтрашнева дня, дак штё мы, приехали в эдакую даль дак? Уш, уидем раньше на день».

Она там кому-то позвонила, ли чево ли. Повёла нас: «Подёмте». Дала ночник. А мы после дорошки-то устали. Я гоорю: «Пойдём вымоемся». А время-то было позно. Гаяля-то, видно, успела, помылася ешо и тёплая вода

шла. А мне одна холодная пошла (смеётся). Всё, видно, вычерпали, ну-ко. Ну, я холодной окатилась, пришла, ой, как взбодрилась холодной-то водой. Выспались, а утром пошли на завтрак, знакомица тут пошли да, потом ко врачам, да на процедуры да. Вот так и жили, как. Все процедуры пройдут, а мы пойдём на море, сходи с ней. Мы всё вдвоём ходили. На море походим. Вот идёшь, слушай, смотря какая погода там тоже. Вроде, идёшь сейчас сонце, всё хорошо, зонта не взяли, ничё не взяли. Вдруг дорогой пошёл дошь, слушай. То пошёл снек. Погода у их такая. Да, ну ребята, батюшки! А я-то в шубе уехала, а Галя-то хоть пальто, ну-ко у её было эдакое. А мне куда я выйду-то шубе-то, пришлось идти покупать пальто. Вот и купила болоневое-то пальто. Пошли мы с ней к палаткам, в одной палатке: «Вот последнее пальто, дак, буди, это берите!» Я померила, подошло. Дак надо в чём-то ходить. Купила это пальтишко за девяносто рублей. Ну-ко, раньше эти деньги-то были. Потом пошли на рынок, купили по шапке. У нас-то шапки эдакие теплые, ну-ко были, а мы купили береты. И стали хоть похожи на людей. Господи, сколько народушку там. Пришли на обед: полная столовая народушку. А мы, нам стол дали недалеко тут. Она развозила всё. Не знаю, кто у них развозит теперь. На тачках, тачечка такая. У нас, ведь, умные же все: кто орёт – напишет вот это, кто орёт... Говорит: «Штё мы для каждого суп ещё отдельно изготавлять будем да всё?» Одна баба попалася такая: надо ей гороховой суп и всё. Они принесли ей полную тарелку: «Чё мне полную-то тарелку принесли?» Она говорит: «Ешь». Смешно как. Один мужик пьяный, тоже, видно, с похмелья пришёл. Нехватило кефиру ему видно вчера, слушай. А на вино деньги есть, а на кефир нет. Эй, не купить кефиру, видно нехватило ак, да? Мы и не ходили. Она: «Идите хоть поешьте вы-то, нате ешьте! А вы ничего и не просите» А чё нам просить-то? Чё дадут, то едим, ну-ко. Наглый народ тамоха, ой... Вот теперь там где-то война-то и идёт где-то на Украине. В Сочах где-то, да?

– Нет.

– А где, не в Сочах-то дак?

– На Западной Украине. Бабушка, а там красиво?

– Красиво. Город красивый. Мы ходили этова везде. Всё изъездили. Ездили мы, этот, как, командировки-то такие... На день-то иездят. А по морю я не смогла никак. Не пошла и Галя не пошла. По морю я боюсь, катата не пошла ни в какую. Приглашали нас ошо: «Пойдёмте, покатаем на море». Я плавать ни умлю. Ходили в клуп там, ходили в этот, как у них зовёца-то... Галя-то ходила ещё в «Москву», а «Москва-то», название-то «Москва» одна, а дома-ти разные мы жили. Мы в одном доме, а «Москва» там отдельно. Галька говорит, ходили, мама, туда. Скодила раз на танцы: «Мне, – говорит, – там нечего делать, потому штё все такие роскошные, а мы штё? Мы скодили у себя-то тут какой-то клуб был. Один раз в кино ходили да один раз спектакль. Как в подземелье-то там, слушай. Вот и приехали наши ягодники. Щас нам работу принесут, да?

О молодости и ужасах жизни

— И надо снопы идти вязать за жнилкой, надо боронить ехать. И всё вот вставали ранёхонько и всё делали. Сенокос надо везде, заскрёбали за копнами, пацаны возили копна, слушай, а мы заскрёбали всё за копнами. Мётают ковда, ак пожилые женщины стоят на заложнях, мужики им подают. А мы всё заскребали, пока они сметают, мы всё. А прибежим, да ещё молоденькие-ти да на Угоры. Мы раньше ходили на Угор вон летом-то. Это, знаешь, под окошком у ково-нинабуть красивое место. И вот тут плясали, тут и всё под окошком. Зимой-то наймовали бисетку окунать: с каждово человека по... для биседочки. Ну, ково дома матка не пускает ак, дак придёшь, у старухи какой пол вымоешь — она пустит. Биседочки сидели... А вот летом-то Угоры. Ой, так весело было! И гармони, и пляски, и никто не пьянай! Утром все опеть на работу, вечером опеть на гулянье. Слушай, и как вот всё хватало энергии, я не знаю! Питание у нас веть было, колхозное питанье: хлеб да, вода да, ну корова есть, ак молоко, супу наварит (суп-то варила она). Сначала-то худо жили, а потом-то стало лучше и в колхозе стали давать кое-чё. Вот и работали и учились, в щколу бегали за пять километров! Там не жили, ретко, буди ковда холодно, дак ночёущь ночь одну. А всё ходили пешком домой. Пять километров нужно пройти в школу с сумками: хоть по снегу, хоть по дождю, хоть по чёму. А вечером школу кончили — опеть домой бежать. И ходили, учились, выучились. Конешно хто как учился: хто-то хорошо учился, хто-то худо...

— А ты, бабушка, как учились?

— А я всё училась всё на тройки, мало четвёрок было. (смеётся) Мало четвёрок было, всё троечки у меня, всё троечки. Как учителя говорят: «Крепкая троечка». Значит, она на четвёрку не тянет, а троечка, ну дак и ладно! Ковда учить-то, Нина? Придёшь, ещё с Толькой сходим в лес: берёзу спилим, на санки, дома распилим, да дров в печке надо приготовить, слушай. Всё на себе и таскали. Из лесу — это с километр, боле!

— Берёзу?

— А какое найдёшь? Зимой дак берёзу уш только, она токо растопишь, ак топица, а веть осина не затопица. А дров-то, лошадей-то не давали дак, ничево дров-то не было запасов-то. Растопим эдак-то да и топим. В выходной день, если не затопим, дак натаскаем на ниделю. Пилили с ним поперёшкой вот эдакой (показывает рукой) рукам, наколет, я наношу к маме этова опеть. Не то, что в сарай, а на мост накладём, штёбы ближе брать. Вот эдак и жили. У нас одни дети только были, мама одна работала. Она скотницой была. Потом уш пошли девочки: Манька да, Галинка да. Оне стали работать да. Потом стали выходить замуж.

— Бабушка, а как раньше свадьбу делали?

— Ой, свадьбу-ту, Нина, мне не рассказать, потому штё я маленькая была, дак забыла. Раньше чё-то причитали да, не знаю, не знаю. А таже это же было: и сойдуца и разойдуца и всё. Это же всё самое, только обряды, виши, раньше по-старинному токо делали, а топере уж делают по-

новому. Вот так и жили. И все, ведь, выросли. Нихто и не умёр. От головы не умёр. Мама всё думала, штё я последняя, дак меня бог приберёт. А я не умёrla! Глы-ко, ёщё своих потомков, робят нарожала и внуков у меня полно! Вот как. А вот уш правнуки идут! Слава богу! Господь не обижает. А я маленькая-то часто болела, ак она всё: «Ходь бы умёrla, ходь бы умёrla! Хоть бы бог прибрал!» Всё гоорила, а потом, видишь вот бог не прибрал меня. Выросла, да и замуж вышла.

— Бабушка, а как у тебя свадьба проходила?

— Не было у меня свадьбы никакой!

— Вообще никакой?

— Не было.

— А как вы расписались?

— А скодили договорилися с Васькой-то: бежали с работы да, переоделись, бутто в город пошли гулять. В городе, ведь, родители. Они не давали ему расписваци-то, што Васю в армию возьмут. Ево не берут из-за нас, што мы оба старики, оба не имущиё. А мы уписалися с ним. Ой, они на меня потом как полезли, как полезли! Все ночи, Нина, меня выбраняят, сидят тут, а я за загородкой, например. И всё-то про меня соберут, всё-то соберут. А я лёжду да слушаю, да и усну. Просплю, они всё сидят! Я скожусь в туалет да опеть спать. Ооой, вот так и жили. Первую-то Гальку-то лечила бабушка, любила, Васька-то рёвун был, так они ево не любили. Один раз я пришла как-то на минуту пришла, думала, где чё-то забыла, воротюсь, а она высовывает... Нет, первый раз ешё не высовывает, он ешо маленькой был дак. В зыбке штё думаю, забежала скорея в комнату, а оне подушку на нево положили. Эй, на ребёнка! Сами оба сидят, курят. Я поглядела, он уш... Всё уш, сейчас бы удушился. Ой, я заревела, схватила ево, откачала, слушай. Я гоорю: «Я отхожусь на работу, если чиво сделаета с ребёнком... Я там Вася сичас скажу, он придёт, проверит. Вот так первый раз спасла. Потом забоелися боле. Второй раз уш он заходил. И чево-то видно старуха-то осердилася на нево... Вот тоже я эдак: дошла до Саньки опеть чё-то забыла. А она оболочечку ему высовывает. Я гоорю: «А где Васька-та?» Всё сама убежала, опеть со стариком сидят, курят. Ходь бы штё, слушай!

— А где, бабушка, он был?

— А где? Я побежала по слеткам, снежок был уш, а он босым-то ношкам к Насте пришёл, к Насте Ципилёвой. Ты-то знаешь Настю Ципилёву?

— Нет.

— Ну там, последний-то дом. Да и сидит, эдак скорчился да и сидит. Я схватила, да вокурат ешё Вася тоже не ушёл, тутока ждал меня. Я гоорю: «Вася, погледи! Прикажи, штоб эдак ничево не зделали, выгонят вот эдак на улицу, выбросят, замёрзнет ребёнок. Два раза ево спасла!

БЕСЕДЫ И ДИАЛОГИ

Бабушка позирует на видео

– Бабушка, на видео снимаю!
(Бабушка позирует и смеётся.)
– Штё это ты так спонтанно?

Разговор по телефону

– Бабушка, привет!
– Привет, Ниночка. Привет, милко.
– Поздравляю тебя с христианским Днём Матери!
– Ой, спасибо, милая. Спасибо. Приехал батько-то?
– Да, приехал.
– Вы ещё в этой квартире-то живёте?
– Нет ещё пока, там же, там же пока живём.
– А в этой же, да? Ак купили ту-то?
– Да. Всё.
– Всё? Молодцы!
– Скоро уж будем переезжать.
– Да?
– Ага. Как, бабушка, ты живёшь, как здоровье?
– Да лежу, вот, лежу. Спина шипко болит.
– А чего такое? Почему у тебя всё болит?
– А почему спина-то болит?
– Да.
– Так остеондроз, так он хоть когда схватит. Когда хочет, тогда и возьмёт меня.
– А ты сегодня в гости к Марине ходила, да?
– Да, батько возил меня, да я потом позвонила, приехала.
– Бабушка, как Марина живёт?
– Так Марина ешо токо вся затюкалась с роботой, да ребёнок ак опеть болеет у её. Насморк да, слёски идут, да всё да.
– Федя-то?
– Да Федя-то. В садике, видно, простывает, ли штё ли. Да, да вот севодня на концерт ешё поведёт, видно, их обоих.
– Да? На какой концерт?
– Не на концерт, а ну-ко где зверей-то кажут?
– В зоопарк?
– В зоопарк ли, чево ли.
– Дома ешо пока ничево так не устроено. Всё, видишь, которое отдают, которое сами делают.
– Понятно, бабушка. То есть ешё пока оно всё в процессе, да?

— Дак она да, вся в работе да, одно чё пока делаецца, второё эдак вот всё. Знаешь, токо переехали, да дом не живан давно. Печки топят.

— Дом-то не обжитый?

— Да года два ли, три ли уши не жили здесь никто. Продавали да не могли продать оне дак.

— Ничего себе.

— Ак дом-то, печки топят да. Так-то ничево, тепло в избе-то. Да всё ешио кутузья везде ещё много всево надо опростать. На работу, виши, ходит да робят...

— А Лёша чем занимается у неё?

— А Лёша всё строит, бегает.

— Какой?

— А дом ссулится одному мужику дом построить, дак дом строит.

— Ну, хорошо так-то, заказы хоть, работает.

— Вот и работает, у ево машина изломалася, дак всё пешком бегаёт.

— Понятно, бабушка, понятно. Чем сейчас-то вы занимаетесь? Чем планируете заниматься?

— Мы-то? А батько где-то обряжаецца, матка где-то салаты опять делать хочет да. Чё-то цветы пересаживала, да весь день дома занимаюча оба. А я лежу, весь день ничево не делаю.

— Отдыхаешь ты, да?

— Да. Отдыхаю всё.

— Дак отдохай, бабушка, правильно. Отдохай.

— Спина болит, Нина, дак ничево не зделаешь.

— Не знаю. Из-за чего она всё болит, ведь раньше не болела летом сильно, ты ничего не жаловалась на неё.

— Дак ведь теперे виши, осень. А осенюю остеохондрозы осенюю и весной. А летом-то она ничево было, всё нормально, вроде, ну-ко.

— Так вот. Я чего и помню.

— Да. Ты севогоды мало была дак.

— Так вот, бабушка, так отпуск получился.

— Ак ты на работе на которой робишь, на этой же?

— Да.

— Не ушла с работы-то этой же?

— Нет, пока ещё там же, бабушка. Ещё целую зарплату не получала. Так подожду ещё. Видишь, я из отпуска-то вышла, мне и дали пока деньги. Сейчас посмотрим, сколько мне дадут за целый месяц. А потом буду уже соизмерять. Пока-то чего уходить, если не знаю, какая зарплата ещё?

— Дак видишь, надо где-то подыскать опять работу-то.

— Да, конечно. Надо заранее, за две недели.

— Ну, ничево. Может, всё хорошо будет.

— Да, бабушка, надеюсь.

— Стипендию-то всё эдакую платят?

— Да. Вот скоро должны заплатить уже. Двадцать третьего числа, завтра.

— Да?

— Послезавтра должны дать опять.

— А это за сентябрь мисец?

— Да, за сентябрь.

— Анята-то к тебе ииздит?

— Да, Аня была, ночевала вот ночь.

— Да?

— Да. Вчера ночевала, сегоодня ушла домой утром. Ну как? Днём, получается. Вот так вот, бабушка, хорошо всё живём.

— Всё хорошо. Слава богу! Пусть хорошо и живите хорошо. Слава тебе, Господи! Я рада очень, когда все живут хорошо.

— Ладно, бабушка.

— Всё кашляю. И кашлянуть не даёт всё, и кашлянуть не даёт.

— Бабушка, может, тебе растереть чем-нибудь спину-то?

— Дак растереть-то... Я уш растирала вчера в бане и намазаю каждой вечер: то мазью, то настойкой какой. Всё тру, да не знаю, штё, уш укол ставить токо.

— Да, бабушка, попроси маму, она поставит тебе целебный.

— Дак у неё есть вон лекарство-то, поставит долго ли она.

— Вот, и мучиться не будешь сразу.

— Думаешь? Тот раз много ставили, у Людки-то жила, много ставили уколов, а всё, всё равно болело, болело.

— Ну, бабушка, всё нормально будет.

— Ну как у тебя-то здоровье?

— Так-то нормально.

— Слава богу.

— А у тебя как сахара?

— Сахар-от? А я мерю редко, так всякое.

— А обычно какой?

— А обычно девять, а обычно тут и семь и восемь. Мерию дак...

— Дак ничего, бабушка, ешё.

— Да. А так-то, шипче-то, больше-то, вроде, не встаёт.

— Хорошо, бабушка.

— А я, видишь, теперь только: то салат капусный, то картошку, то суп. Всё эдакое дак.

— Молодец!

— Всё держуся, Нина, всё держусь пока.

— Ну дак и правильно.

— А у тебя-то всё три?

— Бабушка, с утра дак да: четыре, три. А в течение дня дак шесть. Нормально.

— Слава богу, когда хорошо.

— Давай, всеово хорошего, Ниночка.

— Ладно, бабушка. Ещё раз тебя с праздником.

— И тебя, ведь, тоже с праздником! Севодня праздник-от общий! Севодня не для одних матерей, для всех. Это Рождество Пресвятой Богородицы дац. Пресвятая Богородица, наверно, родилась в этот день дац. Это всеобщий праздник так-то. Божественный. Великий. Ну, давай, Нинуша, всеово тебе хорошева. До свиданья, милая.

— И тебе, бабушка, здоровья тебе крепкого.

— И тебе тоже.

— И тебе, бабушка, счастливо.

— Жить хорошо, не горевать ни о чём.

— Спасибо, бабушка, счастливо! Пока, пока.

С внуками и правнуками

Н.Д.: Давай на колени возьму. Иди на колени.

М.: Иди к бабушке.

Н.Д.: Я вот эдак привыкла-то, эвона. А вон, смотри на Аню...

М.: Улыбайся.

Н.Д.: Ай, Аня, Аня...

М.: Улыбайся Ане.

Н.Д.: Ане-то улыбнись, Ане-то...

М.: Смотри, вон у Ани птичка сейчас вылетит! Ой!

А.: Феденька!

М.: Птичка вон полетела!

А.: Кирюшка!

С внучкой и правнуком

— Ой, хорошо! Видел какой! Бойкий, хороший парень, гляди-ко! Глиди-ко, эво, сам за Мариной вон бежит!

— Вставай, иди!

— Торопится, видишь.

— Вставай, не торопись, иди. Вставай, сюда иди. Вставай. Вставай, давай вставай. Кто встаёт?

— То на полу, то эдак? (смеётся и с любовью смотрит на правнука) Ай!

Беседа о приготовлении черничного пирога

— Хоть черники вёзите, так и чернишников испёком. С тобой вмисте.

— Бабушка, а черничник как печь?

— Чорнишник... Вот можо увидишь. Всё покажу сразу. Только там тесто надо на дрожжах...

— Да?

— Да. Тесто на дрожжах, только намеси, Коля истолкот баско, тесто густое и испёком с тобою вот потом. У меня не как у Гали, ни варёные, ни на сале жарёные, а у меня будут пироги просто, пирог с этим...

— С черникой? Сверху, да?

— Нет, не сверху.

— Внутри?

— Да, внутри. Я тот раз пёкла, дак мы быстро съели. Сразу (смеется), долго ли съись! Вкусныё! Коля ел хорошо. И я три пирога съела, хоть бы штё!

— Бабушка, а тётя Галия как делает?

— Она тесто эдакое же делает, но она жо жарит в масле, и шипко жирныё, в масле-то. Ну, в растительном масле. На сковороде жарит и...

— Она не печёт?

— Она не в пече пекёт, вот жарит на сковородке. Вот уж и всё, Нина. Видишь, оно загущаёт, манка-то густит, с мукой-то вместе, так оно видишь... (мешает). Писок есть, всё есть у нас, вроде. Одна сода осталась, сюда кладут в последнюю очередь и сразу выкладывают на этот, на противень (мешает).

— Хорошее, бабушка, тесто, без комочеков.

— Видишь, какое красивое, да? Не надо комочеков-то. Это-от комочки-то от сметаны, наверно. Вот всё теперь... (тищательно перемешивает). Тааак...

— Печку ставить?

— Печку ставить... Печку давай сюда поставим!

— Давай, бабушка, я вот этот ещё уберу. Надо убрать...

— Это ничево, это ни мешаёт!

— Давай, бабушка, я.

— Нет, я сама всё... Тут же ни хватит...

— Хватит, ещё останется. Ещё чуть-чуть...

— Нет, нет. Тут надо подставлять. Ну-ко этот вот туды убери, а этот поставь. Ни тот стул-от, виши. Фуух.

— Вот это система! Вот так надо. Ага, всё работает. Противень?

— Ну-ко, давай, разберёмся. Какой, ты что ищёшь-то? Вот, ведь, противень-то.

— На этот?

— На этот. На этом всё. А может тем маслом? Этим?

— Я не знаю. Бабушка, тебе-то какое масло больше нравится: это или то?

— Я, ведь, не знаю. Я же то давно, ведь, не едала...

— А ты его пробовала?

— Раньше-то пробовала, раньше-то я ела эдакое, у меня корова была, так было же масло-то ак. А они, видишь лино, никто не ест у них...

— Бабушка, а как делают масло?

— Масло это, Нина, трудно рассказать.. Надо смётану, надо её пихать в грилку да, пекать в печку да. Потом остывает, дак сливать сыворотку да, и мешать, всё мешать, пока масло не получится сливочное, но оно будет не так вкусно, а потом его надо хранить. Баслови христос! Дай, Господи, пирожка испробовать, всё.

- Бабушка, а кто взбивает такое масло?
- Иди, помешать, и ты помешаешь. Поможешь, хоть меньше. Помешают, потом налижуца, и всё: «Мама, надоело, не будем!» Оно долго шипко получаца. Ну, вот видишь, и всё, Баслови Христос. Пирог готов!

Беседа о маннике

- Сверху помазал – вот будет какой.
- Вкусный?
- Вкусный.
- Бабушка, а ты любишь манник?
- А я хоть чево поем, мне всё равно. Коля и пирожок купит, так я ем маленько пирожочка.

Рецепт оладьев

- Что надо положить первое?
- Первое... Набирай, чиво у тебя есть. Простокшиша, простокваша, молочка маленько. Всё есть.
- Кефир да?
- Кефир...
- А потом: молоко, кефир?
- Пёсок, соль...

О соседе по даче

- Тисон-от, ли как ли называют, ну-ко. Кладут картовку. Вот этова накладите, вот этова накладите, вот этова. Луку накладите, картошки накладите мне, поштё ли накладите за это. Вот она приедет в этот тисон, опять попонакладывает дак. Картовку-то гоорит, всю вёсну покупаем, как посадили. Всё раздавала сама-то.

- Зачем?
- Зачем? Он деньги не берёт, видишь, а этим – продуктами берёт. За тисон-то. Штё? Лежит картовка-то, храница. Вот он и просит: вы положите вот этова, этова, этова, свёколки, морковочки, картошечки, лукку, чесночку привезите...

Беседа о занятиях внучки

- Зюдо или чё ли, зюдо ли...
- Дзюдо?
- Да.
- Борьба такая есть.
- Борьба такая. Так они ешо маленькие, дак не борьба, а катаяца чё-то и всё чё-то делают. Играют да. Ровно знаю. Она юлит, а он опять

собираеца. Надо заплатить... Воскресную школу токо не плотят. А музыкальную плотят и эту плотят.

— А в музыкальной-то она на каком отделении, бабушка? Фортепьяно или?

— Не знаю я, не знаю я, куда они её водят. Музыкальную-то куда-то недалёко, тут школа. Дак водят тут. Дак не шиздят, а без машины — пешком.

Беседа о глазах

— *Дали справку: можно ли делать операцию мне на глаза. Высокий сахар. А здесь у Людки-то пожила маленько-то: шесть — сахар. Ковда делали операцию, так был шесть — сахар.*

— Так и хорошо. Такой и нужно.

— Да, тут-то гоорят: для диабета ешо очень хороший. Мне и глаз-от, видишь, зделали лучше. В этом-то всё чиво-то муха какая-то. Муха какая-то всё. Хоть сколь-от гледишь, ну-ко, этот, всё она и скачет. А в этом-то нет мухи-то. Этот лучше зделан.

— Бабушка, а как ты смотришь так?

— А как смотрю? Вот она вот эдакая. А когда вот шипко заболит, ли чё ли, так вот эдак всё не отходят. Там бегают какие-то всё мошкара мелкая, там далёко, кажется, ужсе. Это ковда тежисло мне-ка бывает ковда. Забегают, а она эта-то эдак всё и скачет туды-сюды. Так глаз-от хорошо шипко-то и не видит. А этот-то хорошо видит. Но читать вот этим у меня лучше.

Беседа о Сане и высоком сахаре в крови

— Бабушка, нельзя, вообще нельзя размешивать воду с чем-то сладким?

— Да?

— Конечно. У тебя сразу в кровь.

— Вот у меня и сцепило.

— Вобще сладких напитков никаких нельзя. Ты можешь, если очень хочешь, просто вприкуску: лошку съела мёда и запила чаем без сахара. Тогда, может быть, меньше он будет. А ты ещё размешала, так теперь до двадцати может так.

— Так, эво-то, видишь, и потскочило. Голова-то, она всё болит да, болит да. Как-то уже и привышно.

— Зачем к этому привыкать-то?

— Дак ведь она всю дорогу болит да. Вчера вот виски эти ломит. А Санька гоорит: «Это виски ломит от сахара». Сахар большой, гоорит, у тебя. Санька тоже всё знает: «Я, — гоорит, — тоже эдак, всё, — гоорит, — большой». Ну, она запивает и пива, и вина выпьёт.

— А у неё какой сахар, бабушка?

— А у неё *тоже*: и девятнадцать и двадцать и... А тамо-ка худо зделалось на похоронах-то у Андрюшки, да ошо, гоорит, какую-то таблетку мне-ка дали. Так от неё вобще, гоорит, стало худо. Скорая туда приежала в Кожаево, скорая. Сказали: «Надо в больницу тя», так она сказала: «Брата схороню так потом в больницу». Токо головой, гоорит, качают женщины-то на скорой: «Брата схороню, и самою, может быть, скоро тоже хоронеть».

Беседа об уровне сахара в крови

— Там всё делали делали, потом этот дом стали делать. Это столько роботы! И всю жись так в работе. Все деньги ушли вот на строительство да на детей. Вот и всё. А теперь вот: то одно болит, то другое болит. Гак токо на лекарства да. Ой, Господи, помилуй! Сёдня чё-то вобще и сахарок и давление. Штё у меня сахарок-от отчivo? Вчера картошки-то, буди, ела ешо свежей. От картошки тоже сахар?

— Конфетку!

— Так али такой сахар от одной конфетки?

— Конечно.

— От одной конфетки сахар четырнадцать?

— Да.

— Ну, полно?

— Бабушка, именно так.

— Ну да рошков поела да картовину поела. Так тоже веть.

— Да чуть-чуть это-то всё поднимает. Вот сладкое — оно быстро, оно сразу в кровь. Это-то пока переваривается, так нормально. А вот сладкое, бабушка: варенье, кексы, винограт, конфеты — они сразу в кровь, сразу сахар поднимают, сразу же.

— Ну а ты чё тут поела, у тебя чё поднимет? Ты видишь как худо ешь, дак у тебя и не поднимает.

— Я съела пряник и уху — тарелочку. Мне хватит. Я утром, бабушка, встаю: у меня очень-очень низкий сахар.

— Да, поштё-то у тебя ниско.

— А у тебя, наоборот, высокий!

— А у меня — большой. А у меня — большой.

Беседа о Тане

— Дело ваше...

— А Таня-то, бабушка, платит ипотеку?

— Не знаю я чево. У них где-то *тоже*, видно, была комнатка где-то. Продали за шессом. А купили чё-то, видно, за миллион *тоже*. Эти шессом-то да...

— Они квартиру купили или комнату?

— Однокомнатную, однокомнатную где-то.

— У них ипотека.

— Я не знаю, чибо у них. Я ведь не знаю ничево.

— Каждый месяц платит, да, за неё?

— А как, наверно, не каждый-то? Да ошо и за машину оне плотят.

Ошо машину, ведь, в кредит взели.

— Молодцы.

— Там да, тут да. Дак эдак молоцы! Два кредита. Да и она не роботает, ей дают чё: шесть тысяч за уход за ребёнком. Ну, дак. А он один: то тут скачёт, то тут скачёт. Где подороже, мало дадут — опять побежал на другую работу.

— Так ведь не сразу же много дают работникам.

— Не говори! Ведь надо поработать, может, узнают ешо. Видишь, месяц поробит, ак опять побежит: мало дали дак побежал! Он думает: сразу ему кучу дадут.

— Если бы, бабушка!

— Таня тоже: рылася, рылася, выбирала, выбирала. «Ай, этот-то хороший, хороший!» Аль узнаешь, хороший он или не хороший. Пока свадьбу делают да гуляют, дак он всегда хороший бывает. А потом тежёлые-то когда пойдут дни и увидишь сразу: какой он топерь. И вашим помогать сичас некак: Аню ешо учат.

Беседа о детях

— А у неё и все работают и Таня выскошила, скорей ребёнка надо. Сама-то медик, дак могла бы и подзадержсаца годик-два, покамест. Правда, ведь? Ребёнок-то успеца. А тут пошло всё на ребёнка. Вон у Миши Игорь живёт, так, говорит: «Больно богатое удовольствие ему будет» (смеётся)

— Почему?

— Ребёнка, говорит, родить — это больно богато. Ну, много на нево всево пойдёт. И жена родит — пока год не выйдет дак.

— Два года.

— Да, а он сейчас дачу тоже, за миллион землю купил да. Хочет дачу отстраивать да. Они тоже не делают ребёнка пока. Я так щитаю, што это умность.

— Дак, а бабушка, смотря до какого возраста. Потом, может, уже быть поздно сильно.

— К двадцати пяти родишь — и нормально. Двадцать пять, под тридцать, двадцать семь — вот это родить и нормально будёт и всё. Ну, увидишь у ково как: кто-то родит в девяти летах... У ково как получаецца. Я вот вышла замуж, ак у меня ошо гор не было. Баушка всё ошо бранила меня: «Кобыла и не носит и робят, кобыла и не носит». Потом как начала с одново-то ей. Как на: кобыла-то!

(Смеётся.)

— Сама говорила, штё не носит и робят, ак водись тепере! Ой, Господи, помилуй! Год,pare, не принесла робёнка дак. У меня годы не подошли, чтобы рожать было.

— Бабушка, а сколько тебе было лет?

— Я на двадцать третьем, наверно, родила. Вышла на двадцать первом дак. Первый аборт у меня был, не аборт, а выкидыш. Я работала в лесу, когда с Васькой возили лес. А в лесу очень тяжело грузила, видно, да. А я и не заметила, штё была беременна. Прокопьевна мне: «Вот уш эта тепере тяжолая-то робота! Не будешь и рожать!» Чиску мне-ка делала она.

— Ну, бабушка, ты потом зато как родила!

— А потом как начала, так у меня хоть упаду, хоть чево и всё, всё равно не выкидыши. А поштё ты бросила скрёпам-то?

— А куда их?

— А вон туда-то выброси.

— Сюда, да?

— Да.

Беседа о жизни близких

— Десять лет! Так эдак! Десять-то лет. Дак вы отдаите сколько?

— Да, ипотека на том и построена. Покупаешь одну квартиру...
(перебивая)

— А плотишь за две! Вот у нас Марина тоже если купит дак...

— Тоже будет за две платить.

— Мдаа...

— Так вот. На том, бабушка, всё и построено.

— Наверно, остыл ведь чай-от.

— Ничего.

— И прироботвать вам ещё негде, да? Нет?

— А где, бабушка? С восьми до пяти работаем, так, где подрабатывать-то?

— И ты будешь эдак работать дак

— Справимся. Бабушка, мы справимся.

— Те пошлют чево-нинабудь да, да эти пошлют чево-нинабудь. Дак пропитаетесь...

— Бабушка, Марина что-то давно не заходила. Как она?

— Дак у неё свекровка ешо в гостях. Досук ёй? Вот приезжали нарядные, так вчера токо уехала. Да они тоже с ссудой-то связались дак, да с домом-то да. Валька, вишь, торопит, а ссуду ешо не дают. Дак они ошо...

— Кто торопит?

— Хозяйка-то, которая продает-то. Спирина-то Валя на берегу-то. Сыновья приезжают: скитки не делай нисколь больше. Девятьсот пятьдесят тысяч и всё. Этова, не дают скитку делать. Баня, говорит, худенькая, за линолиум зделала писят тысяч скитку. Линолеум худой, так новый надо слать уш. Да они, говорит, оба приехали на выходные. Ошо скодили,

всё погледели: сказали никаких скидок. И нам тоже деньги надо на чё-то. Одному-то как-то сбилися купили, второму покупают дак. Тоже деньги надо.

— А где будет сама жить Спирина?

— Матка умёрла, батько первый умёр. Она в йонный дом перешла, на Советскую улицу. Они уш там и живут давно. Юрка баской дом-то веть строил на Советской. Банька баская, всё баское. Вот она туда и покатила. У них дочка ешо была, невестой умёрла. Болела-то.

— А из-за чего?

— А вот эти-то два парня уехали, в Вологде где-то живут дак. Им надо по квартире, виши, купить. Теперь веть родителям надо, видишь, помогать, а. Ира у нас вон с Серёжкой выложилися все с этой с Катёй, с этой Танёй, с этой Анёй. Все выложились: ни копья, наверно, ни стало. То одна придумывает одно, то вторая придумывает другое. Ане давали скоко денек на квартиру! Смотри, думали, хоть всё-таки жись будет, а ничего и жизни нетока. Тане свадьбу зделали, да тоже купила ей квартиру однокомнатную. Да мужик-от, Аня говорит: там мисиц поробит, да тут мисиц поробит-да. Токо с работы на работу, говорит. Так десить тысяч только дали дак. Это, может, врёт Тане-то! Таня и просит каждый мисиц у матки денек, а матка бегает зароботает, батько работает и все им посылают. Кате надо за квартиру там отдать, ну-ко. Эт-та пришла пьяная, с Колей выпили, дак ревёт: «Мама, поштё так-то, поштё так-то?»

О соседке и диабете

— Потом она гоорит... Стала соберать, он несёт книгу: «На! Это, Дмитревна, читай!» Я гоорю: «Ну, дауй! Мне всё равно чёто-нибудь читать-то надо...»

— А это, бабушка, которой Сани-то?

— К Сане-то хожу я. Ой, у неё так-то, с ним-то посидиш хоть, поговориш, видиш. А эти-то севодня шалят, пацаны-ти. Ой, гоорит, тоже надоело, когда и уйдет эта. Шалят все, ходят да, пацанов-то куча-то, да. Наведёт этот парень-от... Это Иркин один, а один Маринкин, с Череповца одна девка-та, восемь класов кончила, кобыла (Бабушка смеётся). Вчера гоорит, сама полы тоже моёт. Я гоорю: «Ак она-то штё?» Она гоорит: «Ну-ко вот, её заставишь штё-то». Она сама, Санька, гоорит, вымыла, выпылесосила всё, да баню истопила, да. Сёдня, гоорит, ходили у нас чёто из-за света, недоплату какую-то считают, тысячу с лишним ну-ко, недоплата.

— Ничего себе! Как это?

— Я гоорю: «У нас Коля всё плотит. Не знаю, у него, вроде, всё норма..., в порядке. Я гоорю: «Я теперь ничего не знаю». Я гоорю: «Коля за свет, Коля — газ. Вот и всё у нас чё». Я гоорю: «Вон, я буди сколь-нибудь дам денег и всё я гоорю (Молчание). Пусь оне сами орудуют (Молчание).

Надо бы окошка выкрасить, вот никак, видишь, никто. Не выкрасили у меня севогоды летом окошка.

— Мама говорила, что собираются они окна красить.

— С той-то стороны, ведь, можно бы выкрасить и вам бы (смеётся).

Да?

— Да. Краска-то есть?

— Долго ли? Съездит Коля, привезёт краски-то. Да. Сам хочёт. Не знаю, выкрасят али нет. Как хотят. Им жить, мне доживать.

— Ну, бабушка. Что такое говоришь-то?

— Ак чёво? (молчание). Им будет всё это житьё тут, огород хорошей, всё хорошё...

— Ну, бабушка, не говори так.

— Как не говори-то? Мне-то чёво надо? Ничё не надо: только накормите меня!

— Бабушка, хватит опять ерунду говорить.

— Всё это ладно говорю, никакая не ерунда.

— Ерунда.

— Неет. Вот эта восемьдесят пять годов, ну-ко, живёт Мокиевская-то, сейчас сын приехал опять к ней. Ходят к ней эти, ну-ко ходят, носят воду-то да. Да продукты ходят да. Сын изведывает её тут, да дочка, да. Она живёт всё на заложске, гоорит. Никово не пускает. Пойдёт, гоорит, в огород парники открывать, так и то на замки всё везде заложит (смеётся).

— Телевизора, может, насмотрелась.

— Не знаю, чиво, она насмотрелась.

— Боится, всякие счас программы-то по НТВ-то посмотришь так, с ума сойти...

— Ну дык веть. Я вот не гляжу, дак хорошо. А у Саньки всё включён телевизор, всё включён. Я гоорю: «Санька, тут пацаны орут, тут телевизор орёт, у тебя и отдыха нет». А она токо сидит, вытираеца, у её пот градом. Нина, пот градом, это сахар большой, да? Она гоорит: «Двадцать пять сахар».

— Бабушка, это плохо.

— Конечно, плохо.

— А чего, ей укол не поставить что ли?

— Ак она гоорит: «Мне-ка токо сказали два раза в день: утром да вечером уколы ставить».

— Так может надо побольше ей ставить?

— Так итак, гоорит, чё-то четырнадцать единиц ставит.

— За один раз?

— Так видно, за один. А ты сколь единиц ставишь?

— Как поела, так и ставлю. То по два, то два, то три.

— Ак тебе как эдак велено, али ты сама это? Сама? Ну-ко...

— Нет, мне сказали...

(Перебивает.)

— Там ведь тебе дали, она говорит. Мне-ка ведь дали, сначала говорит, десять выписали, ну-ко единиц, потом говорит, две прибавили, потом аще говорит две прибавили. «Теперь, — говорит — четырнадцать ставлю». Я не знаю, какие единицы-то там бывают.

— Мне как врач научила, так я так и ставлю. Там, ведь, бабушка из расчёта: 1 хлебная единица — 1 кусочек хлеба.

— Ак, ведь, ты али считаёшь хлебные единицы? Считаёшь?

— Да.

— Ну вот ты чаво поела, хлебных единиц скоко тутока? Яйца, да помидоры да, да блины, да и сгущонка!

— Сгущёнка — это больше, то есть..

— И скоко ты насчитала?

— Блин — это одна хлебная единица, то есть, считай, три хлебных единицы. Поставила укол.

— Три единицы ставши? Интересно... А у них вот эдак, Санька говорит.

— Сразу четырнадцать — это ведь наедаться надо! Столько ведь не съесть! Не знаю, как она так ставит?

— А Маня Шушкова говорит тоже болела, но она уже умерла. Тридцать на раз стала.

— Что-то, бабушка, не то здесь.

— Как она Санька правильно говорит. Её привезли, она уже всё, это... Потом, говорит, откололи в больнице. Потом она, видно, выписали из больницы-то её, видно, опять што-нибудь наелась, ли што ли, ак. Потридцать говорит, она единиц становила.

— В день-то это одно. Вот, например, поела — сразу поставила укол, и тогда оно нормализуется все. А если сразу тридцать, так это, бабушка надо наестись на тридцать... Я даже не знаю. Один кусочек хлеба, то есть, тридцать кусков хлеба сразу, подряд, чтобы сахар нормализовался. У неё же он упадёт.

— Я не знаю, штё за единицы, как оне становят...

— Так в кому можно, если так много ставить сразу...

(Бабушка смеётся.)

— Не знаю... Я... Мы чё-то заговорили. Я говорю: «Нина сёдня смиряла у меня днём четырнадцать и три. Миша говорит: «У неё двадцать пять», говорит. Вот она сидит и всё вытирает и вчера была эдак, сидит и всё вытирает.

— Ей надо двигаться.

— У её всё слушай потом, всё потом...

— Побежала бы по стадиону — пять кругов! Сразу бы десять...

(Бабушка перебивает.)

— Ак у её ноги болят. Ходила, говорит, сёдня в Энерго-то, далёко ведь. Так пешком ходили, говорит. Посыпала его (мужа), говорит, не идёт один дак. Коё-как, говорит, сходила, у её нога болит тоже этак. Вот и сидит тутока на диване. Я пришла, посидили малёнекко с ней.

– Надо что-нибудь делать, бабушка, чтоб не повторялось: либо физические упражнения, либо зарядку какую-нибудь, чтобы сахар-то понизить, либо что-нибудь для снижения сахара пить, тот же чай...

– Чиво?

– Чай бывает для снижения сахара. Нормализует, типа, сахар.
(Бабушка зевает.)

– У матки огурцы-то, наверно, в воде ночуют.

– Приедет – будет с папой делать засолки.

– Они и ночью сделают?

– Да, конечно. Они же могут и всю ночь делать.

– Ишь тогда скоко банок-то наделали, ведь, накипятили соков. Ошо с яблокам, гоорит, наделать. А я гоорю: «Ашо этот у меня йись, этот-то я соберала, да и Коля соберал..

(Пытается вспомнить.)

– Крыжовник?

– Да. Ишо-от надо брусники принести, клюквы сё-годы и не принесём.

По клюкву далёко, Колю не надо напрягать, и так жалко... Всю дорогу он сам всё везде делает, всё хозяйство, гли-ко он ведёт ведь.

(Молчание.)

– Бабушка, а чем куриц кормят?

– Куриц-то?

– Угу.

– Всем! Хлеба намни – съидят, и картошки намни – съидят, и крупы брось любую... Каша вот останется – они всю съидят, хоть какую кашу...

– Так-то нормально, можно держать.

(Перебивая.)

– Да. Курици... И бумаги настриги мелче-мелче – они склюют, и скорлупши яицные клюют, и песку им надо давать, и корма какие вот куриные есть, надо покупать. Всё-всё идят! Курица, веть, что! Токо солёного нельзя курицам.

– Да?

– Соли надо.. Соли токо, если где нахлебаецца и всё – умрёт.

– А где, бабушка, жить они будут? Во дворе?

– Во дворе он хочёт место сделать, тот ряд клеток убрать, видно, хочёт...

– Там где у нас были... свинья, да?

– Нет, в том углу, ну-ко, в том-то углу? Эдак вот...

– Отгородить?

– Отгородить. Гоорит, это, этот купить эти, ну-ко, сетки-то. Сеткой. Отгородит сеткой...

– И петуха...

– А не знаю, петуха ли... Надо ли, не надо...

– А как без петуха-то? Они будут ведь... как плодиться-то?

– Они ведь и так, инкубаторки-то, без петухов.

– Да?

— Три года токо несутся, а тут уж худо будут. Надо всё, через три года опять менять... А три года опять...

— Можно просто с петухом. Если с петухом так будет больше, периодически будут цыплятка выводить.

— Нет, надо. Цыплята? Да нет, цыплят Коля не хочет. Сам будет весной покупать.

— У Жени-то, наверное, шесть куриц и петух или семь куриц...

— Да?

— Да.

— У нас, ведь, возят этта и цыпнят и всех, токо покупай! Паре, вон часто возят, и куриц возят, и останки несушек и всякой написано. Молодых несушечек таких взять, попробовать надо... Писят рублей, гоорит, яички-ти ведь! А мы, гли-ко как едим их, яйца-то. По десять штук на раз ак надо, так писят рублей на день. Дисяток — писят рублей дак, сто писят — ришотка! Это ведь...

(Молчание.)

— Ой, Санька, гоорит: «Божатка сколь всё дорогущёё-то! — гоорит, — Всё дорогое», — гоорит, — зайду в магазин, ак. Господи! Ничево дишовень-кова нет!» Дороговизна (Вздыхает).

— А в какой магазин, бабушка, заходила?

— Не знаю я, в какой, в дорогой какой-то, видно. Чё-то сказали колбаски купили, да ошо чево-то, так пятьсот рублей.

— Так она палку колбасы-то купила?

— Нет, не палку, гоорит, немножко колбасы купила, да каши, ну-ко, быстро-то варятся, такие в пакетиках, да гоорит, да иши чё-то, специев каких-то пакетиков. Вот за это, гоорит, за всё.

— Видимо много купила так-то ведь! Недорогое это всё. Пятьсот рублей.

(Бабушка зевает.)

— Теперь уж, Нина, ты всё, уидешь в субботу, да? Не будешь боле полы опеть мыть.

(Смеется.)

— Почему? Я там-то тоже мою!

— Там-то, конечно, моёшь.

Беседа о родных братьях и сестрах

— Все выучились, сама с семи-то классам мастером работала двацать лет в ройтопе... Это... Раньшо с двум классам, с трём классам девки начальникам этим, прецедателями были, да всем да... Раньше умный народ от был тоже. Теперь-то ошо умней, конечно, учаца долго, так ошо умней. Раньшо штё: много ли учились-то... Я то ошё много поучилась-то — 7 классов, да у нас Толька тоже 7 кончили. Остальные-то девочки тоже: кто два, кто три, кто чётыре. Робить было надо, некогда учить.

— Бабушка, а сколько у вас детей было в семье?

— Детей у нас? Семеро осталось, батька-то убили, так у мамы семеро! Вот, Андрюшка первый. Дунька, Дунька первая, Андрюшка второй. Анна первая-то ошо, Анна, с Дворища. Ну, Анну-то я не помнила, она всегда была замужом. Да и Петя на войне был, в плену был. А потом ушё только Дуньку, Дунька была тоже на оборонительных, так ходила дак, простила вся, так в двадцать три года умёrlа.

— В двадцать три года?

— А? Да. Хоронели, вот помню хоронели, да я ешо маленькая была. Девки да робята да к весне, ошё помню, што к весне. Девкой... Даже не почувствовала она женской долюшки. Ну за ним уш Галинка была, Галинку тоже в кадру потом запехали, чтобы налогов не платить, так в кадре. В кадре тоже попёрешным пилам пилили оне, да лучковым да всяким, чурку. В машины, в машины пилили. Ходили на чурку, ну-ко, на машину пилили. Там, в Дунилове, там, в Дунилове уж и вышла за Бориса-то. Да, и Манька работала в лесу, Андрюшка потом работал на базе. Потом нашол Нюру и женился на ёй, видишь, на Нюре-то. У Нюры троё девочек, пережили его, а он ушол молодой, тоже штё-то с серцем у нево. Вина выпил, да эдак вот лёк и уснул, всё. Дунька умёrlа, потом Андрюшка умёrl, потом у нас кто... Маня тоже своёй жизнью, Галина тоже умёrlа. У Галины асма была, асма, в трупку какую-то дышала всё. Тоже уш на пенсии была, шисят четыре года! Галина умёrlа, шесят четыре года Маня умёrlа!

Беседа на бытовые темы

— Всё, слушай, хоть бы штё, слушай! До чего хитрая! Я гоорю: «Ах, ты, хитруша ты эдакая! Потом Коля поймал, посадили во вторую клетку, всё равно выгрывзла дыру, опеть улезла, выскочила. Вот такая кролиха была у нас! Али записываешь всё?

— Нет.

— Наштё, эдакое-то хоть не записвай ничё. Да, Нинуша пойдёт на работу опеть. Ты-то пока на ту работу-то пойдёшь?

— Да, да. Куда мне счас-то идти?

— Да, эту пока не теряй, пока не найдёшь хорошую работу ак.

— Не знаю, бабушка. Я же ешё не меняла работу-то дак..

(Бабушка зевает.)

— Мне на полгода нужно такую, чтобы она с учёбой сочеталась. А потом у меня учёбы не будет, будет только диссертация. Мне как бы полгода нужно отучиться, диссертация в конце, летом. И всё, учёба закончится.

— А сейчас-то у тебя неполный день?

— Полный.

— Полный?

— Ну, в смысле, не обязательно, чтобы сочеталась с учёбой. А сейчас нужно, чтобы и с учёбой можно было как-то сочетать.

(Молчание.)

— Аня там прибирается: moet раздевалку, а я всё вымыла да ушла.

(Молчание.)

— Обувь-то слишком много у вас там в раздевалке. Куча целая.

(Молчание.)

— А лопоти-то? Стирать и не перестирать? Сколько вы бросаете лопоти?

— В машине постирать, так что?

— Штё в машине так? Эстолько... Она не могут, глико, перестирать её всю.

— Так, если она не перестирает, так я с собой увезу, там постираю. Мне, бабушка, не сложно. Мы часто с Женей стираем одежду.

— Часто?

— Да. Он футболку поносит, весь вспотеет, так её что, опять носить что ли? Летом жарко да. Футболки так: одна футболка в день.

— Много у ево-то лопоти? Не покупаете белья-то?

— Покупаем, бывает. Ему надо футболку: так сходили, купили. Так а что, без неё ходить что ли? Как и все, в принципе.

— Мм.. Он-то получил за отпускный-ти?

— Что?

— Отпусковых-то получил он-то?

— Нет, пока.

— Нет ещё? Не дали?

— Не знаю. Ещё сам ждёт. Что-нибудь дадут: либо зарплату, либо отпускные. Всё равно должны зарплату дать.

— Ак у их дают ретко, али нормально дают деньги-ти?

— Деньги ему нормально платят. У него двадцать пятого и десятого.

А у меня было пятого, потом двадцатого и двадцать пятого — стипендия.

— Видишь вот.

— У меня три раза в месяц деньги. Но по чуть-чуть, ну когда как. Сейчас-то вот нормально. Я не жалуюсь. Всего хватает.

— Дорогие кроссовки-ти купили?

— Жене-то? за пятьсот рублей.

— За пятьцот?

— Бабушка, видишь тут: либо простые покупать, либо кожаные, но дорогие. А кожаных в Никольске так нет. Кожаные, которые за восемьсот, за тысячу, так лучше в Вологде такие надолго купить. Он купил себе за пятьсот, так в принципе, год отходит, наверное. Он покупал себе рабочие кроссовки за пятьсот рублей, год отходил, а сейчас уже разваливаются. Посмотрим, насколько хватит. Купим ещё, если надо будет. Эти ему нравятся, так пусть ходит довольный.

— Ну, ну, ну.

(Молчание. Бабушка зевает.)

— Ничего себе, какая у тебя книга-та!

— А книга толстая, дня три прочитаю. Если понравица, ак буду хорошо читать, а если не понравица — не ахти!

— Бабушка, а ты про что любишь читать?

- *А я хоть про штё люблю. Хоть про штё люблю. Просто, когда лег-
гот, ну-ко, долго не спица, возьмёш, прочитаёш, вроде и уснёш.*
- Ты читаешь журнал-то, который выписала?
- *Как же! Читала весь! Два дня — и прочитала весь! От строчки до
строчки!*
- Нравится?
- *Не было интересных. Ты чё тутока надавила ногу-ту? Глико, по-
краснела нога-та.*
- Бабушка, у меня всё время так.
- *Али она у тебя загорело это место-то или штё?*
- Не знаю.
- *Не загорело...*
- Нет, это я счас, сидела вот так вот...
- *Ааа, сидела вот эдак, так глико, и то прям...*
(Молчание.)
- С плотика, вон, бабушка, упала.
- *Aaaa (охает), ничего себе!*
- Это мы купались.
- *Ты вся в синяках! Этот прошёл, там опять возник! (смеётся)*
- Это, бабушка, мы просто купались на речке.
- *Подкатило и упала?*
- Ага.
- *Aaaa...*
- С плотика-то.. Залезала на плотик..
- *Ак, не ушиблась так-то шипко-то боле-то?*
- Так нет. Я залезала на плотик. Все-то уже встали. Видимо, сырьими-
то ногами прошлись, а я-то встаю и упала в воду! Так-то, вроде, не так
сильно и больно было, а синяки так...
- *А синяки вышли...*
- Я даже особо и не заметила: думала, поцарапалась чуть-чуть.
- *Теперь уже не купаюца.*
- А мы сегодня пойдём.
- *А?*
- Сегодня пойдём с Никитой.
- *Севодни?*
- Да.
- *Так август! Теперь конский волос плавает!*
- Какой конский волос?
- Ну, говорица, что какой конский волос какой-то. Всё раньше нас
може страшали.
- Так это чего такое-то?
- *Не знаю я чево и сама!*
- Откуда, бабушка, конский волос?
- *Я и сама не знаю. То говорят, штё нельзя купаца. После второго ав-
густа, после Ильина дня нельзя купаца. Написано в численнике.*

— Почему?

— Не знаю вот, почему. Потому штё вода теперь холоднее стала. Но чи холодные и вода долго нагреваеща.

— Сейчас тёплая вода, на улице жарко.

— Ну так ведь, пока жарко.

— А мы пойдём. Так чего, ещё только? Какое сегодня августа-то, бабушка?

— Четвёртое уш.

— Аа, четвёртое.

— Два дня после Ильина дня уже прошло. Завтра уш пятое.

— Сегодня у Серёжи Шиловского день рождения. А у Кати Коноплёвой через два дня: у неё шестого.

— Да? Ты все дни знаешь? А я так все забыла и не знаю!

— Я с детства.

— У Серёжи Шиловского? Никогда у него не бывали, не справляли, наверно.

— Ак он и не справляляет.

— Наверно, юздиш опять дак. Он сам напьецца, дня два-три пропьёт и опять поехал. Чаво ещё ему поить тут ково-то? Свадьбу-ту хоть зделали. Вот так, все зароботают деньги, юздят, видишь. Я ешо и машину у него не видала. Штё и за машина?

— Скания-то? Она такая большая, как КамАЗ.

— Как камаз?

— Ну, она больше КамАЗа. И кузов у неё закрытый.

— Тимурка юздиш с ним. Тимурка, наверно, год скоро с ним юздиш. А у него на полтора года права отобрали дак.

— У Серёжи-то?

— Да. То он с Тимуром-то и юздиш. Он бы один юздиш. У него права отобрали, дак на постах-то Тимур садица, видишь.

— Они по очереди, да?

— Да, не останавливают где дак. Он знает ведь места-то, так он едет. Сам, а видно где-то надо и Тимура. Он-то без прав, а за рулём-то надо, штоб права были.

— А если он, бабушка, один будет ездить, а Тимур будет где работать?

— Найдёт ведь работу-ту. Не знаю я уш, где он будет работать. Пока ёщё не извесно. Ишь, тоже говорит, Рая говорит, токо приехал, уехал опять в деревню. Она, Настенька в деревню, там и в баню сводит его.

— А в какую деревню?

— В Байдарово. Она из Байдарова.

Я сама-то из Байдарова

И дорога у меня,

Подберите-ко товарочки,

Штобы я не померла.

Летит, говорит, кулик и говорит: «Зоя, дай стоя».

«Нет, кулик, у тебя велик, а у меня дорожка маленькая» (смеётся)

— Интересные, да?

Беседа о даче тети Люды

— Токо мало иездят людей-то уш...

— Куда, бабушка, мало ездят?

— А?

— Куда мало ездят?

— В деревню-то, садить-то... Как на дачу только иездят, там живут-то не живут зимой, а как на дачу иездят... Вот оне и купили дом-то, хороший дом-то и всё, и баня хорошая, и всё хорошое. Распахали огород тепре. В спокойной такой деревне... Реки нет. Прут. Есть прут, да колотцы, да всё. А чё река-то? Наштё река-то?

— А вода как у них? Централизованно?

— В колотце. И ис колоцца сами накачивают как-то, вот как мы качаём.

— Бабушка, они сами его вырыли, да или нет?

— Был колодёзь выкопан глубокушой у мужика-то. Наверно сколько-то много слишком колец... И насос там был... И баня всё сделана, и баня такая хорошая, баская. И сараи два баских сделаны. И дом хорошой, отремонтированной... И все за милён двести...

— Хорошо, бабушка!

— Очень, всё новое, хорошее.

— А огород?

— Мне-ка пондравилось. И спокойно. Токо всё далёко от центра-то... Далёко... Кадуй... Далёко Кадуй... Деревня какая-то, километров шесть, деревня какая-то... И туды вдаль тоже три деревни, аль сколь ли. И всё, большие уш ничево там нет. У них две церкви было раньше... Да, одну-то хотят починять, отремонтируют, дак не знаю, починят, али нет. На средства женищина одна собирает на все, ходит, насобирает сколь-нибудь, опеть на церкву кладут сколь-нибудь.

— Бабушка, она далеко от дома-то располагается?

— Церква-та? Близко совсем.

— Да? Мм...

— Рябин, у всех там рябин полно... Всё рябины, рябины, ягод много...

— Там красиво?

— Сухая деревенюшка такая, только всё дом от дому заросли-то эти большущие-то, зарастают... Или, видишь, прокашивают где... К дому-то прокосят да всё, дак хорошо. А там-то, где некошоное... Кто, видишь, не живёт, а кто и не садит... Кто как...

— А у тёти Люды большой огород?

— Ну, у её напахано дивно там. Хватит насадить-то... У них ходят эти... Как поросят-то зовут?

О беседках

— Бисетки были нормально. Вот придут... Окупили вот эдак (показывает рукой) дом на день, вот например. Я сиводни вечером отпросилась у

бабушки, у какой-нибудь... У её большая изба, ничего в избе нетока. Ну, вот она меня пустила за то, что я вот ей то вымою полы, то потом чё-нибудь зделаю, зароботаю эти-ти деньги. Ну, вот и собираюча парни, девки, собираюча, сидят, пляшут. Весь вечер проводят тутока. Ну, кадриль попляшут, да кружска попляшут, парни трёпака попляшут...

– Что?

– Трёпака.

– Что это такое?

– Это вдвоём на перепляс... Чуёшь опять

(Звонит телефон.)

– Телефон. Папе звонят...

О доме

– Хороший дом: это какой?

– Да вот, хороший наш дом.

– А как понять, что он хороший? Почему?

– Свиду хорошо сделано, например. Выкрашен хорошо. Крыша не течёт. И считается хорошей дом.

Об уходе за животными

– Как и сейчас уже, только меньше кормили. Теперь дают много скоту все. Этих, все дают, ишь, в завенях каких. А раньше кормили хуже, сами ели хуже, дак и скота худо. Но сено было, трава была, всё вель. А в пойло мало чаво клали...

– Бабушка, а были ли люди, которые очень сильно трудились, были передовиками?

– Были.

– А как к ним относились люди другие? Уважали?

– Уважали. Любили тружеников все всегда.

– Бабушка, а было ли такое, чтобы младших по возрасту ставили командовать старшими?

– Я не знаю, вот было ли не было. Если хорошиё да умныё, дак если чи-во и скажут дак, хоть они и моложе, ак послушивали всё-таки.

О сиротах

– Как росли те ребята, у которых на войне погибли родители?

– На деду..

– Деда? Бабушка, а льготы какие-нибудь давали детям, у которых нет родителей?

– А я этого не помню. Льготы...

– Помощь какая-то была от государства дополнительная?

— Аня, не могу ответить. У нас убили отца на войне, мы никакой помощи от государства не получали никогда. И было у мамы семеро детей. А не знаю, как тем детям платили ли не платили. Этова я не могу сказать.

О предпочтениях

— Старинные обряды были, так по-старинному и праздновали.

— А много пили?

— Пили как всегда: кто сколь хочет. Как и теперь пьют. Кто много хочет, ак пьёт много, кто мало, ак мало. Всякие, ак люди разные.

— Бабушка, а как соотносились роли мужа и жены в доме? Кто больше зарабатывал? Оба работали?

— Ну, зароботывал я не знаю: ковда, кто больше. Но всё-таки муж всегда был главный... Ой.

— Бабушка, а ты скучаешь, когда вдали от дома находишься?

— Конешно скучаю об своём доме.

— О чём чаще всего думаешь?

— О чём? Думаешь чаще об детях, про детей нельзя забывать, тоскуешь об матери, если мама есть.

— Бабушка, ты каких больше всего любишь животных?

— Коров да телят.

— А кошек?

— Ну и кошки... Я их уважаю, но любить я не люблю.

— А телят и коров каких?

— Каких?

— Спокойных?

— Спокойных, хороших, потому штё я коров кормила да телят кормила, да всех да. Всех я этих животных и люблю.

— Бабушка, а ты любишь рябину?

— Рябина? Не знаю. Мне теперь ничё нельзя есть, ак и рябину...

— А дерево нравится: рябина?

— Дерево как дерево. Ягоды на нём вешаются и баскиё. Рябинка и утово дома рябина есть, посажена, растёт баская.

РАССКАЗЫ О СНАХ

Сон о строящемся доме

Я всё вижу такие сны... Всё работаю на базе, бутто там у себя в Райтопе. И там у меня всё строим и думаем: « Там дом строим, у пилорамы дом строим с Васькой всё, баской дом. И тут, думаю, сколько домов-то у меня! Три уш дома: здесь дом, на Володарской дом, и на пилораме дом. Когда думаю, всё комнаты баские, отделяем всё. Наверное, к хорошему, стойка всегда к хорошему сница..

Сон о том, как Нина Дмитриевна собирала грибы (1)

А мне снилось, что я в лес ходила по грибы. Я насобирала целую корзину грибов. Баские, красные. Унесла домой. Бутто варю, жарю. И говорю: «Ой, теперь нажарю, наварю и будет полный холодильник грибов. Будем всю зиму грибы есть».

А вот ела грибы или не ела, теперь уш не помню. Красные грибы, баские – так к хорошему.

Сон о том, как Нина Дмитриевна собирала грибы (2)

Вот. Я уснула, и вижу, что пошла в лес: берёзы, сосенки, маслята. И всё красные головки. Баские. Набрала полную корзину. И стала возвращаться домой, с корзиной, с этой. Не знаю, уш, варила, иль, не варила... Вот этова не знаю... Наверное, к хорошему, грибы дак, красноголовики.

Сон об умерших детях

На всю жизнь запомню... Очень он интересный... Мама три дня перемирала... И увидела сон такой. Бутто, как она на том свете, ходит и видела своео мужа, бутто он сидит, читает книгу... И потом говорит, бутто идёт, а поляна баская, а на ней ребятишки бегают... Много ребятишек, ну-ко они умирают, дак тоже там... Вот я, говорит, подхожу и говорю: «Нет ли моих-то ребят у меня?». А у неё, ведь, умерло тоже два ребёнка, маленьких... А её заведущая говорит, в белом халате: «А вон, там тоже поляна, там тоже бегают».

На этой моих нетока, пошла дальше. Иду, говорит, на вторую поляну. Ой, говорит, вот, кто, говорит, одет, в носочки одни, либо в тряпочки другие... Ну-ко раньше в тряпочки закутвали. Они все, говорит, и разложились, штучки-то. А кто, говорит, в ботиночках, тот в ботиночках и бегает. Я, говорит, взяла своих ребятишечек: одново на одну руку, другово на другую. И пошла. Как только, говорит, первые двери прошла, вторые двери, говорит, стала проходить. Они, говорит, у меня голупкам зделались. И улетели. Оба. Осталася одна, проснулась. Замечательный сон. Голубям нужно всё бросать. Это дети наши маленькие. Выкидыши делают, аборты делают. Голупки – это эти-вот, всё. Хороший сон.

Сон о лесорубе

Вот всё гадали, да гадали: то кольцо пехнем, то это пехнем. Вдруг суженый к нам придёт. И вот. Я хожу, бутто, в лесу. И с ёлки какой-то звук. Я остановилась, смотрю на ёлку. Вот, тоже не забыть ево в век. И вдруг с ёлки спускаець молодой юноша. Во всём чёрном, в костюме. В пиджачке, красивый такой, хорошенъкий. «Ну, – говорит, – я твоя судьба». А я испугалась и говорю: «Так как это? С ёлки-то?» А он мне: «У ме-

ия в лесу дом». Ну, что? Вышла за рабочего, за лесоруба. Видишь, сон-то какой. Тоже хороший сон, не забываю никогда.

Сон о маме и брате

А на днях я маму видела. Идём мы от Жиганихи-то. Только выходим: мама располагающа на кушетке. Кушетка на улице. И мама лежит. Я говорю: «Мама, ты пошто тут-то лежишь? Пошли домой-то!» Она кушетку забирает, я, бутто, тюфяк забираю. А Вася встречает и говорит: «Ой, Дмитревна, проходи, проходи!» Мама осталась на улице и Вася на улице. А я одна дома. А назавтра брат умер. Это меня-то в дом пустили, а мама и Вася там остались. А назавтра Толька умер. Сон в руку оказался.

Сон о Маньке-Жиганихе

Когда Манька-Жиганиха умерла, мы поговорили с Валей Рыковановой. Она мне говорит: «Дмитревна, ты чула, у нас соседка-то умерла?» Я: «Нет». Она: «Севодня привезли из больницы...» Я: «Ну, так завтра я пойду схожу...» Она говорит: «Я тоже завтра...»

А я, лежжу, мне и видится она: «Што, говорит, ко мне не идёшь-то? Жалко денег положить?» Я говорю: «Как? Я пойду завтра к тебе...» Она всегда мне снилась, если у неё в семье кто-то умирает...

Сон о маленьком ребёнке

Мне приснился севодня во сне больной маленький ребёнок, ещё младенец совсем. Бутто, Ира ево кормит грудью, а он не ест совсем. Причём ребёнок-то не Ирин, а незнакомый какой-то. Тихий, непонятный, не пласал совсем. Я, бутто, говорю ещё: «Больной ребёнок-то совсем...» Вот. Такой мне севодня сон приснился. Я про детей в соннике всегда смотрю. Дети – это радость. Грудной ребёнок – удивление. А вот, чужой, так сплетни какие-то...

Сон о роковом звонке

Вбегают и говорят: «Дмитревна, тебя к телефону!» А я: «А кто, баловесь?» А звонили к Жигановым, к Рыкованным раньше звонили-то... Я бежжу к ней на телефон. Я прихожу. «Нина Дмитревна?..» Я говорю: «Да». – «Это с Пермаса, с почты говорят...» Я: «А чево надо-то?» Мне: «А у тебя брат умер...» Я: «Как умер? Толька-то? Как брат-то должен умереть, он здоровый и никто никогда не говорил, что он болеет?» Мне: «А ево машина сбила... Дорогой... И до смерти...» Я иду домой-то, Витя и бежит. А сон оказался правдивым...

Я тоже видела детей. Бутто в садик прихожу, ребёнка какова-то привожу, а какого ребёнка я не знаю, не нашего. Веду девочку. Маленькую. А столь тутока ребятёшек бегало. И столы. Идёт эта, ну-ко, в белом-то халате. На один стол вываливает кучу преников, на второй кучу калачей, а на третий кучу конфеток. Я говорю: «А пошто это эдак ребят кормят?» Один идёт – одно берёт, другой идёт – другое берёт. А потом бутто ребёнка-то взяла и мы пошли, по Красной всё и шли.

Список диалектных слов, зафиксированных в речи информанта

Ак ‘так’ [КСВГ]

Баской ‘красивый’ [СВГ 1: 22]

Беседка ‘вечернее будничное собрание молодёжи’ [СВГ 1: 30]

Божатка ‘крёстная мать, крёстный отец’ [СВГ 1: 35]

Буди ‘если’ [СВГ 1: 48]

Волос ‘по суеверным представлениям – мифологическое существо, живущее в воде’ [КСВГ]

Выложиться ‘отдать последнее’ [КСВГ]

Выпрытать ‘очистить хлев от навоза’ [СВГ 1: 97]

Густить ‘способствовать сгущению’ [КСВГ]

Дровина ‘бревно, полено’ [СВГ 2: 56]

Жнилка ‘орудие для срезания колосьев, жатка’ [КСВГ]

Загородка ‘выделенное в хлеву помещение для мелкого скота, птицы’ [СВГ 2: 110]

Загущать ‘становиться густым, густеть’ [КСВГ]

Заложить ‘закрыть дом на засов, задвижку’ [СВГ 2: 129]

Заложка ‘замок, запор, задвижка’ [СВГ 2: 129]

Заложня ‘верхушка стога’ [КСВГ]

Заскребать ‘сгребать сено во время сушки’ [СВГ 2: 149]

Заскребыш ‘последний ребёнок у матери, обычно многодетной’ [СВГ 2: 149]

Застегнуть ‘ лишить жизни, убить’ [СВГ 2: 152]

Затюкаться ‘устать, утомиться от работы, заработать’ [КСВГ]

Зухать ‘крикнуть, позвать криком’ [СВГ 2: 179]

Зыбка ‘колыбель, люлька’ [СВГ 2: 180]

Изведать ‘проводить, навестить’ [СВГ 3: 7]

Истолчи ‘изуродовать, искалить рогами’ [КСВГ]

Истопщик ‘истопник’ [КСВГ]

Кадра ‘лесопункт, леспромхоз’ [СВГ 3: 30]

Картовка ‘картофель’ [СВГ 3: 41]

Козлуха ‘коза’ [СВГ 3: 77]
Кролиха ‘крольчиха’ [КСВГ]
Кутузье ‘завязанные в узлы вещи, одежда’ [КСВГ]
Лино ‘даже’ [СВГ 4: 40]
Лопоть ‘одежда’ [СВГ 4: 31; КСВГ]
Молодица ‘женщина, недавно вышедшая замуж’ [СВГ 4: 88]
Наймовать ‘нанимать’ [СВГ 5: 41]
Насмелиться ‘осмелиться’ [КСВГ]
Наштѣ ‘зачем, с какой целью’ [СВГ 5: 84]
Нетока ‘нет’ [СВГ 5: 106]
Обряжаться ‘совершать ежедневный круг работ по дому’ [СВГ 6: 9]
Оболочка, оболочечка ‘одежда’ [СВГ 5: 126]
Окупать ‘оплачивать, покупать’ [СВГ 6: 49]
Отробить ‘отработать’ [СВГ 6: 99]
Паре ‘обращение к женщине, мужчине’ [СВГ 7: 7; КСВГ]
Поперѣшка ‘двуручная пила’ [КСВГ]
Поштѣ ‘почему, по какой причине’ [СВГ 8: 27]
Проробить ‘проработать’ [СВГ 8: 92]
Простокшиша ‘закисшее молоко, простокваша’ [СВГ 8: 96]
Ребятёшка ‘дети, ребята’ [СВГ 9: 49; КСВГ]
Робить ‘работать, трудиться’ [СВГ 9: 57]
Севогоды ‘в этом году’ [СВГ 9: 141]
Скорлуша ‘яичная скорлупа’ [СВГ 10: 28]
Тамока ‘там’ [СВГ 11: 7]
Теметь ‘темнота’ [СВГ 11: 13]
Тутока ‘здесь, тут’ [СВГ 11: 78]
Угор ‘возвышенность, холм’ [СВГ 11: 103]
Уписаться ‘зарегистрировать брак, расписаться’ [СВГ 11: 131]
Численник ‘отрывной календарь’ [КСВГ]
Эво, эвона ‘здесь, тут’ [СВГ 12: 119]
Эдакий ‘такой’ [СВГ 12: 120]
Ягодники ‘сборщики ягод’ [СВГ 12: 129]

Глава 2

ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

Традиционная народная культура складывалась на протяжении веков и формировалась менталитет русского народа. Поскольку культура передается через язык, то именно народная речь явилась главным выразителем и хранителем традиционной культуры, а существующие в ней культурные и духовные константы считаются эталонными, первичными для всей русской культуры.

Наряду с традиционной культурой и, можно сказать, на её основе развивались элитарная, обыденная и массовая культуры, каждая из которых имеет свой набор видов и способов коммуникации – дискурсивных практик. В элитарной культуре это литература, коммуникация же осуществляется через художественный текст посредством создания художественного образа. В обыденной культуре это повседневное общение в сфере частной жизни (бытовое общение, письма). В массовой культуре это средства массовой информации (печать, радио, телевидение, интернет-ресурсы) и массового воздействия (реклама, кино и др.).

С течением времени элементы традиционной народной речевой культуры начинают использоваться другими видами культур для решения собственных коммуникативных задач и претерпевают ряд изменений. Так, в бытовой речи создаются условия формирования новых лексических единиц под влиянием различных функционально-семантических процессов. В бытовой же речи XVII–XVIII вв. мы обнаруживаем, с одной стороны, соответствие традиционным народным идеалам любви и верности (например, в письмах Петра Лызлова), с другой же стороны, отклонение от этих идеалов (например, письма Арефы Малевинского). В литературе, особенно региональной, традиционная народная культура и её речевое воплощение становятся основой создания образов персонажей и поводом к размышлению о судьбах русской деревни (например, произведения вологодского писателя и поэта А. Я. Яшина). В местных средствах массовой информации, в сфере региональной рекламы и туризма традиционная народная речевая культура становится формальным маркером «подлинной» народности, хотя многие медиатексты обнаруживают присутствие «развесистой клюквы» (например, сценарии современных «народных» праздников или реклама вологодского Деда Мороза).

В методологическом отношении представленные ниже материалы продолжают заданные в первой главе монографии аспекты исследования. Этнолингвистический аспект изучения вологодской народно-бытовой речи представлен в работе И. Е. Колесовой. Лингвоперсонологический аспект реализуется на историческом материале в работе А. В. Загуменного, который сопоставляет две исторические языковые личности – Петра Лызлова (XVIII в.) и Арефы Малевинского (XVII в.) – сквозь призму их частной

переписки. Виртуальная языковая личность исследуется в работе Н.Н. Зубовой и Е.Н. Ильиной на материале персонажного уровня произведений А.Я. Яшина. Лингвокультурологический аспект изучения современных региональных медиатекстов и текстов туристического дискурса представлен в ходе анализа верbalного сопровождения проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» (С.А. Громыко, Ю.Н. Драчёва).

2.1. Две языковые личности Вологодчины (на материале частной переписки XVII – XVIII веков)

Представим, что читатель этой книги оказался участником обсуждения одной существенной проблемы. Кто-то начал: «Любой носитель того или иного языка» [Русский язык 1997: 671]. «...Обладает родовой способностью быть языковой личностью, но каждый индивид ещё должен стать ею» [Богин 1984: 1–2], – заявил о своей позиции другой. «...Нужно погрузиться во внутрь самого дѣйствія, нужно психологическое, такъ сказать, изслѣдованіе» [Аксаков 1875: 417], – предложил третий. «Каждое лицо ... есть нечто вполне замкнутое, в котором нет ничего, кроме произведённого им самодеятельно» [Потебня 1999: 226], – степенно произнёс четвёртый. Разумеется, в этом есть момент своеобразной игры, мыслительного эксперимента, если хотите. Важно было показать, что сумма взглядов на соотношение языка и индивидуума привела к вычленению специальной дисциплины – теории языковой личности, которая иногда именуется «лингвистической персонологией» или «лингвоперсонологией». На этом мы покидаем поле игровой деятельности, переходя в область моделирования объектов другого рода.

Среди специалистов-филологов может возникнуть резонный вопрос в духе методологии Ф. де Соссюра: «Если книга посвящена *rечи* вологодской земли, то можно ли говорить о языковой личности, и является ли она таковой, исходя из материала для анализа, названия книги, целей и установок авторов?» Современная культура мышления, корни которой можно обнаружить, в частности, в почве работ по философии науки (Т. Кун, П. Фейерабенд, К. Поппер и другие), достигла того уровня развития, когда становится очевидно, что даже на приведённое выше высказывание нельзя дать ни утвердительного, ни отрицательного универсального ответа. С другой стороны, мы можем обозначить, довольно примитивно и грубо, рамки подходов, по параметрам которых будет решаться эта проблема.

Строгая речевая центрация (направленность). Текст есть речевое произведение, фиксация («запись») проговариваемого человеком материала. При анализе такого источника значение есть употребление (Л. Витгенштейн) его составляющих «здесь и сейчас», хотя преобладает организация высказывания, соотносимая с некоторой ситуацией его употребления. Производство смысла может быть затруднительно для участников общения

при попытке оставаться в рамках одной темы. Культурный и индивидуальный опыт автора *отражён* в тексте. Возможна подмена исследования личности описанием диалекта / социолекта. При таком подходе исследователь может считать, что изучению подвергается *речевая личность*.

Умеренная речевая центрация (направленность). Здесь «...под текстом необходимо понимать не фиксированную на бумаге устную речь, ... а особую разновидность речетворчества, имеющую свои параметры, отличные от параметров устной речи. [Гальперин 2006: 18]. Усложнение значения, учёт «языковых игр» и *внешнего механизма наращения смысла*. Культурный и индивидуальный опыт автора *отображен* в тексте. Личность признаётся *речевой*, но параметры её выделения и описания усложняются [Пузырев 2002; Иванцова 2010; Лебедева, Корюкина 2013].

Умеренная языковая центрация (направленность). Здесь текст может пониматься и как речевое произведение (продукт, «эргон» по В. фон Гумбольдту), и как разновидность речетворчества (деятельность, «энергия» по В. фон Гумбольдту). Учитываются и элементы речи, и элементы языка. Значение как план выражения знаковых последовательностей, дуализм смысла (учитывается и поле коммуникации, и субъективная сфера). Культурный и индивидуальный опыт автора *отображен* в тексте. При таком подходе исследователь может считать, что изучению подвергается *языковая личность* [Богин 2009; Карапулов 2010].

Строгая языковая центрация (направленность). Текст рассматривается как совокупность единиц языковой системы (предложений, сложного синтаксического целого и т. д.). Значение зафиксировано в словарях определённой эпохи, вопрос о механизмах производства смысла может не ставиться. Культурный и индивидуальный опыт автора *отражён* в тексте. Возможна подмена исследования личности описанием системы литературного языка в академических традициях. Психический и культурный фоны постулируются, но не учитываются в ходе работы. Строго соблюдается граница «чистой лингвистики». При таком подходе исследователь также может настаивать на том, что изучению подвергается *языковая личность*.

Параметры каждой позиции могут углубляться различием / неразличением форм коммуникации (письменная, устная), глубиной жанрово-стилистической дифференциации материала. Как можно заметить, логика обозначенных выше подходов строится на переходе от крайнего эмпиризма, анализе сугубо внешнего вербального (словесного) потока, к максимальной теоретизации и отрыву от звучащей речи на границе с философией по уровню абстракции (отвлечённости). Объединяет полюса то, что параметры первой (внешняя направленность – «игнорирование кодифицированной системы литературного языка») и четвёртой (внутренняя направленность – «игнорирование стихийной, несистемной речи») позиций в одинаковой мере могут как бы «расторгнуть» объект лингвоперсонологии. Важно отметить, что исследователи не скованы каждым из четырёх подходов, и эти рамки (повторим – весьма грубо очерченные!) возможно творчески преобразовать за счёт привлечения других дисциплин как из гумани-

тарной (культурология, социология, философия и другие), так и из естественнонаучной (общая теория систем, теория информации, биология и нейронаука) сфер знания.

Впрочем, подойти к решению вопроса в духе методологии Ф. де Соссюра можно и другим путём. «В лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создаёт самый объект; вместе с тем ничто не говорит нам о том, какой из этих способов рассмотрения данного факта является первичным или более совершенным по сравнению с другими» [Соссюр 2004: 46]. Методология задаёт параметры изучаемого объекта, отсюда уже непосредственная связь с тем, как мы понимаем автора – языковая личность или речевая – исходя из приведённой цитаты, очевидно, что на заре, по крайней мере, структурной лингвистики не было и не могло быть приоритета в схемах и исследовательских тактиках. Схоластические споры о точности терминологии не имеют ценности, ведь С.О. Карцевским, современником Ф. де Соссюра, в работе «Об ассиметричном дуализме лингвистического знака» сделано очень верное замечание: «Если бы знаки были неподвижны, и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток» [Цит. по: История языкоznания 1965: 85]. Дискуссия должна быть не о толковании, а о содержании, не о семантике определений, а о ситуациях, ими раскрываемых. И если снова вернуться к спору о том, является ли личность «языковой» или «речевой», то можно вспомнить о размышлениях Э. Бенвениста, высказанных в работе «Соссюр полвека спустя». Согласно его позиции, «...можно взять в качестве объекта лингвистического анализа какой-нибудь материальный факт, например отрезок высказывания, с которым не связывалось бы никакого значения, и рассматривать его как простой результат функционирования речевого аппарата; можно даже взять изолированный гласный. Но было бы иллюзией полагать, что мы имеем здесь субстанцию: ведь только с помощью операции абстрагирования и обобщения мы и можем вычленить подобный объект изучения. <...> Все аспекты языка, которые мы считаем непосредственно данными, являются результатом бессознательно проделываемых нами логических операций. Осознаем же это» [Бенвенист 1974: 55–56]. Достаточно вспомнить, что тексты сохранившихся памятников древних эпох не всегда были разделены на слова, словосочетания и т. д.; до сих пор в орфографии русского языка больным вопросом остаётся слитное, дефисное и раздельное написание слов, особенно в методике преподавания в школе. Завершить эту часть хотелось бы утверждением, что изучение языковой личности есть подступ к механизмам организации живой звучащей речи.

Состав модели языковой личности

Наше исследование строится на умеренно-языковой центрации (направленности) в русле структурного подхода [Иванцова 2010] лингвоперсонологии. В основу была положена концепция Ю.Н. Кацуалова, где, со-

гласно его позиции, автор предстаёт как модель со своими составляющими – «уровнями». Эта конструкция должна дать ответ на вопросы: «Как и почему человек пишет то, что он пишет. Имеют ли значение (если да – то какое) умолчания, пропуски, ошибки? Что они дают в качестве сведений об авторе?» Рассмотрим «состав» модели.

Её «нулевой», «низший», вербально-семантический уровень представляет собой «лексикон личности; лексикон, понимаемый в широком смысле, включает, по нашим представлениям, и фонд грамматических знаний личности» [Караулов 2010: 238]. Единицами здесь выступают слова, отношения (связи между элементами) на нём – грамматико-парадигматические, семантико-синтаксические, ассоциативные – образуют «верbalную сеть».

«Первый» – это лингвокогнитивный, тезаурусный уровень, понимаемый как «“образ мира”, или система знаний о мире» [Караулов 2010: 238]. Единицами здесь являются понятия, идеи, концепты, отношения на нём – образуют иерархически-координативные – это семантические поля, «картина мира».

«Второй», «высший» – это мотивационный уровень, понимаемый как «прагматикон личности, т. е. система её целей, мотивов, установок и интенциональностей» [Караулов 2010: 238]. Единицами здесь являются деятельностно-коммуникативные потребности, отношения на нём – сферы общения, коммуникативные ситуации, роли – можно обозначить как «коммуникативная сеть».

Существуют и другие модели, с иным составом, сферой применения (например, «профессиограммы» в психологии). И хотя даже выбранная нами модель уже применялась в исторических исследованиях [Аникин 2004], всё же нужно оговорить, что при анализе материала других эпох требуются иные методы, чем те, которые были использованы Ю.Н. Карауловым (например, ЭВМ как инструмент изучения семантических полей).

«Значащие переживания» в картине мира

Если вербально-семантический уровень модели в плане входящих в его состав единиц относительно прост, то лингвокогнитивный, наоборот, сложен. Когда мы говорим о неких идеальных структурах сознания – понятиях, идеях, концептах – то, что бы мы ни выбрали из этого перечня, это образование «нами понимается, и по пониманию мы его постулируем. Но его объективного анализа мы дать не можем» [Щедровицкий 2004: 101]. Нередко апелляция к высказанному, зафиксированному содержанию, «переведённому вовне», в некоторых моментах может быть необоснованной. Возможно, что всё «объективное» по отношению к индивидууму может таковым считаться только в том случае, если оно есть субъективность другого порядка, отсюда – мысли о коллективной языковой личности, «национальном характере», ментальности. Специалисты в области когнитивной лингвистики разработали систему методов и доказательств [Колесов 2006;

Маслова 2008; Попова, Стернин 2007, Степанов 2004 и др.], используя словарное значение для построения идеальных структур – понятий, идей, концептов, но могли упустить из виду, что толкование слова есть процедура герменевтическая [Байрамукова 2009; Богин 2009 и др.], априори нематериальная. Возможно, в силу становления антропоцентристической парадигмы, «...пока мы не научились ещё аккуратно разделять то, что следует разделять тут всегда и во всём – «значение» и то, что может получить «выражение» через значение, и далее – значение и ту предметность, какая означаема» [Гуссерль 2009: 51]. И понятия, и идеи, и концепты связаны с семантикой, могут подвергаться осмыслению, дополнению или конструированию на базе личного опыта. Учитывая различие перечисленных выше терминов в зависимости от школы и времени их обсуждения в отечественной филологии, мы будем оперировать более общей по объёму единицей, которую Г.И. Богин обозначил как *«значающее переживание»*. Оно является таковым потому, что нами усматривается не «эмоция», не иррациональное «чувство», а смысл, опосредованный восприятием знаковой последовательности. Мы не находимся в позиции источника, не впадаем и не испытываем *точно такого же состояния*. Наша точка зрения на происходящее изначально дана в рефлексивной позиции «со стороны», исследователь вычленяет из значащего переживания *«концепт»*, *«идею»* и *«понятие»*.

В картине мира каждой эпохи есть некие духовные скрепы человеческого существования, одна из них – *любовь*. Системно-языковой материал позволит найти стабильное значение данной лексемы. Согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.», она обладает следующими толкованиями: «1. Любовь, привязанность, благосклонность к кому-л. 2. Склонность, пристрастие, приверженность к чему-л. 3. Обычно мн. Вечери любви, общие трапезы у древних христиан. 4. Страсть, влечеение к лицу другого пола» [СлРЯ XI–XVII 8: 330]. Продолжаем реконструкцию семантического поля. Согласно этому же источнику, *страсть* – это «1. Страдание, мучение. 2. Бедствие, несчастье; испытание <...> 4. Сильное, не управляемое разумом чувство» [СлРЯ XI–XVII 28: 141–142]. Вспомним, что помимо высокой христианской любви апостола Павла существует и вульгарная, плохая, пошлая её форма, переходящая в грех – *похоть*, что означает «1. Желание, стремление, помышление, воля. 2. Любовная страсть, вожделение» [СлРЯ XI–XVII 18: 61]. Семантическое поле грубо очерчено. Любовь (идея, понятие, концепт) сколь абстрактна, столь и сложна не только для объяснения, но и для описания её как некой идеальной структуры в пространстве культуры. И на современном материале, и на историческом исследователи отмечают (с разной степенью глубины анализа), связанность ее с другими значащими переживаниями – Верой и Надеждой (в связи с христианским триединством) [Колесов 2006: 357]. Также прослеживаются пересечения ее с идеальными образованиями типа *Слово, Вера, Воля, Страх, Грех, Грусть, Радость, Жалость, Страсть* [Степанов 2004: 420–424; Колесов 2006: 354–359; Вильмс 1997; Воркачев 2007]. Этот вывод был получен при анализе системно-языкового материала, но совсем иная по-

становка проблемы – в преломлении очерченного поля значений в модели автора писем.

Сбежавший жених

Начать наше исследование мы бы хотели с построения языковой личности Арефы Малевинского. Это подьячий тотемской приказной избы, живший во второй половине XVII века. Его тексты были обнародованы несколько раз и имеют свою скандальную историю появления. В XVII веке, в ходе судебного разбирательства, дьякон М. Федотов приложил письма к материалам дела. Изначально он «...подал жалобу архиепископу Великоустюжскому и Тотемскому Александру на подьячего тотемской приказной избы Арефа Малевинского, обвиняя последнего в нарушении условий гговорной записи» [Паникратова 1962: 364]. Последним документом предполагалось, что Арефа должен был жениться в 1668 году на сестре дьякона – Анне, в противном случае обязуется оплатить 50 рублей в качестве штрафа. Подьячий не стушевался и подал встречную жалобу, обвинив М. Федотова в том, что тот «вымучил» гговорную запись, пригласив ответчика к себе в гости. «Дьякон со своей стороны тоже объясняет, как было дело. Арефа не был приглашён в гости, а пришёл ночью в клеть к сестре его Аннице, где та спала со своей сестрой Федоркой. Федорка, услышав голос Арефы, выбежала из клети, заперла её и устремилась к дьякону и дьяконице. Те позвали в свидетели соседей и вместе вошли в клеть. Арефа тут же попросил чернил и бумаги, и написал на себя гговорную запись. В подтверждении своих слов дьякон представил письма Арефы, адресованные Аннице» [Паникратова 1962: 365]. В суде неудавшийся жених отказывается от этих посланий, говоря, что рука не его. Чем кончилось само дело – неизвестно, документ сохранился до нашего времени не в полном виде, но тринадцать писем некоего пылкого автора мы всё-таки имеем на начало XXI века.

В печати эти тексты появились только в 1921 году. Тогда пять писем было опубликовано В.Г. Гейманом. В 1938 году отрывок одного из них был приведён В.В. Виноградовым в работе «Очерки по истории русского литературного языка». Наиболее полное издание, на которое мы опираемся, увидело свет в 1962 году благодаря Н.П. Паникратовой. Также, в ограниченном объёме (как часть учебной хрестоматии), они были опубликованы Г.В. Судаковым в 1975 году.

От истории памятника переходим к построению модели. Отметим, что вербально-семантический уровень частично описан был уже В.В. Виноградовым. Мы позволили себе сохранить общий каркас рассуждения, но расширили его примерами, включёнными в специальные скобки <...>. «Подьячий пишет на мещанском просторечии, окрашенном диалектизмами (например, в фонетике: *и* вместо *и* перед мягкими согласными <ты рание приди [Паникратова 1962: 367]; *ты мн^и не вириш* [Паникратова 1962: 368>], ассимиляция *б* следующему *м*: <да не омани [Паникратова 1962:

366] >» [Виноградов 1982: 53]. Существенным для анализа языковой личности создателя текстов является замечание Н.П. Паникратовой: «...в рукописях Арефы Малевинского нигде не употребляется “ъ”, а только “ъ” (в значениях и “ъ” и “ъ”» [Паникратова 1962: 364]. Правда, цитируемый источник не отображает этот момент в должной мере. К XVII веку процесс падения редуцированных гласных уже завершился. Другой взгляд на это замечание заключается в том, что автор писем мог находиться в ситуации неопределенности орфографической нормы. Иными словами, пишущий помнил, что в этом слове / слоге стоял редуцированный, но отсутствие акустического образа за обозначением могло подталкивать к некорректному выбору форм. В грамматике у автора писем В.В. Виноградов отмечает сравнительную «степень на -je (<отпиши поскоряе [Паникратова, 1962: 367]>) и т. п.; в лексике: чмутам (<что ты в ёрии чмутам [Паникратова, 1962: 368]>); онамнясь – (ономнясь я тебѣ писал [Паникратова, 1962: 368]>), почти совершенно лишенном церковнославянанизмов и только отражающем влияние приказного слога (например, в примитивных формах присоединительных сцеплений с помощью союзов *а*, *да* (<Да отпиши ко мнѣ да выдь [Паникратова, 1962: 367]; Да не емли с собою содому, а как не увидисся... [Там же]>); в употреблении условного союза *буде* (<а буде ты со мною не увидисся сего вечера, а я не буду тебѣ в ёчно... [Там же]>) и др.)» [Виноградов 1982: 53]. Этими фактами не исчерпывается целиком и полностью вербально-семантический уровень модели автора писем, однако основные границы и черты уже нами обозначены постольку, поскольку позволяет это сам материал.

Письма Арефы Малевинского традиционно принято называть *любовными*. Логично предположить в языковом сознании их автора наличие значащего переживания, организующего пространство текста. Здесь и любовь-как-страдание: «*Не спасибо тебѣ, доспѣла ты меня, на всякой час слезами не могу терпим, и вечер на дворѣ был у вас*» [Паникратова 1962: 366], и любовь-как-иррациональное чувство: «*Уж я головы свое не щажсу, был я у Вас ночесь и в ѿзѣ, а у вас никово не было...*»; «*я бы, хоша скажси, на нож к тебѣ шёл, столь мнѣ легъко стало*» [Паникратова 1962: 366].

Дальнейший анализ лингвокогнитивного уровня предлагаем осуществить в виде сопряжённых цепочек, которые, в связи с ситуацией общения, отражают те или иные смыслы:

Любовь – Надежда: «*Повидайся, серцо мое, да бережно, да отпиши мнѣ я надѣюся и буду... Да выдь же, надежда моя*» [Паникратова 1962: 366];

Любовь – Страх: «*Боюсь я дяди... а как ни есть приду, ты жъди*» [там же] – второе письмо [Паникратова 1962: 367];

Любовь – Вера: «*а я буду, не оману*» – первое письмо, «*А я на тебя сердит, что ты словам вериш, а я дно задумал, а про все роскажу тебѣ*» – второе письмо; «*Спасибо тебѣ, что ты надо мною здѣлала, я приходил, а ты и не вышла, солѣгала*» [Паникратова 1962: 367].

Приведённые выше цепочки помогают раскрыть сложившуюся ситуацию в коммуникации. Арефа по каким-то обстоятельствам не заслужил

доверия Анны. Пылкий влюблённый обвиняет её в обмане ожиданий, ведь девушка не выходит на встречу. Впрочем, иногда письма содержат действительно сомнительные предложения и условия свидания: «*А повидайся со мною одна сего вечера, а не емли с собою никово, дожьдись меня в бане, а я к тебе на вечер от воеводы приду из гостей рано, а домой не иду спать, а мнѣ говорить много с тобою, а при людях нельзя, да не стану, да послушай, добро будет, да отпиши мнѣ ныне скоряе, я буду, да повидайся, друг мой, нужно мнѣ; ономнясь было еще хотѣл говорить, да позабыл, а се испугался. А в бане ты окошка затыкни*» [Паникратова 1962: 368]. Здесь уже не видна высокая любовь апостола Павла, но легко просматривается переход к её греховной ипостаси – похоти. Так эмоции, входя в структуру языка как системы, речи – как деятельности, становятся знаками граней психических переживаний, типичных по внешним признакам, индивидуальных по объекту направленности. Движимый к желаемому, автор писем отчётливо фокусирует внимание на воздействующей составляющей, но к ней мы вернёмся чуть позже.

Верный муж

Наш следующий герой – подлинная противоположность Арефе Малевинскому – Пётр Михайлович Лызлов. Его письма хранятся в государственном архиве Вологодской области (фонд 673, № 3) и были опубликованы Г.В. Судаковым в «Хрестоматии по истории вологодских говоров» в 1975 году.

Известно, что Пётр Михайлович Лызлов был вологодским землемером, женатым на Марии Михайловне Лызловой – адресате сохранившихся писем. К сожалению, большей информацией мы не располагаем.

Вербально-семантический уровень языковой личности П.М. Лызлова отличается от такого у Арефы Малевинского. На уровне фонетики наблюдается ассимиляция по звонкости («*Петръ Ивановичъ Золотиловъ зговорилъ*» [Судаков 1975: 63]; «*размежеватся з Грязневицкой окружой*» [Судаков 1975: 63], «*всегда уежъжаю помаленьку*» [Судаков 1975: 63]); ассимиляция глухости («*о работе прикажи старатаца*» [Судаков 1975: 63], «*привези с собой вотки сладкои*» [Судаков 1975: 64], редукция безударного «о»: «*я севодни начевалъ*» [Судаков 1975: 63], при «*в пятницу к noche*» [Судаков 1975: 64]. Единичная мена *ѣ* на *и* при использовании пословицы: «*горкому Кузенке горкая и писенка*» [Судаков 1975: 65]. Есть вероятность, что это – воспроизведение «местного колорита», сама же языковая личность эту закономерность (как у Арефы) может не соблюдать.

Обнаруживается сходная сравнительная степень на *-яе*: «*Приезжай душа моя поскоряе домои*» [Судаков 1975: 63], форма глагола в первом лице от *ходить*: «*поидемъ на межу ходю по лесам и болотам*» [Судаков 1975: 63].

На уровне лексики встречаются заимствования: «*за домашнюю економию спасибо*» [Судаков 1975: 64], «*два штофа*» [Судаков 1975: 64] «*саха-*

ру фунта три рубашек три чулковъ трои» [Судаков 1975: 64], «табаку курительново» [Судаков 1975: 64], «напрасные репреманты» [Судаков 1975: 64], «от камисію посланъ репортъ» [Судаков 1975: 64]

На уровне синтаксиса языковая личность Петра Лызлова богаче, чем автора писем к Анне. Хотя цитируемый источник передаёт тексты в адаптированном виде, их структурные особенности выдают тяготение к использованию конструкций с различными типами связи (приводим письмо полностью): «*Машенька душа моя я севодни начевал в Голупкове а завтре поидемъ на межу ходю по лесам и болотам i от сонца згорели i думаю что нам i до октября не докончать прощаи матушки до свиданья а как подходить будем до Маслены о том тебе знать дам а какъ поедешь на Маслену возми с собой дюжину тива бутылок о работе прикажи старатаца, чтоб не теряли времени я жъ пребуду навсегда верны вашъ Петръ Лызловъ*» [Судаков 1975: 63]. Эти письма, чаще обыденные по содержанию, также можно назвать любовными. Они начинаются с обращения к адресату (здесь это, в отличие от писем Арефы, уже показатель жанра): «*Машенька душа моя*» [Судаков 1975: 63], «*Машенька милая моя*» [Судаков 1975: 64], и всегда оканчиваются формулой «*навсегда верны ваш Пётр Лызловъ*» [Судаков 1975: 63], которая чаще выступает не отдельно функционирующей подписью, а частью последней синтаксической конструкции: «*а приезжай матушка в маленкои каляске я ее с собои возму а тебе отдам четвероместную а я пребуду во ожидании тебя всегда верны вашъ Петръ Лызловъ*» [Судаков 1975: 64].

В индивидуальной картине мира любовь не является доминирующим значащим переживанием в письмах, а ретушировано событийно-бытийным содержанием. Впрочем, отношение к адресату коммуникации показано открыто: «*Приезжай душа моя моя поскоряе домои істинно скушно такъ что я лишился i дому*» [Судаков 1975: 63] «...*прощаи матушка до свиданья а как подходить будем до Маслены о том тебе дам знать чтоб ты туда приехала*» [Судаков 1975: 63], «*приѣщи душа моя*» [Судаков 1975: 64], «*Приезжай матушка в маленькои каляске я ее с собои возму а тебе отдам четвероместную*» [Судаков 1975: 64]. Это текстуально выраженное чувство заботы о близком человеке, чувство, вероятно, взаимное. Также для тезаурусной организации интерес представляют несколько моментов.

Первый из них: «*Ты матушка приезжай в четверкъ к обеду на беседы привези с собои вотки сладкой два штофа то есть четверть ведра*» [Судаков 1975: 64]. Этот пример интересен тем, что адресанту приходится как бы закрывать лакуну в картине мира адресата. Это не значит, что Мария Лызлова малограмотна, но она могла не получить тех знаний и того образования, которые освоил на службе её муж.

Второй момент: «*...князь на Вологде не бывал да и отехать ему нельзя, я б право с охотой бы ехать да не в моей воле что же делат коли горкому Кузенке горкая и писенка*» [Судаков 1975: 65]. Прецедентные тексты входят в лингвокогнитивный уровень, и здесь наблюдаем рациональное и оправданное использование пословиц в ситуации. Ранее мы указывали, что

это – единственный пример мены *ќ* на *и*. Возможно, что данная языковая личность полушутилово воспроизводит колорит какой-то определённой местности Вологодской земли.

Мотивационный уровень: значащие переживания и понимание

Мысль, что тезаурус является не промежуточным уровнем, а коренным принципом организации всей структуры модели, высказывалась и ранее [Осокина 2010], но при таком подходе сразу встают вопросы о мотивации как части картины мира, о соотношении их составляющих. Если принять *значащее переживание* как системно-мыслительную единицу деятельности языковой личности (линия, предложенная Г.И. Богиным), совмещающую идеальную структуру из лингвокогнитивной сферы и целевую установку текста (и в тексте), то мы получаем возможность выстроить анализ высшей составляющей автора текста по нескольким параметрам. Подчеркнём, что это только подходы к решению поставленной проблемы.

Первый параметр – количество значащих переживаний в тексте и группировка языковых средств. Исходя из имеющегося материала, можно предположить, что чем ниже показатель первых, тем типичнее по способу организация последних. Покажем это на примере писем Арефы Малевинского, вычленяя первую и последнюю синтаксическую конструкцию в каждом из 13 писем. «*Повидайся, друг моя, со мною сего вечера, в том же месте, да ранне, как ударят полтретья часа ночи <...> Да выдь ранние, дожидайся меня – ономнясь вышла поздно – я приду на час сего вечера, да принесу и твоё всё» [Паникратова 1962: 366]; «*Боюсь я дяди, жид на меня, а как ни есть приду, ты жъди <...> Да бережно приди, не увидял бы никто, и никому не сказывайся, пди, а я буду к тебъ» [Паникратова 1962: 366]; «*Спасибо тебъ, что ты надо мною насмехаясь вечер и не вышла, я ждал дольго, доспѣла ты надо мною хорошо <...> Ой, вдішь меня за собою, да выдь не омани, как не выдешь, вѣк не видаться будет, послушай, выдь, да отпиши скоро, да не прости ту ты, в том мѣсте приди ранние, да до меня спи, я приду скро, да отпиши мнѣ» [Паникратова 1962: 366]; «*Не спасибо тебъ, доспѣла ты меня, на всякой час слезами не могу терпим, и вечер на дворѣ был у вас <...> Отпиши ко мнѣ поскоряе, я надеюсь» [Паникратова 1962: 366–367]; «*Выдь, друг, надежда моя, на вечер на город за баню, я приду к тебѣ, да выдь одна, а то лишь свяжут тебя <...> Выдь, друг, на город, я приду, да отпиши скоряе, я подожду» [Паникратова 1962: 366–367]; «*Отпиши скоряе, а токо ты сего вечера не выдешь, я ехду в волости, и всѣ поѣдут для богомолья, а завтра иные и поѣдут <...> А на сарае у вас спали мать да Ванка, я был, я начался ты тут...»] [Паникратова 1962: 366–367]; «*Спасибо тебѣ, что ты надо мною здѣлала, я приходил, а ты и не вышла, солгала <...> Не жаль было, я бы к тебѣ так и не писал, а т и головы не щажжу свое, иду к тебѣ, уш то мнѣ гораздо нужно, и люба ты мнѣ, послушай же вы...»] [Паникратова 1962: 366–367]; «*Ономнясь не было чево после меня? <...> А только не послушаешь, я не буду и вовсе, а послу-********

шаш, и тебѣ добро и сергу найдем ныне...» [Паникратова 1962: 367–368]; «Повидайся со мною, друг мой, уж мнѣ когда велит бог видатца с тобою, восстал на меня дядя, а только не повидаеся, мнѣ уж не видатца <...> Да отпиши мнѣ сего ж часу, буде повидаеся, ты детине напиши, да пришли скоро, а не подаеся ты, так отпиши, я не надѣюсь» [Паникратова 1962: 368]; «Ономнясь я тебѣ писал, Анна, велѣл выти, а ты и не послушала <...> Ты не отпишеш, я и сам стану достават тебя» [Паникратова 1962: 368]; «Вчерась я к тебѣ писал, чтобы ты вышла, а ты и не вышла, а я приходил. Впрям ныне ты меня водиш в уздѣ <...> Послушай, друг моя, да напиши немного мнѣ буде будеш, или словом прикажи, я надѣюсь на тебя, приди в чес и отпиши» [Паникратова 1962: 368]; «Повидайся со мною, друг мой, в том же мѣсте, а мне досадно, что ты вѣриши чмутам, ей, уж не могу жить, увидъся, как ни есть, а я буду часу в третьем или в четвертом, да к мнѣ не пиши, я сего вечера буду к тебѣ и бес писма, не могу, ей, быть разве смерть меня с тобою розлучит да гово...» [Паникратова 1962: 368–369]; «Выдь сего вечера, да отпиши мнѣ, а буду, да бережно приди, а письма дѣякон видял, мнѣ сказывал. Да выдь ранние, я буду, да отпиши скоро, не бережно живешь, да выдь ранние, да отпиши» [Паникратова 1962: 369]. Обильное использование глаголов в побудительном наклонении, дейксис говорит о том, что автор посланий хоть и колеблется в орфографии, и сцепление частей достаточно примитивно, отказать ему в минимальной риторической подготовке нельзя. Семь из тринадцати писем начинаются с глагола в повелительном наклонении. Оставшиеся пять посланий демонстрируют ситуации от как бы случайного стечения обстоятельств до иронии и прямого обвинения. Эти письма скорее страстные, чем любовные, ближе к похотливым, чем рассудочно-серъёзные послания Петра Лызлова.

Второй параметр анализа мотивационного уровня – соотнесённость текстовой организации с типом понимания у адресата, что позволяет говорить не только о «воздействующей составляющей», но и о «диалоге» двух сознаний. Письма Арефы, группирующие языковые средства около одного значащего переживания, созданы максимально удобоваримо для малограмотной Анны. Она как адресат, исходя из классификации Г.И. Богина, обладает в большей мере семантизирующими пониманием – декодированием единиц текста в знаковой функции, т. е. каждый сегмент каждого послания несёт в себе только «значение», без восхождения к личностным и культурным смыслам (примеры представлены выше). Иная ситуация с письмами Петра Лызлова. Ретушированность значащего переживания событийно-бытийным планом, а также иной тип понимания адресата – когнитивное понимание (по Г.И. Богину, это освоение содержательности познавательной информации, данной в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание, иными словами – выход на формирование понятий), организуют текст отличным от Арефы образом: «Машенька душа моя Я слава богу здоровъ хотя вы ко мне і прислали напрасные реприманты которыхъ я не заслужиль но я і за оные бла-

года́рствую ибо произхожде́ние ихъ ни от че́го и на че́мъ какъ от любви, мы же́жу свою почи́ почти окончали и третью неде́лю сочиня планы отправилиса в Вельскъ а оттуда в Вологду в писме дядюшким приписано ко мне от Марыи Васильевны Лермантовой репреманть будто я ее позабыть а я истинно к ней затем не писалъ что щиталъ ее в Галече на свадбе у Черевина; детямъ от меня поклонъ обо мне от камисії посланъ репортъ в наместническое правление что я заболель для того чтоб свободитца Вятки; князь на Вологде не бываль да и отехать ему нельзя, я б право с охотой бы ехать да не в моей воле что же делат коли горкуму Кузенке горкая и писенка какъ на пожняхъ поуправятаца то прикажи в городе ставить кухню между банею и колотцом да и сени вели омшить и зделать в них потолокъ чтоб у очага было тепло, прощаи матушка до свиданья а я остаюсь на всегда верны вашъ Петръ Лызловъ» [Судаков 1975: 65]. Получив укоры со стороны адресанта, Пётр Лызлов смягчает ситуацию, не признавая за собой провинности, плавно изменяет понимание источника недовольства – «напрасные реприманты которыхъ я не заслужиль но я и за оные благодарствую ибо произхожде́ние ихъ ни от че́го и на че́мъ какъ от любви». Далее идёт возвращение к персонально-событийному плану повествования – «...мы же́жу свою почи́ почти окончали и третью неде́лю сочиня планы отправилиса в Вельск а оттуда в Вологду». Вероятно, по ассоциации сопрягается другая ситуация, где также был укор со стороны адресата: «...в писме дядюшким приписано ко мне от Марыи Васильевны Лермантовой репреманть будто я её позабыть а я истинно к ней затем не писалъ, что щиталъ её в Галече на свадбе у Черевина». Далее снова следует событийно-персональный план с интересным (с позиции семантики) завершением: «прощаи матушка до свидания а я остаюсь на всегда верны вашъ Петръ Лызловъ». Использование союза с противопоставлением как бы показывает ситуацию постоянно ускользающего адресата, но сам автор письма не столько статичен, сколько постоянен в данной коммуникативной роли. Череда планов сопровождается постепенным преодолением непонимания, смены точки зрения на произошедшую ситуацию.

Вместо заключения

Возможно, что «любовь, как акт, лишена глагола» (И.А. Бродский) до тех пор, пока не становится предметом рефлексии, отражённой в тексте. Выход на значащее переживание как *одной из единиц индивидуальной, персональной картины мира подспудно ставит вопрос об организации на синхроническом срезе разговорной речи*. От уровня языковой системы к слоям языкового сознания с образно-знаковыми сгущениями культуры – оборванный путь русской филологии первой трети ХХ века, который смутно нащупывается совместными усилиями спустя почти семьдесят лет разными гуманитарными дисциплинами.

Учёт морфонологических и лексических особенностей необходим, но в условиях коммуникации вычленять «чистые» фонемы и морфемы без

«контекстного» окружения значит выводить сегмент общения из самой ситуации общения. Отсюда перестройка вербально-семантического уровня модели личности на фонетико-лексические, морфолого-лексические, лексико-синтаксические типы отношений, что позволит сохранить психическое содержание языковых средств.

Литература

- Аксаков К.С. Полное собрание сочинений: в 2-х т. Т. 2. Сочинения филологические. Часть I. – М.: Университетская типография (Катков и Ко), 1875. – 661 с.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
- Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984. – 33 с.
- Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: учебник.– 3-е изд. – М.: Вышш. школа, 1982. – 528 с.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / пер. с нем. А.В. Михайлова; вступ. ст. В.А. Куренного. – М.: Академический Проект, 2009. – 489 с. – (Философские технологии).
- Звегинцев В.А. История языкоznания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1965. – 495 с.
- Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 160 с.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
- Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
- Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. – М.: Лабирингт, 1999. – 300 с.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А.М. Сухотина; под ред. Р.И. Шор. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Щедровицкий Г.П. Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки / Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 7. – М.: Путь. 2004. – 400 с.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 428 с.

Источники

- Паникратова Н.П. Любовные письма подьячего Арефы Малевинского // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); отв. ред. Я.С. Лурье. Т. XVIII. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 366–368.

Судаков Г.В. Хрестоматия по истории вологодских говоров / Вологод. гос. пед. ин-т. – Вологда: ВГПИ, 1975. – 96 с.

Список сокращений

РЯ – Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. – М.: Наука (вып. 1–28), Азбуковник (вып. 29), 1975–2011.

Степанов – Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.

2.2. Диалектная языковая личность в творчестве А.Я. Яшина¹

Изучение феномена языковой личности на материале текстов художественной литературы относится к числу актуальных проблем лингвоперсонологии. Работа с материалом художественного наследия автора позволяет, с одной стороны, описать его самого как языковую личность [Бочкарёва 2012; Ляпон 2010], а с другой стороны, определить авторский эстетический идеал, опираясь на речевые портреты персонажей [Чурилина 2006]. В нашей работе на основе исследования художественной прозы Александра Яшина делается попытка изучения феномена диалектной языковой личности, черты которой, по нашему мнению, реализуются как в речи повествователя, так и в речи персонажей его текстов.

Диалектной языковой личностью учёные называют совокупность проявляемых в языке свойств человека – жителя определённой местности [Иванцова 2002]. Основу для их описания обычно составляют значительные по объёму записи бытовой речи [Тимофеев 1971; Толстова 2007]. На основании их анализа делается вывод о характерных особенностях диалектной языковой личности на всех уровнях её презентации: когнитивном, вербально-семантическом и прагматическом [Караулов 2010]. На когнитивном уровне у диалектной языковой личности обнаруживаются локальные особенности восприятия действительности, картины мира. Вербально-семантический уровень определяется тем, что диалектная языковая личность использует локальный вариант национального языка – территориальный диалект во всей совокупности его лингвистических черт. На прагматический уровень диалектной языковой личности влияет реализация её коммуникативных задач преимущественно в сфере устноречевого бытового общения.

Личность и творчество Александра Яковлевича Яшина (1913–1968) неизменно связаны с Вологодским краем. Здесь началась трудовая деятельность и поэтическая биография писателя. Александр Яшин довольно поздно осознал, что его талант – это, прежде всего, талант прозаика. Всё, что было свойственно поэзии А. Яшина, – лиричность, драматизм, юмор, эпическое начало, народность и стойкость языка, естественность диалогов, – стало характерным и для его прозы [Бараков 2007]. Исследуя язык повествователя в прозе Александра Яшина, можно заметить, что наряду с многими признаками креативной языковой личности русского интеллигента здесь отчётливо проявляются локальные черты. На когнитивном уровне об этом свидетельствует презентация традиционных ценностей крестьянской культуры, оценка всего происходящего с точки зрения нравственных устоев деревенского социума. На вербально-семантическом уровне обнаруживает себя словесная культура вологодских говоров – местная лексика и фразеология, вкрапления в авторский текст произведений устного народного творче-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (соглашение № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»).

ства. На прагматическом уровне обращает на себя позиция повествователя, который наблюдает за происходящим не с превосходством цивилизованного городского наблюдателя, а с деятельным сочувствием земляка.

Яркий пример сказанного – речь повествователя в повести «Вологодская свадьба» (1962 г.), в которой писатель ломает привычные представления современников о деревне той поры и о пределах реализма и условности при создании характера героя. Авторская идея произведения воплощается здесь в трёх направлениях: отражение старых обычаяев на фоне новой деревни, социальная противоречивость современной провинции и поэтика места, любовь к родному краю. Рассмотрим, как авторскую идею представляет речь повествователя в этой повести.

Когнитивный «разлад» обнаруживает оппозиция старого, традиционного, и нового, реализуемая на протяжении всей повести. Эта двойственность восприятия мира находит своё проявление, с одной стороны, в словесных описаниях красот родного края («*В полях было по-ночному тихо, а когда наши машины врывались в лесную чащу, вся она начинала шуметь и гудеть, наполняясь свистом шин и завыванием моторов. Казалось, что звуки по стволам уходят в звёздное небо*»), обстоятельных толкованиях местных реалий («*Сладкий пирог – белый, сдобный, круглый, величиной с решето, а то и больше. Сверху на нём всякие завитушки, плетёные узоры из теста и разноцветные монпансье ("лампасе") да ещё изюм <...>* Сладкие пироги на Севере – такое же народное творчество, как резные наличники на окнах, петухи и коньки на крышах, фигурные расписные прянички и кустарные ткацкие станы, как колокольчики "дар Валдая" под дугой и бубенчики (воркунцы, ширкунцы) на ошейниках у лошадей»), эмоционально насыщенных характеристиках персонажей («*Наталья Семёновна увлеклась, распелась, а всё нет-нет да поясним что-нибудь: так мало, должно быть, верила она, что содержание старинного причета понятно всем нынешним, трясоголовым*»), а с другой стороны, в комментарии утративших смысл обрядовых действий («*В минуту, когда разговор шёл ещё о птицеферме, дружка Григорий Кириллович, вдруг словно бы спохватившись, вышел из избы. Сейчас он вернулся с живой курицей в руках. Соблюдая какой-то древний языческий обряд, он остановился посреди избы, взял курицу за голову, с силой встряхнул её – и обезглавленная тушка запрыгала по полу, брызгая кровью, теряя перья. Курицу зажарили и со свежей курятиной и пивом обходили гостей. В деревне Сушинове этот обряд до сих пор никому не был известен, и в чём его смысл – никто разтолковать не смог, но свежая курятинка всем понравилась*»), меткой характеристике недостатков своих земляков («*Под конец напился-таки Пётр Петрович. Вероятнее всего, затащил его Николай Иванович по секрету в куть, к матери своей, и та не пожалела самодельного зелья дорогому зятьку. Напился молодой князь и начал куражиться. Нашёл где-то караулевую шапку, нацепил её на ухо и кричит: "Я Чапай! Кто на моём пути? Всем приказываю: долой!"*»).

На протяжении повести повествователь вербально дистанцируется от быта и нравов своих персонажей («*Мне, грешному, кажется, что, отправляясь “на города”, мои земляки сознательно одеваются похуже, прибедняются, чтобы вернее разжалобить своих “выбившихся в люди” родственников*»; «*Я, приезжий человек, тоже не был обойдён*»; «*Совет да любовь вам, дорогие мои земляки!*»). Вместе с тем в речи повествователя находят своё выражение традиционные для картины мира северного крестьянина объекты и ценности («*А между тем в деревне своей она считалась одной из лучших невест. Почему? Потому ли, что единственная дочка у матери и наследница всего дома? Отчасти, может быть, и поэтому. Но такие невесты в деревне есть и кроме неё. Все они не дорожат своим наследством, стараются бежать из дома, устроиться на какую-либо неколхозную работу, как это сделала и Галя, перебравшись на льнозавод. Нет, достоинства Гали – недородной, нерослой, не сильной – в другом. Она из очень работающего рода, а уважение к такому наследству живёт в крестьянах и поныне. А извечное трудолюбие и непоседливость перешли от дедушек и бабушек к нынешней невесте и стали её главным приданым, которое скрашивало в глазах женихов её низкорослость и неприглядность*»).

На вербально-семантическом уровне обращает на себя внимание большое количество локализмов предметно-обиходной и этнографической семантики: «*В дни свадьбы наградили меня бесценными подарками друзья Григорий Кириллович и колхозный шофер Иван Иванович Поповский. Они облизали немало чердаков и поветей и нашли для меня набор литых поддужных колокольчиков да воркуны-бубенцы на кожаном конском ошейнике <...> Подарили мне также резную раскрашенную прясницу столетней, по крайней мере, давности. А к пряснице – плетёную веретенницу с вертёнями. Ещё молотило берёзовое – цеп, валявшийся без надобности почти с начала коллективизации. Удалось мне так же достать два заплечных пестера из берёзового лыка*». При всей активности употребления в речи повествователя диалектных слов можно наблюдать неоднократные попытки дистанцироваться от местных особенностей речи, например, от специфического произношения:

– «*Иду это я раз вдоль осеков, гляжу – что-то шевеличча. Вдруг, думаю, заяч? Дай, думаю, стрелю! Стрелил, прихожу – и, верно, заяч.*

Добычили охотника тут же поднимают на смех:

– *Бежала овча мимо нашего крыльча да как стукнечча да перевернечча. “Овча, овча, возьми сенча!” А овча не шевеличча. С той поры овча и не ягнечча».*

Замечает повествователь и незатейливую бесцеремонность речи своих земляков: об этом свидетельствует, например, его реакция на свадебные приглашения односельчан («*Шура, приезжай, Тонька с Венькой безруким упсываются*»; «*Дуньку Волкову пропивать будем, приезжай, погуляем!*») и письмо-приглашение племянницы Гали («*“Дядя Шура, наша Галя выходит замуж. Жених работает на льнозаводе. Пиво мама спроворила, и все*

будет по-честному, как следно быть. Приезжайте, дядя, обязательно, не откажите в нашей просьбе. Едьте, пожалуйста!" Письмо писала сама невеста, хотя от третьего лица и без подписи. Казалось, от того, будущая свадьба или не буду, зависит её дальнейшая судьба»).

При оценке мотивационно-прагматического уровня языковой личности обязательно учитывается фактор адресата. Повествователь, заняв позицию летописца вологодской свадьбы, вполне оправданно предполагает, что многие явления местной жизни будут не вполне понятными постороннему наблюдателю. Проявляется это и в разнообразии способов толкования местных слов («Журавлиха – клюква: старик везёт её кому-то в подарок»; «Галия не стала выше ростом, не стала пригляднеее, осанистей или, как здесь говорят, становитеий»), и в обстоятельном энциклопедическим описании реалий («Мария Герасимовна поднесла ей полную белую чашку пива, считавшуюся почётной, как в старину братыня. Старушка встала со скамейки, приняла белушку с поклоном, обеими руками, но выпила не всю: важна была честь!»), и в подробном комментарии местных порядков («В разговор о льнотресте немедленно включились соседи по столу, и давний конфликт вышел наружу. Суть его в следующем. На заводе старое, почти допотопное оборудование, из-за чего при первичной обработке льна получается очень большой, недопустимый по нормам процент отходов. Чтобы не прогореть даже при этом древнем оборудовании и выполнить и перевыполнить производственный план..., работники льнозавода приноровились умышленно занижать сортность поступающей трессы»), и во включении местных реалий в широкий культурный контекст: «Леденцы там по своему разнообразию и многоцветности не уступают коктебельским камушкам»; «Вспомнилось: как-то в Москве, на перекрёстке у Ленинской библиотеки, вот на таком же морозе милиционер приложил свисток к губам, а он не засвистел – застыл, должно быть. Дует в него регулировщик и сам смеётся. Тем дело и кончилось: повезло шоферу-нарушителю»; «Я ехал и твердил про себя пушкинские строки: "Колокольчик однозвучный утомительно гремит". До чего же всё-таки не хватает колокольчиков!». Здесь очевидна позиция повествователя как проводника между локальной и общенародной культурой, стремление осмысливать жизнь Русского Севера в контексте национальных представлений о мире-устройстве.

Реконструкция черт диалектной языковой личности в ещё большей мере может быть правомерна при анализе речи персонажей Александра Яшина. Создавая многие из своих произведений, писатель рисовал знакомые с детства места, обращался к судьбам и характерам своих земляков. Так, прототипом невесты Гали в «Вологодской свадьбе» стала двоюродная сестра А. Яшина, а в сюжетную основу очерка положен ряд эпизодов из жизни писателя; прообразом главного героя повести «Сирота» стал двоюродный брат Яшина, который не раз обращался к писателю за материальной помощью; источником бытовых и пейзажных зарисовок повести «Выскоч-

ка» стали родная деревня писателя Блудново и соседствующая с ней деревня Липово [Яшин 1980].

Весьма значимым для творческой позиции А. Яшина является собирательный образ северной крестьянки. В произведениях писателя он имеет большую нравственную и идеиную нагрузку, наделяется удивительной, неброской красотой, которая заметна не сразу, «но без неё жизнь стала бы серой и неуютной» [Рулева 1980]. Обратимся к характеристике некоторых из этих образов, демонстрирующих явные локальные черты.

Нюрка и Елена Ивановна Смолкина (повесть «Выскочка»)

Социальные противоречия северной деревни ярко проявились в образах двух ключевых персонажей повести «Выскочка» – молодой свинарки Нюрки и знаменитой на весь район активистки Елены Ивановны Смолкиной. Их биографии во многом похожи: голодное детство, заставившее рано узнать всю тяжесть крестьянского труда, работа на свиноферме, послужившая причиной внимания к ним местного и более высокого начальства. Вместе с тем автор по-разному представляет в тексте этих персонажей.

Во внешнем облике Нюрки подчёркивается её внутренняя красота, трудолюбие и талант: «Тоненькая, ловкая, непоседливая, вся в мать, с неистощимым запасом энергии и выносливости, она всю себя отдавала работе, потому что иначе и не могла, а может, ещё и потому, что ничто другое в жизни пока её не занимало. Она ни в кого ещё не влюблялась, на молодёжные пляски, на беседки не ходила, книги читать не приучилась. В Нюрку тоже никто ещё не влюбился: потому ли, что мала была очень да молода, а может, потому что не было в ней той внешней привлекательности, из-за которой парни влюбляются в девушек с первого взгляда: худенькое костлявое лицо, носик острый, рот широк не по лицу, никаких ямочек ни на щеках, ни на подбородке, и волосы жиденькие – либо ещё не успели отрасти, либо такими на всю жизнь останутся. А ту неброскую внутреннюю красоту, которой было у Нюрки с избытком, тот огонёк, который сжигал её всю, не давая даже округлиться хоть немножко, люди замечали не сразу, молодые пареньки тем более. Миловидность кидается в глаза с первого разу, а чтобы разглядеть красоту внутреннюю, доброту и свет души, требуется время да время. У пареньков этого свободного времени не было, как и у Нюрки: все работали со школьной скамьи, все куда-то спешили, даже целовались с девчатами по вечерам как-то наспех, торопливо. И Нюрка не унывала от того, что в неё не влюблялись. Ну, не любят, так не любят, экая важность, не до этого сейчас. Ведь сама-то она тоже никого не любит. Когда придёт время да охота – полюбится, и беспокоиться об этом пока не стоит».

Внешний облик Елены Ивановны Смолкиной обрисован удивлёнными репликами колхозников, пришедших слушать её выступление на собрании: «Шубу-то разглядела? Кругом мех»; «Шляпку-то видела? С вуалью»; «Вы-

ставка достижений!» Автор подчёркивает несуразность портрета известной свинарки: «Шляпка фетровая, с чёрной сеточкой-вуалькой спереди и сзади, костюм из нетолстой серой шерсти, кофточка какая-то модная полупрозрачная, нейлоновая, что ли, и туфли – ничего, не плохие, хоть и не на "шпильках", но на каблуках вполне женских, не солдатских... По отдельности – хорошие вещи! А все вместе они как-то не увязывались, не согласовывались друг с другом ни в цвете, ни в фасоне, вещь к вещи не подходила. И к ней, к Смолкиной, ничего не подходило, то что называется – к лицу не шло. Костюм на ней не сидел, а висел. Сквозь нейлоновую кофточку просвечивала фиолетовая не то комбинация, не то простая трикотажная майка. Вуалетка на шляпке не вязалась с учрежденческой строгостью пиджака и знаками отличия на нём. В общем, создавалось впечатление, что одежда Смолкиной приобреталась в разное время и по частям, в ларьках, распродавающих ученённые товары. Особенно не к месту были серьёзки – замысловатые, позолоченные, со сверкающими стекляшками на фольге, броские, как мишурные украшения. Нейлон и мишур! – действительно ни к селу, ни к городу. Потому и сама Смолкина казалась ни городской, ни деревенской». Вся эта несуразность исходила из того, что активистке Смолкиной приходится заниматься не свойственным для неё делом – ездить по колхозам с выступлениями на производственные темы вместо того, чтобы выращивать свиней.

Исследуя речевые портреты персонажей, также можно обнаружить как черты их сходства, так и концептуальные различия.

На когнитивном уровне обращает на себя внимание активная реализация в речи обоих персонажей концепта <труд>. Работа составляет основу жизни Нюрки, смысл её переживаний: «Вместе с Нюркой на свиноферме по целому дню возились и Лампия Трёхпалая и даже ленивая Палага – вот уж по правде от зари до зари». В жизни Елены Ивановны Смолкиной также было много тяжёлого, непосильного труда: «С детства я впряженась в оглобли в полную силу, по делянке отцу помогала, растила младших братьев и сестёр...» Но если Нюрка честна перед собой в том, что не любая работа ей под силу, то Смолкина, рассказывая о своей жизни и в порыве откровенности сознаваясь в своей неграмотности («А я мало поучилась. Отчим не дал, работать в колхозе надо было. Только два класса и кончила... Не писала я никакой книги. Другие за меня написали, я только деньги получила»), на колхозном собрании прикрывает свою неграмотность демагогической риторикой: «Что ж, так и написала! Конечно, не без помощи! Если бы не помочь да не поддержка, чего бы мы с вами все стоили на белом свете?»

Помощь – также одно из важнейших понятий в сознании каждой из женщин. Для Нюрки это проявление бескорыстной жалости к животным («Ты только подумай, мы их поим, кормим, мы за ними ухаживаем, чистим их, всё для них – от нас, на нашем горбу держатся, и вот ведь свиньи: вместо благодарности они же нас и ненавидят, они же нас сожрать ладят... Ну не свиньи ли?»), к родной земле («Земля осиротела, лежит не-

ухоженная, необласканная, последние соки свои теряет»), к работающим плечом к плечу односельчанам («Молодая безрассудная Нюрка кричала много. Нюрка надеялась, будто криком можно чего-то добиться, кому-то и чему-то помочь»). Поэтому «помощь» председателя Бороздина в карьерном продвижении Нюрка считает предательством по отношению к труду, к односельчанам, к свиньям, ко всему тому, что составляет реальную основу крестьянской жизни:

«Сейчас дам тебе бумагу в зубы, сядешь на подводу – и в район. Только ты пойми меня, Нюра, правильно. В районе передовых людей недостаток, новых выдвигать надо. Тебя обязательно поддержат. Тебя воспитывать будут, с тобой работать начнут, а ты им про свиней про наших, пойми ты это. Всё дадут! Героиней будешь!

– Вместе будем очки втирать, да?.. – Голосок у пчёлки зазвенел ещё выше, ещё звончей и со злобой. – Свиней кормить надо, а вы меня заведующей хотите поставить. Аль думаете, одним начальником будет больше, так свиньи дохнуть перестанут? Мало ещё у нас всяких заведующих?»

В противоположность Нюрке Смолкина, нынешняя роль которой явилась следствием именно такой «помощи», что предлагал Нюрке Бороздин, воспринимает её как необходимое условие своего существования:

«Самоотверженный труд был основой и единственным смыслом всей жизни Елены Ивановны, а направляющие указания руководящих товарищней не давали ей сбиваться с пути.

– Если бы не помощь, если бы не поддержка... – то и дело повторяла Смолкина. – Если бы председатель колхоза вовремя не подбросил кормов, если бы весь колхоз не был повёрнут лицом... не было бы у меня высоких показателей и не видать бы мне рекордов... как не видать своих ушей».

Вербально-семантическую основу речи центральных персонажей повести «Выскочка» составляет народно-общодная речь с умеренным вкраплением локализмов: «Ты только подумай, мы их поим, кормим, мы за ними ухаживаем, чистим их, всё для них – от нас, на нашем горбу держатся, и вот ведь свиньи: вместо благодарности они же нас и ненавидят, они же нас сожрать ладят... Ну не свиньи ли?» (Нюрка), «На гумне всю пелёву, всю мякину заметали подчистую, всё скоту на корм шло... Лён обмолотим – весь куколь (кое-где колокольцем зовут), весь куколь – свиньям на еду. Запаришь, подсыплем мучкой – лопают да облизываются, да спасибо говорят. А ныне что куда девается?» (Смолкина). Различия можно усмотреть в том, насколько активно и охотно персонажи включают в свою речь официально-деловую лексику, канцеляризмы и штампы ораторской речи. Нюрка прибегает к ним, либо иронизируя над бессмыслицностью прикрываемого канцелярщиной бюрократизма и очковтирательства («Набывают кожсаные голенища разными бумагами и слоняются от фермы к ферме, ручки в брючки да по совещаниям ездят, опытом делятся. Колхозная интеллигенция!..»), либо включаясь в заданную стилистику диалога («Дела как? – переспросила Нюрка. И, впадая в тон недавно прочитанной смол-

кинской брошюры, ответила: – Трудности у нас есть. Много трудностей»). Смолкина же, напротив, стремится к существованию в этой речевой стихии, видя в этом соответствие возлагаемой на неё миссии: «Трудности, да... Трудности, они у всех есть. Разные... Это трудности роста. Их преодолевать надо... Ну, мы с вами ещё поговорим. И собрание проведём».

Мотивация поступков Нюрки определяется стремлением ко всеобщему благу, к справедливости, к правде: «Как же тут утерпеть, не высказать всё этакому известному и почётному человеку, как Елена Ивановна Смолкина? Нет уж, будь что будет. Пускай уж и сор из избы летит, может, чище в избе станет. Да и не такой человек Смолкина, чтобы не разобраться, кто чего хочет – кто добра, а кто корысти. Эх, дойти бы до самой Москвы, как раньше ходоки до Ленина добирались». В противоположность Нюрке Смолкина, уже давно играющая роль активистки и колхозного агитатора и успевшая устать от этой роли, многие из поступков совершают уже по инерции («Елена Ивановна начала читать свою речь. Речь эта была написана, видимо, давно, с расчётом на любой случай, для любой аудитории... опять обратилась к печатному тексту своей речи и стала читать без воодушевления, монотонно, поднимая голову в местах, которые она уже знала наизусть»), вызывая недоумение и протест у слушающих её земляков: «С людьми разговаривать надо, а не по бумажке им читать, если ты сама человек. Время это прошло, когда все по бумажкам читали, того гляди и слушать тебя не станут».

Речевые характеристики убеждают нас в том, что симпатии автора находятся на стороне Нюрки. Не случайно в конце повести, во сне героини, Смолкину настигает справедливое возмездие («Крокодил первый опрокинул перегородку. Клыки его были обнажены... Трещала распарываемая шерстяная материя, звенело золото и серебро на цементном унавоженном полу»). Нюрка дождалась от напарниц справедливого уважения («Никогда прежде Ламия не называла Нюрку так ласково – Нюрушкой! – и не разговаривала с ней так доверительно, как сейчас»), а Елена Ивановна Смолкина получила её бывшее прозвище – «выскочка».

Матрёна Савельевна (повесть «Слуга народа»)

Главная героиня повести «Слуга народа» – деревенская русская женщина Матрёна Савельевна, приехавшая к сыну в столицу; через её восприятие даётся Яшиным нравственная оценка и событий, и героев.

Матрёна Савельевна всей душой связана с деревней, она часть её: «Только какая уж я городская. Так, горе одно. Сама ехала, а душа всё там, словно для неё паспорта не выдали» [Яшин 2003: 627]. Даже в городе, глядя на дождевые ручейки, бегущие по серому асфальту, она не видит «городского пейзажа», у неё свои мысли: «Дождь этот... не ко времени. Сейчас рожь цветёт, вёдра бы надо, да чтобы ветер не шебаршил сверх меры...» [Яшин 2003: 642]. В однодневном санатории Матрёна Савельевна, в

первую очередь, обратила внимание на родной для неё деревенский запах: «Сеном пахнет» [Яшин 2003: 652]. В речи главной героини активно реализуется концепт *<дом>*: «Мы дома лаптем щи хлебаем. Это тебе всё будто так и надо, а мне порой кусок в горло не лезет» [Яшин 2003: 663]; «И у нас в деревне, Нина, не все одинаково живут. Есть колхозы хорошие, а есть – так себе» [Яшин 2003: 665]; «Петуха вот услышала.... Поёт полуношник. Хорошо поёт. Дома у меня тоже поёт в этот час. И голоса схожи.... Ну я и заревела» [Яшин 2003: 675]; «А у нас там, Микита, знаешь, как живут?» [Яшин 2003: 676]; «Душа ведь болит, Микита» [Яшин 2003: 676]. В отличие от матери, Никите Петровичу и его жене Алле Сергеевне больше нравилась городская жизнь в Москве, не обременённая сложностями и заботами. Сын стремился доказать матери, что в городе жить лучше, поэтому в его речи преобладают лексемы, раскрывающие значение концепта *<город>*: ЗИМ, небоскрёб, гостиница, мой шофер, гастроном, лифт, столовая, сервант, сервис, тюре, суфле, бульон с фрикадельками, бланманже, телевизор, магнитофон, патефон, пианино, метро и др. [Яшин 2003]. В речи Аллы Сергеевны наиболее полно представлены лексические группы, описывающие названия косметических средств (*крем миндальный, спермацетовый, ланолиновый, бархатный; пудры тонкотертые розовые и белые; бутылочка миндального молока*), косметического ухода (*завивка, массаж, маникюр, припарки, распарки, выпарки и проч.*), фасона одежды и обуви (*чехословакские танкетки*). Продолжительные по времени разговоры по телефону с подругой у Аллы Сергеевны сводились к обсуждению выкроек, выставок заграничных моделей летней одежды и моды на платья, костюмы и халаты. Говоря о скульптурных фигурах и мозаичных панно, Алла Сергеевна употребляла слова чудо, сказка, выражение как в сказке – и «хвасталась, хвасталась, будто все эти богатства принадлежали ей одной, для неё одной были созданы» [Яшин 2003: 630]. Наконец, в санатории между Аллой Сергеевной и Матрёной Савельевной произошёл конфликт, обнаруживший противоречие ценностей городской и деревенской жизни. Невестка сделала грубое замечание свекрови: «Ну что у тебя за язык, мама: рай, грех, кажись.... А в гостиной ещё креститься стала...» [Яшин 2003: 659]. Решающей стала фраза: «Отвыкай от деревенского, пора!» [Яшин 2003: 659]. Эти слова очень возмутили свекровь, и «произошло неожиданное – тихая Матрёна Савельевна в первый раз огрызнулась» [Яшин 2003: 659]: «А мы в деревне, милая, не языком работаем, руками» [Яшин 2003: 659]. В конце повести, осознав, что Матрёна Савельевна не оценила всей прелести жизни в городе, Никита Петрович обиженно размышлял: «Чего ей здесь не хватает? Одета, обута, питание – дай Бог! И никакой работы, только и дела, что сказки внучкам рассказывай с утра до вечера да по ночам у телевизора сиди. Разве можно сравнивать эту жизнь с тамошней, с деревенской? Уж он-то знает, что за сладости там, в её лесных пенатах...» [Яшин 2003: 687]. Исходя из этого, можно сделать вывод о противоречии между ценностями матери и сына. Матрёна Савельевна не сможет долго пребывать в бездействии; тоска по дому, по

родной деревне переполняет её, непонимание городских развлечений и радостей всё чаще заставляет её задуматься о жизни близких ей людей, оставшихся там. Так речевой портрет персонажа помогает нам осмыслить один из наиболее характерных конфликтов «деревенской прозы»: противоречие городского и деревенского жизненного уклада.

Наталья Семёновна (повесть «Вологодская свадьба»)

Одним из наиболее ярких в речевом отношении является образ исполнительницы свадебных причитаний Натальи Семёновны из повести «Вологодская свадьба». Автор весьма выразительно рисует её портрет (*«вошла в куть эта черноглазая, с тонкими чертами лица, старая, но и сейчас ещё красивая, несогнувшаяся женщина»*), характеризует голос (*«высокий, чистый, не старушечий»*), отмечает особое впечатление, которое она производит на собравшихся (*«гармонист перестал играть, девушки затихли»*; *«казалось, изба стала просторнее, потолок поднялся, а сарафаны да кофты запестрели ещё ярче»*).

Речь Натальи Семёновны весьма интересна в когнитивном отношении. Она демонстрирует хорошее знание народной песенной культуры и уважение к традициям народного пения: *«А чего это вы коротышки поёте? – с упрёком обратилась ко всем Наталья Семёновна. – Надо волокнистые песни петь, нельзя без волокнистых. Поди-ко и красоту не справляли, что за свадьба такая? Позвали бы меня вчера, я ведь и красоту всю помню. Раньше мне Митиха Лискина – вот уж причитальница-то была! – скажет, бывало: “Садись-ко, Наташка, возле, у тебя голос вольной, учись!” И я с её голоса, ещё девочкой, все волокнистые, протяжные песни запомнила. Памятью меня бог не обидел. Сколько своих девок после замуж отдавала, ни много ни мало шесть дочерей в люди вывела – как причеты не запомнить!»* Отличительной чертой личности Натальи Семёновны можно назвать чувство собственного достоинства, проявление уважения к себе, к людям и к своему делу: *«Пела она неторопливо, старательно, без робости: просто делала нужное людям дело, из-за чего же тут робеть?»*; *«старушка встала со скамейки, приняла белушку с поклоном, обеими руками, но выпила не всю: важна была честь! Затем тщательно вытерла губы и снова запела»*. Она не оставляет без внимания бесчинства дружки и жениха во время свадьбы (*«О, господи! – ужаснулась испуганная Наталья Семёновна. – Ещё не мужик, а уж форс задаёт. Что потом-то будет?»*). Твёрдость нравственной позиции народной исполнительницы вызывают у односельчан ответное уважение (*«Брось обижать старуху! – вступил за Наталью Семёновну Лёнька. – Наговоры одни, да ещё заглазно … Худославие одно»*).

На вербально-семантическом уровне обращают на себя внимание не столько наличие разговорно-бытовых локализмов в речи персонажа (*«догоняла самоукой»*), сколько богатство и разнообразие в проявлении народ-

но-поэтической речевой культуры: лексико-фразеологическое («невеста дары раздаёт и просит благословенья у отца с матерью, которое “из сия моря вынесет, из тёмна лесу выведет, и от ветру – застиньице, и от дождя – притульице, от людей – оборонушка”») и интонационное богатство («Колокольчики сбрыкали, да сердечко дрогнуло. И да сердечко дрогнуло, ретивое приодрогнуло. И ретивое приодрогнуло, да не ве-ошняя вода») свадебных причтаний, шутливых песен подружек невесты («У вас сваха-то княжая, она три года не пряла, она три года не ткала, всё на дары надеялась»; «Что у дружки у нашего ещё ноги лучинные, ещё ноги лучинные да глаза заячные...»), пословиц и поговорок («Каково пиво – таковы и песни»).

Мотивационный потенциал личности Натальи Семёновны проявляется в том, что пение для неё сопряжено со стремлением включить всех присутствующих в исполнение старинного обряда, разъяснить в меру своего понимания его суть: «*Приставайте, приставайте, девки! – говорила время от времени Наталья Семёновна. – Подхватывайте! – И сама продолжала петь*»; «*Это ничего, что про монастырь пою? – спрашивает она вдруг. – Нынче ведь нет монастырей-то*»). Эта женщина не просто воспроизводит старинные тексты, но и перерабатывает их, соотнося с биографией конкретного человека и вызывая тем самым в его душе живой отклик: «*А однажды она приказала девушкам: “Теперь переходите на другой голос, чтобы невесте ещё тосклинее стало!” – и сама изменила мотив. Услышав эти слова, Гая, давно молчавшая в своём углу, заревела снова громко, надрывно, всерьёз. Совсем свободно заплакалось ей, когда Наталья Семёновна помянула в песне родимого батюшку: Гая осиротела рано и поныне тоскует по своему отце-солдате*». Творческое начало исполнительницы проявилось в освоении местных реалий внутри текста традиционных свадебных причтаний: «*Кроме теремов высоки-их и столбов белодубы-их были в песне и князья, и бояры, и дивьей монастырь со монашками, были и Дунай – быстра река и Великий Устюг, Осмоловский сельсовет и колхозное правленьице*».

Речевая характеристика исполнительницы свадебных причтаний Натальи Семёновны убеждает нас в том, что это креативная диалектная языковая личность, во многом воплотившая нравственный идеал писателя.

Наблюдение за речью персонажей в прозе А. Яшина, интерпретация их речевого воплощения порождает вопрос: как в произведениях талантливого писателя связаны народно-речевая культура и индивидуально-авторская позиция? Следует заметить, что писатели-деревенщики, уроженцы вологодской глубинки, хорошо знали изнутри бытовую и духовную культуру Русского Севера, его обычай и особенности языка. А.Я. Яшин органично сочетает достоинства художественной прозы XX века с энциклопедическим знанием бытовой и духовной культуры крестьян Русского Севера. Поэтому важным средством создания образов персонажей этих писателей является их речевая характеристика, максимально приближенная по лексическому составу и интонационной структуре к бытовой устной речи сель-

ских жителей Вологодского края. Можно сказать, что на страницах книг А.Я. Яшина мы видим речевые портреты диалектной языковой личности как носителя авторской идеи – стремления к крестьянскому ладу, к гармонии человека с природой, с людьми и с самим собой.

Литература

- Бараков В.Н. Семь уроков Александра Яшина // Вологда литературная. – Вологда. – Вып. 2. – 2007. – С. 274–290.
- Бочкарёва Т.А. Жизненное и творческое кредо Ю. Нагибина: к проблеме реализации языковой личности в художественном тексте // Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве. – Барнаул, 2012. – С. 102–103.
- Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
- Лялян М.В. Проза Цветаевой. Очерк реконструкции речевого портрета автора – М.: Языки славянских культур, 2010. – 528 с.
- Руслева А.С. Александр Яшин. Личность. Поэт. Прозаик. – Л.: Художественная литература, 1980. – 198 с.
- Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности. – Шадринск, 1971. – 141 с.
- Толстова Г.А. Старообрядческая конфессиональная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой: дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2007. – 461 с.
- Чурилова Л.Н. «Языковая личность» в художественном тексте. – М.: Флинта, 2006. – 236 с.
- Яшин А.Я. Повести и рассказы / сост., подгот. текста и примеч. З.К. Поповой-Яшиной. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1980. – 351 с.
- Яшин А.Я. Слуга народа: Поэзия. Проза / сост., подгот. текста З.К. Попова-Яшина и др.; отв. ред.: С.А. Тихомиров. – Вологда: Книжное наследие, 2003. – 695 с.

2.3. Процессы функционально-семантической дивергенции в вологодских говорах¹

Функциональная и семантическая дивергенция лексического состава говоров, в том числе и вологодских, представляет собой сложный исторический процесс, результаты которого мы можем наблюдать, рассматривая современное состояние этих говоров. Следует также отметить возникающую при описании дивергентных процессов тесную связь между синхронией и диахронией. Этапы и результаты языковой дивергенции могут проявляться на каждом из синхронных срезов языка, но в то же время дивергенция – это процесс исторический, который прослеживается наиболее полно именно в диахронии.

Термин «дивергенция», восходящий к латинскому глаголу *divergere* ‘отклоняться, расходиться’, имеет широкий диапазон применения: его используют в биологии, медицине, химии, математике [СИС: 198]. В лингвистике этот термин используется в основном в фонологии для описания аллофонического расхождения в пределах одной фонемы и фонологизации

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки (Грант Президента РФ МК-1544.2014.6.

вариантов фонемы при устраниении позиционных условий варьирования; в морфемике – для обозначения процессов морфемизации алломорфов одной морфемы; в типологическом языкоznании – для описания эволюционных процессов, в результате которых диалекты одного языка обособляются от других диалектов этого же языка, образуя самостоятельные языки [СЛТ: 133]. В данной работе, говоря о дивергенции лексического состава говоров, мы будем понимать под этим термином процессы, связанные с расхождением предметно-логического содержания лексемы и развитием у неё разных значений в разных номинативных сферах функционирования или в разных группах говоров.

Актуальность данного подхода к изучению говоров обусловлена, с одной стороны, неослабевающим интересом к проблемам, связанным с развитием диалектной словообразовательной системы, которые затрагивает наше исследование, а с другой стороны, сложностью, многоаспектностью и неоднозначностью изучаемых явлений. В многочисленных трудах учёных-лингвистов рассматриваются различные стороны развития и функционирования русских говоров, однако при этом большинство исследователей обращают внимание на лексический состав говоров, семантические особенности диалектных слов, а также на те различия, которые возникают между общеязыковой и диалектной словообразовательными системами, подробно описывая словообразовательные средства, способы, типы и модели, в той или иной степени свойственные диалектам. Однако при этом исследователи не уделяют практически никакого внимания тому, как протекают в диалектной сфере дивергентные процессы, которые приводят к образованию в различных русских говорах формально тождественных производных слов, имеющих разное значение и функционирующих в разных номинативных сферах, то есть фактически незамечеными остаются процессы диалектного параллельного словообразования. Например, по одной словообразовательной модели образованы формально тождественные слова *водянка* ‘водяная мельница’ (perm.), *водянка* ‘сосуд для воды’ (смол.), *водянка* ‘здание, башня, где берут воду’ (tümen.), *водянка* ‘кувшинка’ (дон.), *водянка* ‘лотик’ (кемер.), *водянка* ‘настойка из ягод на воде’ (костр.), *водянка* ‘головастик’ (пск.), *водянка* ‘водяная мозоль’ (тул.) (по материалам диалектных словарей). К сожалению, этот случай, как и множество ему подобных языковых фактов, связанных с явлением параллельного словообразования, до сих пор не получил всестороннего научного осмыслиения. Более того, явление параллельного словообразования и связанные с ним проблемы практически не разрабатывались и на материале литературного русского языка. Фактически некоторые из теоретических аспектов этого вопроса затрагивались только в работах Н.А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая 1963; 2001 и др.], П.А. Соболевой [Соболева 1978; 1980 и др.], Л.Г. Яцкевич [Яцкевич 1975; 2002; 2003; 2008 а; 2008 б и др.], Г.А. Николаева [Николаев 1975; 2007 и др.]. Таким образом, целенаправленный сбор соответствующего материала и изучение различных аспектов этого сложного феномена, а также разработка его теоретической базы являются актуальными и тре-

буют на сегодняшний день рассмотрения в рамках общеязыковой и диалектной дериватологии.

Изучение процессов параллельного словообразования, тесно связанного с проблемами диалектной лексикографии, имеет большое теоретическое и практическое значение.

Активно протекающие в диалектной системе русского языка процессы семантической дивергенции лексического состава тесно взаимосвязаны с развитием семантической структуры отдельных лексем, а, следовательно, с явлениями полисемии и омонимии. Уже ни у кого не вызывает сомнений, что одним из путей развития омонимии является расщепление семантической структуры многозначного слова, что даёт возможность целому ряду исследователей толковать омонимию как предел развития полисемии [Ахманова 1957; Виноградов 1977; Николаев 1997; Смирницкий 1955 и др.]. При этом степень вероятности, с которой многозначное слово разлагается на омонимы, зависит от типа самой многозначности, который обусловлен путями семантического развития слова и степенью прочности связи между значениями [Корованенко 1980: 14]. Дивергентные процессы, затрагивающие семантическую структуру слова, также могут, по мнению исследователей, стать причиной развития омонимии [Карацінська 1985]. Данная проблема неоднократно привлекала к себе внимание исследователей, хотя и рассматривалась главным образом на материале литературного языка. Особо следует отметить тот факт, что существование полисемии как таковой в своё время вызывало сомнения у целого ряда лингвистов. Так, А.А. Потебня каждый раз видел в слове лишь индивидуально-психический акт: «Где два значения, там два слова» [Потебня 1958: 38]. Та же точка зрения была поддержана Л.В. Щербой: «Неправильно думать, что слова имеют по несколько значений: это, в сущности говоря, формальная и даже просто типографская точка зрения. На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько фонетическое слово имеет значений» [Щерба 1974: 290–291]. Понятие «лексико-семантический вариант слова» (термин А.И. Смирницкого), по мнению исследователей, неравнозначно понятию «одно из значений слова», хотя и соотносимо с ним. Противопоставление лексико-семантических вариантов слова идёт не только по предметно-логическому содержанию (как в случаях с «разными значениями слова»), но и по средствам их выражения и структурным особенностям [Уфимцева 1968: 210]. Именно процесс обособления лексико-семантических вариантов слова, процесс образования двух или более слов-омонимов при расщеплении смысловой структуры уже существующего в языке слова рассматривается в трудах учёных Казанской лингвистической школы, затрагивающих вопрос о лексико-семантическом словообразовании [Косова 1997; Марков 2001, 2004; Николаев 1997, 2007; Патиниоти 2004 и др.]. Фактически признание существования лексико-семантического словообразования ведёт к упразднению понятия полисемии в общепринятом смысле. Речь в этих исследованиях идёт о процессах семантической и грамматической дивергенции при сохранении внешней формы, хотя сам термин «дивергенция» не употребляется.

В центре нашего исследования находятся изменения в семантической структуре диалектных слов, связанные со словообразовательными процессами, что заставляет нас обратить особое внимание на процессы развития полисемии и омонимии у производных слов. Хотя лексическая многозначность как языковое явление издавна была предметом пристального внимания лингвистов, о полисемии производного слова заговорили только в 80-х годах XX века. Проблемы, связанные с этим вопросом, рассматриваются в немногочисленных работах [Араева 1999; Булгакова 1994; Ермакова 1984; Кубрякова 1981; Морозов 1988; Соболева 1978, 1980; Улуханов 1977; Ширшов 1996 а, 1996 б; Янко-Триницкая 1963, 2001; Янценецкая 1979], однако однозначного решения этот вопрос до сих пор не имеет.

В работах Ю.Д. Апресяна высказывается мнение, что многозначность производного слова ничем не отличается от многозначности непроизводного слова, а, следовательно, нет никакой необходимости изучать отдельно полисемию производного слова [Апресян 1967]. Однако согласиться с этой точкой зрения нельзя. Сам факт того, что производное слово существует в языке не само по себе, а в рамках комплекса «производящее – производное», выдвигает на первый план важнейшую особенность производного слова, а именно расчленённость его семантической структуры, в которой выделяются две части: соотносящаяся с производящим словом (и, возможно, наследующая его полисемию) и новая, появляющаяся в самом производном слове [Кубрякова 1980: 96].

В то же время постепенно намечается тенденция рассмотрения процессов формирования семантики производного слова, не ограниченных парой «производящее – производное». В своих исследованиях М.Н. Янценецкая приходит к выводу о том, что формирование множественной мотивации производного слова и его семантическая структура, в том числе и дивергентные процессы в этой структуре, возможны благодаря взаимодействию лексем в рамках корневого гнезда [Янценецкая 1979: 231]. В работах А.Н. Тихонов отмечается, что «каждое производное слово возникает в языке на базе строго определённого значения производящего слова. Однако с течением времени лексико-семантические связи производного слова в гнезде могут расширяться: в процессе функционирования оно часто заимствует и другие значения производящего слова, испытывает семантическое влияние остальных родственных слов» [Тихонов 1990: 38]. Следует также учитывать тот факт, что семантика многих лексических единиц, в том числе и производных, опосредованно мотивирована их морфемным составом. Эта идея исследуется в работах О.М. Соколова, который рассматривал процессы структурно-семантической дивергенции, вторичной дифференциации полисемичных и омонимичных производных лексем словообразовательными средствами [Соколов 1971, 1972].

Вопрос о разграничении словообразовательной полисемии и омонимии также вызывает вопросы и споры. Так, И.А. Ширшов предлагает использовать гнездовой критерий многозначности, суть которого заключается в следующем: если разные значения производного слова мотивируются од-

ним значением производящего слова и принадлежат одному словообразовательному гнезду, то перед нами случай словообразовательной полисемии. Если же разные значения производного слова принадлежат разным словообразовательным гнездам, то их следует считать словообразовательными омонимами [Ширшов 1996 а: 58]. П.А. Соболева в своих работах относит случаи, связанные с полисемией аффикса, к словообразовательной полисемии, а случаи, связанные с омонимией аффикса, к словообразовательной омонимии. Тем не менее, она приходит к утверждению, что «словообразовательная омонимия растворяется в словообразовательной полисемии и в лексической омонимии» [Соболева 1980: 89]. Это связано с тем, что в одних случаях словообразовательные омонимы являются лексико-семантическими вариантами одного слова (речь идёт о словах, образованных от одного производящего «в результате многократных актов деривации по одной и той же словообразовательной модели» [Соболева 1980: 85], например, *молочник* ‘сосуд для молока’ и ‘человек, разносящий или производящий молоко’), а в других случаях – являются производными от разных значений производящего слова, принадлежащими к разным словообразовательным гнездам, то есть являются лексическими омонимами [Соболева 1980: 86].

Применительно к диалектной словообразовательной системе вышеизложенное приводит нас к следующему выводу. Параллельное словообразование должно рассматриваться не только с точки зрения современного состояния говоров, но и с точки зрения диахронического развития. Данное явление, наряду с диахроническим лексико-семантическим способом и синхронной семантической деривацией по модели представляющее собой один из типов семантической дивергенции, должно быть ограничено от явлений словообразовательной и отражённой полисемии, а также от процесса формирования словообразовательных омонимов. Особую значимость эти проблемы приобретают при лексикографическом описании языковых фактов. Когда лексемы, образовавшиеся в результате действия процессов параллельного словообразования, попадают в поле зрения исследователя-лексикографа, перед ним неминуемо возникает вопрос: «Что это? Омонимы или всё-таки случаи разветвлённой полисемии? Как следует отражать подобные факты в словаре?» В рамках проблемы анализа семантической структуры слова и отражения в диалектных словарях тождества и распада его значений некоторые из этих вопросов затрагивались в работах целого ряда исследователей, например, Ф.П. Сорокалетова [Сорокалетов 1968; Сорокалетов, Кузнецова 1987 и др.], О.И. Блиновой [Блинова 1984 и др.], Ф.П. Филина [Филин 1966] и др.

С одной стороны, все значения таких лексем имеют некую общую сеть, сохраняя то, что Р.А. Будагов называл «промежуточным семантическим звеном» [Будагов 1974]. Так, например, для упомянутого выше диалектного существительного *водянка* во всех его значениях таким звеном будет сема ‘имеющий отношение к воде, связанный с водой’. Таким образом, на первый взгляд можно говорить о развитии полисемии. С другой

стороны, при полисемии лексема имеет целостную семантическую структуру, в которой чётко прослеживаются переходы, преемственность и иерархические связи между отдельными значениями. В данном же случае слово в каждом из своих значений образуется заново в разных говорах и кемеровское *водянка* ‘лютик’, псковское *водянка* ‘головастик’ и тульское *водянка* ‘водяная мозоль’ семантически никак между собой не связаны. Таким образом, возникают основания признать данный случай омонимией.

Не вносят ясность в решение этой проблемы и данные словарей, поскольку трактовка подобных лексем как в диалектных словарях, так и в словарях литературного языка крайне неоднозначна и непоследовательна. Например, в «Словаре вологодских говоров» возникшая в результате процессов параллельного словаобразования от глагола *катать* лексема *каток* представлена как многозначное слово: 1) ‘деревянная катушка, небольшой цилиндр, на который наматываются нитки’, 2) ‘ледяная горка для катания’ [СВГ 3: 47]. А лексема *катанец*, возникшая в результате того же процесса, приводится как ряд омонимов: 1) *катанец* ‘валенок’ и 2) *катанец* ‘булка, форма которой придаётся в процессе катания теста’ [СВГ 4: 15].

Описанные противоречия вызывают затруднения при отнесении подобных случаев к полисемии или омонимии, при их характеристике, а также обуславливают необходимость введения особого термина, призванного чётко отграничить эти случаи от полисемии и омонимии. При рассмотрении нами в ряде статей и монографии результатов параллельного словаобразования с точки зрения развития семантической дивергенции вводился термин *когерентность*. Этот термин, происходящий от латинского *cohaerens* ‘находящийся в связи’, обозначает в физике согласованное протекание во времени и пространстве нескольких колебательных или волновых процессов, исходящих из одной точки [ФЭС: 291]. В лингвистике этот термин использовала Л.Г. Яцкевич при описании явлений, имеющих место при близкородственном билингвизме, понимая под этим термином свойство формально сходных, но семантически нетождественных слов, имеющих общее происхождение, существовать в различных языковых системах, взаимодействуя при пересечении этих систем [Яцкевич 1975: 540]. Схожее явление описывает А.Е. Михневич, говоря о паралексах – словах белорусского и русского языков, которые при относительном смысловом и формальном сходстве характеризуются морфологическими и словообразовательными различиями [Михневич 1985: 4].

Опираясь на вышеизложенное, мы предлагаем использовать термины *когерентность* и *когерентные лексемы* при описании результатов процессов параллельного словаобразования как частного случая функционально-семантической дивергенции лексем в русских говорах для обозначения лексем, формирующихся в результате этих процессов.

На современном этапе в научный обиход входит большое количество диалектного материала, публикуются различные диалектные словари, однако единобразия в лексикографической характеристике когерентных лексем нет. Решение о том, следует фиксировать эти лексемы как отдель-

ные слова-омонимы или как значения одного многозначного слова, принимается лексикографами отдельно для каждого конкретного случая. При этом лингвисты прибегают к анализу происхождения вызывающих сомнения слов, рассмотрению их сочетаемости, морфемного членения, синонимических и деривационных связей. Выработка чётких критериев и рекомендаций для ограничения явления словообразовательной и лексико-семантической когерентности от словообразовательной и лексической омонимии, а также лексической полисемии является одной из наиболее актуальных задач диалектной лексикографии.

Параллельное словообразование и образование когерентных лексем является важным фактором развития русского языка, в частности его диалектного сегмента. Чаще всего процессы параллельного словообразования приводят к образованию отлагольных и отыменных существительных, хотя возможны и другие варианты частеречной принадлежности производного и производящего слов. В вологодских говорах процессы параллельного словообразования также протекают достаточно активно, затрагивая при этом довольно ограниченное число моделей, таких как «Действие → орудие действия»; «Действие → субъект действия»; «Действие → результат действия»; «Действие → признак по действию», «Число → предмет, характеризующийся количеством чего-нибудь или номером, названным мотивирующим словом»; «Признак → предмет / лицо, обладающий этим признаком»; «Предмет → предмет, связанный с предметом, названным мотивирующим словом». При этом протекают эти процессы как в пределах одной модели, так и на стыке нескольких из них.

Рассмотрим более детально случаи параллельного словообразования по конкретным моделям в вологодских говорах:

Число → предмет, характеризующийся количеством чего-нибудь или номером, названным мотивирующим словом

Восемь → восьм/ерик/ ‘бёрдо, рассчитанное на восемь пасм ниток основы; мера, определяющая ширину ткани’ [СВГ 1: 85];

Восемь → восьм/ерик/ ‘лапти с круглыми носами, сплетённые особым образом, имеющие узор в форме восьмёрки’ [СВГ 1: 85].

Действие → признак по действию

Облить → обли/m/ой ‘эмалированный’ [СВГ 5: 122];

Облить → обли/m/ой ‘покрытый большим количеством сала, жирный (о мясе)’ [СВГ 5: 122].

Действие → орудие действия

Это одна из наиболее активных и продуктивных моделей, по которой образуются названия инструментов и приспособлений для выполнения различных действий в бытовой или профессиональных сферах.

А) с суффиксом *-ушк-* / *-юшк-*, *-ашк-*:

Толочь → толк/ушк/a ‘небольшой пест’ [СВГ 11: 33];

Толочь → толк/ушк/a ‘длинная палка с утолщением на конце, которой при полоскании белья давили, разминали его в ступе или в углублении во льду, чтобы освободить от мыла’ [СВГ 11: 33];

Толочь → *толк/ушк/а* ‘орудие для обмолота льна’ [СВГ 11: 33];

Верт/еть → *верт/ушк/а* ‘запор дверей, окон в виде вертящейся планки’ [СВГ 1: 63];

Вы/ть → *вы/юшк/а* ‘деталь ткацкого станка, металлический стержень на трёх ножках, на который накладываются «воробы», чтобы сматывать пряжу с «мотов» на «тюрики»’ [СВГ 1: 105];

Вы/ть → *вы/юшк/а* ‘деревянный запор на двери’ [СВГ 1: 105];

Наливать → *налив/ушк/а* ‘большая разливная ложка’ [СВГ 5: 48];

Наливать → *налев/ушк/а* ‘большая разливная ложка’ [СВГ 5: 48];

Разливать → *разлив/ашк/а* ‘большой глиняный горшок для приготовления теста’ [СВГ 9: 17];

Разливать → *разлив/ашк/а* ‘большая ложка, которой разливают суп, половник’ [СВГ 9: 17].

Б) с суффиксом **-уш-**:

Толочь → *толк/уш/а* ‘деревянная широкая и глубокая чашка, в которой обычно толкли лук’ [СВГ 11: 33].

В) с суффиксом **-ёнк-**:

Тушить → *туш/ёнк/а* ‘металлический бачок на трёх ножках, с крышкой, в котором тушили и хранили угли для самовара’ [СВГ 11: 79].

Г) с суффиксом **-ник-**:

Наливать → *налив/ник* ‘сосуд, в который что-то наливают’ [СВГ 5: 46].

Д) с суффиксом **-к-**:

Наливать → *налив/к/а* ‘ковш для наливания жидкостей’ [СВГ 5: 46].

Действие → результат действия

А) с суффиксом **-ушк-/юшк-**:

Верт/еть → *верт/ушк/а* ‘изделие из теста, баранка, плюшка’ [СВГ 1: 63];

Толочь → *толк/ушк/а* ‘кушанье из толчёной картошки, запечённое в печи’ [СВГ 11: 33];

Вы/ть → *вы/юшк/а* ‘тонкая льняная верёвка’ [СВГ 1: 105];

Наливать → *налив/ушк/а* ‘открытый пирог из пресного или дрожжевого теста, сверху покрытый жидкостью начинкой’ [СВГ 5: 48];

Наливать → *налев/ушк/а* ‘открытый пирог из пресного или дрожжевого теста, сверху покрытый жидкостью начинкой’ [СВГ 5: 48].

Б) с суффиксом **-уш-**:

Толочь → *толк/уш/а* ‘кушанье из толчёной картошки, запечённое в печи’ [СВГ 11: 33].

В) с суффиксом **-ёнк-**:

Тушить → *туш/ёнк/а* ‘блюдо из картошки, тушенной с мясом’ [СВГ 11: 79].

Г) с суффиксом **-ник-**:

Наливать → *налив/ник* ‘оладья со сметанной начинкой’ [СВГ 5: 46].

Д) с суффиксом **-к/-нк-**:

Вяза/ть → *вяза/нк/а* ‘укладка уложавшегося льна, состоящая из 15 снопов, три «бабки», связанных в большой сноп’ [СВГ 1: 106];

Вяза/ть → *вяза/нк/а* ‘вязаная шерстяная женская кофта, жакет’ [СВГ 1: 106];

Наливать → *налив/к/а* ‘открытый пирог с жидкой начинкой’ [СВГ 5: 46].

Е) с суффиксом **-ух-**:

Налить → *налит/ух/а* ‘открытый пирог из пресного или дрожжевого теста, сверху политый жидким картофельной, творожной, ягодной или крупяной начинкой’ [СВГ 5: 49];

Налить → *налит/ух/а* ‘сочная зелёная трава’ [СВГ 5: 49].

Ж) с суффиксом **-нец-**:

Катать → *кат/а/нец* ‘булка, которой форма придаётся в процессе катания теста’ [СВГ 3: 44];

Катать → *кат/а/нец* ‘валенок’ [СВГ 3: 44].

З) с нулевой суффиксацией:

Наливать → *налив* ‘подъём уровня воды в реке, озере, наводнение’ [СВГ 5: 48];

Наливать → *налив* ‘нарост на стволе дерева’ [СВГ 5: 48];

Поливать → *полива* ‘кушанье из сметаны, простокваша, смешанных с толокном или ягодами’ [СВГ 7: 137];

Поливать → *полива* ‘жидкая начинка, которой покрывается пирог сверху’ [СВГ 7: 137];

Поливать → *полева* ‘кушанье из сметаны, простокваша, смешанных с толокном или ягодами’ [СВГ 7: 135];

Поливать → *полева* ‘жидкая начинка, которой покрывается пирог сверху’ [СВГ 7: 135].

Действие → **субъект действия**

А) с суффиксом **-ушк-/ -юшк-**:

Толочь → *толк/ушк/а* ‘человек, который много ест, обжора’ [СВГ 11: 33];

Толочь → *толк/ушк/а* ‘женщина, которая много говорит, болтунья’ [СВГ 11: 33].

Б) с суффиксом **-к-**:

Наливать → *налив/к/а* ‘сильный дождь’ [СВГ 5: 46].

В) с нулевой суффиксацией:

Поливать → *полива* ‘проливной дождь, ливень’ [СВГ 7: 137];

Поливать → *полева* ‘проливной дождь, ливень’ [СВГ 7: 135].

Признак → **предмет / лицо, обладающий этим признаком**

А) с суффиксом **-ак-**:

Большой → *больш/ак* ‘большая проезжая дорога, соединяющая населённые пункты’ [СВГ 1: 37];

Большой → *больш/ак* ‘старший в доме, глава семьи, муж’ [СВГ 1: 37];

Большой → *больш/ак* ‘большой палец руки’ [СВГ 1: 37].

Б) с суффиксом **-к-**:

Носатый → *носат/к/а* ‘деревянный сосуд для пива с носиком вверху’ [СВГ 5: 112]; ..

Носатый → *носат/к/а* ‘деревянная ложка с узким концом’ [СВГ 5: 112].

Предмет → **предмет, связанный с предметом, названным мотивирующим словом**

А) с суффиксом **-еник-/ -яник-**:

Масло → *масл/еник* ‘съедобный гриб; маслёнок’ [СВГ 4: 72];

Масло → *масл/еник* ‘лампада’ [СВГ 4: 72];

Масло → *масл/еник* ‘оладья из пшеничной муки, жареная на масле’ [СВГ 4: 72];

Масло → *масл/яник* ‘съедобный гриб; маслёнок’ [СВГ 4: 73];

Масло → *масл/яник* ‘глиняный сосуд с носиком, предназначенный для хранения и растапливания масла’ [СВГ 4: 73].

Б) с суффиксом **-ник-/ -ниц-**:

Блин → *блин/ник* ‘пирог из блинов, положенных друг на друга, блинчатый пирог’ [СВГ 1: 33];

Блин → *блин/ник* ‘сковородник, ручка сковороды для выпекания блинов’ [СВГ 1: 33];

Навоз → *навоз/ниц/а* ‘время, пора вывоза навоза со дворов в поле’ [СВГ 5: 28];

Навоз → *навоз/ниц/а* ‘телега, на которой вывозят навоз’ [СВГ 5: 28];

Навоз → *навоз/ниц/а* ‘корова, которую держат в хозяйстве главным образом для получения навоза’ [СВГ 5: 28].

В) с суффиксом **-енк-**:

Ветер → *ветр/енк/а* ‘ветряная мельница’ [СВГ 1: 65];

Ветер → *ветр/енк/а* ‘небольшая отдушина – окошечко в подвальных помещениях крестьянской избы с наружной стороны, продух’ [СВГ 1: 65].

Г) с суффиксом **-уш-**:

Горб → *горб/уши/а* ‘коса с изогнутым лезвием на короткой рукоятке’ [СВГ 1: 122];

Горб → *горб/уши/а* ‘плоская кость в верхней части спины; лопатка’ [СВГ 1: 122].

Д) с суффиксом **-к-**:

Сетка → *сеточ/к/а* ‘кружево’ [СВГ 9: 127];

Сетка → *сеточ/к/а* ‘ ситечко для процеживания молока’ [СВГ 9: 127].

Е) с конфиксом **на- -ник-**:

Плечо → *на/плеч/ник* ‘ кожаная накладка на плечо рыбака, вытягивающего из воды невод’ [СВГ 5: 59];

Плечо → *на/плеч/ник* ‘ заплечный берестяной короб’ [СВГ 5: 59];

Плечо → *на/плеч/ник* ‘ вышитый конец полотенца’ [СВГ 5: 59].

Наиболее ярко процессы параллельного словообразования проявляются при образовании отлагольных существительных со значениями ‘орудие действия’, ‘результат действия’, ‘субъект действия’. При этом за счёт того, что параллельное словообразование затрагивает разные лексико-семанти-

ческие зоны, возможно одновременное образование от одного глагола до шести существительных, которые различаются словообразовательным значением и отнесённостью к разным лексико-семантическим зонам. Например:

Толочь → *толк/ушк/a* ‘кушанье из толчёной картошки, запечённое в печи’ [СВГ 11: 33];

Толочь → *толк/ушк/a* ‘человек, который много ест, обжора’ [СВГ 11: 33];

Толочь → *толк/ушк/a* ‘небольшой пест’ [СВГ 11: 33];

Толочь → *толк/ушк/a* ‘длинная палка с утолщением на конце, которой при полоскании белья давили, разминали его в ступе или в углублении во льду, чтобы освободить от мыла’ [СВГ 11: 33];

Толочь → *толк/ушк/a* ‘орудие для обмолота льна’ [СВГ 11: 33];

Толочь → *толк/ушк/a* ‘женщина, которая много говорит, болтунья’ [СВГ 11: 33].

Таким образом, процессы параллельного словообразования в диалектной словообразовательной системе, в частности в вологодских говорах, приводят к формированию целого ряда когерентных лексем, играют важную роль в развитии словообразовательной системе говоров и оказывают влияние на развитие их лексического состава. В рамках данного исследования мы кратко рассмотрели развитие когерентных лексем на примере вологодских говоров, однако следует признать, что дивергентные процессы, связанные с явлением параллельного словообразования в различных группах русских говоров, представляют собой сложный комплекс лингвистических и экстралингвистических проблем, требующих более подробного дальнейшего изучения.

Литература

Андреян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967. – 251с.

Араева Л.А. Интерпретация языковых фактов с когнитивных позиций (к вопросу о полимотивации и полисемии производного слова) // Филология и культура: Тезисы 2-й Международной конференции. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Р.Г.Державина, 1999. – С. 39–41.

Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.

Блинова О.И. Русская диалектология. Лексика – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – 133 с.

Будагов Р.А. Закон многозначности слова // Будагов Р.А. Человек и его язык. – М., 1974. – С. 117–123.

Булгакова О.А. Полисемия суффиксальных субстантивов (на материале Кемеровских говоров): дисс. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 1994.

Виноградов В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 288–294.

Ермакова Е.П. Лексическое значение производного слова в русском языке. – М.: Русский язык, 1984. – 151 с.

Карацінська Д.М. Семантычна дывергенцыя як спосаб утварэння амонімаў // Беларуская мова і мовазнаўства. – Вып. 3. – Мінск, 1975. – С. 36–45. (На белорусском языке.)

Корованенко Т.А. Семантические основы выделения многозначных слов и омонимов в диалектном словаре (на материале «Словаря брянских говоров») // Исследования по исторической семантике. – Калининград, 1980. – С. 14–24.

Косова В.А. К вопросу о критериях разграничения полисемии и семантико-словообразовательной омонимии // Языковая семантика и образ мира: Международная науч-

ная конференция, посвящённая 200-летию Казанского университета: Тезисы. – Казань: КГУ, 1997. – Т. 1. – С. 168–170.

Кубрякова Е.С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 81–155.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.

Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке // Марков В.М. Избранные работы. – Казань: ДАС, 2001. – С. 117–135.

Марков В.М. О слово- и формообразовательной синонимии в русском языке // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект – Казань: КГУ, 2004. – С. 155–158.

Михневич А.Е. Белорусско-русский паралексический словарь-справочник. – Минск: Народная асвета, 1985. – 367 с.

Морозов А.В. Типы полисемии отлагольных существительных орудия в современном русском языке // Проблемы деривации и номинации в русском языке. – Омск: Омский ун-т, 1988. – С. 90–92.

Николаев Г.А. Обратная соотнесённость и обратное словообразование // Актуальные проблемы русского словообразования. Учёные записки Ташкентского пед. ин-та. – Ташкент, 1975. – Т. 143. – Ч. 1. – С. 313–318.

Николаев Г.А. Семантическое словообразование и поэтический язык // Языковая семантика и образ мира: Международная научная конференция, посвящённая 200-летию Казанского университета: Тезисы. – Казань: КГУ, 1997. – Т. 1. – С. 172–174.

Николаев Г.А. Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская научная школа // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. – СПб.: Наука; Вологда: ВГПУ, 2007. – С. 7–28.

Патиниоти А.В. Формально-семантическая асимметрия и конвергентно-дивергентные процессы в лексике // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвящённая 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.): труды и материалы / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань, 2004. – С. 232–233.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. – Т. 1–2. – М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.

Смирницкий А.И. Значение слова // Вопросы языкоznания. – 1955. – № 2. – С. 79–90.

Соболева П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия. – М.: Наука, 1980. – 294 с.

Соболева П.А. Словообразовательная структура слова и типология омонимов // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1978. – С. 5–33.

Соколов О.М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка. – Томск, 1972. – 218 с.

Соколов О.М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Томск, 1971. – 39 с.

Сорокалетов Ф.П. Диалектная лексика в её отношении к словарному составу общенародного языка // Слово в русских народных говорах. – Л., 1968. – С. 222–236.

Сорокалетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – 231 с.

Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования // Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1990. – С. 24–58.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. – М.: Наука, 1977. – 256 с.

Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968. – 272 с.

Филин Ф.П. Некоторые проблемы диалектной лексикографии // Известия АН СССР, серия литературы и языка. – Т. XXV. – Вып. 1. – 1966. – С. 3–12.

Ширшов И.А. Границы словообразовательного гнезда // Филологические науки. – 1996. – № 5. – С. 43–54. (Ширшов 1996 б)

Ширшов И.А. Типы полисемии в производном слове // Филологические науки. – 1996. – №1. – С. 55–66. (Ширшов 1996 а)

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 428 с.

Янко-Триницкая Н.А. Закономерность связей словообразовательных и лексических значений в производных словах // Развитие современного русского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 83–98.

Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. – М.: Индрик, 2001. – 504 с.

Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. – 242 с.

Яцкевич Л.Г. Морфемный анализ диалектных слов в функционально-типологическом и эволюционном аспекте // Слово и текст в культурном сознании эпохи. – Вологда: Легия, 2008. – С. 203–206.

Яцкевич Л.Г. О внутренней форме слов в русском и белорусском языках в условиях билингвизма // Всесоюзная научная конференция по проблемам обучения русскому языку в условиях близкородственного билингвизма: материалы к конференции. – Минск, 1975. – С. 538–541.

Яцкевич Л.Г. Принципы структурной организации исторических корневых гнезд // Слово. Семантика. Текст. – СПб.: РГПУ им. А.И.Герцена, 2002. – С. 76–79.

Яцкевич Л.Г. Эволюционные процессы в историческом корневом гнезде с алломорфами -рэз- / -рэж- / -раз- / -раж- / -рож- в вологодских говорах // Говоры вологодского края: аспекты изучения: Межвузовский сб. научных трудов / отв. редактор Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2008. – С. 168–181.

Яцкевич Л.Г. Эволюционные процессы в структуре исторических корневых гнезд // Слово. – Череповец, 2003. – С. 9–14.

Список сокращений

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

СИС – Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1993. – 740 с.

СЛП – Иванов В.Н. Словарь-справочник по литейному производству. – М.: Машиностроение, 2001. – 464 с.

СЛТ – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.

ФЭС – Физический энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 1995. – 928 с.

2.4. Использование языка традиционной народной культуры в масс-медиа региона (на примере вологодского бренда «Дед Мороз»)

С самого начала своей реализации в 1998 году туристический проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза» использует региональные средства массовой информации для продвижения идей этого бренда. Основной целью проекта является формирование «конкурентоспособного туристского продукта», сопутствующее этому развитие имиджа Вологодской области как центра туризма, а также сохранение культурно-исторического на-

следия и «духовное развитие ... области» [О долгосрочной целевой программе 2011].

Официальное информационное сопровождение проекта актуализирует в массовом сознании образ Деда Мороза как «фрагмента национальной идеи», «символа добра, надежды, мудрости и справедливости», которому дети всей страны отправляют письма, обращаясь «к сказочному герою как к живому волшебнику, способному помочь в трудный момент» [О долгосрочной целевой программе 2011]. Однако основные идеи программы развития бренда «Дед Мороз», в большой степени подчинённые принципу коммерциализации, иногда не соответствуют практике их воплощения.

В региональном и российском медиапространстве Дед Мороз за последние годы стал популярной медийной фигурой, образ которой складывается на основе ряда дискурсивных практик. Это устные обращения Деда Мороза в средствах массовой информации, интервью, ответы на письма, общение в интернет-среде и пр. Несмотря на то, что дискурсивные практики осуществляются разными людьми (актёр О.В. Памятов, его заместители, волонтёры, психологи, аниматоры и пр.), они обращаются к зрителям, слушателям, читателям от лица одного персонажа – Деда Мороза. С одной стороны, эти дискурсивные практики могут рассматриваться как часть туристического дискурса проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза», а с другой стороны, они представляют собой некий коллективный коммуникативно-когнитивный феномен, реализующийся в масс-медиа.

В этом разделе не анализируется общий дискурс Деда Мороза в рамках фрейма «Новогодние праздники», куда входят и поздравления любого ребёнка Дедом Морозом на семейном празднике, и неоднозначное представление образа Деда Мороза в кинофильмах, мультипликационных фильмах и пр. Данное исследование ограничивается обращением к дискурсивным практикам, связанным с вологодским брендом «Дед Мороз».

Дискурсивные практики Деда Мороза как составная часть дискурса бренда «Великий Устюг – родина Деда Мороза» включают в себя устные (интервью, встречи, видеообращения и пр.) и письменные (ответы на письма, самопрезентация в интернет-среде, статьи, обращения в печати и пр.) коммуникативные действия. Это коллективная коммуникативная деятельность неопределённо-авторского характера, осуществляемая на волонтёрской либо коммерческой основе, формирующая образ Деда Мороза в сфере массовой коммуникации и официально признаваемая в качестве информационной поддержки проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза». Данную деятельность можно представить и как полевую структуру с центром – сказочным персонажем «Дед Мороз», устные обращения от имени которого имеют официальное признание, а вербальная составляющая поддерживается визуальным образом; достаточно близко к ядру поля располагаются письменные обращения неопределенного авторства от имени Деда Мороза в прессе и сети Интернет, выражающие отдельные идеи проекта, информирующие о мероприятиях и т. д. К периферии же относятся коммуникативные действия других персонажей, «помощников Деда

Мороза», которые опосредованно связаны с основным образом проекта.

Поскольку одной из самых ярких признаков коммуникации, связанной с образами Деда Мороза и его помощников, является широкое использование языка традиционной народной культуры, то объектом изучения в настоящем исследовании являются дискурсивные практики вологодского бренда «Дед Мороз», а предмет анализа составляют особенности использования в них вербальных элементов, ассоциирующихся с традиционной народной культурой.

Язык традиционной народной культуры – это описательное наименование целого спектра языковых явлений, к которому можно отнести и диалектные черты (специфические для вологодских говоров), и народно-поэтическую лексику, сказочные мотивы, фольклорные вербальные элементы и пр. Наиболее ярким выразителем традиционной народной культуры является фольклор, язык которого отличается особым набором средств и характеристик (традиционные эпитеты; наличие формул, повторов, речевых зачинов, особых полипрефиксальных глаголов, диминутивов и пр.; диалогичность, ассоциативность, контаминация; диффузность семантики лексем, их многозначность, оценочность и вариативность; паратактические конструкции, синтаксический параллелизм и т. д.) [Никитина 1993; Аникин 2004]. Образы-символы русской народной сказки также являются неотъемлемой частью национальной культуры.

Бренд «Дед Мороз» развивается как рекламный проект в российском медиапространстве, сопровождается многочисленными пиар-акциями, в то же время идёт активное осмысление его журналистами, культурологами, филологами. Обсуждение проекта в средствах массовой информации касается его истории («Проект “Великий Устюг – родина Деда Мороза” уникален для России. На пустом месте, в девственном лесу, без всякой инфраструктуры, без регулярного воздушно-транспортного сообщения, без развитого гостинично-общепитового сервиса, без магазинов и медпунктов, он был построен с нуля. Представить себе подобную авантюру сегодня невозможно» [Лаврова 2013]), современного периода (например, [Катаева 2011]), идеологии (например, [Филатов 2001]), экономической составляющей (например, [Агеева, Журавлёва 2009; Булатова 2009]). Критика образа Деда Мороза как в российских, так и в зарубежных средствах массовой информации обращена на его языческие корни, несоответствие образа Деда Мороза старинному православному городу Великому Устюгу («*There was also something strangely unorthodox about the presence of Grandfather Frost and his Snowmaiden partner at Jesus Christ's birthday party in the cathedral*» («было что-то странно неправославное в присутствии Деда Мороза и Снегурочки на праздновании Рождества Христова в соборе») [Traynor 2006], также см. [Филатов 2001] и пр.).

Обратимся к анализу речевого представления образа Деда Мороза в средствах массовой информации. Подготовленность устных сообщений Деда Мороза определяет насыщенность его речи элементами языка традиционной народной культуры. Так, в 2014 г. в ходе онлайновой пресс-конференции в рамках проекта «Мороз ТВ» в речи Деда Мороза обнаруживается такая диалектная особенность, как непоследовательное оканье (*твои, моё, какие-то, волшебное спасибо, морозной, получить, понимаю*), воспроизведение которого в речи актёра обусловлено наличием ряда культурных и художественных ассоциаций (традиционность, исконность и пр.). Отметим, что феномен использования оканья в массовой культуре описан в ряде работ (например, см. [Драчёва, Ильина, Михова 2015]).

С точки зрения лексики, речь Деда Мороза (примеры даются по [Интернет-конференция Деда Мороза 2014]) обнаруживает включение слов, тематически связанных с волшебством, праздником, сказкой, Новым годом («*наколдуй посохом своим волшебным*»), устаревших слов (чадо устар. ‘дитя’ [БАС 17: 741]: «*я не вижу ничего плохого, когда родители делают сами своим чадам замечательные подарки*»), индивидуально-авторских новообразований («*то, что в моих морозных силах, я исполню*»), народно-поэтических выражений («*мои хорошие, я так давно живу на белом свете. Вот сколько белый свет существует, столько я и живу, очень-очень старый я волшебник, очень-очень мне много лет*» (отвечает на вопрос о возрасте)).

В речи Деда Мороза встречаются разговорные и просторечные слова и выражения, использующиеся также с целью стилизации народной речи, фольклора: мудрёный разг. ‘трудный для понимания, выполнения, сложный, замысловатый’ [БАС 6: 1335]: «*с помощью такой мудрёной техники общаться*»; пакостный разг. ‘внушающий отвращение, омерзение; мерзкий’ [БАС 9: 41]: «*добро оно тихо делается, пакостные дела громко*».

Рассматривая вопрос о том, входят ли в понятие языка традиционной народной культуры разговорная и просторечная речевые культуры, обратимся к системе соответствий языковых и культурных слоёв (страт), предложенной Н.И. Толстым. В данной системе литературному языку соответствует элитарная культура («книжная»), наречиям, говорам – народная культура («крестьянская»), арго – традиционно-профессиональная культура (или субкультура: пчеловодческая, гончарная, торгово-ремесленная и пр.), просторечию – промежуточная культура («культура для народа», «третья культура») [Толстой 1995: 16–17]. Таким образом, следя логике анализа языка и культуры Н.И. Толстого, просторечие необходимо вынести за пределы традиционной народной культуры.

Отметим, что в одном и том же контексте встречаются и просторечное выражение, и его литературный аналог, устаревшее слово и современное, что может свидетельствовать о следовании определённому сценарию и некоторых отступлениях от него: например, *случаем* простореч. ‘случайно’

[БАС 13: 1287]: «Подарки дарю абсолютно всем. Но! Смотрю в конце года (что большой, что малый, я говорил: каждому подарок достаётся), кто сколько хороших дел за год сделал. Не обидел ли кого случаем. Может быть, было такое, даже случайно кого обидишь из родных, а если нарочно кого-то обидели, тогда смогу и пошутить» [Интернет-конференция Деда Мороза 2014]; градоначальник дорев. ‘высшее административное лицо в столицах и некоторых городах’ [БАС 3: 355]: «В течение долгих столетий он непреклонно скитался по свету: “Так продолжалось до тех пор, пока два градоначальника – Юрий Лужков и Вячеслав Позгалёв – не построили для меня Вотчину в 11 километрах от древнего Великого Устюга, где я и обрёл свой дом. Сюда мне можно написать, здесь же я принимаю гостей. Но сам я дома не сижу – езжу по стране и по миру” <...> “Я очень часто езжу к детям в лечебные учреждения. Вот и завтра вместе с мэром Москвы Сергеем Собяниным поедем в Первую градскую больницу столицы”» [Катаева 2011].

Лейтмотивом многих материалов, связанных с Дедом Морозом, является призыв приехать к нему в Великий Устюг, в чём выражается рекламный характер интернет-конференции Деда Мороза: «а я вас увижу, если вы в гости, мои любимые, пожалуете», «я жду круглый год в гости», «Я люблю свою сказку. Я люблю вас всех, так что приезжайте ко мне в гости» [Интернет-конференция Деда Мороза 2014].

«Пресса» Деда Мороза

Если «Мороз ТВ» – это лишь шутливое наименование видеораздела сайта, то «пресса» Деда Мороза действительно существует и обладает некоторым набором типологических признаков периодических изданий в отличие, например, от детских книг о Деде Морозе (см. [Данилова 2009]) или от посвящённых описанию проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» рекламно-информационных проспектов (см. [Великий Устюг – родина Деда Мороза 1998]). Типологически так называемая «пресса» Деда Мороза представляет собой ряд специализированных периодических изданий рекламно-информационного характера, направленных на определённую аудиторию (дети, их родители и т. д.). Будучи частью маркетингового процесса, данные издания могут быть с некоторой натяжкой отнесены к корпоративным изданиям, но официально как средство массовой информации не зарегистрированы (это подтверждает тираж (999 экз.) газеты «Морозные новости», что же касается издания «Вести от Деда Мороза, то оно имело и больший тираж, оставаясь рекламно-информационным изданием). Корпоративность данных изданий мнимая: формально относясь к ОАО «Дед Мороз», издания данного типа ориентируются не на собственное предприятие, а на потенциальных клиентов, то есть рекламная функция является основной, тексты же входят в систему специальных маркетинговых коммуникаций, являющихся результатом применения методов непрямой рекламы.

К «прессе» Деда Мороза относятся следующие издания: газета «Морозные новости», газета «Вести от Деда Мороза», журнал «Вести от Деда Мороза».

Первым изданием, официально представляющим проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза», стал журнал «Вести от Деда Мороза» (2001 г.), который позиционировался как «альманах для семейного чтения», в котором будет рассказываться о том, «как живут Дед Мороз и его помощники, чем он занимается, какие творит чудеса», поскольку «Великий зимний волшебник хочет, чтобы все узнали, как ему живётся в Великом Устюге» [Вести 2001: 2]. Будущее этого издания планировалось именно в качестве журнала: «*А этот альманах, который мы с помощниками моими для вас напечатали, надеюсь, станет началом будущего увлекательного журнала для детей и взрослых. Для семейного, стало быть, чтения*» [Вести 2001: 5].

Позиционирование издания как альманаха (ср.: *альманах ‘непериодический сборник произведений литературно-художественного, исторического и публицистического характера’* [БАС 1: 106]) и привлечение к его созданию талантливых авторов во главе с вологодским писателем, тележурналистом А.К. Ехаловым привело к тому, что по концепции издания, уровню текстового оформления, характеру дополнительных материалов журнал «Вести от Деда Мороза» является пока что лучшим в списке «прессы» Деда Мороза: в журнале была найдена концепция наиболее сбалансированного представления бренда на фоне рассказа о традиционной народной культуре, ср.: «Январь – зимы государь. А ещё звали его “просинцем”, потому что реки промерзают и вода на лёд выступает, окрашивая его в синий цвет. Солнце выше и выше, дали яснее и яснее. “В декабре день совсем было помер, да в январе воскрес”, – говорили прежде» («Зимы государь») [Вести 2001: 22], выдержанная образовательная составляющая: так, в материале «Дед Мороз пишет стихи» сказочный персонаж учит детей отличать ямб от хорея [Вести 2001: 24]. Впоследствии в формате газеты издание «Вести от Деда Мороза» выходило ещё несколько лет.

Тексты издания «Вести от Деда Мороза» подразделяются на два типа: это тексты, написанные в фольклорной стилистике, содержащие некоторые сведения о Деде Морозе, его мероприятиях, обращения его помощников, и тексты в газетном стиле, преимущественно новости. Отметим, что информация в этих двух частях газеты часто дублируется, ср.: «На смену старому зоосаду Деда Мороза в ближайшие годы придет новый современный комплекс. <...> Вместе с Губернатором Вологодской области Вячеславом Евгеньевичем Позгалёвым руководитель московской делегации заложила новый стационарный зоосад в Вотчине, который будет филиалом Московского зоопарка» [Вести 2004: 1]; более детально эта же информация даётся в новостном блоке: «Во время визита Л.И. Швецова и Губернатор Вологодской области В.Е. Позгалёв заложили памятный знак в основании входной группы нового зоосада в Вотчине Деда Мороза, который планируется построить и эксплуатировать как филиал Московского зоопарка» [Вести 2004: 3].

«Морозные новости» выходят с 2013 года в формате ежеквартальной газеты. Издание позиционируется как «первый выпуск газеты “Морозные новости”» [Морозные новости 2013, № 1: 1], в котором будут материалы «о самых важных и ярких событиях в моей жизни» [Там же]. Очевиден переход проекта к построению имиджа медийной фигуры всероссийского масштаба, особенно в связи с участием Деда Мороза в проведении Олимпиады: «За дни Олимпиады Зимний Волшебник стал по-настоящему вос требованным медийным героем. Он был желанным гостем на многих популярных телеканалах и радиостанциях...» [Морозные новости 2014, № 5: 2].

При сравнении «Вестей от Деда Мороза» и новой газеты обнаруживается переход от преимущественно социального, семейного проекта к построению медиаобраза «Российского Деда Мороза», что в большей степени проявляется в контенте и частично иллюстрируется слоганами изданий: от слогана «Читаем всей семьёй» («Вести Деда Мороза», 2001 г.) до слогана «Официальная газета главного Волшебника страны!» ([Морозные новости 2013, № 1]).

«Пресса Деда Мороза» обнаруживает типологический сдвиг от рекламных (альбомы, туристические проспекты) материалов – через промежуточный этап рекламно-информационных изданий («Вести Деда Мороза») – к корпоративной печати («Морозные новости»).

Если первые издания могли с юмором относиться к проекту «Великий Устюг – родина Деда Мороза», в последующих он репрезентируется как важнейший для области и страны: «Опять эти школьники приедут, – ворчал Паутиныч, – понаедут, шуметь начнут, смеяться громко, топтаться. Никакой жизни.

– Не ворчи, Паутиныч, так надо, – отвечал ему Дед Мороз, – всё-таки федеральная программа» («Генеральная уборка») [Вести 2001: 7]; «Накануне масленичной недели, 10 марта, Дедушка Мороз прибыл в Ярославль, чтобы открыть резиденцию Государыни Масленицы и дать старт масленичной неделе. Государыня Масленица – народная артистка России Надежда Бабкина – показала Деду Морозу свои владения: рабочий кабинет, гардеробную, кладовую. Затем в Тронном зале было подписано «Снежное Соглашение» между Государыней Масленицей и Российским Дедом Морозом, в соответствии с которым они будут сохранять народную культуру России, возрождать традиции широких народных гуляний и весёлой русской потехи» [Морозные новости 2013, № 2: 3].

Заголовки и рубрики изданий «прессы Деда Мороза» отражают общую сказочную концепцию проекта, его географическое расположение и историю: заголовки «Великий Устюг, Москва и вся Россия» [Вести 2001: 1], «Коллеги Деда Мороза» [Вести 2004: 2], «Летопись проекта “Великий Устюг – родина Деда Мороза”» [Вести 2004: 3], «Вот такой он, наш Дед Мороз» [Вести 2004: 2], рубрики «Зимняя планёрка», «Деловые вести» [Вести 2001: 4]; «Советы» [Вести 2001: 5]; «Сказочные новости» [Морозные новости 2014, № 6: 1]. Контент же «прессы Деда Мороза», особенно изданий последних лет, обнаруживает свою pragmatischeкую рекламную

направленность, ср.: приглашение в тексте «*Вот и вы, если хотите, приезжайте и посмотрите. Как надумаете, обращайтесь к помощникам моим*» [Вести 2001: 32] и в тексте «*Это всё сказки, что я летом таю или уезжаю на Северный полюс. Круглый год я живу в чудесном Великом Устюге и хлопот у меня не меньше, чем зимой. Приезжайте! Прямо вокруг терема грибов-ягод насобираем, а на моих прудах рыбалку устроим знатную, да и на праздниках от души повеселимся! Буду очень ждать, родные мои*» [Морозные новости 2014, № 6: 1].

Дед Мороз в среде Интернет

Система сайтов, связанных с презентацией проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» в сети Интернет, состоит из тематических веб-ресурсов, разрабатывающих ту или иную сторону проекта. Основными сайтами проекта являются следующие: «Вотчина Деда Мороза» (www.votchina-dm.ru), «Дом Деда Мороза» (www.dom-dm.ru), «Почта Деда Мороза» (www.pochta-dm.ru), «Интернет-почта Деда Мороза» (www.hochuchuda.ru), «Дед Мороз Вконтакте» (www.vk.com/dedmoroz).

Тематические сайты выполнены на хорошем профессиональном уровне, содержат красочные иллюстрации, интересные материалы, на части сайтов приведен возрастной рейтинг «0+» [Дом Деда Мороза]. Коммуникативные особенности сайтов проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» уже попадали в поле зрения исследователей. Так, Ю.Н. Аксёнова указывала на то, что в текстах сайтов «соблюден композиционный и ритмический баланс, учтены психосоциальные особенности. Они направлены, как на детей, так и на взрослых. В основе многих текстов лежит доверие. Именно доверие является основным признаком сайта и самого проекта. Информация на сайте легка для восприятия. Сайт направлен на психоаналитическую модель потребителя, то есть акцентируется внимание на желаниях человека. Тексты имеют сказочный характер. Большинство из них имеет следующую модель: красочное описание или рассказ о предлагаемом объекте → призыв посетить вотчину. Часто мы видим фразу в конце рассматриваемых текстов, несущую смысл: приезжайте и увидите все своими глазами» [Аксёнова 2012].

В рамках направления каждого сайта проводится массовая коммуникативная деятельность, организованная в виде письменных дискурсивных практик двух видов: информационное сообщение о Деде Морозе или проекте в целом и сообщение от лица Деда Мороза.

Общая рекламная направленность текстов сохраняется: «*В Великом Устюге, в сказочной Вотчине живёт Главный Волшебник страны - Российский Дед Мороз. Зимой, весной, летом и осенью он встречает в своей Сказке малышей и взрослых, дарит им праздник, исполняет заветные желания и совершает удивительные чудеса! И если вы мечтаете побывать в волшебной стране детства, приезжайте к Дедушке Морозу!*» [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза]; «*Вотчина Деда Мороза — сказочное ме-*

сто, расположеннное в чудесном сосновом бору неподалёку от Великого Устюга. Приезжайте в гости к Деду Морозу и окунитесь в свои детские мечты. Гостей Вотчины Деда Мороза ждут живописные пейзажи, увлекательное путешествие по Тропе сказок и, конечно, встреча с самим Дедом Морозом» [О Вотчине]. Переход от сказки к реальности осуществляется сразу же в рамках того же текста: «Гостиничный комплекс “Вотчина” расположен неподалёку от Великого Устюга, в самих владениях Деда Мороза! Чистый воздух, сосновый бор, спокойствие и уют – одни из основных критерии отдыха у нас!» [Там же]. В целом отмечается дублирование информации о Вотчине на различных ресурсах: «Вотчина Деда Мороза находится в 11 км от Великого Устюга в лесном массиве. Путешествие в сказку начинается от резных ворот, ведущих во владения сказочного волшебника» («Отдых в Великом Устюге») [Почта Деда Мороза], подчёркивание сказочной тематики: «К дому Деда Мороза гостям предстоит добираться по Тропе Сказок или по Аллее Чудес. По пути их ожидает масса приключений – сказки, загадки, чудеса, а также сказочные герои: Шишок, Михайло Потапыч, Мудрая Сова, братья Месяцы, которые развлекут гостей многочисленными испытаниями» [Там же], стилизация фольклорного языка: «Весёлым пеньем птиц заморских встретит “Зимний сад”, где цветы диковинные в любое время года радуют гостей» [Там же].

В условиях конвергентности медиасфера наблюдается дублирование одних и тех же новостей о Деде Морозе на различных типах ресурсов. Так, например текст «Большое шествие Дедов Морозов и Снеговиков ожидало Волшебника в Рыбинске. Более 2000 сказочных героев приняли в нём участие и украсили своим появлением центральную площадь города...» под заголовком «Новогоднее путешествие Деда Мороза 2012» напечатан в газете «Морозные новости» [Морозные новости 2013, № 1: 2] и опубликован на сайте «ВКонтакте» (www.vk.com) под заголовком «Новогоднее путешествие Российского Деда Мороза» [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза].

Любой сайт, посвящённый проекту, может содержать сообщения от лица Деда Мороза, но самым насыщенным в этом отношении является страничка Деда Мороза на сайте «ВКонтакте», ср.: «Только что закончилось праздничное шествие в Рыбинске, в котором приняли участие 1500 жителей города, одетых в костюмы деда мороза, и среди них были даже мамы с малышами!

Днём я поздравил детей и взрослых с наступающим Новым годом со сцены ДК “Авиатор”, а ребятишки подарили всем нам замечательный концерт.

Ну а на главную площадь Рыбинска я прибыл на сказочной платформе. Вместе с моей командой мы зажгли огни на новогодней ёлке города, которая украшена игрушками-рыбками.

Кстати, огни на ёлке мы вновь зажигали от волшебного фонаря, который я специально привёз из Великого Устюга.

А ещё, мы даже дождь превратили в пушистый снежок!

Спасибо за тёплый приём всем жителям славного города Рыбинск!»
(пунктуация оригинала сохранена) [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза, запись от 13 декабря 2013 г.].

Сообщения от лица Деда Мороза, будучи более личностно окрашенными, чем новостные материалы о нём на сайтах и в «прессе Деда Мороза», поддерживают веру в сказку и в большей степени влияют на конечного потребителя: «*В моей Сказке много разных диковинных вещиц, чудесных полянок и волшебных построек. Особенно маленьким гостям нравятся деревянные фигуры сказочных жителей. И мне любо! Вот я и решил в праздник Лапти 5 и 6 июля провести конкурс деревянных скульптур “Герои русских сказок”!*

Все, кто умеет обычное дерево превращать в чудо-скульптуры, жду к себе в гости! Вы фигуры сказочные сотворяете, а я вас подарками волшебными одариваю.

Собирайте инструмент, да в путь-дорожку отправляйтесь, чтоб удивить меня и гостей Ватчина своими мастерством!» [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза].

Сказочный и более достоверный характер сообщениям Деда Мороза придаёт использование элементов языка традиционной народной культуры с вкраплением разговорных и просторечных слов и конструкций, диалогичностью же текст обязан наличию риторических вопросов и обращений: «*Вчера побывал в гостях у Царя Берендея (Переславль-Залесский). Чудный край, прекрасные жители, удивительные мастера! Вместе со Снегурочкой Костромской и другими сказочными друзьями вручили Хозяину в подарок “чудо-дерево”, каждый – своё! Как вы думаете, какое деревце из сказочного Великого Устюга привёз я? Конечно, самое настоящее дерево добрых желаний - ёлочку! Не простая она, а точная копия той, что в тронном зале моего терема установлена, да по летнему обряжена. Эх, праздник у Берендеюшки был на славу! Кабы не дела волшебные, погостили бы подольше у него... А с Берендеем-то мы скоро снова свидимся – теперь уж он ко мне в гости пожалует на Праздник Лапти русского! Да и вы приезжайте-приходите, я вас с ним познакомлю!»; «*Знаю-знаю, что все очень ждут результаты фотоконкурса! Наберитесь терпения, мои дорогие! Ещё чуть-чуть и мы определим победителя!*» [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза].*

Обилие восклицательных конструкций поддерживает высокий уровень эмоционального посыла текстов: «*Друзья! 13 сентября приглашаем всех вас в гости к Дедушке Морозу на театрализованную встречу "Приключения Шишки в осеннем лесу"! В этот день именины у нашей Шишки!!! И она для вас придумала множество сюрпризов и розыгрышей на Тропе Сказок! Обязательно приезжайте в Ватчину Деда Мороза, чтоб вместе с весёлой Шишкой отправиться в сказочные приключения!*

Но погода у меня в царстве стоит чудесная! Кто ещё не успел побывать, приезжайте!!! Жду в гости!» [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза]. Следует отметить, что данная черта соответствует в большей сте-

пени текстам от лица Деда Мороза, сообщения же информативного характера более сдержаны: «*Дед Мороз побывал в доме на воде. На дворе середина лета, но Дедушка Мороз в эту пору не тает, как думают многие, а ведёт очень активный образ жизни: встречает многочисленных гостей в своей сказочной Вотчине, устраивает фестивали, праздники, но, несмотря на такую занятость, не забывает навещать своих друзей*» [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза].

Продолжая исследования манипулятивного воздействия форм коммуникаций, связанных с Дедом Морозом, отметим доказанную Ю.Н. Аксёновой манипуляцию через рекламное содержание текстов сайта «Почта Деда Мороза», выражающуюся в призывае приехать в вотчину Деда Мороза [Аксёнова 2012]. Рассмотрение текстов появившегося сравнительно недавно (в 2010 г.) сайта «Интернет-почта Деда Мороза» привело нас к выделению другого типа манипулятивного призыва: призыва верить в Деда Мороза.

Сравнение двух сайтов («Почты Деда Мороза» и «Интернет-почты Деда Мороза») позволяет говорить о переводе сферы внимания проекта от семьи (в большей степени ребёнка) как объекта манипуляции и, соответственно, семейного визита на родину Деда Мороза как цели манипулятивного воздействия («Почта Деда Мороза») на отдельного человека (в большей степени взрослого) как объекта манипуляции и, значит, личной веры этого человека в Деда Мороза как цели манипулятивного воздействия («Интернет-почта Деда Мороза»), что может привести к разобщению семьи. Говорящим является и название сайта: «ХочуЧуда.ру».

Рассмотрим наиболее характерные манипулятивные стратегии и приёмы, осуществляющиеся на сайте интернет-проекта «ХочуЧуда.ру». Согласно И.А. Стернину, способы речевого воздействия включают в себя: доказывание (ср.: «*Известно, что человек сам творец собственного счастья, нужна лишь вера в себя и в Чудо. Все мы в детстве любим мечтать и верить, что наши мечты сбудутся. Мырастём, и умудрённые опытом взрослые учат нас быть ближе к реальности, становиться более практическими и меньше витать в облаках. Но сколько существует примеров, когда самые невероятные мечты сбываются!*»), убеждение (ср.: «*И каждый день на наш сайт приходят сообщения о том, что чьё-то желание сбылось*»; «*Мы верим, что творчество — это та самая сила, с помощью которой легко и естественно поднимается настроение, увеличивается число улыбок, радостных лиц и смеющихся глаз. Мы знаем, что Дед Мороз — великий символ добрых Чудес. И мы хотим, чтобы благодаря вам наш мир становился счастливее!*»), уговаривание («*Но сколько существует примеров, когда самые невероятные мечты сбываются! Когда видишь это, хочется спросить — как такое возможно?! Может быть, есть какой-то рецепт?!*» Да, есть! И мы готовы в этом проекте поделиться с каждым возможностью сделать самые сокровенные желания частью вашей жизни»), внушение («*Уже будучи взрослыми, живя по правилам и законам современного мира, мы всё равно, явно или тайно от других, про-*

должаем ждать приближения новогоднего праздника, чтобы прикоснуться к Чудесам, благодаря настоящему зимнему волшебнику — Дедушке Морозу», просьба («А когда в жизни желателей — авторов писем Деду Морозу, случается желанное Чудо, мы предлагаем нажать кнопку «СБЫЛОСЬ», чтобы порадовать Деда Мороза, всех его помощников и окружающих людей своим вкладом в копилку Чудес в нашем удивительном мире»). Другие выделяемые И.А. Стерниным способы речевого воздействия — принуждение, клянченье, приказ — не актуальны в текстах рекламного характера [Стернин 2012: 48-50].

В публикациях сайта успешно реализуются принципы эффективного речевого воздействия: например, принцип благоприятной самоподачи (И.А. Стернин): «Наши Помощники Деда Мороза — сотрудники нашей Почты, самоотверженно работают день и ночь, чтобы ваши мечты становились самыми исполнимыми. Они знают все секреты исполнения желаний и обязательно поделятся ими с каждым, кто напишет письмо Деду Морозу»; «Мы сделали смыслом существования проекта возможность каждому ребёнку и взрослому на земле писать о желанных Чудесах, надеяться и верить, что оно обязательно случится, даже когда воплотить мечты своими силами уже не удаётся. Мы вложили в проект много сил и души. И мы рады тому, что, благодаря нашим знаниям и опыту, кто-то продолжает верить в Чудеса и становится счастливее» [Интернет-почта Деда Мороза]. В текстах опускается негативная информация (например, не указывается то, что желания не всегда сбываются и что исполнение желаний не делает человека счастливым), приводится ложная информация (например: «Ведь то, во что искренне веришь, так или иначе обязательно сбывается!», что статистически неверно), вызывается чувство вины (то есть если желание не сбывается, то человек мало верит в него или в свои силы), происходит воздействие на тщеславие через приобщение к элитной для объекта воздействия группе (в данном случае группе «очень хороших» людей: «Мы хотим счастья для себя, наших близких, друзей, коллег, знакомых и всех-всех людей на свете») [Рюмшина 2004].

Практические формы «работы над желаниями» приводятся в описании помощников Деда Мороза, например, в виде сказки-инструкции: «Дружелюбный кот Леопольд искренне верит в Деда Мороза, в Новый Год и в исполнение любой мечты, пусть даже самой фантастической! В приближении к Новому Году, Леопольд всегда загадывал самое невероятное: будь то много-много молока, сметанки или рыбки на весь год вперёд; самые невероятные игрушки, новую лежанку из пуха или тёплую, модную шапочку на зиму; желал обрести новых друзей и знакомых, побывать в далёких краях и удивительных местах...

Но Лео знал, что пожелать мечту — половина дела. К ней необходимо тщательно подготовиться: он заканчивал все неотложные дела, отбрасывал в сторону переживания, усталость и волнение. И начинал мечтать, записывать каждую деталь и даже рисовать! Лео представлял свою

мечту яркой и красочной, живой и мелодичной, дарящей душевное тепло и радость.

Свои записи и рисунки Лео прикладывал к письму и отправлял Дедушке Морозу. Оставалось только набраться терпения и ждать исполнения своих самых заветных желаний! Ведь они действительно исполняются!» [Почтовые помощники Деда Мороза].

Таким образом, все этапы воздействия соответствуют одной установке – изменить отношение взрослого человека к сказочному персонажу Деду Морозу через описание механизмов самоубеждения и этапов профессиональной психологической помощи («мы помогаем составить эти письма так, чтобы люди сами поверили, что их мечты обязательно сбудутся»; «обрабатываем сотни тысяч писем Деду Морозу, помогая детям и взрослым точнее понимать свои желания, выражать их в словах или рисунках, а главное, по-настоящему верить в них!» [Интернет-почта Деда Мороза]).

Интернет-проект «ХочуЧуда.ру», в отличие от прочих сайтов, связанных с великоустюжским Дедом Морозом, направлен на взрослых, поскольку детей не надо убежждать в пользе веры в Деда Мороза, они просто верят в него. Однако вера детей в Деда Мороза – это вера в сказку, благоприобретённая же вера взрослого – это вера в получение личной выгоды путём психологического манипулирования. Возможно, с этим связан и выбор языка коммуникации: «детские» веб-ресурсы ориентированы на использование сказочных, фольклорных мотивов, элементов языка народной культуры, создающих «сказочный антураж», «взрослые» же сайты обычно написаны литературным языком и в большей степени используют стратегии аргументации.

Самопрезентация и самоидентификация Деда Мороза

Несмотря на выражаемое дистанцирование от образов зарубежных аналогов Деда Мороза в выступлениях руководителей проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза», сам Дед Мороз обнаруживает в своей «легенде» существенную контаминацию с образом Санта-Клауса («... всё равно обязательно кроме тех [подарков], что вы купите, обязательно я в новогоднюю ночь, когда полечу над всей нашей страной на волшебных санях, от себя тоже добавлю свой маленький подарок» [Интернет-конференция Деда Мороза 2014]). Рассказывая же о себе в средствах массовой информации, Дед Мороз не скрывает языческих корней образа (см. анализ в работе [Душенко 2002]), хотя его «биография» литературно обработана: «“Родился я две с половиной тысячи лет назад в северных угодьях, которые сейчас называются землями Великоустюгскими. И люди, и язык тогда были совсем другими. И имя моё, которое я тогда носил, ничего не скажет современному человеку. Меня звали Рун. Потом оно изменилось и превратилось в Варун. Некоторые учёные называют меня Варуна, но это неверно, поскольку это женское имя”, – вспоминает добрый волшебник свою юность» [Катаева 2011].

В «прессе Деда Мороза» этот главный персонаж именуется по-разному: *Дед Мороз* (наиболее частый вариант номинации), *Российский Дед Мороз* (прилагательное *российский* всё чаще начинает восприниматься как часть имени бренда или постоянный эпитет, ср.: «*поздравить Российского Деда Мороза с Днём рождения*» [Морозные новости 2013, № 1: 5]), *Дедушка Мороз* (ласк., ср.: «*За время путешествия Дедушка Мороз принял участие в 20 пресс-конференциях*» [Морозные новости 2013, № 1: 3]), *Дедушка* («*Дедушке придётся серьёзно поработать*» [Вести 2001: 1]), главный *Волшебник страны / Главный Волшебник страны* («*в сказочном Доме главного Волшебника страны – Российского Деда Мороза появилась новая ёлочка*» [Морозные новости 2013, № 1: 2]), *Зимний Волшебник* («*В этот день Зимний Волшебник вместе с детьми из города Великий Устюг отправился к людям, которые переживают трудные времена*») [Там же], *Волшебник* («*В тереме Деда Мороза его помощники рассказали о праздниках и фестивалях, которые проводит Волшебник в течение всего года*» [Там же]), *Зимний Кудесник* («*Сказочные друзья Зимнего Кудесника собираются в его уютном доме...*» [Морозные новости 2013, № 1: 5]).

Наблюдается явный переход от номинации *«Вологодский Дед Мороз»* (в настоящее время сохраняется в названии одноимённой песни) к номинации *«Российский Дед Мороз»*, что отражает и развитие бренда в целом, и изменение самого образа Деда Мороза.

Описательные конструкции также обнаруживают примеры самопрезентации персонажа в его речи и в речи его «помощников»: это «*хранитель древностей и минувших времён*» [Вести 2001: 2]; который «*уже считёт векам и тысячелетиям терять начало*» [Вести 2004: 2]; «*главный творец и кумир Новогодних чудес*» [Вести 2001: 1].

Внешняя номинация представлена словами *старец* [Катаева 2011], *сказочный волшебник, добрый волшебник* [Там же], описательной конструкцией *Дед Мороз из Великого Устюга* [Там же], часто внешняя номинация и элементы самопрезентации наблюдаются в одном медиатексте: «*Сказочный волшебник рассказал также, что совсем не боится лета: “Я же не Снегурочка, не таю. И ещё: в меня не надо верить, меня надо знать. Не стоит смешивать реальную жизнь, сказку и религию”*» [Там же].

Традиционный образ Деда Мороза не полностью соответствует персонажу бренда *«Дед Мороз»*, что обнаруживается и в текстах, описывающих и сопоставляющих бренд и традицию: «*От поколения к поколению, из века в век передаёт устная народная летопись предание о великом сказочном волшебнике Дедушке Морозе, строгом, но справедливом друге и помощнике людей. В сказках и песнях предстаёт он в виде богатыря или кузнеца, сковывающего воду “железными морозами”*» [Морозные новости 2014, № 2: 4], «*Современный Дед Мороз гораздо ближе и доступнее. По-прежнему великий своей статью и душой, он ведёт активный образ жизни, занимается спортом и приобщает к нему детей и взрослых*» [Морозные новости 2014, № 2: 4].

В начальном периоде становления бренда самопрезентация Деда Мороза во многих отношениях строилась на основе традиционного образа доброго волшебника, однако «осовремененный» Дед Мороз менее склонен использовать средства языка традиционной народной культуры для само-презентации, хотя они сохраняются в речи персонажа в среде Интернет. Особенно чистой и литературной речь Деда Мороза становится тогда, когда Дед Мороз достигает звания «Российского»: «*Дедушка Мороз обратился ко всем взрослым: «Дорогие мамы и папы, бабушки и дедушки, не ленитесь, выйдите с детьми во двор, посмотрите, в порядке ли горки, с которых катаются ваши дети, удобно ли им, не травмируются ли? И если что не так – поправьте! Не ждите, что сделает кто-то другой, а своими руками, своим сердцем совершайте добрые дела!*» [Морозные новости 2013, № 2: 6].

В целом наблюдается тенденция перехода «современного» Деда Мороза из сферы сказочно-фольклорной в медийную (сферу массовой коммуникации), где он становится персонажем, проповедующим морально-нравственные ценности: «*Также Дедушка Мороз поспешил напомнить, что нужно стараться быть добрым ко всем, и не только в этот день, а всегда, всю жизнь. Добрые дела сами по себе должны доставлять удовольствие, и при этом, давая что-то другим или помогая им, не нужно ожидать награды. Именно в этой истине заключается настоящая доброта. А награда обязательно найдёт вас! Каждое доброе дело всегда вознаграждается!*» [Морозные новости 2013, № 2: 6].

«Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты». Частью само-идентификации персонажа может считаться представление сказочных образов «коллег» и «друзей», с которыми взаимодействует Дед Мороз. Друзьями и коллегами Дед Мороз называет следующих персонажей: это Костромская Снегурочка (Кострома), Кикимора Вятская (Киров), Чысхаан (Оймяков, Саха (Якутия), Царь Берендей (Переславль-Залесский, Ярославская область), Сагаан Убугун (Улан Удэ, республика Бурятия), Баба Яга (Кукобой, Ярославская область), Кыш Бабай (Казань, республика Татарстан), Паккайне (Олонец, республика Карелия), Санта-Клаус (Финляндия), 12 месяцев (Клин, Московская область), Ёжик Гоша (Шарья, Костромская область), Золотая Рыбка (Липин Бор, Вологодская область), Сапоги-скороходы (Торжок, Тверская область) и др. («Сказочные друзья Деда Мороза») [Морозные новости 2013, № 4: 2–3, 6–7].

С одной стороны, данные персонажи большей частью сказочные герои (Золотая Рыбка) или предметы (Сапоги-скороходы), которые традиционно соотносятся с той или иной национальной культурой и историей (русской – Царь Берендей, немецкой – Вайнахтсман и пр.), в том числе могут являться отголосками языческого периода истории страны (Чысхаан и мн. др.), с другой стороны, все эти персонажи испытали процесс «брендирования», в ходе которого произошёл переход от старой традиционной сказки к её имитации, а от сказки-имитации – к новой сказке, диктуемой новым обра-

зом. Чаще всего этот новый брендированный образ представляет собой коммерческую рекламу той или иной территории.

Рассмотрим истории некоторых «друзей Деда Мороза».

Костромская Снегурочка (Кострома): «Образ сказочной героини Снегурочки формировался в народном сознании постепенно на протяжении веков. Первоначально он возник в русских народных сказках как образ ледяной девочки-внучки, которую слепили из снега бездетные старик со старухой себе в утешение, а людям на радость.

Образ Снегурочки привлекал многих поэтов, писателей, композиторов, художников. Каждое новое осмысление обогащало образ Снегурочки, делая его любимым в народе.

Сегодня каждый из нас может побывать в гостях у Снегурочки в Костроме, где у неё есть и терем, и гостиная, и настоящая почта. Снегурочка радушно принимает и развлекает своих гостей любого возраста.

Ежегодно Костромская Снегурочка участвует в новогоднем путешествии Деда Мороза по российским городам. С 2005 года проводится открытый конкурс «Русская краса – Костромская Снегурочка» («Сказочные друзья Деда Мороза») [Морозные новости 2013, № 4: 2].

Образ Снегурочки изначально являлся компилятивным, поэтому достаточно легко был подвергнут брендированию и последовательно использован в качестве зарегистрированного товарного знака, популярной торговой марки, и, наконец, бренда, локализованного на определённой территории – Костроме. «Новая сказка» включила в себя и отрицательные качества персонажа, преодолеваемые им в ходе развития сюжета: «Жила на свете могущественная богиня Кострома. Поклонялись ей люди, просили скорого прихода весны, плодородной земли, богатого урожая. Пока её задабривали да величали, выполняла она просьбы, но постепенно люди стали забывать о силе Костромы. И сама она со временем превратилась из мудрой богини в холодную, пугающую людей снежную деву...» [История Снегурочки]. Параллель с образом Деда Мороза заключается в том, что данный бренд также прошёл несколько стадий развития, получил новую историю своего прошлого и настоящего.

Кикимора Вятская (Киров): «Кикимора Вятская – очень озорной и весёлый сказочный персонаж из города Киров (Вятка), всегда заряжает своей улыбкой и энергией. Кикимора с удовольствием принимает в своей сказочной резиденции гостей, знает огромное количество игр, обожает шалить и баловаться, поёт везде и всюду.

Родиной Кикиморы является Вятка, в которой издревле существует Кикиморская гора. Именно у этой горки, по преданию, живут и озорничают маленькие, зелёные и очень весёлые Кикиморки. Однажды, катаясь с сёстрами с горы в реку, Кикимора Вятская перепрыгнула через Вятку и очутилась в красивейшем Заречном парке, где ей очень понравилось, и она осталась там жить. Позже она обустроила там свою резиденцию «Заповедник сказок», где по сей день радует своих гостей увлекательными при-

ключениями и весёлыми испытаниями («Сказочные друзья Деда Мороза») [Морозные новости 2013, № 4: 2].

Образ Кикиморы интересен тем, что, в отличие от Снегурочки Костромской, представляет собой пример брендирования отрицательного в основе своей персонажа, и потому требующего разъяснений и «литературной легенды», то есть написания «новой сказки». Дед Мороз также не был всегда положительным персонажем, но это в настоящее время на акцентируется.

Чысхаан (Оймякон, Саха (Якутия)): «Чысхаан – это современное воплощение якутского мифического образа Быка Зимы. По якутским преданиям, Бык Зимы ежегодно осенью выходит из Северного Ледовитого океана и несёт с собой холод. Бык является олицетворением неотвратимой стихии (мороза, холода, зимы), и поэтому он появляется из Воды, из Океана, с севера. В мифах Бык Зимы изображён в виде белого, огромного с голубыми пятнами быка, с большими прозрачными рогами и морозным дыханием. Когда он обходил просторы якутской зимы, всё в природе застывало.

Резиденция Чысхаана – хранителя холода – находится на полюсе холода в Оймяконе, где была зарегистрирована самая низкая температура зимой $-72,2^{\circ}\text{C}$. Каждый год в гости к Чысхаану прибывают сказочные персонажи со всего мира, чтобы получить из его рук «холод» и рассказать о своих новогодних событиях» («Сказочные друзья Деда Мороза») [Морозные новости 2013, № 4: 2–3].

В отличие от образа Деда Мороза образ Чысхаана органично соединил в себе языческую и рекламную составляющие, в то время как в развитии бренда «Дед Мороз» наблюдается тенденция дистанцирования от язычества и движение в сторону православия либо атеистического морально-этического учения.

Традиционный образ Деда Мороза изменяется в зависимости от идеологии и политических предпочтений, преобладающих на территории его распространения (либо территории, за которой данный образ закреплён): например, есть **Белорусский Дед Мороз** с более скромными функциями, чем у Российского Деда Мороза, а также в последнее время появился **Всемирный Казачий Дед Мороз** (Гатчина, Ленинградская область): «В мировой культуре это совершенно новый сказочный персонаж, патриотический детский сказочный герой. Цель его – не только участие в новогодних праздниках и раздача подарков, но и воспитание у подрастающего поколения духа патриотизма, чувства любви к Родине, приобщение его к истокам духовности и национальным традициям. А ещё – адресная помощь детям-сиротам и детям-инвалидам.

Всемирный Казачий Дед Мороз одет в кафтан с эполетами, вместо пояса – кушак, на голове – казачья шапка, на боку – кавалерийская шашка. Прототипом его считается воин-патриот Илья Муромец, а прародителем – Николай Чудотворец» («Сказочные друзья Деда Мороза») [Морозные новости 2013, № 4: 3]. Для Казачьего Деда Мороза характерна глубоко

проработанная идеология бренда, выразившаяся во внешнем виде персонажа и выбранных героях-прототипах.

Коммуникация как часть самоидентификации персонажа. Описанные выше особенности речи Деда Мороза из Великого Устюга можно дополнить анализом личных обращений к читателям в «прессе Деда Мороза». Если на протяжении ряда лет в прошлом коммуникация с читателем строилась на дружеских равноправных отношениях, то в последнее время это общение чаще имеет формальный оттенок семейственности и покровительственности, ср.: «друзья мои, большие и малые» [Вести 2001: 1], «друзья мои пытливые» [Вести 2001: 1]; «друзья мои любезные» [Вести 2001: 1]; «дружок мой любознательный» [Вести 2001: 2]; «милые мои внучата» [Морозные новости 2014, № 6: 1]; «родные мои» [Морозные новости 2014, № 6: 1; 2013, № 1: 1]; сохраняется и формула – «дорогие мои друзья» [Морозные новости 2013, № 1: 1].

С течением времени персонаж говорит всё более правильным литературным языком и всё меньше отражается в его речи стремление использовать фольклорно-сказочные вербальные элементы: «Дорогие друзья! С этого дня любой житель или гость Олимпийского Сочи сможет написать мне письмо и рассказать о своём заветном желании, поделиться радостными новостями, поздравить с приближающимся Новым годом. А ещё я всем сердцем надеюсь, что в моём почтовом ящике вы оставите тёплые пожелания российским спортсменам – участникам Олимпиады Сочи 2014! Ваша поддержка и добрые напутствия необходимы нашей национальной сборной для победы России!» («Дед Мороз Сочи 2014») [Морозные новости 2013, № 4: 8].

Выражение региональной специфики в текстах бренда

В текстах, ассоциируемых с образом (и брендом) Деда Мороза, степень локальной окрашенности варьируется, изменяются и её формы: это использование элементов диалектной и разговорной речи Вологодского края, упоминание местных реалий, описание отдельных городов области.

Как уже было отмечено, в устных видах дискурса Деда Мороза проявляется оканье, характерное для севернорусских говоров. Однако оканье не может быть признано регионально специфичной чертой Вологодского края, поскольку в данном случае оно используется для имитации некой «народной речи» в целом, а то, что резиденция Деда Мороза находится на севере России, определяет выбор именно оканья.

Более специфично использование диалектных и местных разговорных слов и выражений: «Посмотрел на всё это Дед Мороз и пригорюнился. А ты бы не пригорюнился? Завтра гости, а у тебя дома – «не у шубы рукав», как говорят у нас на Вологодчине» («Генеральная уборка») [Вести 2001: 7], ср.: не у шубы рукав (у кого) ‘ничего не сделано’: Завтра надо в город по делам, а у меня не у шубы рукав [ЗР: 158]; «Уж мы не задолим, вслед за снегами сыпучими, инеями серебряными, льдами звончатыми

явимся к вам на праздник!» [Вести 2001: 1], ср.: *задолить* ‘пробыть где-либо долго, замешкаться, не прийти вовремя’, *задержать, замедлить* (оба значения сопровождаются пометой «волог.»), [СРНГ 10: 62], ср. также: *задолить* ‘отложить решение какого-либо вопроса на неопределённое время, затянуть’ [СВГ 2: 114]; *«Калабашка из-под кефира сиротливо притулилась на подоконнике»* («Генеральная уборка») [Вести 2001: 8], ср.: *калабашка* ‘грубо выделанная деревянная посуда’ [СВГ 3: 33], ‘см. колобашка’ [БАС 5: 699], *колобашка* обл. ‘то же, что *колобок*’, *колобок* ‘небольшой круглый хлебец’ [БАС 5: 1196]; *калабашка* ‘см. колобашка’ [СРНГ 12: 332], также зафиксированы значения 1) ‘ком, шар (из теста, глины и т. п.)’; 6) волог. ‘деревянная миска, чашка’ [СРНГ 14: 142]. Вероятно, произошло семантическое движение в значении слова: ‘круглый хлеб’ → ‘посуда для его приготовления’ → ‘деревянная миска, чашка’ → ‘любая миска, чашка’ → ‘небольших размеров посуда’ → ‘вместилище для хранения пищевых продуктов’ (в том числе ‘пластиковый или бумажный пакет из-под молочных продуктов’). Не только вологодские говоры отразились в текстах: «Само название района – Вашкинский, происходит от вепского слова “вашикалок”, что означает “рыба с плавниками цвета меди”. Даже на гербе района изображена эта медная рыбка» («Сказочные друзья Деда Мороза») [Морозные новости 2013, № 4: 6].

Предметные реалии, относящиеся к Вологодскому краю, упоминаются в текстах «прессы Деда Мороза», например: «*В газете “Вологодская неделя” напечатали его фотографию*» [Вести 2001: 26]. Прилагательное же вологодский употребляется по отношению к самому Деду Морозу: «*в гости к Дедушке Морозу приезжали известная поэтесса Лариса Рубальская и популярный композитор Эдуард Ханок, создавшие песню “Вологодский Дед Мороз”*» [Морозные новости 2013, № 1: 2]; в наименованиях официальных лиц Вологодской области: «*в Вотчину Российского Деда Мороза пожаловал почтенный гость – Губернатор Вологодской области Олег Александрович Кувшинников*» [Там же]; по отношению к местным народным промыслам: «*Дедушка Мороз преподнёс дорогому гостю памятный подарок – жилетку, украшенную кружевными вологодскими снежинками*» [Там же]; «*гости познакомились с работой мастерской вологодских промыслов*» [Морозные новости 2014, № 5: 5]

Многочисленны упоминания Вологды и Вологодской области как географической локализации проекта «Великий Устюг – Родина Деда Мороза», а жителей региона в качестве участников и гостей проекта: «*В гости к доброму волшебнику съехались люди мастеровые со всего края Вологодского, с ремёслами народными особо дружные*» [Вести 2011: 3]; «*юная вологжанка Кристина Ермолинская, сыгравшая на Церемонии открытия Олимпийских игр роль девочки Любы, и покорившая своим выступлением сердца миллионов телезрителей, побывала в гостях у Деда Мороза*» [Морозные новости 2014, № 5: 4] и т. д.

Описание городов области носит отпечаток стереотипных представлений о них, характер же текстов определяется их функционированием в

рамках туристического дискурса, ср.: Великий Устюг – «древний сказочный город» [Вести 2004: 1]; «Словно белый корабль сказочный стоит Устюг на крутом берегу, храмами каменными, крестами золотыми небо подпирает, звоном колокольным тишину окрестных лесов да память людскую будит» [Вести 2001: 1]; Вологда – «древняя красавица Вологда» [Вести 2004: 1]; «Областная столица готовит для него грандиозное вечернее шоу с участием лучших коллективов области» [Вести 2004: 1]; Тотьма – «Город солеваров и мореходов хорошо знает новогоднего волшебника» [Вести 2004: 1]; Череповец – «праздничную эстафету примет город металлургов Череповец» [Вести 2004: 1]. С помощью «прессы Деда Мороза» закрепляются и распространяются стереотипные представления о регионе.

Текст как пространство создания образа Деда Мороза

Образ Деда Мороза создаётся и функционирует во многом в пространстве текста. Роль визуальной составляющей велика, но именно текст делает её осмысленной (например, тексты о костюме Деда Мороза, о его варежке, его резиденции и т. п.). Акциональная (деятельностная) составляющая образа Деда Мороза становится с каждым годом развития бренда всё более значимой (текстовая же умалывается), но события и действия всё же требуют верbalного оформления, более того, они являются результатом реализации концепции всего образа (ср.: «*В этом году праздник в вотчине пройдёт под яркими эмоциональными лозунгами: “Жизнь измеряется количеством ярких событий!”, “Лучшие моменты прошедшего года Деда Мороза!”, “Жду в гости!”*» [Вести 2011: 1]).

Обратимся к описанию лексических средств создания образа Деда Мороза в медиатекстах.

Использование устаревших слов. С самых первых лет возникновения бренда образ Деда Мороза строился на основе принципа исторической древности персонажа, поэтому устаревшие слова тогда являлись (и сейчас являются в ряде источников) одним из самых ярких вербальных способов маркировки бренда, ср.: *негоже* устар. и прост. ‘не следует, нельзя’ [МАС 2: 432]; «Листьями пошуршу, пошуршу и в Вотчину вернусь, негоже о своих обязанностях забывать» («О чём рассказал Шуршик») [Вести 2003: 3]; *изрядно* устар. и разг. ‘много, сильно, значительно’ [БАС 5: 252; МАС 1: 655]; «*писем ко мне в вотчину день ото дня прибывает изрядно*» [Вести 2001: 25]; *коли* устар. и прост. ‘если’ [МАС 2: 73]; «*А взрослые пускай-ка своё детство вспомнят, коли забыли, а через это чад своих лучше поймут, дружнее станут*» [Вести 2003: 3]; *пуще* устар. и прост. ‘сильнее, больше’ [МАС 3: 567]; «*А пуще того, будем вас к себе в гости поджидать*» [Вести 2001: 1] и др.

Ярким примером использования устаревших слов являются историзмы и архаизмы, называющие местопребывание Деда Мороза: *вотчина* ‘родовое имение, владение помещиков, переходившее по наследству от отца к детям или ближайшим родственникам’, истор. ‘наследственное земельное

владение’ (боярская вотчина, княжеская вотчина), ‘о всяком недвижимом имуществе, доставшемся по наследству’ [БАС 2: 748]: «*Вотчина стала излюбленным местом отдыха гостей Великого Устюга*» [Вести 2004: 1]; *владение* устар. ‘недвижимое имущество (преимущественно земля), принадлежащее кому-л. на основе собственности’ [МАС 1: 183] (вряд ли ‘территория, находящаяся под чьей-л. властью, в чьим-л. управлении’ [Там же]): «*Узнав, что можно поселиться прямо во владениях Деда Мороза, мы не стали рассматривать других вариантов*» [Почта Деда Мороза]; *имение* ‘помещичье земельное владение, обычно с усадьбой; поместье’ [БАС 5: 292]: «...в *имение моё Морозово, на берегу реки Сухоны, возле славного града Устюга Великого*» [Вести 2001: 1].

Просторечие. Не случайно многие устаревшие слова сопровождаются одновременно пометами «устаревшее» и «просторечное». Многие просторечные слова используются в текстах бренда «Дед Мороз» для стилизации фольклорной речи, что говорит о неразличении фольклорных и просторечных элементов создателями (авторами) этих текстов (о необходимости их различия – см. выше), ср.: *куролесить* ‘прост. озорничать, проказничать, буйнить’ [МАС 2: 153]: «*Там в лесу, на полянке, где я раньше жил, зайчата играть любили: собираются у старого замшелого пня на солнышке и ну куролесить!*» («О чём рассказал Шуршик») [Вести 2003: 3].

Использование разговорных слов. Неслучайность употребления разговорной лексики можно продемонстрировать путём сравнения фрагментов двух текстов: «*Для участия в проводах Деда Мороза в Великий Устюг прибудет турпоезд с московскими ребятишками. Более 500 юных победителей творческих олимпиад и конкурсов станут свидетелями грандиозного праздника в Вотчине Деда Мороза*» [Вести 2004: 1]; «*Очередной детский турпоезд прибыл в Великий Устюг. Более 500 юных туристов из Москвы побывали в гостях у Деда Мороза. Они приняли участие в праздничных мероприятиях, посвящённых проводам Деда Мороза и встрече весны*» [Вести 2004: 2]. Представленные фрагменты одной газеты описывают одно и то же событие, но первый фрагмент – из стилизованного повествования о «деяниях» Деда Мороза (используется слово *ребятишки* разг. ‘маленькие дети’ [БАС 12: 1070]); а второй – из новостной рубрики (используются литературные описательные словосочетания *детский поезд, юные туристы*), ср.: *детишки*: ‘разг. ласк. к дети’ [МАС 1: 393]; более строгая норма отражена в «Словаре современного русского литературного языка» (в 17 т.): ‘уменьш. и ласк. В просторечии’ [БАС 3: 749]: «*Дедушка Мороз от всей души благодарит всех участников выставки-конкурса и с нетерпением ждёт новых чудесных поделок от детишек следующей зимой!*» [Морозные новости 2014, № 5: 8].

При назывании помещений в резиденции Деда Мороза также используются разговорные слова, например: *светёлка* разг. ‘светлая жилая комната’, ‘то же, что светлица’ [БАС 13: 329] (*светлица* ‘В старину — светлая парадная комната в доме (преимущественно в верхней части)’ [БАС 13: 336]): «*В хоромах Дедушкиных много светёлок. Есть рабочий кабинет,*

спальня-опочивальня, светёлка для подарков, есть мастерская...» («О чём рассказал Шуршик») [Вести 2003: 3].

Лексика высокого стиля, в отличие от разговорной лексики, представлена весьма ограниченно: *вершить* высок. ‘совершать, выполнять’ [МАС 1: 155]; «Именно они помогают Деду Морозу *вершить самое главное чудо – дарить Праздник*; *свершение* высок. ‘действие по знач. глаг. свершить’ [МАС 4: 43]; «в знак доброй дружбы и общих интересов в деле *свершения* чудес на благо людей» [Морозные новости 2013, № 1: 2].

Стилизация особенностей народно-поэтической речи. Помимо собственно слов народно-поэтической речи (например, *кудесник* трад.-поэт. ‘волшебник, колдун, волхв’ [МАС 2: 145], устар. поэт. ‘волхв, волшебник, колдун’ [БАС 5: 1791]; «*И каждый из нас нет нет да и подумает: “Хорошо бы увидеть настоящую зимнюю сказку про доброго кудесника из Великого Устюга”* [О Вотчине]), в текстах проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» очень широко используется инверсия: «*чтобы в самый срок, под бой курантов, по всей матушке-России, от Куря до границ западных, поспеть мне*» [Вести 2001: 1]; «*Поклон вам земной от Деда Мороза из имени моего, из далёкого Устюга Великого*» [Вести 2001: 1]; «*Но на самом-то деле намного древнее города эти*» [Вести 2001: 1]; «*И не в возрасте их заслуга, а в том, что оба города в становлении государственности российской великую роль сыграли*» [Вести 2001: 1]; «*мастера устюгские Виричевы*» [Вести 2001: 1]; «*Дозвольте поздравить вас с Новогодьем да порадоваться вместе с вами празднику всеобщему, с ёлками пушистыми, морозцами скрипучими, ледяными горками раскатистыми, детским смехом заливистым*» [Вести 2001: 1] и др.

Применение инверсированного порядка слов для стилизации народной речи распространяется на выражения, обозначающие далёкие от поэтизации современные реалии (полные удобства): «*Повелеваю строить в Устюге Великом гостиные дома с удобствами полными, кроватями резными да перинами пуховыми для друзей моих желанных*» («Указы Деда Мороза») [Вести 2001: 25].

Многие медиатексты построены почти целиком на использовании инверсии как основного приёма создания сказочной образности, что приводит к появлению неудачных примеров контаминации современной лексики и псевдофольклорных выражений, например, соединение современного жанра информационного письма об условиях проведения конкурса с традиционными народно-поэтическими формулами: «*Участники: Любой – от мала до велика, и поодиночке, и семьями, и с друзьями вместе, лишь бы желание было да умение сказки придумывать да сказывать.*

Цели и задачи: Чтобы с помощью друзей главная Дедушкина Сказка всё интереснее да забавнее делалась.

Чтобы умели и малые, и взрослые мечтать и фантазировать да чудеса разные придумывать.

Чтобы чадам маленьким и отрокам юным оставалось меньше времени повесничать и лоботрясничать.

Чтобы малые и большие, сказки придумывая, дружнее и доб्रее становились.

Условия проведения:

До 15 ноября ждёт Дед Мороз в своей Вотчине сказки про самого себя да про свиту свою волшебную и желает, чтобы сказки те были писаны не только про зиму и Новый год, но и про Весну-красавицу, и про Лето красное, и про Осень-сударушку, потому как сказка в Вотчине круглый год живёт. А ещё хотел бы хозяин узнать из ваших придумок про чудеса да познакомиться с новыми героями» («Расскажи сказку») [Вести 2003: 2].

Неологизмы. Использование лексики этой группы в медиатекстах проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» идёт в двух направлениях. Во-первых, это собственно использование неологизмов, существующих в современном русском литературном языке в настоящее время: *селфи «а вот селфи!»* [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза, запись от 19 ноября 2014 г.].

Во-вторых, это неологизмы, создаваемые участниками проекта для обозначения определённых реалий либо в ходе языковой игры. Чаще всего новые слова обозначают различных помощников Деда Мороза, ср.: *новогодники: « успел встретиться со своими юными помощниками Новогодниками – Никитой и Лизой»* [Морозные новости 2013, № 1: 3]; сюда же относится номинация девушек – помощниц Деда Мороза: *снеговички* (по аналогии со словом *снеговики*); *желатели* как авторы писем Деду Морозу [Интернет-почта Деда Мороза], а также личные имена помощников: *Чудоснежинка, Чудесатий* и пр. Достаточно редко фиксируются номинации антагонистов, например, *снегепришельцы: « Как только он начал готовиться к встрече Нового года, в сказке приземлилась летающая тарелка со Снегепришельцами, прилетевшими с целью забрать у землян зимний праздник* [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза, запись от 2 января 2014 г.].

Новообразованиями также являются названия некоторых учебных предметов в Школе волшебства Деда Мороза: *ювелирика, ледографика, (ёлочное) игрушковедение* и др.

Оксюморон. Интересным художественным средством является столкновение в одном контексте современных реалий и сказочного канона: *«...перед каждыми школьными каникулами в резиденции Деда Мороза остро вставал вопрос о генеральной уборке. И тогда за дело брался Ерофей Палыч:»*

– *Пылесоса Михалыча сюда... Ведро, тряпку, Пемолякса Степаныча... А это что – «Фейри»? Без «Фейри» обойдёмся. У нас всё должно быть экологически чисто, – командовал Ерофей Палыч и всё вокруг начинало вертеться, как позёмка, крутиться, как метель, чиститься и мыться. И вскоре трон сверкал, подобно сосульке на мартовском солнце. Лавки для гостей были вычищены, а старик Паутиныч загнан в свою самую глубокую нору»* («Генеральная уборка») [Вести 2001: 7]. Тот же самый эффект возникает при внесении в текст элементов массовой медиакультуры: *«мотив песенки «Цыплёнок жареный»»* [Вести 2001: 11], *«игра «Поле чудес»»* [Там же].

Иногда персонажами обыгрывается современное слово, не соответствующее сказочному образу: «*Нынешней зимой новый спуск у нас появится – экстра... Ой, вспомнил – экстремальный, аж двенадцать метров высотой! Вот визгу-то будет!..*» («О чём рассказал Шуршик») [Вести 2003: 3].

Языковая игра. Можно сказать, что всё текстовое оформление проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза», особенно в период своего становления, представляет собой языковую игру, вернее, коллективную игру в виртуальную языковую личность – сказочный персонаж. В более узком смысле языковая игра представлена в текстах в виде каламбуров: «*Добрых чудес и добрых друзей вам, родные мои!*» [Морозные новости 2013, № 1: 1]; «...в моей Сказке Новый год – круглый год!» [Морозные новости 2013, № 1: 1]. Благодаря языковой игре появляется дополнительный смысл, повышенная экспрессивность: «*Чудесатий. Неожиданно наносит добро!*» [Почтовые помощники].

К языковой игре отнесём также примеры неожиданной сочетаемости слов, образованных по общерусским моделям: «*любезных гостей моих стану потчевать мою Морозовой кухнею!*» («Указы Деда Мороза») [Вести 2001: 25].

Расширение сочетаемости слов. Как правило, расширение сочетаемости наблюдается у слов, которые наиболее активно используются в текстах бренда. Например, прилагательное **волшебный** в значении ‘исходящий от волшебника’, ‘принадлежащий волшебнику’, ‘имеющий отношение к волшебнику или волшеству’: «*Моя волшебная благодарность всем, от кого я уже получил поздравления и тёплые пожелания!*» [Морозные новости 2013, № 4: 1]; «*Выражая волшебную благодарность всем, кто принял участие в работе моей Резиденции в Олимпийском парке Сочи 2014...*» [Морозные новости 2014, № 5: 8]; «*Сказочные друзья Зимнего Кудесника собираются в его уютном доме, чтобы побеседовать о делах волшебных!*» [Морозные новости 2013, № 1: 5].

Фольклор. Элементы языка фольклора, отдельные фольклорные жанры, особенно сказочные мотивы помогают создать образ Деда Мороза и его окружения в медиатекстах на различных уровнях (местные, всероссийские) и для всех медиаканалов распространения информации (пресса, телевидение, радио, интернет-среда). Однако постоянным признаком текстов современных средств массовой информации, транслирующих образ Деда Мороза как часть традиционной русской народной культуры, становится псевдонародность, квазифольклорный, лубочный характер: «*Ехали мы, ехали, сначала на поезде с тягой электрической, потом на паровозе углём питавшемся. По пути остановки делали, красотами земли русской наслаждались, а люди местные вкусной едой нас угождали, то рыбка копчёная, то рыбка вяленая, то пирожок с капустой, то с мясом кому преподнесут. В благодарность мы им добрые слова молвили и желания принимали. Чудесным образом светели лица тех людей, радостью и светом наполнялись.*

Долго ли коротко ехали мы, но согласно расписанию прибыли в город Волшебника Деда Мороза – в Великий Устюг.

Встретила нас зима русская во всём своём сверкающем белом великолепии, важные снежные шапки одеты на деревьях и зданиях, дышали мы вкусным морозным воздухом, любовались хрустящими и яркими снежинками, устилающими поля и равнины» (в примере сохранено речевое и пунктуационное оформление оригинала) [Чудесная доставка писем 2012].

В приведённом выше фрагменте для придания тексту «сказочного колорита» формальным образом используется ряд специфических средств выражения: традиционные для фольклора медиальные формулы пространства – времени (*долго ли коротко*), повторы (*ехали мы, ехали*), инверсии (*зима русская, люди местные*) и пр.

Разрушение сказочного образа наблюдается при приложении элементов языка фольклора к современным реалиям (*на поезде с тягой электрической*).

Псевдофольклорные тексты используются для организации детских праздников, в которых от традиционной русской сказки остаются, пожалуй, только герои: «...пусть малыши станут участниками небольшого спектакля. Все в меру своих возможностей исполняют роли в соответствии с сюжетом. Сюжет может быть прост: “Жила-была Хлопушка. Она была злая-презлая, она дралась с Зайцем, падала на голову Лисе, подставляла «ножку» Медведю. Заяц плакал, Лиса утирала свой длинный нос, а Медведь ворчал недовольно. Но однажды позвал Медведь Зайца, Лису и решили они злушки-Хлопушку проучить. Окружили они её, лапы к ней потянули, а Хлопушка надулась, рассердилась, да и лопнула от злости! А Медведь, Лиса и Зайчик стали веселиться и танцевать”». [Вести 2001: 11].

От фольклорных же текстов остаются только предметные реалии (*терем, теремок*): «*Нервы у всех обитателей терема Деда Мороза были на пределе – гости не за горами, обещаний ребячих приехать – не один мешок, а в теремке, вон в углу, Паутинич расположился – давно его, старого, не гоняли*» [Вести 2001: 5].

Наряду с фольклорными формулами (ср.: «*Долго ли коротко ли, пришёл он в Великий Устюг*» [Вести 2001: 2]), используются и псевдофольклорные («*Давно это было*» [Вести 2001: 2] – фраза повторяется как отдельное предложение в начале абзацев). М.Н. Герасимова указывала на то, что «создавая рамку сказочного действия, пограничные формулы выполняют роль переключателя в пространственно-временной структуре повествования и служат специфическими сигналами сказочного текста» [Герасимова 1978: 27], формулы же в текстах бренда являются лишь формальными маркерами сказочного окружения, а пространство и время сказки кардинально меняются.

Эволюция сказки

Русская народная сказка послужила источником не только для образа самого Деда Мороза, но и его многочисленных помощников. Образы-символы традиционной сказки становятся персонажами «новой сказки», язык прежних сказок качественно перерабатывается, переосмысливается.

Необходимость в новой сказке о старом персонаже появляется тогда, когда есть цель обосновать его рекламную закреплённость за определённой территорией, его стремление выполнять не свойственные ему ранее действия и т. д. В этом плане Дед Мороз ничем не отличается, например, от Снегурочки Костромской, Кикиморы Вятской и других персонажей, чья первоначальная история изменилась.

Особенностью проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» является его направленность не только на изменение сказки о Деде Морозе, но и о сопутствующих персонажах, а также возникновение качественно новых сказок, поскольку Дед Мороз «сказок знает превеликое множество, да и новые пишет складно, будто узорами морозными на зимнем окне» («В Доме праздника») [Дом Деда Мороза].

«Порядок в царстве Деда Мороза мудрый: каждому времени года – свой срок, и празднику каждому – пора своя. Но каждый из них неповторимостью своей, характером русским и чудесами настоящими завораживает. Так и происходит в Доме Деда Мороза – сказка за сказкой сказываются» [Дом Деда Мороза]. Действительно, коммуникативные действия в различных направлениях разработки проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» таковы, что жанр сказки применим ко многим из них.

Типология «новых сказок» включает в себя, во-первых, собственно «рекламную сказку»: «Коли приехали вздумаете, провожу вас к их костру волшебному, а братья Месяцы подарят вам чудесную котомочку. В котомочке той – сказка в подарок. Глядите, не рассыпьте, не растеряйте, а то разлетится сказка белыми снежинками по полям, раскатится звёздным горохом по небесам, вспорхнет желтогрудыми синицами в кроны колючих сосен – поди её догони...» («О чём рассказал Шуршик») [Вести 2003: 3]. «Рекламная сказка» ориентирует читателя на посещение родины Деда Мороза, некоторые примеры таких текстов уже были разобраны выше.

Чаще всего «рекламная сказка», посвящённая проекту «Великий Устюг – родина Деда Мороза», пишется на тему истории посещения вотчины: «Узнав, что можно поселиться прямо во владениях Деда Мороза, мы не стали рассматривать других вариантов.

В деревянных коттеджах (или как их прозвали наши дети “теремочках”) очень уютная обстановка. Мы как будто оказались в домиках из русских сказок, но при этом само проживание комфортабельное и не уступает в сервисе загородным гостиницам. Но самое главное то, что из окна видно тот самый, сказочный, терем Деда Мороза.

Ранним утром мы проснулись от птичьего перезвона. Завтракали в кафе «У Деда Мороза» в бодром и весёлом настроении, в предвкушении новых чудес и сказок деда Мороза.

Сколько было радости у наших детей рассказывать ему стихи и, по сложившейся традиции, получить за это волшебный леденец местного производства. Окончательно поверив в чудеса, мы отправились за подарками для друзей и близких. На всей территории Вотчины стоят сувенир-

ные домики, с различными изделиями народных промыслов и новогодней тематикой.

Мы своими руками изготовили берестяные и льняные обереги, разучили русские народные игры, пели песни и плясали под гармошку. Затем дружной семьёй тили чай «на травах» по русским обычаям и традициям и слушали волшебные сказки из жизни Великого Устюга» [О Вотчине].

Во-вторых, выделим такой тип, как инструктивная сказка, или сказка-инструкция. Выше приводился пример такой сказки о коте Леопольде. Ещё одним примером может служить сказка о почтовом помощнике Деда Мороза – Лазурном дракончике Варде: «Давным-давно жил-был один мальчик. Обычный мальчик, ничем не примечательный, разве что учёба давалась ему чуть лучше, чем другим, и учителя прочили ему большое будущее. Но сам мальчик никак не мог понять, о каком будущем говорили его учителя. Мечтой его было помогать людям становиться счастливее и делать этот мир чуточку лучше. Мальчик знал, что у него есть силы и способности, чтобы реализовать свою мечту, и всё же боялся к ней подступиться. И тогда он загадал желание: чтобы появился кто-то, кто помог бы ему реализовать свою мечту, помог бы выбрать верную дорогу, предостерёг и защитил бы от опасностей, встречающихся на этом пути...» [Почтовые помощники Деда Мороза].

В третьих, это новая литературная сказка о выбранном персонаже: например, сказочная повесть А.К. Ехалова «На волшебном плоту, или Дорога к Деду Морозу», фрагмент которой представлен в журнале [Вести 2001: 25–29].

Эволюция сказочного хронотопа наблюдается в каждой из «новых сказок»: «В тридевятом царстве, в тридесятом государстве... Так все русские сказки начинаются, и наша сказка не исключение. Так вот слушайте.

Не в тридевятом царстве и не в тридевятом государстве, а на берегу северной красавицы светлоструйной Сухоны-реки, недалеко от древнего русского града Устюга Великого, где за кресты храмов белокаменных тучи сизыми боками цепляются, есть бор сосновый. В том бору Сказка живёт – в тереме бревенчатом, что всем теремам терем: наличники на окнах кружевые, крыльцо тесовое, со ступенями белыми, с перилами резными, с дверями узорчатыми» («О чём рассказал Шуршик») [Вести 2003: 3]. Итак, изменяется сказочный локус – сказка происходит теперь там, где находится, проживает или проходит мимо сказочный персонаж.

Изменяется и время сказки: вместо прежней вневременности или отнесенности к далёкому неопределённому прошлому сказка происходит в рамках настоящего времени – «сейчас». В качестве примера приведём сказку-страшилку «Рогатый браконьер»: «Не любил Дед Мороз браконьеров. Они от честных охотников и рыболовов отличаются тем, что законы не соблюдают и зверя, рыбу бьют даже тогда, когда охотиться запрещено.

Во всех великоустюгских лесах действовал Указ Деда Мороза: «У тех, кто надумает подстрелить здесь лося, той же ночью должны вырасти рога – ветвистые, большие, тяжёлые.

Кто будет разорять птичи гнёзда – покроется разноцветными перьями и будет похож на чучело.

Кто задумает медведя добыть – станет косолапым, человеческую речь забудет, сможет только рычать.

Кто рыбу будет промышлять незаконным способом – у того жена в русалки уйдёт».

После подписания Указа стали местные жители в окрестностях Великого Устюга замечать косолапого, в разноцветных перьях, то ли человека, то ли зверя.

Необыкновенно ветвистые рога прорастали у него прямо сквозь лохматую шапку. Он часто спускался к озеру, где русалочки посиделки проходят.

— Мария! Вернись в семью! — рычал он на весь лес.

— Не дождёшься, браконьер несчастный, — отвечала ему одна из русалок.

Так был наказан самый страшный из великоустюгских браконьеров по фамилии Тротилюк. В газете «Вологодская неделя» напечатали его фотографию [Вести 2001: 26].

Изменения затронули не только текстовые сказки, но и то сказочное действие, которое теперь разворачивается во всех резиденциях сказочных персонажей. «Новая сказка» не прекращается, она направлена в будущее. Таким образом осуществляется переход от имитации сказки и сказки-имитации к «новой сказке», объединяющей информацию о старой сказке (на персонажном и предметном уровнях) и рекламу новых брендированных сказочных образов.

Эволюция сказочных персонажей. Претерпевают трансформацию и сказочные персонажи – помощники Деда Мороза. Происходит переход от фольклорных и литературных образов (таких, например, как *Братья Месяцы, Шишок – хозяин Тропы сказок, Михайло Потапыч, Мудрая Сова, Серый Волк, Сорока-Белобока, Учёный Кот, Домовёнок Кузя* [Чудесная доставка писем 2012; Вести от Деда Мороза 2003: 1]]) к образам российской массовой культуры, зарубежной литературной и фольклорной традиции, примерам фантазии волонтёров и их способностей к языковой игре (кот Леопольд, Чеширский кот, Ковбой, Лазурный дракончик Вард, Птица Феникс, Фея Динь-Динь, Чудоснежинка, Оленёнок Миа, Фея-снежинка Ио, Шёрстки, Галчонок По, Чудесатий, Эстрабус). Например, образ помощника Деда Мороза сопровождается следующим комментарием, в котором слышны отголоски и диснеевских мультфильмов, и рекламных клише: «Чайник Анисия. Вот уже много лет в доме Деда Мороза существует сервис, который подают дорогим гостям. Частью этого сервиса является чайник Анисия. Анисия, как символ заботы и уюта в доме, с радостью делится зарядом бодрости и тепла» [Почтовые помощники Деда Мороза].

С развитием проекта в качестве помощников Деда Мороза на его родине появилось большое количество ранее не существовавших в пространстве сказки персонажей. Появление многих из них детерминировано необходимостью проведения различного рода праздничных мероприятий в вотчине Деда Мороза для получения выгоды круглогодично. В первую очередь это такие персонажи, как *Весна-красна*, *Осень-сударушка*. Многие персонажи связываются с конкретным праздником, ассоциирующимся исключительно с ними или же придуманного специально для них: «*На следующий день начался развесёлый "Праздник русского Лаптя". Лапоток – хозяин праздника. Есть у него и своя лапотная дружина, которой любая забава молодецкая по плечу. Повернуло солнце на зиму – Макушка Лета пришла. Целых два дня в сказке Зимнего волшебника благодарили и прославляли жаркую летнюю пору. Много было всего диковинного, ранее для гостей не виданного. А особо порадовал футбол в лаптях*» [Вести 2011: 3].

Сказочная история нового персонажа содержит его «биографию», чаще с опорой на известные персонажи, например, *Бабушка Аушка*: «*Терялись раньше путники в его владениях, ведь такая красота вокруг, заглядишься! Так гуляли по лесу брат с сестрой – Иванушка и Алёнушка, искали грибы да ягоды, да не заметили, как дорожку-то потеряли. Тут и услышали они голос: «Ау», пошли на него и вышли к поляне, где ждала их добрая Бабушка. Обогрела, накормила и верный путь указала.*

Нарекли её Бабушкой Аушкой, и с тех пор и живёт она в Вотчине Деда Мороза, который специально для неё построил отдельный дом. <...> Да и про травушку целебную и отвары волшебные расскажет, ведь она – известная травница, любую хворь вылечит! Каждый день ходит по лесу и собирает сборы по своим рецептам, благодаря которым Дед Мороз и всего его друзья круглый год не болеют» [Дом Деда Мороза].

Вспомогательные персонажи являются участниками состязаний и сказочного действия на Тропе сказок и других, например, такой персонаж, как Шуршик: «*А Шуршик веселит ребят заводными танцами*» [Морозные новости 2013, № 1: 4]. Отличительной особенностью этих новых персонажей является то, что у каждого из них есть своя сказка, своя история: «*А я Шуршик, его главный помощник. Я в лесу шуршу, листья ворошу: шур да шур, шур да шур, – нос картошкой, глаз вприщур... <...> Раньше я по мхам кувыркался, с зайцами наперегонки бегал, на лосе катался, грибы да ягоды собирал, зимой в сугробе жил, рядом с Михаилом Потапычем... Топтыгина знаете? Вот-вот, рядом с его берлогой и мой сугроб был. А сейчас я Дедушке помогаю гостей встречать. О чём рассказал Шуршик*» [Вести 2003: 3].

Ряд персонажей отражает эмоциональный посыл проекта: Фея Добрых Дел [Вести 2003: 1], социальные ценности проекта: Заячья семья: «*Это «сказочное семейство», как зовёт их Дедушка Мороз, – прекрасный пример дружной семьи. Как любят друг друга Заяц с Зайчихой и их зайчата, живут душа в душу! Не нарадуется на них Дедушка!*

...А вечером собирается ушастая семья вместе, и рассказывают истории из жизни молодым зайчатам родители. Как семьёй дорожить надо, ценить родителей, дарить другим радость и самому не плошать» [Дом Деда Мороза].

Рекламно-событийный характер персонажа в момент его возникновения не мешает этому персонажу в дальнейшем активно участвовать в сказке и развивать свою историю, см., например, *Баба Жара*: «*Баба Жара – настоящая мастерица кулинарного мастерства. Много за свою жизнь потчевал Дед Мороз, но раз попробовав её стряпню, сразу пригласил её в свою Вотчину. Теперь есть у неё своя поляна, куда каждый гость зайдёт, да вкусностей отведает: шанежек свеженьких, пирогов да блинчиков. А какой чай травяной у неё, а сколько сил дают её каши богатырские! Весь день она возле печи трудится, сама здоровьем и жаром пышет, что так и прозвали её, Баба Жара. Весёлая и находчивая, оберегает она свои волшебные рецепты, держа их в секрете*» [Дом Деда Мороза]; «*На сцене одна сказка сменяла другую. Ожившая Дымковская игрушка, озорные Скоморошки и сказочные жители леса разыгрывали призы и подарки среди гостей. Серый Волк удивлял малышей фокусами, Паук Паукович учил танцевать, а Баба Жара загадывала мудрёные загадки*» [Морозные новости 2013, № 3: 6].

Происходит преобразование в сказочные персонажи неодушевлённых предметов. Если *Солнце* («Чудо-чудное – встреча Солнца жаркого и Дедушки Мороза – кудесника зимнего»), *Лапоть* («Сам Лапоток спешит на встречу с Солнцем и Дедом Морозом. Сказки свои нам ведает, а одна из них – о семьях лапотных») или *Соломинка* («...состоялось сказочное представление “Сапог Лаптю не товарищ”, где гости вместе с героями чествовали Русский Лапоток и волновались за его судьбу и судьбу красавицы Соломинки») [Морозные новости 2013, № 3: 6]) ещё знакомы по русским народным сказкам, то *Пекарик* – новый оригинальный персонаж: «*Именно Пекарик в царстве сказочном печёт самые вкусные-превкусные блинчики в таком количестве волшебном, что каждому гостю да не по одному блиничку достаётся*» [Дом Деда Мороза], ср., также: *Дядюшка Смех*, *Блинок*, *Пень Ерофеевич* и др.

Не только Дед Мороз, но и другие брендированные сказочные образы тоже имеют сказочную свиту: «*На пороге сказочного терема песнями да шутками, медовухой да хлебом-солью встречают гостей весёлые берендейки. Выходит на резное крыльце легендарный царь Берендей, говорит гостям слово приветное и приглашает на весёлый русский праздник, который никого равнодушным не оставит*»; «*Там вас встретят: хранитель лесных богатств – гриб Боровик, озорные Серебристые Рыбки – подружки Рыбки Золотой, Старик со своей старухой, и конечно, сама Государыня Рыбка*» («Сказочные друзья Деда Мороза») [Морозные новости 2013, № 4: 6].

Эволюция волшебных (сказочных) предметов заключается прежде всего в увеличении их количества, что привело к некоторой девальвации

волшебных свойств сказочных предметов: «На рабочем столе Дедушки Мороза стоит волшебный телефон» [Вести 2003: 3]; «волшебный фотоальбом» [Вести 2011: 3] и пр. Традиционные сказочные предметы могут становиться отдельными персонажами, действовать автономно от какого бы то ни было сказочного героя, ср.: брендированный образ персонажа «Сапоги-Скороходы».

Расширяется количество сказочных предметов, локально закреплённых на карте вотчины Деда Мороза: «В дупло желаний загляни, что загадаешь – должно сбыться» [Вести 2003: 3]; «А есть в нашей Вотчине Тропа сказок, сейчас на ней колодец волшебный строится. Подойдёшь, заглянешь в него – и дух захватит. В таинственную глубину слово заветное произнесёшь и... Не скажу, что будет, приезжайте, сами увидите» [Вести 2003: 3] и др.

Появляются рекламные псевдоволшебные предметы, доступные любому потребителю, например: эксклюзивная шапка-трансформер «Я волшебник» [Дом Деда Мороза], «волшебный леденец местного производства» [О Вотчине], «волшебные валенки, расшитые кружевом» [Морозные новости 2013, № 1: 2], ср.: «б апреля Дедушка Мороз встречал гостей на новом семейном празднике “Каша – матушка наша”. Вместе с Бабой Жарой угощал волшебной богатырской кашей, вместе с гостями встретил красавицу Весну...» [Морозные новости 2014, № 6: 2].

Трансформация категории чуда в текстах бренда

Для текстов бренда характерна так называемая «эксплуатация чуда и чудесного», причём процесс этот достаточно давний и односторонний. В медиатекстах проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» мы встречаем чудо в нескольких ипостасях.

Во-первых, это трансляция категорий чуда и чудесного в рамках православной (христианской) традиции. Только самое первое издание (мы судим по доступным нам источникам) «прессы Деда Мороза» обращалось к православным святыням Великого Устюга («*Вот уже тысячу лет как пришло в наши края учение Христово. Церквами да монастырями богата устюгская земля*» [Вести 2001: 22]) и рассказывало о святом чудотворце Прокопии: «*Приплыл как-то на Святую Русь иноземец из полуночных стран, купец богатый. В Новгороде Великом торг вёл. Здесь и с учением Христовым познакомился. И так его Божье слово потрясло, что принял он православие, крестился именем Прокопий, всё своё богатство бедным раздал, а сам в рубище худом пустился по дорогам странником, живя подаянием и молитвою.*

И призывал Прокопий горожан покаяться в грехах. Пусть и были устюжане мастера на все руки: и суда строили, кои хоть по рекам, хоть по морю ходили, и мороз по жести пускали, и серебро чернили, и по берёсте дивные узоры резали, и полотна льняные ткали такие, что заграницные модницы с руками их готовы были оторвать. Но сказать надо, что и гор-

дыня устюжен одолевала, вольно жили, на Господа-то оглядывались мало и неохотно» [Вести от Деда Мороза 2001: 4]. Тут же описывается православное чудо: «...бросились горожане к церкви Пресвятой Богородицы, вспоминая пророчества Прокопия об огненном граде, и просили его слёзно отвратить беду. Вместе с горожанами молился Прокопий у иконы Божией Матери о спасении города, и явилось чудо. Заплакала икона слезами благовонными, и было этих слёз столько, что наполнились все сосуды в храме, а гроза повернула от города и пролилась раскалённым камнепадом в той вот долине» [Вести от Деда Мороза 2001: 4].

В дальнейшем персонаж Деда Мороза дистанцируется от православной трактовки чуда, присваивая всё чудесное в Великом Устюге себе: «19 декабря 2004 года чудотворец покинет свой Дом, который расположен в 11 километрах от Великого Устюга, и отправится в большое новогоднее путешествие по стране» [Вести 2004: 1]. Это второе понимание чуда – обыденное чудо, которое ассоциируется с фигурой Деда Мороза. Так, в Школе Деда Мороза есть *расписание чудес*; чудо воспринимается как данность, как нечто обыденное в вотчине Деда Мороза: «А чтоб в сказку попасть нужно: прогуляться по “Аллее чудес”... К матушке Зиме поспешить на чудеса: “Чудо-дерево”, “Бочка счастья”, “Запечатлённое чудо”, “Чудо-горка и чудо-веломобили” (игровой зал)» [Вести 2003: 2].

Школа волшебства Деда Мороза во многом напоминает популярный в массовой культуре образ школы чёрной магии «Хогвартс», хотя предметный ряд имеет много отличий, ср.: *волшебная зачётная книжка*, уроки – *сказковедение*, *серебряная ювелирика*, *лаборатория моды*, *ледографика*, *песочная магия*, *этика волшебных посланий*, *ёлочное игрушковедение*, *центр управления волшебством*, звание «*Начинающий волшебник*», *эксклюзивная шапка-трансформер «Я волшебник»* и пр.

В-третьих, чудо присутствует в текстах бренда в секуляризированном виде: в качестве личного достижения человеком чего-либо на пределе его возможностей: «*Каждый из паралимпийцев является живым воплощением чуда! За счёт веры в себя, в свои силы, преодолевая недуги, они совершают каждодневный спортивный подвиг, добиваясь удивительных, сравнимых с чудом, результатов! Я очень горжусь каждым из них!*» [Морозные новости 2014, № 5: 7].

Наконец, четвёртое понимание чуда девальвирует его ценность до уровня основанного на знании психологии трюка. Чудо воспринимается как научно-обоснованное и доступное любому человеку средство выполнения желаний и достижения психологического комфорта. Это понимание чуда транслируется через интернет-проект «ХочуЧуда.ру». Возможность совершения чуда без всякого труда любым человеком разрушает сказку и приводит человека в зависимость от Деда Мороза, выступающего проводником чуда и формальным условием выполнения желания.

Сайт «ХочуЧуда.ру» позиционирует себя как «*социальный некоммерческий проект*», выполняемый «*силами большой команды верящих в Чудо талантливых людей различных профессий: психологов, коучей, тренеров,*

бизнесменов и др. Людей, точно знающих, что с Чудесами и верой в них жить намного веселее и интересней». Выше мы уже затрагивали манипулятивные аспекты текстов об отношении к чуду [Интернет-почта Деда Мороза]. Это отношение можно охарактеризовать как профессиональное, поскольку, например, главой проекта «Интернет-почта Деда Мороза» является А. Кёниг, тренер по так называемым «НЛП-практикам», пропагандирующий через анализируемый сайт некоторые идеи «нейролингвистического программирования».

Язык традиционной народной культуры используется для описания «православного чуда» и «обыденного волшебного чуда», опосредованно – в текстах о чуде как преодолении трудностей, и никогда – для изображения «чуда массового потребления», поскольку разрушение сказочной подоплеки чуда делает это излишним.

Традиции «народного православия» в текстах бренда

«Народное православие» рассматривается нами в контексте двоеверия русской культуры, традиционного синcretизма христианского и языческого. Исследователи отмечают, что магические верования сохранили «устойчивое место в традиционной крестьянской картине мира... в аграрных и семейных ритуалах», ярче же всего «фрагменты древнеславянской культуры» обнаруживаются в календарных праздниках [Вершинская 2010: 206].

В первых номерах «прессы Деда Мороза» описывались народные приметы, который обычно связывают с началом года: «“В декабре день совсем было помер, да в январе воскрес,” – говорили прежде» («Зима – на морозы, мужик – за праздники») [Вести Деда Мороза 2001: 22]; «“Январь – весне дедушка”. Не зря на празднике Новогодья Деда Мороза сопровождает Снегурочка – дитя солнца и весны» [Вести Деда Мороза 2001: 23]; также подробно освещались традиции народного православия: «1 января отдавали в народе почести великому русскому воину Илье Муромцу. 6 января – Рождественский сочельник. Ужин постный, каша с ягодами или мёдом – сочivo. С ложкой сочива посыпали старики мальчишку «кликать стужу». В сенях мрак, скрипят половицы, аж по телу мурашки, и напрягал голосок будущий пахарь: “Мороз! Мороз! Иди кашу есть. Зимой ходи, летом под холодиной лежи!”»; «7 января – Рождество Христово. Великий праздник. И елочку прежде наряжали к Рождеству. Ребята-школьяры, смастерив из драночек и промасляной бумаги звезду, ходили по дворам: “Славите, славите, сами люди знаете: Христос родился, Ирод возмущился, народ веселился...”» [Вести Деда Мороза 2001: 22–23].

Поскольку уже было указано, что «Российский Дед Мороз» дистанцируется от православной тематики и не поддерживает христианские мотивы празднования Рождества, актуализируя в текстах бренда преимущественно новогодние праздники (*Новогодие*), то было бы весьма ожидаемо полное отсутствие подобной тематики. Происходит нечто иное: христианские мотивы исчезают из текстов, языческие же остаются. В качестве примера

приведём небольшое сообщение новостного характера «Спас – всему час!»: «В конце августа в Вотчине Деда Мороза проходит закатный летний праздник, проводимый в народных традициях и посвящённый чествованию трёх летних спасов – Яблочного, Медового и Хлебного. Это самый вкусный и щедрый праздник в сказке Деда Мороза – здесь любой может угоститься мёдом, яблоками и хлебным квасом. Каждый год проводить лето вместе с Дедом Морозом собирается большое количество гостей, для которых устраивается народное гуляние с песнями, плясками, играми и розыгрышами. А самые ловкие и умелые могут проявить себя на игровых полянах со старорусскими забавами» («Вот это праздник») [Морозные новости 2013, № 1: 5].

Заключение

В региональных масс-медиа, а также общероссийских средствах массовой информации позиционируется брендированный образ Деда Мороза из Великого Устюга, причём речевой портрет этого персонажа строится с учётом языка традиционной народной культуры, а художественная сторона образа ассоциируется со сказочными и литературными мотивами.

Однако особенности коммерческого брендирования образа Деда Мороза приводят к тому, что стилизация народной, фольклорной речи становится формальным признаком персонажа, происходит утрата смыслового содержания народной речи, символического её компонента. Ценности традиционной русской народной культуры подменяются рекламным содержанием. Что же касается литературно-сказочного окружения Деда Мороза, то оно претерпевает ряд трансформаций в современной массовой культуре.

Анализируемые медиатексты показывают традиционную народную культуру через систему фольклорных, сказочных образов, отдельные диалектные явления, устаревшие слова, народно-поэтическую лексику, элементы языка фольклора, а также просторечие. Использование элементов традиционной народной культуры в текстах масс-медиа постепенно переходит из сферы культурно-просветительский в сферу проектов, основной целью которых является получение финансовой прибыли. Процессы коммерциализации и брендирования образов русской народной культуры опираются на явный спрос со стороны потребителей и на отсутствие (как правило) авторских прав на используемый продукт.

Литература

- Агеева Е.С., Журавлëва В.Л. Проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза»: итоги реализации и перспективы // Проблемы развития территории. – 2009. – № 1 (45). – С. 47–51.
- Аксёнова Ю.Н. Проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза»: особенности речевого воздействия. Выпускная квалификационная работа. – Вологда: ВоГУ, 2012.
- Аникин В.П. Теория фольклора: курс лекций. – 2-е изд., доп. – М.: КДУ, 2004. – 432 с.
- Булатова Ю.Н. Развитие государственно-частного партнерства в сфере туризма Вологодской области на примере проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» // Вестник Национальной академии туризма. – 2009. – № 2 (10). – С. 42–45.

Вершинская Г.М. Тенденции диверсификации веры в русской традиционной культуре // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2010. – № 14. – С. 204–211.

Герасимова Н.М. Формулы русской волшебной сказки (К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры) // Советская этнография. – 1978. – № 5. – С. 18–28.

Драчёва Ю.Н., Ильина Е.Н. Представление об игре в народной культуре и его интерпретация в партворке «Куклы в народных костюмах» // Казанская наука. – 2014. – № 7. – С. 110–113.

Драчёва Ю.Н., Ильина Е.Н., Мельникова Н.Г. Отражение особенностей звучащей речи вологжан в современной массовой коммуникации // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 68–71.

Душенко К.В. Мифы XX века: Дед Мороз и Снегурочка // Культурология. – 2002. – № 4 (24). – С. 142–158.

О долгосрочной целевой программе «Великий Устюг – родина Деда Мороза» на 2011–2014 гг. Постановление Правительства Вологодской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/460300278>. Дата обращения: 01.10.2015.

Рюмшина Л.И. Манипулятивные приёмы в рекламе. – М.: Март, 2004. – 240 с.

Стернин И.А. Основы речевого воздействия. – Воронеж: Истоки, 2012. – 178 с.

Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.

Источники

Великий Устюг – родина Деда Мороза: рекл. альбом; авт. текста – А.К. Ехалов. – Вологда: Арника, 1998. – 28 с.

Вести от Деда Мороза [газета] / сост., ред. А.В. Карабанов, Н.А. Волынцева, Е.А. Храброва; отв. за вып. Н.Н. Яковлева. – Вологда: Арника, 2011. – 4 с.

Вести от Деда Мороза [журнал] / авт.-сост. А. Ехалов, Т. Прилежаева, О. Кузнецова, Е. Волкова, К. Нижегородская и др. – Вологда, 2001. – 32 с.

Вести от Деда Мороза! [газета] / сост., ред. Н.Л. Виноградов, О.В. Памятов, Т.Ю. Прилежаева; отв. за вып. Ю.Н. Плеханов. – Вологда, 2004. – 4 с.

Вести от Деда Мороза! [газета] / сост., ред. Н.Л. Виноградов, Т.Ю. Прилежаева; отв. за вып. Ю.Н. Плеханов. – Вологда, 2003. – 4 с.

Данилова Л.Н. Великий Устюг. Родина Деда Мороза. – Ярославль: Белый город, 2009. – 48 с.

Дом Деда Мороза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dom-dm.ru>. Дата обращения: 01.10.2015.

Интернет-конференция Деда Мороза. 17 ноября 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dom-dm.ru/video>. Дата обращения: 01.10.2015 г.

Интернет-почта Деда Мороза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hochuchuda.ru>. Дата обращения: 01.10.2015.

Катаева Ю. Он настоящий! // Премьер. 2011. 27 дек. № 52 (743). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://premier.region35.ru/gazeta/np743/s39.html>. Дата обращения: 01.10.2015 г.

Лаврова Ю. Дед Мороз недоразвитый // Премьер. 2013. 21 мая. № 20 (814). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://premier.region35.ru/gazeta/np814/s38.html>. Дата обращения: 01.10.2015.

Летопись проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза». – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Вологда: Вологжанин, 2008. – 198 с.

Морозные новости [газета] / сост., ред. Л. Налётова, Е. Савинова, Л. Якимова. – 2013. – № 1–4.

Морозные новости [газета] / сост., ред. Л. Налётова, Л. Якимова. – 2014. – № 5, 6.

Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука, 1993. – 187 с.

О Вотчине. В гостях у сказки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.votchina-dm.ru/page/about>. Дата обращения: 01.10.2015.

Почта Деда Мороза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pochta-dm.ru>. Дата обращения: 01.10.2015.

Почтовые помощники Деда Мороза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hochuchuda.ru/experts>. Дата обращения: 01.10.2015.

Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/dedmoroz>. Дата обращения: 01.10.2015.

Филатов Д. Дед Мороз-крестонос // Премьер. 2001. 23 янв. № 4 (178). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://premier.region35.ru/gazeta/t/np178/2s.shtml>. Дата обращения: 01.10.2015.

Чудесная доставка писем с желаниями Деду Морозу в Великом Устюге в январе 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hochuchuda.ru/last-year>. Дата обращения: 01.10.2015.

Список сокращений

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

ЗР – Золотыеrossыни: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских говорах / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2014. – 304 с.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – Изд. 2-е. – М., 1981–1984.

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24–46), С.А. Мызников (вып. 47). Вып. 1–47. – М.-Л.; СПб.: Наука, 1965–2014.

2.5. Репрезентация традиционных севернорусских ремёсел и промыслов в туристическом дискурсе проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза»

Туристический дискурс сравнительно недавно стал предметом изучения современной лингвистики. В общих чертах под туристическим дискурсом понимается «речь, реализуемая в институциональных ситуациях общения в предметной области туризма» [Погодаева 2008: 3]. Для него присущи такие черты, как информативность, оценочность, побудительности и персуазивность [Погодаева 2008: 3]. По этим параметрам туристический дискурс является типичным дискурсом массовой коммуникации и близок, например, к рекламному дискурсу [Филатова 2012: 77–84]. Исследование туристического дискурса проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» интересно именно тем, что за несколько лет он внедрился в массовую культуру современной России, стал узнаваемым и упоминаемым федеральными средствами массовой информации.

Проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза» реализуется с ноября 1998 года. За это время он приобрёл всероссийскую известность. Согласно

официальной статистике, туристический поток в Великий Устюг увеличился с трёх тысяч человек в 1998 году до двухсот пяти тысяч в 2009 году. Затем, однако, количество туристов несколько сократилось по экономическим причинам, в результате чего в 2014 году город посетило сто семьдесят тысяч отдыхающих. О федеральной значимости данного туристического проекта свидетельствует география приезжающих в Великий Устюг: в 2009 году около половины всех отдыхающих приехали из Москвы и Московской области, 13 % – из Нижнего Новгорода и области, 12 % – из сопредельных регионов (Архангельская, Свердловская области, Республика Коми), 10 % – из Санкт-Петербурга. Большое количество туристов прибыло в город из Казани, Кирова, Калининграда, Волгограда, Ижевска, Перми. Образ сказочного волшебника помог активизировать и внутренний туризм: около 9 % туристов приехали из Вологодской области [Итоги реализации 2010].

В качестве одной из главных задач проекта в долгосрочной целевой программе «Великий Устюг – родина Деда Мороза» на 2011–2014 годы заявлено информационное продвижение всей Вологодской области как туристического центра [О долгосрочной целевой программе 2010]. Это кажется вполне обоснованным: идентификация Великого Устюга как родины Деда Мороза стало локомотивом развития туризма во всем регионе, тем более что проекту сопутствуют сходные по контексту туристические события в районах области (праздник Лодки, праздник Коня и т.п.). По всей видимости, областные власти в процессе продвижения имиджа региона делают ставку на развитие контекста традиционной народной северорусской культуры.

Инфраструктура проекта на сегодняшний день сложна (проект обслуживают несколько юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Дом Деда Мороза, Зоопарк Деда Мороза, Почта Деда Мороза и т. д. имеют разных собственников), однако, по оценкам как туристов, так и экспертов, недостаточно развита. Виной тому ярко выраженная сезонность проекта: основной туристический поток приходится на декабрь – январь, а весну, лето и осень объекты практически пустуют. В этих условиях руководители проекта начинают делать ставку не только на экскурсионный, но и на событийный туризм, который призван при помощи тематических мероприятий привлечь туристов в Великий Устюг не только в зимний, но и в другие сезоны. При этом концепция событийного туризма в области опирается на традиционные для Северной Руси, но забытые праздники, отражённые в народном календаре. Базой для этих мероприятий стал Дом Деда Мороза, сотрудники которого разработали целый комплекс праздников, ориентированных на традиционную культуру, для детей и взрослых: семейный праздник встречи весны «Грачиная каша», театрализованная встреча гостей вотчины «Сказки румяного Блинка», праздник русского Лаптя и т.д.

Авторы сценариев к праздникам и актёры ориентированы именно на те особенности народной культуры, фольклора, языка, которые характерны для северорусских земель. Сотрудники Дома Деда Мороза, отвечающие за сценарий праздников, обращают внимание на то, что перед ними стоит за-

дача не только создать антураж чего-то сказочного и исконно русского, но и познакомить туристов с традиционной культурой Вологодского края, особенностями речи и фольклором. Сразу же отметим, что поставленная задача довольно сложна, так как глубина такого знакомства с вологодской культурой зависит от готовности аудитории воспринимать такого рода информацию, и ограничена развлекательным характером мероприятий. Иными словами, организаторы праздников должны, ориентируясь на среднестатистического туриста, не просто создать событийный костюмный лубок, но рассказать в контексте мероприятия о культуре Русского Севера. Рассмотрим, каким образом создаётся представление о северорусской культуре в дискурсе событийного туризма на примере театрализованного представления «Палигра моды», которое является частью двухдневного фестиваля «На полянах Деда Мороза» (г. Великий Устюг).

Режиссер представления С. Шмидью так характеризует мероприятие: «Театрализованное представление «Палигра моды» построено на основе исторического, литературного, обрядово-фольклорного, местного и справочно-энциклопедического материала. Идея праздника продиктована необходимостью возрождения и сохранения народных традиций моды, а также её богатством и неповторимостью» [Шмидью 2015]. Представление состоит из трёх эпизодов. Первый эпизод «Краше наряжайся – на игрище собираяся» построен на материале из истории костюма Русского Севера и на фольклорно – обрядовом материале. Эпизод насыщен русскими традиционными играми, песнями и плясками. Использованы приёмы активизации зрителя через старорусские игры. Действие разворачивается как деревенское игрище, где шуточный конфликт происходит между деревенскими парнями и девушками. В эпизоде демонстрируются коллекции костюмов в номинации «Традиционный народный костюм». Демонстрация конкурсной коллекции костюма решена через показ приданого из сундука русской невесты.

Во втором эпизоде «Вкус-дело наживное, безвкусица – врождённое» высмеивается безвкусное сочетание русской и «заграничной» моды. Эпизод, составленный на историческом материале, посвящен показу коллекций сказочного, исторического костюма и костюма в номинации «Коллекции из подручного материала». Данные номинации всегда обладают пышностью и красотой, поэтому эпизод решен как ассамблея Петровских времен. Эпизод написан в сатирическом жанре. Главные действующие лица – шуты, высмеивающие отношение бояр и придворных к указам царя Петра I. Происходит шуточное «сбривание» бород и укорачивание кафтанов. Активизация зрителя в эпизоде – сбор налога с мужчин – гостей фестиваля, за ношение бороды. «Противники» бритья уплачивают налог задорной пляской. В финале эпизода хореографические коллективы проводят мастер-классы со зрителями, обучая их традиционным движениям танцев периода царской России.

Третий эпизод «Модный приговор», решен по принципу одноименного телевизионного шоу. Актёры, выступающие в роли известных телеведу-

щих, судят «ценителей» моды – современных подростков за их неумелое копирование красок и стилей одежды их кумиров. В эпизоде демонстрируются коллекции костюмов в номинации «Современный стилизованный костюм» [Шмидъко 2015]. Рассмотрим средства, с помощью которых зритель-турист в соответствии с замыслом авторов должен познакомиться с традиционной севернорусской культурой.

1. Диалектная фонетика.

Актеры во время представления активно используют следующие диалектные особенности, характерные для вологодских говоров:

- сильное оканье [*покúда он посп'эвáјэт*];
- эканье [*јэл'зна л'энос'зјка на двор'з*];
- [у] неслогоное [*д'зук'и*].

При этом другие диалектные фонетические черты проявляются нерегулярно. Интервокальный [j] сохраняется в большинстве окончаний прилагательных и глаголов, присутствует литературная корреляция согласных по твёрдости – мягкости, европейский [l], характерный для говоров востока области, не отмечается. В целом при прослушивании записи создаётся впечатление нарочитости и утрированности диалектного произношения, подчёркивания наиболее известных и узнаваемых его черт.

2. Диалектная лексика.

В текстах, произносимых со сцены, наблюдается большое количество слов, используемых носителями севернорусских говоров. «Словарь Вологодских говоров» подтверждает эти данные. Использование диалектных слов определённых тематических групп связано со спецификой мероприятия. Так, в первой части театрализованного представления «Палитра моды» активно употребляются слова тематической группы «женская одежда». Рассмотрим некоторые из них.

Полно! Пятнадцать годков всем исполнилось! А с возраста этого – невесты мы! На гуляния можно ходить не в исподке, а в сарафане – пестряке! Ср.: *исподка* ‘нижняя рубашка’: *Она из огня в одной исподке выскочила; Отеть исподку не надела, не лето ведь, примёрзнешь вот к платью без исподки-то;* *В исподке спим, раньше сорочкой тельной называли или исподкой* [СВГ 5: 37]; *пестряк* ‘сарафан из домотканой пёстрой ткани, обычно двухцветной, в клеточку или в полоску’; *Вот я вам сейчас пестряки мои покажу, они с лямками* [СВГ 7: 109].

Реплика, употребленная актёром, является некорректной: *исподка* – нижняя одежда женщины, она могла одеваться только под другую одежду, например под сарафан. Из данной фразы же следует, что девушки до пятнадцати лет могли ходить на гуляния в исподке, что является нонсенсом.

В сундучке моём не серебро, не золото, а всё добро богато: рубахи-станушки, разны накидушки, кички парчовые, рукава кумачовые, епаннички аксамитовые, пояса лонитовые. Ср.: *накидушка* ‘женская безрукавая кофта’ [СВГ 6: 33].

В текстовой части представления встречаются и слова тематической группы «рукоделие». *Нужно мне сундук с приданым дополнить: пташку*

на рушнике дovskyивать... Суженаму будущему такой *рушник* подарю. Ср.: *рушник* 'вышитое полотенце, которое вешали на икону, зеркало, стену, дарили на свадьбе' [СВГ 8: 100].

В реплике отразились два традиционных культурных стереотипа: во-первых, девушка вышивает рушник, чтобы подарить его своему будущему жениху, во вторых, на рушнике вышивается петух, что имеет сакральное значение.

Особое внимание авторы сценария представления уделяют использованию диалектных слов, обозначающих предметы быта и орудия труда севернорусского крестьянина, а также отдых и досуг. *На Леносейку парни на игрище собираются! Там мы женихов и приглядим! Они-то нам прядлицы по осени и смастерят!* Ср.: *прядлица* 'деревянное приспособление для ручного прядения, состоящее из горизонтальной части, на которую садилась пряха, и вертикальной части, к которой привязывалась шерсть или кудель': *За прядлицей, бывало, песни поём и прядём. Ходили все на посиделки и прелицы брали.* [СВГ 7: 152]; *игрище* 'гуляние молодёжи на улице с песнями, плясками, играми в праздничные дни': *Каждой праздник игрища собирались, много девок да ребят было. По праздникам-то прежде игрища были* [СВГ 5: 3].

3. Упоминание праздников народного календаря.

Ох, девки! Елена-леносейка на дворе! Пора лён сеять!

Праздник Елены-леносейки по народному календарю приходится на 3 июня (21 мая по старому стилю) – день святых Константина и Елены. В этот день поселяне начинали сеять лён. Соответственно, с этим праздником связано большое количество обрядов, направленных на получение большого урожая. Упоминание данного праздника не только ориентирует зрителя на традиционный народный календарь, но и подчёркивает распространённость на территории Русского Севера льноводства.

4. Использование русских народных песен.

Сценарий предусматривает исполнение девушками русской народной песни «Сею, вею, посеваю» со следующими словами:

*Сеем, веем, посеваем!
Вместе с нами! Постреваем!
Пусть народится ленок,
Ладен, складен да высок!*

Девушки сопровождают этой песней процесс посева льна. Однако в действительности песня «Сею, вею, посеваю» в различных вариантах существует в русском фольклоре как рождественская колядка, распространенная не только на севернорусской территории, но и на юге Руси и в Сибири [Календарно-обрядовая поэзия 1981: 124].

Кроме того, в одном эпизоде девушки поют частушки особого типа – «про супостаточку», которые также были распространены практически на всей исконно русской территории:

*Супостатка нынче пляшет
В беленьком платочек!
Перед дроленькою вьется,
Как змея на кочке!*

К этой же группе средств формирования представления о северорусской культуре можно отнести и использование в качестве фонового музыкального оформления народного наигрыша «Великославинская гармошка», распространенного именно на территории вологодских земель.

5. Авторские песни, стилизованные под русский фольклор.

Такие песни используются в основном для фонового музыкального оформления некоторых элементов представления: выхода актёров на сцену, конкурсов и т. п. В некоторых случаях персонажи, находящиеся на сцене, также исполняют эту песню. Например, в анализируемом сценарии такой стилизованной композицией является песня автора слов и музыки В.Н. Скунцева «Земляничка-ягодка».

*Земляничка-ягодка, да
Во бору родилася!
Вот я, вот и я, вот и милая моя!
Во бору родилася, да
На солнышке вызрела!
Вот я, вот и я, вот и милая моя!*

Интересным представляется тот факт, что данная песня входит в репертуар ансамбля «Казачий круг», который исполняет казачьи народные песни. Неясно, чем обусловлен выбор именно этой песни, которая представляет (пусть и в стилизованном виде) не северорусскую, а южнорусскую культуру. Этот выбор можно назвать даже странным, так как в тексте песни отражено яканье, совершенно не характерное для вологодских говоров:

*На солнышке вызрела, да
Русу косу часала.
Вот я, вот и я, вот и милая моя!*

Таким образом, формирование у туриста представления о северорусской культуре через данную театрализованную постановку в Доме Деда Мороза предусматривает разнообразные средства от диалектной фонетики до фонового музыкального оформления. Однако представление это формируется в целом бессистемно, ситуативно: элементов, напрямую связанных с северорусской культурой не так уж много, они утирированы, не взаимодействуют друг с другом и подтверждают уже сложившиеся стереотипы. Диалектная лексика в основном легко распознается для носителя литературного языка за счёт прозрачной внутренней формы и распространённости в других говорах. Сценарий на ней не концентрируется, не ставит перед

зрителем вопросов об интересных словах, их значении и происхождении. Обильно используются общерусские фольклорные элементы, в то время как северорусский фольклор имеет специфику и мог бы представлять интерес для зрителя. Настораживает наличие в сценарии откровенных ляпов этнографического и культурологического характера. Театрализованное представление «Палитра моды» ориентировано в большей мере на укрепление в массовом сознании уже имеющихся стереотипов о северорусской культуре как части общерусской традиционной культуры, чем на создание нового представления о специфичности и самодостаточности культуры вологодской земли.

Проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза» активно подвергается критике журналистами и представителями общественности за то, что образ сказочного волшебника не просто искусственно «привязан» к Великому Устюгу, но он ещё и заслоняет традиционное культурное своеобразие древнего города: ремёсла, ярмарку, православные святыни, архитектуру, историю. Следствием реализации проекта стало наличие устойчивой ассоциации Великого Устюга только с Дедом Морозом. Активно такое мнение высказывается и самими жителями в социальных сетях. Их возмущает тот факт, что туристы приезжают в Великий Устюг в первую очередь с целью посещения Вотчины Деда Мороза, а сам город осматривают лишь постольку, поскольку в нём находятся гостиницы, магазины и огромные ледяные горки. Эта причина побудила специалистов Дома Деда Мороза разработать летнее мероприятие «Макушка Лета», посвящённое празднику Лаптя.

Фестиваль «Макушка Лета» впервые был проведен в Вотчине Деда Мороза 2 июля 2011 года. В его рамках туристы познакомились с традиционными ремёслами Великого Устюга, историей города [«Макушку лета» отметят в Великом Устюге 2011]. По всей видимости, ставка делалась и на экономический эффект: во время мероприятия можно было приобрести большое количество изделий ручной работы, выполненных местными мастерами. Фестиваль открывал праздник Лаптя, который вообще, помимо развлекательной составляющей, был организован как большая ярмарка товаров местного кустарного производства. Практика проведения подобных мероприятий, скорее всего, организаторами была оценена положительно, так как праздник Лаптя, правда, в модифицированном виде вошёл во многие программы туристических путевок самых разных туристических фирм и агентств Вологды, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов (см., например, [Праздник русского лаптя в Великом Устюге 2015; Праздник русского лаптя 2015]).

Сценарий театрализованного представления «Макушка лета» интересен не только тем, что он нацелен на широкую зрительскую аудиторию, но и тем, что имеет содержательную специфику: перед мероприятием стоит задача познакомить туристов с традиционными народными промыслами Великого Устюга, и эта задача является главной, в отличие от многих других представлений. Следовательно, приёмы и способы презентации традиционной народной культуры здесь уже будут более разнообразны и

масштабны, чем в представлении «Палитра моды», ведь необходимо не просто добавить в сказку «местный колорит», нужно рассказать о местных традициях и ремёслах и показать их. Главную мысль, вокруг которой строится праздник, можно сформулировать следующим образом: «Великоустюгская земля – земля традиционной культуры и ремёсел». Примечательно, что в сценарии не фигурирует и практически не упоминается важнейший персонаж многих других праздников – Дед Мороз. Дело здесь не столько в летнем сезоне (это вовсе не помеха его появлению на различных мероприятиях, в том числе федерального уровня), сколько в необходимости показать Великий Устюг без Деда Мороза и доказать, что этот город имел свою самобытность и до появления в нём сказочного волшебника.

Рассмотрим, какие смысловые блоки – фреймы – служат составляющими частями для формирования у зрителя представления о Великом Устюге как о городе традиционной культуры и ремёсел.

Фрейм «Великий Устюг – город ярмарок»

В сценарии театрализованного мероприятия ярмарка – ключевое событие, основа для развития сюжета. Герои представления – парни и девушки – в середине лета отправляются в Город Мастеров, где проходит ярмарка «На Ярилу торг – на торгу толк». На этой ярмарке они вместе со зрителями знакомятся с традиционными ремёслами великоустюгской земли: кузнецким делом, северной чернью, финифтью, шемогодской резьбой, великоустюгской росписью.

Такая сюжетная основа логична и вполне понятна: крупные ярмарки в Великом Устюге были известны с XVII века. Хотя масштабность великоустюгских ярмарок не могла сравниться с Нижегородской или Ирбитской, торг действительно был большим даже по меркам крупных торговых центров XVII–XVIII веков. Традиционно ярмарка проводилась в день небесного покровителя Великого Устюга Прокопия Праведного, поэтому получила название Прокопьевской. XIX век – время расцвета Прокопьевской ярмарки, в Великий Устюг съезжались купцы из Вологды, Ярославля, Пензы, Казани, Москвы, Калуги, Вятки, Нижнего Новгорода, Костромы и других городов. «Выбор товаров на Прокопьевской ярмарке по тем временам был огромен. Больше всего привозили шерстяных, бумажных и шёлковых тканей, москательных (краски, клеи, технические масла и другие химические вещества), галантерейных, табачных изделий, опойковых и сырых кож, бакалейных и колониальных товаров. Значительным был и привоз хрустальной, фарфоровой и фаянсовой посуды, скобяных, медных и железных изделий, часов, золотых и серебряных вещей, готового платья. В гостином дворе, а также в лавках купчихи М.А. Курбатовой на Успенской улице в числе прочих товаров можно было купить русскую и иностранную литературу, географические карты, планы, глобусы, эстампы и т.д. Как правило, две трети привозных товаров находили на ярмарке своих покупателей» [Чебыкина 2004: 37–38]. В середине XIX века доходы города от ярмарки

составляли примерно десятую часть от общей суммы годового дохода. К началу XX века торговы обороты ярмарки существенно возросли: в 1903 году стоимость привезенных товаров составила 385 900 рублей, продано было на 234 300 рублей [Чебыкина 2004: 38].

Вызывает недоумение тот факт, что само словосочетание «Прокопьевская ярмарка» в постановке не упоминается, как не упоминается и сама эта реалия. Скорее всего, причиной тому является псевдодревнеславянская стилистика мероприятия с подчёркнутой языческой составляющей, достаточно вспомнить даже название постановочной ярмарки – «На Ярилу торг – на торгу толк» (о языческой направленности представления будет сказано ниже). Оставляя за скобками историко-культурные несоответствия, которые, может быть, не столь важны с точки зрения массовой культуры (нет достоверных сведений о ярмарках на Руси в дохристианскую эпоху, а в средневековье и позднее крупные торжища не могли быть приурочены к празднику Ярилы), необходимо заметить, что отнесение ярмарки к реальному прототипу – Прокопьевской – имело бы больший просветительский потенциал: турист смог бы ассоциировать с городом ещё одну важную историческую реалию.

С формированием данного фрейма тесно связан фрагмент постановки, когда герои с третьего раза при помощи зрителей и магических слов открывают ворота Города Мастеров. Их встречают девушки с хлебом-солью, угожают им вошедших под слова песни «Добро, добро пожаловать в Великий Устюг град» народного ансамбля «Горница». Песня выбрана не случайно: она демонстрирует гостеприимство древнего города, его открытость для самых разных людей во время ярмарки, а также проводит параллель в массовом сознании со столицей (*Наш город белокаменный историей богат*).

Фрейм «Великий Устюг – город кузнецкого ремесла»

Первое содержательно важное действие театрализованного представления носит название «Кузнец – всем ремёслам отец». В Городе Мастеров герои знакомятся с кузнецами и их ремеслом, а также с особенностями кузнецкого дела вологодской земли.

Великий Устюг с XVII до первой половины XIX века славился своим кузнецким делом, поэтому представление данного фрейма в рамках формирования знаний о Великом Устюге как о городе ремёсел является оправданным. К тому же великоустюгские кузнецы владели редкой художественной разновидностью этого ремесла – ковкой сундучных изделий. «Во второй половине, особенно в последней четверти, XVII века производство в Устюге сундучных изделий с металлической оковой получает значительное развитие. Окованные железом сундучные изделия не только удовлетворяли потребности местного населения, но и скупались на посаде для вывоза на другие рынки. За период с 1653 по 1680 г. в Устюге было закуплено (по неполным данным) 417 коробок, окованных железными «прутьями» с замками и без замков, для отправки их главным образом в Холмогоры и Ар-

хангельск. Кроме того, устюжские коробья, окованные железом, шли для продажи в восточном направлении – на Вятку и Вагу» [Мерзон, Тихонов 1960: 632].

Однако в ходе постановки выясняется, что речь собственно о великоустюгской художественной ковке не идёт, герои вместе со зрителями из реплик персонажей узнают о том, что кузнечное ремесло было распространено на территории всей нынешней Вологодской области: кузнец из Кириллова (реальный человек, а не персонаж), которому предстояло выявить самого умелого кузнеца, не справляется со своей задачей, так как сравнивать вологодских коллег нельзя, очень уж разные у них секреты мастерства: «*Кузнец из Устюжны желеznопольской самый скорый на руку. Из Череповца кузнец не любит спеха в труде. Вологодские во время ковки ведут беседы пламенные. И у всех, что ни работа, то шедевр кузнечный.*». Таким образом, зрители узнают об исторических центрах кузнечного дела на территории Вологодской области, но при этом об особенностях этого ремесла информации получают крайне мало. О художественной ковке Великого Устюга, сундуках, коробах, а также о типичных узорах изделий в представлении не говорится ничего.

Интересен образ кузнеца в представлении, а также способы его создания. В Городе Мастеров девушки Маланья и Болтунья обижаются на кузнецов за то, что они «*который день сидят у себя в кузне, носа не показывают... только молотами стучат, голова идет кругом*». Кузнецы – очень серьезные, занятые и неразговорчивые люди, не ходят с девушками на гуляния, не водят хороводы, не отвечают на озорные частушки, их очень тяжело выманить из кузни. Такая презентация представлений о кузнеце встраивается в систему традиционных стереотипов: живёт на краю деревни, физически очень силен, неразговорчив, знается с нечистью и т. п. Однако к середине эпизода становится ясно, что кузнецы, помимо всего перечисленного, – люди доброжелательные. Они дарят кованое сердце холостому зрителю со словами: «*Держи сердце кованое. По старинному преданию, обладатель его в скором времени вторую половинку найдёт. А там уж вместе жалуйте, закуем вашу любовь на веки вечные*». Иногда кузнецы способны даже на озорную шутку: например, один из них показывает своё изобретение – кованые лапти, которые поют всю правду о мыслях того человека, который их надел.

Особое внимание следует обратить на музыкальное сопровождение, при помощи которого формируется образ тех или иных персонажей, ведь театрализованное представление носит развлекательный характер и большую часть информации несут музыка, песни и стихи, которые слышат зрители. Образ кузнеца создаётся большим количеством самых разных музыкально-изобразительных средств, как фольклорных, так и авторских.

Так, например, начинается эпизод со звуков стука молотов о наковальню и русской народной песни «Во кузнице». Таким образом осуществляется подводка к началу действия в эпизоде, а зритель начинает понимать, что сейчас речь пойдет о кузнечном ремесле, ведь более хрестоматийного и

стереотипного музыкального сопровождения для сцены придумать трудно. Далее между девушкой и кузнецом происходит диалог, который представляет собой диалогизацию не менее хрестоматийного детского стихотворения С.Я. Маршака:

Болтуня: Эй, кузнец,
Молодец,
Захрамал мой жеребец.
Ты подкуй его опять.

Кузнец: Отчего не подковать!
Вот гвоздь,
Вот подкова.
Раз, два –
И готово!

Стихотворение часто помещается в учебных пособиях для детей младшего школьного возраста с целью их знакомства с профессиями. Физическая сила кузнецов подчёркивается мотивом русской народной песни «Дубинушка». Поэтому можно сказать, что эпизод строится по принципу «от стереотипных знаний к новым».

Однако в сценарии эпизода есть и интересные находки. Так, например, перед тем как предоставить слово реальному кузнецу персонажи читают зрителям фрагмент стихотворения бельгийского поэта-символиста Эмиля Верхарна «Кузнец»:

*Кузнец кует – и день за днём
У горна грохот, треск и грам...
Неумолимо и упорно
Под вскрик железа он бросает
В огонь пылающего горна
Печаль, тоску страданья, гнев, –
И закаляет
Грядущим днём великий сев.*

Данный фрагмент, безусловно, добавляет представлению драматический пафос, позволяет взглянуть по-новому на знакомую зрителям профессию, подчёркивает важность и даже экзистенциальную значимость ремесла. Однако в сценарии представления это символистское произведение следует сразу же за русской народной песней «Во кузнице», что создаёт некоторый стилистический и эмоциональный диссонанс. Интересно также и то, что реальный кузнец выходит на сцену под фонограмму песни «Кузнец, раздуй огонь в печи» в исполнении ансамбля «Казачий круг». Эта песня считается застольной песней кубанских казаков, поэтому её исполнение на празднике севернорусских ремёсел вызывает вопросы. По этой же при-

чине непонятна целесообразность включения в качестве музыкального фона ряда действий песни «Ковано» в исполнении ансамбля «Русская песня». На фонетическом уровне для исполнения этой песни характерно чуждое севернорусским говорам яканье:

*Ой, ковано, перековано коляско.
Ой ковано, перековано коляско.
Ой лина лина лина коляско.
Ой лина лина лина коляско.*

В заключение эпизода звучит фрагмент гимна Союза кузнецов России «Огонь, металл, с клемщами молот...» (музыка Н. Утяшева, слова Г. Возлинского), в котором подчёркивается в первую очередь служение кузнецов Отчизне и творческий характер труда кузнецов.

Особенно же необходимо отметить нарочито языческую составляющую образа кузнеца: на протяжении всего эпизода персонажи пытаются выбрать лучшего мастера, который станет Ярилой, «чтобы все промыслы берегать и народ веселить на ярмарке». В результате Ярилу выбирают при помощи действия, напоминающего языческий ритуал, под дружные крики зрителей: «*Колесо катись, Ярило покажись!*» Кульминацией эпизода является сцена облачения кузнеца в одежды Ярилы и величание его под песню «*Ты взойди, Ярило-батюшко!*» группы «Вече»:

*Ты взойди, Ярило-батюшко,
Да возрадуй землю-матушку!
Мы восславим бога славного.
Мы восславим солнце ярое.
Ты взойди, Ярило-батюшко!
Озари ты нивы хлебные.
Мы восславим бога славного.
Мы восславим солнце ярое.*

Действительно, языческие представления о кузничном ремесле имели на Руси глубокие корни, как, впрочем, и языческое мировоззрение в целом, однако целесообразность построения образа кузнеца на основе языческих атрибутов в современном театрализованном мероприятии о русских ремёслах вызывает большие сомнения.

Фрейм «Великий Устюг – родина северной черни»

Северная чернь является одним из самых узнаваемых ремёсел великоустюгской земли. Многие туристы слышали об изделиях из северной черни и видели их даже до приезда в Великий Устюг. Великий Устюг занимает в искусстве чернения по серебру ведущее место в России со второй половины XVII века, а наибольшего расцвета чернь по серебру достигает в XVIII

веке. Великоустюгское чернение по серебру всегда сильно отличалось от работ московских и петербургских мастеров: большой вес имеет сюжетная гравюра, рисунок насыщенный, с гораздо более густым цветом. Выполненный штрихами фон образует своего рода сетку, изображение часто дополняется резными или чеканными деталями [Северная чернь 2015]. Завод «Северная чернь» возник в 1933 году, начиная с 1936 года художественным руководителем его стал Е.П. Шильниковский, который сумел восстановить забытые традиции, а также сделал и ряд нововведений. Под руководством Шильниковского великоустюгская чернь достигает небывалых высот и получает международное признание – в 1937 году на всемирной выставке в Париже изделия были награждены Большой Серебряной медалью и дипломом [Северная чернь 2015].

Представляется, что с презентации именно этого фрейма, а не кузнецкого дела удобнее было бы по сюжету начать формирование представления о великоустюгской земле как о территории традиционных ремеслов и промыслов. Однако и второстепенное, казалось бы, место не снижает яркости впечатлений зрителя от данного эпизода в постановке.

Традиционное искусство северной черни олицетворяет собой девушка, которая появляется на сцене под мелодию гусляра в особом наряде: серебристо-серое платье с чёрным смоляным растительным орнаментом и головным убором в таком же стиле. Сцена также оформлена тканью, с орнаментом, характерным для северной черни, с серебряным фоном, чёрными узорами и завитками. Таким образом, уже на уровне костюма персонажа и оформления сцены зрители узнают, о каком искусстве сейчас пойдет речь.

Из реплик Девушки – северной черни зрители узнают следующую интересную информацию:

- 1) изделия из северной черни в основном представляют собой посуду;
- 2) из этой посуды ели цари и бояре;
- 3) несмотря на то, что северная чернь – это ювелирное искусство, изделия не очень дороги по сравнению с другой ювелирной продукцией;
- 4) Великий Устюг – столица ювелирного искусства с XVII века;
- 5) каждое изделие изготавливается вручную одним мастером от начала до конца;
- 6) существуют династии мастеров северной черни;
- 7) основные сюжеты изделий – пейзажи и архитектурные памятники.

Думается, что эта информация достаточна, познавательна, а самое главное – интересна именно для туриста, уже приобретшего или собирающегося приобрести изделие. Она помогает понять ценность изделия, как материальную, так и культурную. Дальше по сюжету постановки на сцене появляется известный великоустюгский мастер северной черни, который более подробно рассказывает о технологии этого искусства: «Чернь – это сплав серебра с медью, свинцом и серой. Размельченный в порошок состав втирается в бороздки нанесенного на серебряном предмете узора. При обжиге чернь прочно сплавляется с серебряной поверхностью, рождая неповторимый рисунок. Его мы дополнили гравировкой, чеканкой, золо-

чением, канфарением фона, то есть прочеканием специальным острым инструментом». Информация о том, как изготавливают изделия с чернью по серебру, интересна, однако очень насыщена и содержит термины, которые, впрочем, поясняются. Наверное, более удобным для восприятия этих сведений было бы использование средств наглядности, вкратце иллюстрирующих основные этапы работы мастера. В конце эпизода художник-ювелир демонстрирует изделия и спрашивает у зрителей, какого рисунка с фрагментом набережной Великого Устюга не хватает на серебряной ложке.

Данный фрейм формируется поэтапно, от стереотипа к новой информации. Эпизод сценария следует признать удачным по многим параметрам: полнота сведений о ремесле Великого Устюга, доступность и необходимость этих сведений для зрителя, красочность оформления, интерактивность.

Фрейм «Великоустюгская земля – родина шемогодской резьбы»

Резьба по берёсте – традиционный народный промысел, распространенный изначально не в самом Великом Устюге а в окрестностях – в деревнях по реке Шемоксе, притоку Северной Двины. Считается, что этот промысел возник в XVIII веке в деревне Курово-Наволок, а затем распространился по округе: во второй половине XIX века резьбой по берёсте занимались крестьяне в 14 деревнях Шемогодской волости. Временем расцвета прорезной берёсты, периодом становления и утверждения стиля шемогодской резьбы считается конец XVIII – первая половина XIX века. На берестяных шкатулках, тавлиниках, сундучках в обрамлении растительного орнамента изображались сцены из дворянской жизни, юмористические нравоучительные картинки, сказочные существа, повседневные крестьянские занятия.

В 1882 году на Всероссийской промышленной выставке и московской ярмарке изделия шемогодских мастеров были удостоены премии и почти целиком закуплены императорским двором. Наибольшей популярностью пользовались изделия династии Вепревых. В 1918 году центр промысла переместился в Великий Устюг. Современное производство сосредоточено на фабрике «Великоустюгские узоры» [Шемогодская резьба 2015].

Шемогодская резьба известна иногороднему туриstu гораздо меньше, чем, например, северная чернь, однако потенциал заинтересовать аудиторию у этого промысла также очень высокий. В театрализованной постановке делается акцент на внешнюю узнаваемость данных изделий и в меньшей мере – на технологию производства и историю возникновения и развития. Промысел снова олицетворяется при помощи персонажа девушки, одетой в коричневое платье с орнаментом резьбы и в головной убор с таким же узором. Оформление сцены также соответствует цветам и узорам резьбы: задник сцены драпируется коричневой тканью с ажурными прорезями.

Содержательно эпизод, посвящённый шемогодской резьбе, невелик и занимает немного времени. Девушка, олицетворяющая промысел, не произносит монолог, вместо этого на сцене появляется представитель династии резчиков по берёсте (в сценарии – Иван Вепрев) и на глазах у зрителей вырезает узоры на ширме-коробе больших размеров (узоры прорезаны заранее, поэтому мастер только надавливает на них резцом). В процессе резьбы художник в нескольких словах рассказывает о своей работе. Весь эпизод содержит следующую информацию об этом промысле:

- 1) шемогодская резьба возникла в деревне Курово-Наволок;
- 2) шемогодская резьба богата растительными мотивами: изображаются ветви и листья, к ним добавляются фоном геометрические фигуры;
- 3) рисунок имеет символическое значение, его нужно уметь расшифровать.

Думается, что информативность эпизода не достаточно высока для туриста: в постановке не говорится об истории ремесла, его ценности, интересных особенностях создания изделия, показывается лишь один узор.

Фрейм «Великий Устюг – родина самобытной росписи»

Первые упоминания о великоустюгской росписи по дереву относятся к XVII веку. Специалисты отмечают, что великоустюгская роспись неповторима и своеобразна, она отличается от других видов росписи своей изящностью, мягкостью цветовой гаммы. Её орнамент наполнен невиданными цветами, плавной растительностью. Цвета специфичны: используются в основном жёлтый, оранжевый, красный, зелёный. Сюжеты могут быть представлены на различные темы: сцены сражений, сказки, мифы. Современные художники изображают и бытовые сценки. В данной росписи распространены мифологические животные, которые по технике исполнения схожи с животными из других видов росписи. На сегодняшний день в Великом Устюге осталось лишь несколько мастеров, владеющих этим видом искусства и занимающихся в основном только изготовлением сувенирной продукции, поэтому, по мнению исследователей декоративно-прикладного искусства, великоустюгскую роспись необходимо активно изучать и вовлекать в неё молодых художников [Арбузова 2015].

В театрализованном представлении великоустюгская роспись по дереву представлена по тому же плану, что и предыдущие промыслы, однако сведения о ней, которые могут узнать туристы из театрализации, ещё более скучны. На сцену снова выходит персонаж, олицетворяющий промысел, в особом костюме – сером льняном платье с орнаментом великоустюгской росписи и головном уборе с таким же узором. Задник сцены снова меняется под цвет темы – серый с элементами росписи. Однако смысл выхода этого персонажа, кроме как визуальное представление узоров, не понятен: девушка произносит только три реплики, в одной из которых представляет выходящего на сцену мастера художественной росписи.

Мастер демонстрирует расписную прялку и поясняет зрителям некоторые особенности композиции великоустюгской росписи: «*Поле гребня прядки обычно отделяется затейливыми узорами растительного орнамента, который переплетается с изображениями разнообразных сиринов, див и других сказочных фольклорных образов. В общую композицию включаются забавные сюжеты сценки: гуляния, чаепития, народные пляски, охота и пр. Устюжские мастера отдают предпочтение красному цвету и пользуются тёртыми на яичном желтке иконными красками*». В этом небольшом монологе обращают на себя внимание слова ограниченного употребления: *сирины, дивы, орнамент*, – эти слова требуют пояснений, тем более что изображения мифологических персонажей в росписи всегда несут определённое значение, которое можно растолковать, лишь проникнув в сюжет самого мифа. Но самая главная ошибка эпизода, на наш взгляд, заключается в том, что зритель так и не узнает, в чём же состоит специфика великоустюгской росписи, в отличие от, например, широко известной холмской, филимоновской, абаевской и др. В результате у туриста, никогда не сталкивавшегося с великоустюгской росписью, может возникнуть впечатление подражательного, местечкового характера этого древнего промысла великоустюгской земли.

Фрейм «Великоустюгская земля – родина самобытной финифти»

Финифть представляет собой изготовление художественных произведений с помощью стекловидного порошка, эмали, на металлической подложке. С точки зрения возникновения этого вида декоративно-прикладного искусства финифть имеет косвенное отношение к Великому Устюгу. Так называемая вологодская, или усольская, финифть появилась в XVII веке в Сольвычегодске, который тогда входил в состав Вологодской губернии, и лишь позднее распространилась в Вологде и Великом Устюге. Однако именно в Великом Устюге проживало большое количество мастеров финифти, и здесь же в семидесятые годы двадцатого века началось её возрождение [Заплатина 2012]. Поэтому представляется правомерным и обоснованным включение данного фрейма в формирование представления о великоустюгской земле как о крае самобытных ремёсел и промыслов.

В театрализованном представлении девушка, олицетворяющая финифть, появляется в белоснежном платье с растительным орнаментом, выдержанном в голубой, синей, зелёной, чёрной, жёлтой гамме. Девушка говорит зрителям о том, что уникальность финифти в её долговечности, так как прошедшие через огонь краски долго не теряют яркость и блеск. Потомственный мастер финифти, выйдя на сцену, рассказывает зрителям о некоторых интересных особенностях технологии изготовления изделий: «*Процесс изготовления чрезвычайно сложный, трудоемкий. На поверхность золотых, серебряных и медных изделий выкладывается сканый узор, затем его припаивают и заполняют разноцветной эмалью. Работы устюжских мастеров отличает белый или золоченый фон и растительный*

орнамент с лилиями-кринами, выдержаный в голубой, синей, зелёной, чёрной, жёлтой гамме. Для оживления орнамента используются голубые кружочки, чёрные и жёлтые точки. Монолог, несмотря на свою краткость, насыщен и содержит информацию о том, чем отличаются великоустюгские изделия из финифти от изделий других мастеров. Однако здесь снова присутствует лексика, которая требует пояснений: *сканый узор, лилии-кринки*. В то же время об истории финифти, бытовании её на великоустюгской земле, других особенностях технологии ничего не говорится.

В целом в проанализированном театрализованном представлении образ Великого Устюга как города традиционных ремёсел и промыслов формируется посредством шести фреймов, последовательно представляющих различные аспекты севернорусской традиционной культуры. Обоснованность выбора именно этих фреймов не подвергается сомнению: все они так или иначе связаны с великоустюгской землей, традиционны и никак не обременены образом Деда Мороза. Вызывает вопросы порядок следования этих фреймов: представляется, что кузнечное ремесло имеет гораздо меньшую ассоциативную связь с Великим Устюгом, чем, например, северная чернь, поэтому при общем подходе от стереотипа к новому лучше было бы поместить этот фрейм ближе к концу сценария. Однако содержательная презентация фреймов может быть подвергнута критике, так как практически во всех случаях информация, предоставляемая зрителю-туристу, носит неполный характер, не отвечает на основные вопросы, которые могут возникнуть у человека, знакомящегося с севернорусской традиционной культурой. Так, например, в процессе формирования представления о Великом Устюге как о городе ярмарок ни слова не говорится о Прокопьевской ярмарке, её широте и известности до начала XX века. При презентации фрейма «Великий Устюг – город кузнечного ремесла» зрители ничего не узнают об интереснейшей художественной ковке местных мастеров. Эпизоды представления, посвящённые великоустюгской росписи, шемогодской резьбе по берёсте, финифти, слишком малы и однотипны, чтобы зритель узнал из них что-то новое или запомнил информацию. Только эпизод, рассказывающий о северной черни, можно назвать полноценно познавательным, интересным и увлекательным.

Средства презентации данных фреймов в основном однотипны, но, по всей видимости, действенны. Именно костюмы, традиционные цвета и узоры в оформлении сцены, а также народные и стилизованные под них авторские песни являются основным средством наглядности, они же создают атмосферу яркого праздника. Есть здесь, однако, и некоторые странности, связанные с псевдоязыческими мотивами, которые занимают большое место в сценарии мероприятия, их роль до конца не ясна, а их использование кажется излишним. К сожалению, дальше костюмного формата мероприятие не пошло: диалектные особенности, собственно севернорусский фольклор, народные обряды практически не отражены в представлении, что позволяет о говорить о том, что развлекательная составляющая всё-таки доминирует в подобного рода театрализованных представлениях.

над просветительской, а авторы сценариев в процессе создания мероприятий ориентируются на поверхностные стереотипы массовой культуры.

Литература

Арбузова А.Н. Великоустюжская роспись: традиции и современность // Концепт. 2015. № 18. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/75241.htm>. Дата обращения: 24.08.2015.

Заплатина Е. Вологодская финифть [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.livemaster.ru/topic/148449-vologodskaya-finift>. Дата обращения: 24.08.2015.

Итоги реализации проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» за 1998–2009 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://city-strategy.ru/upload/document/VelUstug_itogi

Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. – Новосибирск.: Наука, 1981. – 352 с.

«Макушку лета» отметят в Великом Устюге [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.internovosti.ru/text/?id=42243>. Дата обращения: 24.08.2015.

Мерzon А.У., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого. М., 1960. – 720 с.

О долгосрочной целевой программе «Великий Устюг – родина Деда Мороза» на 2011–2014 гг. Постановление Правительства Вологодской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/460300278>. Дата обращения: 24.08.2015.

Погодаева С.А. Языковые средства аргументации во французском туристическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2008. – 234 с.

Праздник русского лаптя // Туropератор СНП [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.snp ltd.ru/excursion_tours/velik_ustug/lapotok. Дата обращения: 24.08.2015.

Праздник русского лаптя в Великом Устюге // Турклуб «Пилигрим» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tkphiligrim.ru/index/0-944>. Дата обращения: 24.08.2015.

Северная чернь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sevchern.ru/about/history>. Дата обращения: 24.08.2015.

Филатова Н.В. Жанровое пространство туристического дискурса // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2012. – № 2. – С. 77–84.

Чебыкина Г.Н. Прокопьевская ярмарка (исторический очерк) // Великий Устюг: краеведческий альманах. Вып. 3. – Вологда: Русь, 2004. – С. 37–38.

Шемогодская резьба // Вологодский государственный музей-заповедник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vologdamuseum.ru/content?id=121>. Дата обращения: 24.08.2015.

Шмидько С.В. Традиционный праздник в Доме Деда Мороза. Литературный сценарий. Выпускная квалификационная работа. – СПб.: СПбГУКИ, 2015.

Список сокращений

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Название монографии «Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим» обязывает, с одной стороны, показать динамику развития вологодских говоров, их историческую перспективу, с другой же стороны, на основе анализа современных диалектных материалов дать некий прогноз на будущее.

Современное состояние вологодских говоров было показано на материале ранее не опубликованных записей живой диалектной речи, которые собирались в конце XX в. – начале XXI в. на территории Сямженского и Никольского районов Вологодской области усилиями студентов и преподавателей Вологодского государственного университета в ходе достаточно сложных в бытовом отношении, но познавательных диалектологических экспедиций, о чём свидетельствуют представленные в книге дневники. На основе анализа собранных записей было выполнено описание режского говора как этнокультурного феномена и речи никольчанки Н.Д. Шиловской как диалектной языковой личности.

Режский говор представляет собой классический пример реализации традиционной народной культуры в речевой практике микросоциальной группы. Несмотря на то, что этот говор исчезает, исследователям удалось зафиксировать его как целостную диалектную систему и тем самым сохранить его в русской культуре. «Прошлое» режского говора обнаруживается в изучаемых материалах обилием архаичных явлений в лексической и словообразовательной системе, восходящих к праславянскому периоду развития русского языка. Современный период развития режского говора можно обозначить следующими временными рамками: вторая половина XX в. – начало XXI в. Записи диалектной речи, относящиеся к этому времени, позволяют наблюдать системные отношения в говоре и отражают языковую картину мира жителей Режского поселения. Диалектные слова предметной тематики, пословицы, поговорки, фразеологизмы, микротопонимы, прозвища – всё многообразие лексического фонда режского говора свидетельствует о важности для менталитета режаков пространственных координат (например, реки Режи), традиций межличностных отношений внутри социума (например, выражения отношения к детям через номинации – характеристики детей) и духовно-нравственных категорий (общинности, стремления к истине, справедливости, ценности труда, самостоятельности, творческого начала, приветливости, самоотверженности и пр.). Этнолингвистическое описание говора обнаруживает в нём и разноплановые категории: так, одновременно подчёркивается православное мировоззрение жителей Режского поселения и факты, говорящие о поддерживаемых ими суеверных представлениях, что, впрочем, отражает двоеверие, в целом свойственное русской народной культуре.

Ещё одним примером анализа именно живой народной речи является построение речевого портрета жительницы Никольского района Вологодской области Нины Дмитриевны Шиловской как диалектной языковой личности. Не случайно это речевой портрет именно женщины Русского Севера, поскольку она является хранительницей традиционных духовных ценностей, носительницей диалектного языка и передаёт эти знания будущим поколениям. Мать, бабушка и прабабушка Н.Д. Шиловская вносит свою лепту в дело сохранения духовно-нравственных ценностей «деревенской» культуры Русского Севера как реализации русской национальной культуры.

Даже в современных неблагоприятных условиях угасания говоров как живых диалектных систем происходит сохранение традиционной народной речевой культуры в семейном индивидуально-личностном общении, что говорит о наличии будущего у диалектной речи и о том, что это будущее предложит свои способы культивирования русской народной речи.

В современном мире пути сохранения народной речевой культуры ограничиваются созданием корпусов диалектной речи той или иной территории, продолжением публикации общих и дифференциальных диалектных словарей, созданием словарей диалектной языковой личности и её монографического описания, изучением собственно коммуникативного уровня народной речи. Для актуализации образов народной культуры и их реализации в современном коммуникативном пространстве используется опыт создания этнографических деревень (например, архитектурно-этнографический музей в д. Семёново в Вологодской области). Таким образом, возможный путь сохранения русских народных говоров – всестороннее изучение и тщательная реставрация. Это единственная возможность сохранить не только материально-предметную и речевую форму народной культуры, но и её духовное, нравственное, смысловое содержание.

Помимо изучения живой диалектной речи в монографии исследовалась трансформация языка традиционной народной культуры в условиях изменения среды её существования: переход из свободной устной стихии диалекта в строгие рамки исторических памятников письменности, в детерминированную художественным видением писателя виртуальную реальность литературы, в объективную действительность диалектных словарей, в растиражированное эфемерное бытие текстов массовой коммуникации.

В результате изучения конкретных примеров переноса народной речи в не свойственные ей ранее жанры можно заключить, что духовная составляющая народной культуры в отрыве от исконной среды диалекта начинает размываться, возможно, под влиянием «городской» культуры, противопоставленной «деревенской». Наивысшую точку утраты смыслового содержания при сохранении формы мы можем наблюдать в различных видах массовой коммуникации, когда в рекламных или развлекательных целях путём стилизации формальных особенностей народно-поэтической и диа-

лективной речи создаются устные и письменные тексты псевдонародного (часто просторечного) характера.

Постмодернистские тенденции современной массовой культуры (коммерциализированность, потребительское отношение, массовое производство «универсального» продукта, развлекательность) определяют способы и формы представления традиционной народной культуры и её речевого выражения в массовой коммуникации, что приводит к тиражированию эрзаца, суррогата народной культуры, которым современный русский человек не может утолить духовный голод. В условиях кризиса современного российского общества традиционная народная культура может стать частью русской национальной идеи, но только тогда, когда она будет транслироваться на некоммерческой основе.